ИСТОРІЯ СѢВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

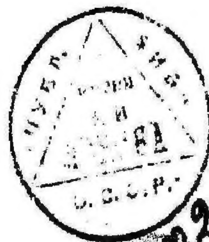
ДО ПОЛОВИНЫ XIV СТ.

Съ Картою и Рисунками.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

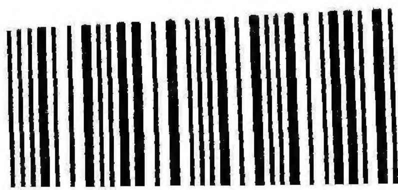
ДМИТРІЯ БАГАЛѢЯ.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи (I. I. Завадзскаго).
1882.

Оттискъ изъ университетскихъ извѣстій. 1882 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе. 1— 5

I-я глава. Географія и колонизація Сѣверской земли до второй половины XI в.

Характеръ страны. Древнѣйшія извѣстія о Сѣверянахъ. Неустойчивость границъ. Поселенія Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Колонизація Сѣверянъ на юго-востокъ и югъ. Тмутараканъ. Колонизація Радимичей и Вятичей въ земли Финновъ . . . . 5— 32

II-я глава. Сѣверская земля при первыхъ кіевскихъ князьяхъ.

Покореніе Олегомъ Сѣверянъ и Радимичей; участіе ихъ въ походѣ на Грековъ. Походъ Игоря на Табористанъ. Сѣверская земля при Ольгѣ. Походъ Святослава на Вятичей и Хозаръ; помощь Сѣверянъ Кіевлянамъ во время нападенія Печенѣговъ. Вторичное покореніе Вятичей Владиміромъ; возстаніе Радимичей; построеніе городовъ и легенда объ основаніи Переяславля. Мстиславъ Тмутараканскій; Лиственская битва; Мстиславъ—князь Сѣверской земли; связь Сѣверской земли съ Тмутараканью. . . . . 32— 52

III-я глава. Внутренній бытъ Сѣверской земли до второй половины XI вѣка.

Города и городища Сѣверской земли. Источники для опредѣленія погребальныхъ обрядовъ; погребальные обряды. Религія. Семейный бытъ. Культура. Общественный бытъ. Распространеніе христіанства . . . . 52—124

IV-я глава. Географія и колонизація Сѣверской земли отъ пол. XI до пол. XIII в

Границы Переяславскаго княжества; границы Черниговскаго княжества; вытѣсненіе сѣверянскаго населенія изъ юго-восточныхъ и южныхъ предѣловъ; колонизація на сѣверо-востокъ въ земли Финновъ; города Сѣверской земли . 124—160

стр.

V-я глава. Очеркъ внѣшней исторіи Сѣверской земли съ пол. XI в. до пол. XIII в.

Святославъ Ярославичъ въ Черниговѣ (1054—1076 г.); Всеволодъ Ярославичъ (1076—1078); Владиміръ Мономахъ (1078—1094); Олегъ Святославичъ (1094—1097); Давидъ Святославичъ (1097—1123); Ярославъ Святославичъ (1123—1128); Всеволодъ Ольговичъ (1128—1140); Владиміръ Давидовичъ (1140—1151); Изяславъ Давидовичъ (1151—1158); Святославъ Ольговичъ (1158—1164); Святославъ Всеволодовичъ (1164—1178); Ярославъ Всеволодовичъ (1178—1198); Игорь Святославичъ (1198—1202); Всеволодъ Святославичъ (1202—1210); Рюрикъ Ростиславичъ (1210—1215); Глѣбъ Святославичъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Мстиславъ Глѣбовичъ, Ростиславъ Михайловичъ (1215—1245). . . . . 160—268

VI-я глава. Очеркъ внутренней исторіи Сѣверской земли съ пол. XI до пол. XIII в.

Князь; вѣче. Іерархія; церкви и монастыри. Промыслы и занятія; монетная система. Литтературные памятники. . . . . 268—301

VII-я глава. Сѣверская земля отъ Татарскаго нашествія до паденія ея самостоятельности (отъ пол. XIII до пол. XIV в.)

Княжеская власть; общины; возвышеніе Брянска; подпаденіе подъ власть Литвы. 301—310

Изъ книгъ
А. Д. Карпъева.

ИСТОРІЯ СѢВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ ДО ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛ.

Чѣмъ глубже рыться, тѣмъ лучше руда; свѣту требуется какъ можно болѣе: здѣсь еще довольно темно.

Изъ рецензіи Миллера на Шлецерова „Нестора".

Введеніе.

Изученіе удѣльнаго періода русской исторіи затруднялось господствовавшимъ до сихъ поръ методомъ изложенія. Карамзинъ, напримѣръ, основываясь на преемственности велико-княжеской власти въ кіевскій (до смерти Ярослава Мудраго) и затѣмъ въ московскій періодъ, старается и въ переходную эпоху (отъ полов. XI до полов. XIV в.) разсматривать Русь, какъ единое государство подъ властью одного великаго князя. Но Русь удѣльнаго періода не представляла изъ себя одного политическаго цѣлаго; она раздробилась на множество областей, связанныхъ главнымъ образомъ единствомъ княжеской семьи, но достигавшихъ значительной или даже полной автономіи (напримѣръ, Новгородъ).

Взамѣнъ государственной теоріи Карамзина явилась теорія родоваго быта Соловьева. Но и эта теорія не уяснила намъ удѣльнаго періода: вмѣсто того, чтобы изслѣдовать отдѣльно исторію каждаго княжества, послѣдователи этой теоріи, держась искусственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, путаются во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и вслѣдствіе этого не замѣчаютъ даже очень важныхъ событій областной жизни; не говоримъ уже о томъ, что родовые счеты князей есть только одинъ изъ факторовъ удѣльно-вѣчеваго строя; при выборѣ князя значительную роль играютъ вѣча, которыя, конечно, никогда не справляются съ генеалогическими счетами.

Явилась теорія областная—федеративная. Каждое русско-славянское племя, съ точки зрѣнія этой теоріи, представляло изъ себя этнографическую единицу; племена вмѣстѣ съ тѣмъ были княжествами: у Древлянъ были свои родовые князья съ Маломъ во главѣ; въ Полоцкѣ былъ туземный князь Рогволодъ; у Вятичей—Ходота; наконецъ, въ Болоховской землѣ были свои болоховскіе князья. Первоначально всѣ племена пользовались автономіей и составляли изъ себя федерацію; потомъ они подчинились кіевскимъ князьямъ, хотя и не на одинаковыхъ условіяхъ. Кіевскіе князья не были въ состояніи заглушить племенные инстинкты. Стремленіе племенъ врозь, имѣвшее уже мѣсто до смерти Ярослава, съ особенною силою проявилось послѣ его смерти, найдя себѣ благопріятную почву въ многочисленности княжеской семьи. Всякая область стремится теперь имѣть свою собственную княжескую вѣтвь и ею одною ограничить родовые счеты. Зависимость отъ кіевскаго князя дѣлается все меньше и меньше. Вмѣсто великокняжескаго стола въ Кіевѣ являются свои великокняжескіе столы въ Черниговѣ, Владимірѣ, Галичѣ и т. д. Какъ-бы нѣкоторою хронологическою гранью служитъ въ этомъ отношеніи Любецкій съѣздъ (1097 г.). До Любецкаго съѣзда кіевскій князь попрежнему является еще de facto великимъ княземъ; существуетъ до нѣкоторой степени лѣствичное восхожденіе. На Любецкомъ съѣздѣ порѣшили, чтобы каждый владѣлъ своею отчиною; каждая область получила свою княжескую отрасль; власть кіевскаго князя нѣкоторое время (до разграбленія Кіева Анд. Бог.) признавалась еще нравственно, но за тѣмъ княжества обособляются еще болѣе; Кіевскій столъ теряетъ даже номинальное первенство; почти въ каждомъ княжествѣ является свой великокняжескій столъ; прежнія „земли“—области распадаются на цѣлые десятки очень маленькихъ княжествъ, потому что семья княжеская разростается до чрезмѣрной степени, и прежніе пригороды обращаются въ города.

До настоящаго времени мы имѣемъ уже значительное количество областныхъ монографій: по исторіи Новгорода и Пскова—монографіи Костомарова, Бѣляева и Никитскаго; по исторіи Ростовскаго княжества—Корсакова, по исторіи Рязанскаго—Иловайскаго, по исторіи Тверскаго—Борзаковскаго, по исторіи Галицко-Володимірскаго—Зубрицкаго, Шаранѣвича, Смирнова и Дашкевича.

Источники для исторіи Сѣверской земли не особенно многочисленны. Мѣстной Сѣверской лѣтописи нѣтъ; приходится выбирать свѣдѣнія

изъ другихъ лѣтописей: Кіевской, Галицкой, гдѣ, конечно, о событіяхъ въ Сѣверской землѣ говорится между прочимъ, при случаѣ. Исключеніе составляютъ только два очень обширныхъ разсказа: о мученической смерти князя Михаила Черниговскаго и о Курскомъ княжествѣ въ татарскую эпоху, помѣщенныхъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (Ник. и Воск.). Другимъ важнѣйшимъ источникомъ служили извѣстія арабскихъ писателей, особенно въ вопросѣ о торговлѣ, погребальныхъ обрядахъ и колонизаціи; нѣкоторыя, хотя и незначительныя, данныя доставляютъ византійскіе писатели.

Весьма цѣнный матеріалъ представляютъ курганныя раскопки въ Черниговской и Курской губерніяхъ (главнымъ образомъ Г. Самоквасова), которыя прекрасно пополняются и поясняются арабскими писателями; подвергались изслѣдованію, хотя и не особенно тщательному, также городища, разсѣянныя по всей Черниговской губерніи; нѣкоторые памятники старины сохранились и доселѣ, какъ, напримѣръ, церкви въ Черниговѣ, ведущія свое начало отъ домонгольской эпохи. Существуетъ, наконецъ, хотя и въ ничтожномъ количествѣ, современный этнографическій матеріалъ, разбросанный въ пам. книжкахъ, губ. и епарх. вѣдомостяхъ, трудахъ стат. комитета и пр.

Источники и пособія:

1. Лѣтописи: Ипатьевская, Лаврентьевская, Переяславля-Суздальскаго, Воскресенская, Никоновская и Софійская.

2. Текстъ „Слово о полку Игоревѣ“ Тихонравова.

3. Патерикъ Печерскій.

4. Путешествіе игумена Даніила по св. землѣ въ началѣ XII в. А. С. Норова.

5. Гаркави. Сказ. мус. пис. о Славянахъ и Руссахъ.

6. Изборникъ В. К. Святослава Ярославича 1073 г. Иждивеніемъ члена учредителя общества любителей др. письм. Т. С. Морозова.

7. Хвольсона. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста.

8. Куника и Розена. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ.

9. Барсова. Географія начальной лѣтописи.

10. Барсова. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи.

11. Бѣляевъ. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси.

12. Рецензія Майкова на соч. Барсова „Геогр. нач. лѣтописи“.

13. Списки населенныхъ мѣстъ (Черниговская и Курская губ.).

14. Домонтовича. Черниговская губ. (матер. для геогр. и стат. Россіи, собр. офицер. ген. штаба).

15. Спасскаго. Книга глаголемая большой чертежъ.

16. Шафонскаго. Черниговскаго намѣстничества топограф. описаніе.

17. Арендаренка. Записки о Полтавской губ.

18. Атласы истор.; a) Замысловскаго, b) Павлищева и c) Ахматова.

19. „Карта Европ. Россіи“ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба.

20. Ходаковскаго. Истор. система.

21. Ходаковскаго. Пути сообщенія въ древней Россіи.

22. Погодина. Изслѣд. зам. лекціи, 7 томовъ.

23. Мусина-Пушкина. О мѣстоположеніи древней Тмутаракани.

24. Ламбина. О Тмутараканской Руси.

25. Гедеонова. Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ.

26. Бѣляева. Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика.

27. Аристова. О землѣ Половецкой.

28. Дмитрюкова. Городища и курганы въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ.

29. Самоквасова. Древніе города Россіи.

30. Самоквасова. Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи.

31. Котляревскаго. Погребальные обычаи языческихъ Славянъ.

32. Савельева. Мухамеданская нумизматика.

33. Арх. Леонида. Изслѣдованіе о древней области Вятичей.

34. Милорадовича. Любечъ, родина препод. Антонія печерскаго.

35. Маркевича. Черниговъ. Истор. и стат. описаніе Чернигова (1852 г.).

36. Домбровскаго. Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время.

37. Филарета. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи 7 т.

38. Родословная книга.

39. Соотвѣтственные томы: Татищева „Истор. Россійская“, Карамзина „Ист. Гос. Рос.“, Арцыб. „Повѣств. о Россіи“, Погодина „Древняя Русская Исторія домонгольскаго ига“, Соловьева „Исторія Россіи“, Иловайскаго „Розысканія о началѣ Руси“ и „Исторія Россіи“.

40. Иловайскаго „Исторія Рязанскаго княжества“, Корсакова, „Меря и Ростовское княжество“, Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“, Дашкевича „Болоховская земля“, Антоновича „Ист. вел. кн. Литовскаго“.

I-я ГЛАВА.

Географія и колонизація Сѣверской земли до второй половины XI в.

Характеръ страны. Древнѣйшія извѣстія о Сѣверянахъ. Неустойчивость границъ. Поселенія Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Колонизація Сѣверянъ на юго-востокъ и югъ. Тмутаракань. Колонизація Радимичей и Вятичей въ земли Финновъ.

Въ составъ Сѣверской земли вошли земли Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, обнимавшія бассейнъ Десны, Сулы, Сожи и нижней Оки. Всю площадь Сѣверской земли вообще можно признать за равнину, пересѣченную въ разныхъ направленіяхъ рядомъ холмовъ и возвышенностей, нигдѣ не имѣющихъ характера горъ, мѣстами видоизмѣненную болотами и низменностями, мѣстами-же изрѣзанную глубокими оврагами и долинами рѣкъ, нерѣдко окаймленныхъ нагорными живописными берегами; чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ эта равнина низменнѣе, а на сѣверо-востокѣ она постепенно поднимается и незамѣтно переходитъ въ Алаунскую возвышенность, которая даетъ начало главнѣйшимъ рѣкамъ края. Тутъ возвышенная, покрытая дремучими лѣсами мѣстность пересѣкается глубокими и овражистыми долинами рѣкъ: Оки, Угры и Жиздры и множествомъ ложбинъ ихъ главныхъ притоковъ; кромѣ того она перерѣзана значительными оврагами, образовавшимися отъ стока дождевой и снѣжной воды; овраги эти по мѣрѣ приближенія къ рѣкамъ, становятся шире и глубже. Южная часть этой равнины—Посулье уже носитъ степной характеръ, а Посожье по характеру своему вполнѣ напоминаетъ Припятское полѣсье. Ядромъ Сѣверской земли служитъ бассейнъ Десны съ ея притоками. Рѣками:

Сеймомъ и Десною онъ раздѣляется на три разнохарактерныя части: западную, южную и восточную. Западная равнина или Задесенье характеризуется лѣсными пространствами, покрывающими ея третью часть. Сплошными массами лѣсныя заросли группируются здѣсь по лѣвому берегу Днѣпра въ Остерскомъ уѣздѣ, а также широкою полосою тянутся съ запада на востокъ берегами р. Снови, Ирванца и Узруя до Десны; отъ этихъ лѣсовъ и вся мѣстность называется *Полѣсьемъ*. Сѣверная часть равнины этой суха, средняя-же и южная покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ, болотами. Особенно болотиста лѣвая сторона р. Днѣпра. Здѣсь болотисто—лѣсистая мѣстность, при значительной ширинѣ, тянется отъ устья р. Сожи до устья р. Десны на протяженіи болѣе 100 верстъ. Встрѣчающіяся въ Задесеньи возвышенности весьма отлоги, почти не замѣтны, исключая мѣстами обрывистыхъ береговъ рр. Ипути, Снови, Судости и въ особенности праваго берега Десны. Господствующая почва въ этой полосѣ—мелкій суглинокъ и супесокъ, и только мѣстами встрѣчается песчаный черноземъ; попадаются иногда, какъ напримѣръ, по берегу Днѣпра въ нынѣшнихъ Остерскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, песчаныя пространства на протяженіи 100 верстъ.

Совершенно иной характеръ носитъ южная равнина, находящаяся на лѣвомъ берегу рр. Десны и Сейма, обыкновенно называемая степью, окруженная рр. Сеймомъ, Десною и Днѣпромъ. Только въ сѣверной и юго-западной ея части встрѣчаются мѣстами лѣсные участки, все-же остальное пространство представляетъ однообразную, почти открытую равнину, на которой только изрѣдка встрѣчаются небольшія заросли да рядъ кургановъ—*могилокъ*. Равнина эта пересѣчена множествомъ болотистыхъ рѣчекъ и болотъ. Особенно болотиста западная ея часть, гдѣ р. Остеръ, при впаденіи своемъ въ Десну, представляетъ значительную низменность со множествомъ озеръ и заливовъ. Въ сухое лѣто болота эти почти всѣ пересыхаютъ; въ ненастное-же время какъ болота, такъ и мокрые луга—*броды* покрываются водою, и сообщеніе почти совсѣмъ прерывается. Почва этой полосы большею частью черноземная.

Восточная равнина, ограничиваемая рр. Десною, Сеймомъ и Клевенью, открыта въ серединѣ и лѣсиста по окраинамъ, вездѣ почти ровна и только на правомъ берегу рр. Клевени и Сейма перерѣзана множествомъ довольно глубокихъ овраговъ. Мѣстность большею частью

сухая, болотъ мало, да и тѣ встрѣчаются только по берегамъ рѣкъ. Почва земли въ сѣверной части песчаная, а въ южной черноземная, исключая праваго побережья рр. Сейма и Клевени, гдѣ грунтъ земли глинистый.

О первоначальныхъ жилищахъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Русская лѣтопись первоначальнымъ жилищемъ Сѣверянъ признаетъ Дунай [1]). Всѣ изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, соглашались, что лѣтописецъ не могъ имѣть точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій объ этомъ событіи, но нѣкоторые доказывали, что лѣтописное извѣстіе о переселеніи Славянъ съ Дуная есть народное преданіе и потому должно заключать въ себѣ зерно исторической истины. Такъ именно смотрятъ на него Шафарикъ, Сухомлиновъ, Срезневскій, Костомаровъ. Шафарикъ впрочемъ старался обосновать его на болѣе фактическихъ данныхъ. Онъ доказываетъ, что по греческимъ и римскимъ писателямъ Галлы дѣйствительно вооруженною рукою вторглись въ Иллирикъ, Панонію и остальныя подунайскія земли между 350—336 г. до Р. Х. и обитавшихъ тамъ народовъ частью истребили, частью обратили въ услуженіе и рабство себѣ, продали, частью-же прогнали, вытѣснили и навсегда удалили; и потому можно думать, говоритъ Шафарикъ, что народное преданіе, сохранившееся даже до Нестора, основывалось на истинномъ событіи [2]).

Брунъ въ своей статьѣ „О родствѣ Готовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами" возражаетъ противъ мнѣнія Шафарика, что Несторъ подъ Влахами разумѣлъ Галловъ, которые въ IV вѣкѣ до Р. Х. дѣлали нападенія на подунайскихъ Славянъ; онъ доказываетъ, что извѣстіе русской лѣтописи имѣетъ въ виду войны Римлянъ, во время Траяна, съ Даками [3]).

---

[1]) Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайские и сѣдшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ, Словѣне-же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляховѣ...... Такоже и тѣ-же Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и наркошася Поляне...... а друзии-же сѣдоша па Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и наркошася Сѣвера. Ип. лѣт. стр. 4.

[2]) Шафарикъ. Слав. Древ., 2-е изд. т. I, кн. 1-я стр. 405.

[3]) Черноморье Бруна. Часть 1-я, стр. 265—266. 1) Нѣмцы въ настоящее время, говоритъ Брунъ, не Французовъ, но Итальянцевъ назы-

Гг. Гедеоновъ, Куникъ и отчасти Иловайскій думаютъ, что составитель первоначальной лѣтописи былъ склоненъ къ систематизаціи. „Въ Несторѣ, говоритъ Гедеоновъ, должно отличать двѣ индивидуальности: лѣтописца и писателя. Какъ писатель, Несторъ прежде всего ученикъ Византійцевъ и ихъ болгарскихъ учениковъ. Изъ народныхъ преданій, сохранившихся въ пѣсняхъ и былинахъ древнихъ Славянъ, выбралъ онъ свою исторію переселенія славянскихъ племенъ, очистивъ ее предварительно отъ всѣхъ миѳологическихъ легендъ и намековъ, связавъ ее по византійски съ библейскимъ преданіемъ о столпокрушеніи; подвигъ благочестія и разумности, которому радоваться мы не можемъ, но который обличаетъ въ авторѣ критическую сообразительность [1]).....“ Еще опредѣленнѣе высказывается г. Куникъ. „Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ онъ, въ полномъ блескѣ высказывается у Нестора охота систематизировать, хотя она, быть можетъ, навѣяна на него со стороны. Какіе рѣзкіе анахронизмы допускаетъ онъ здѣсь со всею наивностью. Откуда взялъ онъ свое извѣстіе объ изгнаніи Славянъ съ Дуная Волохами? Допуская въ основаніи этого извѣстія дѣйствительно народное преданіе, его нельзя-бы было относить къ древнему, хронологически едвали опредѣлимому, переселенію Славянъ (и ихъ близкихъ сродниковъ—Пруссовъ, Литовцевъ и Латышей) изъ Азіи на сѣверъ Европы: по высшей мѣрѣ въ этомъ преданіи можно было-бы признать слѣды воспоминанія объ оттѣсненіи на сѣверъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ выдвинувшимися къ югу (Ѳракійскими) Даками и Дакорома-

---

ваютъ Вельшами, потому что предки ихъ подъ именемъ walach, wälsche, чужестранцы, разумѣли обитателей всѣхъ покоренныхъ ими римскихъ провинцій, а не одной только Галліи. 2) Англосаксонскіе монахи по сей именно причинѣ жителей Франціи называли: „Gal—walas“, antiquo vocabulo quasi Gallos Romanos. 3) Славяне, познакомившіеся съ Римлянами при посредствѣ Германцевъ и называющіе нынѣ не Французовъ, но Итальянцевъ Волохами или Влахами, приняли сіе имя отъ Нѣмцевъ еще до времени Нестора и за тѣмъ уже имъ стали также означать народъ, который самъ себя называетъ Румынскимъ, т. е. Римскимъ и говоритъ языкомъ, гораздо ближе подходящимъ къ итальянскому, чѣмъ къ какому нибудь другому языку, не исключая древне-кельтскаго.

[1]) Гедеонова. Отрывки изъ изслѣд. о Варяжскомъ вопросѣ въ Зап. Имп. Ак. Наукъ. 1862 г. т. I, кн. 2-я, стр. 48.

нами со временъ Траяна. Завоеваніе Дакіи Римлянами должно было произвести въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ движеніе народовъ и долго могло-бы оставаться хотя въ темномъ воспоминаніи у Славянъ. Но теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойдти на сѣверо-востокѣ Европы задолго до Трояна [1])"... Отрицая возможность выводить сказаніе о Волохахъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная, изъ народнаго преданія, г. Куникъ допускаетъ, что „до Нестора могло дойти *ученое мнѣніе*, происшедшее изъ примѣненій извѣстій классическихъ писателей къ Славянамъ [2])".

И такъ фактъ выселенія Сѣверянъ изъ Дуная является по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Но опредѣлить давность пребыванія ихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра также довольно трудно. Несомнѣннымъ является только свидѣтельство первоначальной лѣтописи, которая помѣщаетъ ихъ въ IX в. на Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ; тогда-же мы видимъ у нихъ городъ Любечъ; въ Олеговомъ договорѣ на Сѣверянскіе города: Черниговъ, Переяславль и Любечъ, берутся „уклады"; они ведутъ обширнѣйшую послѣ Кіева торговлю съ Царьградомъ; слѣдовательно происхожденія они должны были быть очень древняго. Можетъ быть, Гвидонъ Равенскій имѣетъ въ виду Сѣверянъ, когда говоритъ, что возлѣ моря есть страна, занимаемая Роксоланами, *Сварикамц* и Савроматами [3]). Къ этому-же времени относится извѣстіе географа Баварскаго, который въ числѣ прочихъ племенъ упоминаетъ Свирянъ—

---

[1]) Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. М. Погодина—замѣчанія А. Куника, стр. 54—55.

[2]) Ibidem, стр. 56.

[3]) Item juxta oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, *Suaricum*, Sauromatum. Per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in Oceano mergitur et fluvius, qui nominatur Lutta. De qua patria enarravit supra scriptus rex Ptolomeus et philosophus. Cujus patriae post terga, infra Oceanum, supra scripta insula Seanza invenitur. Шаф. Слав. Др. т. II, кн. 3, стр. 57. Гвидонъ Равенскій, составившій хорографію въ 5 книгахъ, жилъ около 886 г., а можетъ быть, нѣсколько прежде; впрочемъ подлинное его сочиненіе къ намъ не дошло, а только одно бѣдное извлеченіе, сдѣланное изъ него неизвѣстнымъ.

Сѣверянъ (?) и говоритъ, что у нихъ было 325 поселеній [1]). Птоломей помѣщаетъ за Татрами въ Сарматіи Саваровъ [2]), а Певтингерова карта въ окрестностяхъ Дона—край Saurica [3]).

Ясное дѣло, что эти отрывочныя извѣстія греческихъ и римскихъ писателей, взятыя отдѣльно, не имѣютъ никакого значенія, ибо до такой степени кратки, что по нимъ нельзя даже опредѣлить жилищъ того народа, о которомъ они говорятъ; но взятыя вмѣстѣ и поставленныя въ связь съ извѣстіемъ первоначальной лѣтописи, они имѣютъ нѣкоторое значеніе; особенную важность получаетъ въ нашихъ глазахъ страна Saurica—въ окрестностяхъ Дона, потому что и арабскіе писатели также говорятъ о многочисленномъ населеніи въ Хозаріи.

Радимичей и Вятичей первоначальная лѣтопись выводитъ изъ Польши [4]) и родоначальниками ихъ называетъ двухъ родныхъ братьевъ; но это—домыселъ лѣтописца, явившійся вслѣдствіе желанія объяснить тѣсную связь между этими двумя племенами, тѣмъ болѣе, что обычай, практика давно уже установили производство именъ родоначальниковъ отъ племенныхъ названій: отъ Радимичей—Радимъ, отъ Кіева—Кій, отъ Roma—Romulus, отъ Вятичей—Вятокъ и т. д.

Постараемся теперь опредѣлить мѣстность, занятую Сѣверянами, Радимичами и Вятичами. Эта мѣстность не представляла какихъ нибудь

---

[1]) Zuireani habent civitates CCCXXV. Busani habent CCXXXI (Шаф., Слав. Древн., т. II, кн. 3, стр. 70). Думаютъ, что составитель Мюнхенской рукописи, въ которой помѣщенъ этотъ географическій отрывокъ, жилъ и писалъ отъ 888—890 г.

[2]) Εἶτα Κάρβωνες αρκτικώτατοι ὧν ἀνατολικώτερον Καρεῶται καὶ Σάλοι, ὑφ᾽ οὓς Ἀγάθυρσοι; εἶτα Ἀόρσοι καὶ Παγυρῖται, ὑφ᾽ οὓς Σαυαροι καὶ Βοροῦσκοι μέχρι τῶν Ῥιπαίων ὀρέων. (Шаф. Слав. Древ. т. II, кн. 3, стр. 16—17). Карвоновъ (Κάρβωνες) Шафарикъ считаетъ Кривитами. Извѣстія Птоломея относятся ко второй половинѣ II вѣка по Р. Х.

[3]) Katancsich. Orbis antiquus т. I. Эта римская карта въ нынѣшнемъ своемъ видѣ представляетъ списокъ; иные изслѣдователи составленіе ея относятъ ко II, иные III, а иные V вѣку; см. Шаф. Слав. Др. т. I, стр. 209—210, 2-е изд.

[4]) „Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другый Вятокъ, и пришедша сѣдоста, Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, отъ него прозвашася Вятичи". Ип. лѣт. стр. 7.

постоянныхъ предѣловъ: они измѣнялись то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ; а измѣняться имъ было очень удобно, потому что естественная граница въ Сѣверской землѣ была только одна западная, именно рѣка Днѣпръ.

Къ этому присоединилось еще особенное обстоятельство, которое тоже вліяло въ этомъ отношеніи очень невыгодно; я говорю о сосѣдяхъ степнякахъ, которые безпрерывно, одни вслѣдъ за другими, приходили въ южную Русь, занимали огромныя степныя пространства и не позволяли (въ силу своего кочеваго быта) установиться въ ней какой нибудь опредѣленной границѣ. Съ тѣхъ поръ какъ помнитъ себя южная Русь, можетъ она назвать то Печенѣговъ, то Торковъ и Берендѣевъ, то Татаръ, которые ей мѣшали свободно развиваться тѣмъ путемъ, какимъ шли другія славянорусскія вѣтви. Такимъ образомъ становится вполнѣ понятнымъ, почему дѣятельность Сѣверянъ, равно какъ и ихъ сосѣдей Радимичей и Вятичей по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей была ничтожною въ сравненіи съ дѣятельностью другихъ славянскихъ племенъ. Мы не будемъ поэтому удивляться, если увидимъ, какъ инородцы занимаютъ мѣста, раньше занятыя Сѣверянами въ ихъ мирномъ наступательномъ движеніи впередъ; понятна, напримѣръ, намъ станетъ потеря Тмутаракани, отрѣзанной и потомъ, если можно такъ сказать, затертой кочевниками. Конечно, вслѣдствіе постоянной смѣны населенія на порубежныхъ земляхъ старая географическая номенклатура не могла сохраниться въ такой мѣрѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ и такимъ образомъ опредѣлить границы по уцѣлѣвшимъ старымъ географическимъ названіямъ представляется почти невозможнымъ.

Къ вышеуказаннымъ трудностямъ для опредѣленія границъ Сѣверской земли присоединяется еще новая, едвали не такая-же важная, какъ прежняя. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ Сѣверской лѣтописи, можетъ быть, потому, что ея вовсе не было, а вѣрнѣе потому, что она утеряна; начальная-же лѣтопись, хотя повидимому и носитъ на себѣ характеръ извѣстной общности, служа какъ-бы признакомъ объединенія Русской земли, тѣмъ не менѣе въ ней главнымъ образомъ обращено вниманіе на кіевскія событія; и это понятно: авторъ ея былъ кіевлянинъ и потому естественно зналъ ихъ лучше всѣхъ остальныхъ; о событіяхъ въ другихъ земляхъ онъ говоритъ въ общихъ чертахъ, при случаѣ; затѣмъ различныя мѣстныя лѣтописи (новгородскія, псков

скія, суздальскія и т. д.) заняты разсказами о своихъ дѣлахъ и почти не касаются Сѣверской земли. Значительную только услугу оказываетъ позднѣйшіе лѣтописные своды (Воскресенскій, Никоновскій), въ которыхъ можно встрѣтить вставки изъ всевозможныхъ и даже не дошедшихъ до насъ лѣтописей. Понятно, что о географіи страны въ лѣтописи мы еще меньше найдемъ свѣдѣній, чѣмъ объ ея исторіи.

Таковы затрудненія при изученіи границъ Сѣверской земли. Постараемся однако, пользуясь лѣтописными извѣстіями съ одной стороны и географической номенклатурой съ другой, опредѣлить, хотя приблизительно, мѣстность, занятую этими племенами въ періодъ времени отъ IX в. до смерти Ярослава. Причина, почему мы беремъ промежутокъ времени до смерти Ярослава, заключается въ томъ, что съ преемниковъ Ярослава, т. е. съ 1054 года удѣлъ Святослава Ярославича обособляется въ его родѣ и начинаетъ жить самостоятельною жизнью.

Относительно мѣста жительства Сѣверянъ во всѣхъ лѣтописяхъ мы находимъ такое извѣстіе: „а друзіи же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и наркошася Сѣвера“. Такимъ образомъ Сѣверяне должны были занимать бассейнъ Десны, притока ея—Сейма и притока Днѣпра—Сулы. На западѣ Сѣверяне граничили съ Полянами; на сѣверо-западѣ, между Припетью и Днѣпромъ—съ Кривичами; на сѣверѣ—съ Радимичами, жившими по р. Сожѣ, притоку Днѣпра; на сѣверо-востокѣ—съ Вятичами, жившими по верховьямъ р. Оки; на юго-востокѣ и югѣ—съ различными степняками. Обозначимъ теперь подробнѣе рубежи Сѣверянъ съ ихъ сосѣдями. Постояннымъ рубежомъ Сѣверянъ съ Полянами былъ Днѣпръ; это яснѣе всего можно видѣть изъ лѣтописнаго разсказа о борьбѣ Ярослава съ его братомъ Мстиславомъ. „Сѣди ты на столѣ своемь Кыевѣ, понеже ты еси старѣиш братъ, а мнѣ буди ся сторона [1])“—говоритъ Мстиславъ Ярославу. Рубежомъ съ Кривичами г. Барсовъ считаетъ р. Брягинку, впадающую въ Днѣпръ съ правой стороны между Припетью и Сожью, основываясь на томъ, что тамъ лежатъ селенія *Сѣвки*, *Сутава*, *Кривецъ*, и *Вышомежъ*. Такое предположеніе представляется довольно вѣроятнымъ; но не нужно забывать, что мы имѣемъ естественную границу, именно Днѣпръ, ко-

---

[1]) Ип. лѣт. стр. 104.

торый, по всей вѣроятности, и отдѣлялъ Сѣверянъ отъ Кривичей; впослѣдствіи-же, можетъ быть, сѣверянскія поселенія перешли и на правый берегъ Днѣпра; подтвержденіемъ этого можетъ служить аналогическій случай въ позднѣйшее время (въ XII в.), когда кіевскія владѣнія узкою полосою простирались по лѣвой сторонѣ Днѣпра, но не ослабляли его порубежнаго значенія между Кіевскимъ и Черниговскимъ княжествами. Радимичи, какъ извѣстно, жили по р. Сожи и, вѣроятно, крайнія ихъ юго-восточныя поселенія тянулись по лѣвому берегу р. Ипути, притока Сожи; крайнія-же сѣверянскія поселенія на сѣв.-зап. простирались по верховьямъ рѣки Снови, притока Десны; такимъ образомъ водораздѣлъ между Ипутью и Сновью служилъ рубежомъ для этихъ двухъ племенъ. Дѣйствительно, здѣсь, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, мы находимъ селеніе Рубежное, близь котораго села, Большой Кривецъ и Малый Кривецъ, а на востокъ отъ Стародуба—Радогощъ (потомъ Погаръ), какъ-бы указывающій на Радимичей; между тѣмъ какъ немного дальше вглубь страны, на юго западъ отъ этого предполагаемаго нами рубежа находятся чисто сѣверскія поселенія: Любечъ, Лиственъ. На сѣверѣ въ верховьяхъ Десны сѣверянскія поселенія простирались между землями Радимичей и Вятичей, ибо здѣсь сходились верховья трехъ рѣкъ: Десны, Ипути, притока Сожи и Жиздры, притока Оки; на первой жили Сѣверяне, на второй—Радимичи. на третьей—Вятичи; на сѣверо-западѣ Сѣверяне граничили только съ одними Вятичами, которые занимали верховья Оки съ ея притоками, Жиздрою и Зушею; какъ передовыя поселенія Сѣверянъ, здѣсь выступали города: *Брянскъ*, *Карачевъ*, *Болдыжъ Лѣсъ* (теперь село Болдыжъ Орловской губ., у города Дмитровска); *Домагощъ*; а въ теперешнихъ, Дмитровскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ Орлов. губ. цѣлый рядъ городищъ: *Криво Городище* на Кромѣ, лѣвомъ притокѣ Оки, *Водоцкое Городище* въ южной части Карачевскаго уѣзда, *Верхній* и *Нижній Городцы* къ западу отъ городища Водоцкаго. Теперь обратимся къ юго-восточной и южной границѣ, которую найтруднѣе опредѣлить, такъ какъ здѣсь жили степняки—кочевники. Крайнія поселенія Сѣверянъ на востокѣ и юго-востокѣ простирались по Сейму, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтопись; но эти поселенія, безъ всякаго сомнѣнія, путемъ колонизаціи расширялись на востокъ и юго-востокъ, по Сѣверскому Донцу, притоку Дона и даже по Дону и Волгѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ арабскіе писатели. Но о колонизаціи Сѣ-

верянъ мы скажемъ дальше. На югѣ границу Сѣверянъ лѣтопись указываетъ р. Сулу. Вѣроятно, и здѣсь граница шла гораздо южнѣе, но мѣстное славянское населеніе принуждено было отступать передъ наплывомъ степныхъ варваровъ.

Радимичи жили по Сожи и граничили на западѣ и сѣверѣ съ Кривичами, на сѣверо-востокѣ—съ Вятичами и на юго-востокѣ и югѣ—съ Сѣверянами. Но, кажется, область Сожи ими была занята не вся. Въ южной части ея радимичскія поселенія могли сходиться съ кривичскими съ одной стороны, а съ сѣверянскими съ другой. На волокѣ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, мы видимъ (въ сѣверномъ углу Рѣчицкаго уѣзда) *Кривскъ* на р. Узѣ и близь него *Радѣевъ*. Далѣе на сѣверѣ (въ теперешнихъ уѣздахъ: Старобыховскомъ, Чаускомъ и Чериковскомъ) вовсе не замѣтно радимичскихъ названій (исключая *Радимли*, на р. Пронѣ); здѣсь преобладаютъ кривскія названія, такъ что область верхней Сожи, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ отъ устья Вехры, на которой въ XII в. мы видимъ смоленскій городъ Мстиславль [1]), была занята кривскими поселеніями, и Радимичи не успѣли въ ней утвердиться. Порубежье съ Сѣверянами опредѣляется водораздѣломъ Посожья со Сновью, при чемъ можно думать, что восточныя разселенія Радимичей окружали землю Сѣверянъ, отдѣляя ее отъ земли Вятичей; подробнѣе объ этомъ мы скажемъ, когда будемъ говорить о колонизаціи.

Вятичи жили по р. Окѣ; но, конечно, всей Оки они занимать не могли, такъ какъ на той-же рѣкѣ въ нижнемъ ея теченіи лѣтопись помѣщаетъ финское племя Мурому [2]); Вятичи, слѣдовательно, могли занимать только верхнюю и отчасти среднюю Оку. Сосѣдями Вятичей были: на западѣ Кривичи, жившіе въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра; на сѣверо-зап. финское племя Меря, на востокѣ Мурома и на югѣ Сѣверяне. Для болѣе точнаго обозначенія рубежей земли Вятичей можетъ до нѣкоторой степени служить позднѣйшій (XII в.) фактъ—походъ Изяслава Мстиславича на Святослава Ольговича въ 1146 г. Крайнимъ черниговскимъ городомъ, не входившимъ въ составъ земли Вятичей, былъ *Дъбрянескъ*; ближайшимъ вятичскимъ го-

---

[1]) Ип. лѣт. стр. 334, подъ 1156 годомъ.

[2]) Ибо здѣсь мы видимъ впослѣдствіи городъ Муромъ.

родомъ къ Сѣверянамъ является *Козельскъ* на Жиздрѣ, притокѣ Оки [1]). Такимъ образомъ, водораздѣлъ между деснянскими притоками: Нерусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и окскимъ притокомъ Жиздрою съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ Вятичей. Съ юга ихъ разселенія, вѣроятно, ограничивались побережьемъ Зуши, потому что въ половинѣ XII в. городъ *Мценскъ* находился уже внѣ земли Вятичей [2]). Какъ далеко на сѣверъ и востокъ простирались коренныя поселенія Вятичей опредѣлить трудно; можно только сказать, что здѣсь они сходились съ поселеніемъ Мери, Мордвы, Мещеры, которые должны были отступить передъ ихъ колонизаціоннымъ движеніемъ. Меря жила около озеръ *Клещина* и *Ростовскаго*, Мурома—по нижнимъ частямъ Оки, Мордва и Мещера—на востокѣ. На югѣ сосѣдями Вятичей были разныя племена восточнаго происхожденія: Хозаре, Торки, Печенѣги и Половцы, смѣнявшіе другъ друга.

Такимъ образомъ, если землю Сѣверянъ наложить на современную карту, то она займетъ части губерній: Черниговской, Курской и Полтавской; бассейнъ Десны въ Черниговской губерніи занимаетъ уѣзды: Остерскій, Черниговскій, Сосницкій, Кролевецкій и Новгородъ-Сѣверскій; бассейнъ Сейма въ Курской губерніи: Путивльскій, Рыльскій, Льговскій, Курскій, и въ Черниговской губерніи—Конотопскій; бассейнъ Сулы въ Полтавской губерніи: Кременчужскій, Хорольскій, Лубенскій, Лохвицкій и Роменскій; наконецъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между Десною и Сулою уѣзды: Переяславскій и Золотоношскій. Конечно, эти предѣлы только приблизительно вѣрны, ибо тутъ не приняты во вниманіе колонизація и вообще измѣненіе границъ.

Радимичи приблизительно занимали часть Городнянскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ Чер. губер., а также Гомельскій, Рогачевскій, часть Старобыховскаго, Чериковскаго и Чаускаго Могилевской губ.

Вятичи занимали всю Калуж. губ., большую часть Орловской, Тульской, часть Московской и Смоленской.

Вообще можно сказать, что этнографическіе предѣлы русскаго славянства подверглись за два съ половиной столѣтія, обнимаемыя на-

---

[1]) Ип. лѣт. стр. 239.

[2]) „И идоша туда на Вятичѣ, и тако взяша я, таже на *Мценскъ*"; см. Ип. лѣт. стр. 314.

чальною лѣтописью, значительнымъ измѣненіямъ. Съ юга оно постепенно отступало на сѣверъ, въ глубь страны, пока не оградилось отъ нападеній кочевниковъ съ одной стороны рядомъ укрѣпленій [1]), а съ другой самими кочевниками, цивилизованными благодаря близкому сосѣдству съ своими более развитыми сосѣдями, кочевниками, осѣвшими здѣсь и составившими живой оплотъ противъ своихъ дикихъ сородичей; припомнимъ Черныхъ Клобуковъ, которые осѣлись на южной границѣ Кіевской земли; припомнимъ, что лѣтопись различаетъ дикихъ Половцевъ отъ остальныхъ, которые вошли въ составъ Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ. На ряду съ этимъ колонизаціоннымъ движеніемъ Сѣверянъ на югъ и юго-востокъ идетъ колонизація Вятичей и отчасти Радимичей на сѣверо-востокъ въ область Финновъ.

Въ половинѣ IX вѣка поселенія Сѣверянъ простирались по Сейму и Сулѣ; но Сеймъ и Сула не оставались постояннымъ, крайнимъ предѣломъ ихъ разселенія. Мѣстное славянское населеніе подвигалось далѣе къ югу и юго-востоку, доходя до Сѣверскаго Донца и даже Дона. И это совершенно понятно. Естественной границы на югѣ и юго-востокѣ въ Сѣверской землѣ не было и не могло быть: мѣстность вездѣ была ровная, степная, привольная; сплошнаго населенія никогда здѣсь не бывало, потому что жили кочевники, не имѣвшіе постоянныхъ жилищъ и вытѣснявшіе другъ друга. Хозарское царство также носило полуосѣдлый, полукочевой характеръ и при томъ отличалось крайнею вѣротерпимостью. Естественно, что Сѣверянамъ, жившимъ по Сулѣ, была полная возможность занять, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя области на югъ отъ Сулы и Сейма. И они дѣйствительно занимали: доказательствомъ этого служатъ русскія названія южныхъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой „ратной" его стороны, Донецъ, Донъ и Азовское море. Названія эти очень древни и „могли удерживаться постояннымъ знаніемъ мѣстностей, къ которымъ они принадлежали, постоянно близкими къ нимъ жителями [2])". Въ Днѣпръ съ лѣвой стороны въ нынѣшнихъ Полтавской и Екатеринославской губ. впадаютъ:

---

[1]) См. 3-й томъ „Древней Русской Исторіи" Погодина (Историческій атласъ), 107 листъ.

[2]) Срезн. „Русское населеніе степ. и южнаго поморья въ XI—XIV ст." въ Изв. Им. Ак. Н. по отд. рус. языка и слов. т. VIII.

Супой [1]),

Сула [2]) со своими притоками: Выремъ [3]), Ромномъ [4]), Лохвицей, Оржицей [5]).

Пселъ [6]) съ Ольшаной, Грунями, Хороломъ [7]) и Голтвою [8]).

Ворскла [9]) съ Мерломъ [10]), Коломакомъ.

Орель съ Угломъ [11]), Берестовою.

---

[1]) „Ходи за Супой". Поуч. Вл. Мон. въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 103.

[2]) „Владиміръ Мономахъ и Святославъ и Давидъ съ дѣтьми поидоша на Половци во 2-ю недѣлю поста, а въ пятокъ быша на Сулѣ". Ип. лѣт. стр. 192.

[3]) „Половець же приде 7000 (со) Селукомъ и ставшимъ имъ у Ратьмирѣ дубровы за *Выремъ*, послали бо бяхуть послы къ Всеволоду". Ип. лѣт., стр. 209.

[4]) „Къ Ромну идохъ.....". Поуч. Влад. Мон. въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 104.

[5]) „Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ изиде противу има на Съжицѣ". П. С. Р. Л. т. I, стр. 85. Карамзинъ думалъ читать тутъ „Оржицѣ".

[6]) „Русь князья.... въ недѣлю поидоша въ ню же хрестъ цѣлують и приидоша на Пселъ". Ип. лѣт. стр. 192.

[7]) „Быша на Хоролѣ ту и сани пометаша". Ип. лѣт. стр. 192. „Половци стоять на Хоролѣ". Ип. лѣт. стр 429.

[8]) „Сташа на рѣцѣ Голтвѣ". Ип. лѣт. стр 192. „Итлареву чадь избиша за Голтвомъ". П. С. Р. Л. т. I, стр. 104.

[9]) „Поидоша Върьскла" Ип. лѣт. стр. 192.

[10]) „Да яко же бысть за Мерломъ срѣтеся съ Половци". Ип. лѣт. стр. 427.

[11]) „Приде ему (Изяславу) вѣсть отъ сына отъ Мьстислава, оже Богъ ему помоглъ Половци побѣдити на *Углѣ* и на Самарѣ, и полонъ многъ взялъ... и множьство душь крестьяныхъ отполони". Ип. лѣт. стр. 317. „Взяша вѣжѣ ихъ (Половецкія) на *Углѣ* рѣцѣ, а другыѣ по Снопороду". Ип. лѣт. стр. 369. „Русстіи князи вси... поидоша къ нимъ вкупѣ вси и перешедше Уголъ рѣку 5 днии искаша ихъ... и побѣдиша". П. С. Р. Л. т. I, стр. 167; „идущю же ему (Святославу) по Днѣпру, и ста ту идѣже нарѣпаеться Инжирь—бродъ и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра. И 5 днии искаша ихъ... не постигше возворотишася Русь и стояша на мѣстѣ нарѣцаемемь *Ерель* его же Русь зоветь *Уголъ*". Ип. лѣт. стр. 426—427.

Самара [1]) съ Овечьей Водой [2]).

На югъ отъ Бѣлгорода въ Донецъ впадаютъ:

Уды съ Лопанью.

Мжа.

Сальница [3]).

Осколъ [4]) съ Валуемъ.

Торъ съ Торцомъ.

Красная.

Боромля.

Ольховата.

Лугань.

Калитва.

На югъ отъ Епифани въ Донъ впадаютъ:

Красивая Меча [5]).

Быстрая Сосна [6]) съ Трудами [7]).

Воронежъ [8]).

---

[1]) „Богъ помоглъ Половци побѣдити на Углѣ и на *Самарѣ*". Ип. лѣт. стр. 317.

[2]) 1560 г.: Тиибаи разгрумиша многіе улусы при Молочныхъ, Овечьихъ и Конскихъ водахъ". Арцыб. IV, стр. 2850.

[3]) „Избьени быша иноплеменницѣ многое множество на рѣцѣ Салницѣ". Ип. лѣт., стр. 193.

[4]) „Мнози гониша по нихъ и за *Въсколъ*". Ип. лѣт., стр. 369.

[5]) „Во вторый жъ день речнаго плаванія минухомъ двѣ рецѣ *Мечу* и *Сосну*". (Путеш. Пимена въ Ник. лѣт., IV, стр. 161).

[6]) 1480: „посла на сторожу (Дмит. Іоан.) крѣпкихъ оружниковъ... и повелѣ имъ на Быстрой и Тихой Соснѣ стеречи со всякимъ опасеньемъ". Ник. лѣт. IV, стр. 63.

[7]) „Въ 1492 году произошла битва между Трудами и Быстрой Сосной". Арцыб. IV, стр. 63.

[8]) 1177: „Рязанци... ѣхавше въ Воронажь яша его (Ярополка)". Ип. лѣт., стр. 410. „Въ 6-й день приспѣхомъ до усть Воронежа рѣки. На утрие жь въ недѣлю прииде къ намъ князь Юрьи Елецкій зъ бояры своими и со многими людьми воздаде намъ честь и радость и утешение велие". (Путеш. Пимена въ Ник. лѣт. IV, стр. 161).

Тихая Сосна [1]).

Червленый или Красный Яръ [2]).

Осереда.

Калитва.

Хоперъ [3]) съ Вороной [4]) и Еланью.

Медвѣдица [5]).

Иловля.

На востокъ отъ Соляной, Муравской дороги въ Азовское море впадаютъ:

Молочная [6]).

Калецъ.

И такъ, всѣ рѣки нынѣшней Полтавской губ., бассейнъ Донца и даже Дона заняты были нѣкогда славянскимъ племенемъ и главными, если не единственными, славянскими насельниками безъ сомнѣнія тутъ были Сѣверяне; они, занимая бассейнъ Сулы, хотя-бы въ силу отсут-

---

[1]) „Оттудажъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ и видѣхомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоять рядомъ яко стози малы, бѣлыжъ и свѣтлы зѣло надъ рекою надъ Сосною“. (Ibidem).

[2]) „Тажъ минухомъ и Черленый Яръ реку“. (Ibidem). Грамота 1334 г.: „Благословеніе Θеогноста митрополита къ баскакомъ и къ сотникомъ и къ игуменомъ и попомъ и ко всѣмъ христіаномъ *Черленого Яру* и ко всѣмъ городомъ по *Великую Ворону*.... Разсудилъ есмь (по грамотамъ Максима митр.) держати владыцѣ Рязанскому передѣла того всего по *Великую Ворону*“. (Ак. Ист. т. I, 1.). Грам. 1360: Благословеніе Алексѣя митрополита ко всѣмъ крестіаномъ обрѣтающимся въ передѣлѣ *Черленаго Яру* и по карауломъ возлѣ *Хопоръ* до *Дону* по карауломъ церкви. Что тотъ передѣлъ какъ то пишутъ грамоты брата моего Максима митрополита и Петра и Θеогноста... И нынѣ послалъ есмь къ вамъ владыку Рязанскаго Василья съ грамотою своею. И вы поминаите его а пошьлину церковную давайте ему по обычаю“. (Ак. Ист. т. I, 4.).

[3]) „Таже минухомъ и Бѣтюкъ рѣку и Похоръ рѣку“. (Путеш. Пимена въ Ник. лѣт. IV, стр. 161).

[4]) См. примѣчаніе о Червленомъ Ярѣ.

[5]) „Въ недѣлю жъ пятую по Сомарянынѣ минухомъ пловуще рѣку Медьведицу, и Горы высокія реку и Бѣлый яръ реку“. (Путеш. Пимена въ Ник. лѣт. IV, стр. 161).

[6]) 1560 г.: „Тинбаи разгрумиша многіе улусы при Молочныхъ, Овечьихъ и Конскихъ водахъ“. Арц. IV, стр. 2850.

ствія прочной естественной границы, должны были разселяться и по Пселу и по Ворсклѣ. Дѣйствительно, мы и находимъ тамъ нѣкоторыя ихъ поселенія (напр. Лтава—нынѣшняя Полтава). Но верховья Ворсклы сближаются съ верховьями Донца: колонизація могла перейти и туда. И дѣйствительно, р. Донецъ въ „Книгѣ глаголемой большой чертежъ" называется Сѣверскимъ [1]). Еще въ концѣ XII в. здѣсь былъ городъ *Донецъ*, въ которомъ нашелъ себѣ безопасный пріютъ послѣ одиннадцатидневнаго бѣгства изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ Сѣверскій. Опредѣленной границы, повторяемъ, быть не могло; то русскія поселенія въ видѣ оазисовъ были разсѣяны въ Хозаріи, а потомъ въ землѣ Половецкой; то кочевники со своими вѣжами подходили чуть-ли не къ центральнымъ городамъ южныхъ княжествъ (особенно къ Переяславлю), то, наконецъ, порубежное русское населеніе сливалось съ кочевниками и на оборотъ. „Такъ, по выраженію Срезневскаго [2]), появились русскіе бродники, берладники, выгонцы, воры и козаки, которые съ незапамятныхъ временъ искали себѣ приволья внѣ земель подвластныхъ законамъ,—а съ ними вмѣстѣ и тѣ Торки, Берендѣи, Коуи, Черные Клобуки, которые все болѣе русѣли, мѣшались съ русскими и изъ за границъ русскихъ княженій выводили свои селенія и городки далеко на югъ и востокъ".

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими данными о славянскомъ населеніи на юго-востокѣ и югѣ стоятъ извѣстія арабскихъ писателей. Славяне, по извѣстіямъ Арабовъ, въ Хозаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до Кавказскихъ горъ, составляли значительную часть городскаго и сельскаго населенія. Масуди (жившій во второй полов. X в.) говоритъ, что мѣстные языческіе Славяне имѣли въ Хозаріи своего особаго судью и служили въ войскѣ и при дворѣ царя. „Что-же касается язычниковъ, говоритъ онъ, находящихся въ странѣ хозарскаго царя, то нѣкоторыя племена изъ нихъ суть Руссы и Славяне; они живутъ въ одной изъ двухъ половинъ этого города и сожи-

---

[1]) „А протоку Донца *Сѣверскаго* отъ верхъ и до устья 514 в. „Рѣка Донецъ Сѣверской вытекла изъ чистаго поля". „Итти отъ Сѣверскаго Донца на Муравскую дорогу, а отъ Сѣверскаго Донца до Муравской дороги верстъ 40". Кн. гл. б. черт. Спасскаго стр. 24, 27, 28.

[2]) Срезневскаго „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв. въ Изв. Имп. Ак. Наукъ по отд. рус. яз. и слов. т. VIII, стр. 319.

гаютъ своихъ мертвецовъ съ ихъ вьючнымъ скотомъ, оружіемъ и украшеніями..... Постановленіе столицы Хозарскаго государства, что въ ней бываетъ семь судей; двое изъ нихъ для мусульманъ, двое для Хозаръ, которые судятъ по закону Тауры, двое для тамошнихъ христіанъ, которые судятъ по закону Инджиля, одинъ изъ нихъ для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ; онъ судитъ по закону язычества, т. е. по закону разума... Руссы же и Славяне, о которыхъ мы сказали, что они язычники, составляютъ войско царя и его прислугу [1]". Тотъ же Масуди называетъ Донъ *славянскою рѣкою*. „Между большими и извѣстными рѣками, говоритъ онъ, изливающимися въ море Понтусъ, находится одна, называемая Танаисъ, которая приходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ [2]". Такимъ образомъ и это извѣстіе указываетъ на осѣдлыя поселенія русскихъ Славянъ въ Хозаріи. На это же самое указываетъ и извѣстіе Баладури, что сирійскій вождь Марванъ вывелъ изъ Хозаріи до 20,000 Славянъ. „Затѣмъ онъ (Марванъ) вступилъ въ землю Хозаръ... И Марванъ сдѣлалъ набѣгъ на Славянъ, жившихъ въ землѣ Хозаръ; взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20,000 *осѣдлыхъ* людей и поселилъ ихъ въ Хахитѣ [3]). Въ послѣдствіи же, когда они умертвили своего начальника и бѣжали, онъ (Марванъ) настигъ и перебилъ ихъ [4]". Нѣтъ никакого основанія не довѣрять показаніямъ Баладури, писавшаго всего 100—110 лѣтъ послѣ описываемыхъ имъ событій; всѣ ученые оріенталисты, которые разбирали этотъ разсказъ, признавали за нимъ историческую достовѣрность (Сенъ-Мартенъ, Доссонъ, Броссе). Не нужно дѣлать невѣроятнаго предположенія, что арабскій полководецъ долженъ былъ доходить до славянскихъ племенъ; дѣло объясняется гораздо проще: русскихъ Славянъ Марванъ встрѣтилъ въ самой Хозаріи, и даже можно опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что объ этомъ же самомъ событіи, только съ небольшими варіантами, разсказываетъ другой арабскій писатель—Табари. По его словамъ, „съ войскомъ въ

---

[1]) Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ", стр. 129 и 130.

[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 140—141.

[3]) Кахетія или Грузія.

[4]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 37—38.

150 тысячъ человѣкъ онъ (Марванъ) слѣдовалъ до города Самандара, гдѣ живетъ царь хозарскій. Хаканъ бѣжалъ, и Марванъ отправился дальше, оставивъ городъ позади себя, расположился лагеремъ при славянской рѣкѣ, напалъ на жилища невѣрныхъ, убилъ ихъ всѣхъ и разрушилъ 20 тысячъ домовъ [1])". Такимъ образомъ Табари дополняетъ извѣстія Баладури: по его словамъ, Марванъ настигъ Славянъ на славянской рѣкѣ, т. е. Волгѣ, недалеко отъ Самандара, т. е. нынѣшняго Тарху. Замѣчательно въ этомъ отрывкѣ выраженіе „осѣдлыхъ", которое показываетъ, что это были не купцы, а поселенцы въ хозарской землѣ. Такого рода фактъ нисколько не будетъ казаться страннымъ, если мы припомнимъ, что хозарское царство представляло изъ себя смѣсь всевозможныхъ племенъ и народовъ: тутъ были и Хозаре, и Евреи, и Греки, и Славяне—Русь, и многіе другіе.

На связь сѣверянскаго населенія съ хозарскимъ указываетъ одно лѣтописное извѣстіе, посильное объясненіе котораго мы здѣсь и представимъ. Подъ 1117 годомъ въ Ип. лѣт. мы читаемъ: „томъ же лѣтѣ придоша Бѣловѣжьци въ Русь [2])"; въ Густ. лѣт. о томъ же говорится: „въ се лѣто пріидоша Бѣловѣжци, си есть Козаре, въ Русь [3])"; итакъ, Бѣловѣжцами здѣсь называются Хозаре; въ лѣтописи сказано неопредѣленно „въ Русь"; но мы можемъ, кажется, точнѣе опредѣлить, куда именно. Въ нынѣшней Черниговской губ., близь верховьевъ р. Остра существуютъ остатки Бѣловѣжи возлѣ нынѣшней нѣмецкой колоніи *Гельмешъ* (испорченная Бѣловѣжа); за тѣмъ недалеко отъ развалинъ Бѣловѣжи находится селеніе *Козары*, на пути отъ с. Носовки въ г. Козелецъ; очевидно, слѣдовательно, что Бѣловѣжцы пришли въ Черниговскую губ. и основали тамъ городъ Бѣловѣжу; авторъ Густынской лѣтописи считаетъ Бѣловѣжцевъ Хозарами, но это, конечно, только его личная догадка, потому что въ Ип. лѣтоп. нѣтъ прибавленія: „си есть Козаре"; но было же какое нибудь основаніе ему дѣлать такое предположеніе? Конечно, было: Бѣловѣжцы пришли изъ мѣстности, нѣкогда заселенной Хозарами, а теперь занятой половецкими полчищами; но прежнее населеніе исчезло не вполнѣ: въ видѣ оазисовъ остались тутъ города; въ этихъ городахъ славянское населеніе составляло зна-

---

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 76.

[2]) Ип. лѣт. стр. 205.

[3]) Густ. лѣт. стр. 291. (Приб. къ II-му т. П. С. Р. Л.).

чительную часть; понятно, что въ силу продолжительнаго сожительства съ Хозарами оно въ значительной степени подверглось вліянію этихъ послѣднихъ. И мы, дѣйствительно, находимъ такіе города. Въ походѣ русскихъ князей на Половцевъ въ 1111 году жители города Шаруканя, лежавшаго далеко въ половецкихъ степяхъ, въ бывшихъ хозарскихъ владѣніяхъ, вышли на встрѣчу князьямъ изъ города, поклонились имъ и вынесли рыбу и вино, послѣ того какъ въ русскомъ лагерѣ, по распоряженію Владиміра, стали пѣть кондаки и тропари Честнаго Креста и канонъ Св. Богородицы [1]); очевидно, что населеніе Шаруканя (или по крайней мѣрѣ часть его) было родственно русскимъ воямъ по религіи, а можетъ быть, и по языку. Такимъ образомъ и на Бѣловѣжцевъ, пришедшихъ въ Русь, можно смотрѣть, какъ на охазарившихся Русскихъ, возвратившихся вслѣдствіе насилій, причиняемыхъ Половцами, въ свое прежнее отечество—Русь. Но почему-же они возвратились въ Черниговское княжество? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: эти Бѣловѣжцы были Сѣверяне.

Живя въ бассейнѣ Донца и Дона сѣверянское населеніе могло двигаться и далѣе на югъ—къ Азовскому и Черному морямъ. Здѣсь у устья р. Кубани на нынѣшней Тамани было русское Тмутараканское княжество—это принято всѣми изслѣдователями [2]); но вопросъ, когда и какъ оно возникло, остается еще и доселѣ открытымъ. До послѣдняго времени большинство изслѣдователей склонялось въ пользу того мнѣнія, что Тмутаракань основана въ княженіе Святослава, т. е. во второй половинѣ X вѣка; но въ послѣднее время г. Ламбинъ въ статьѣ о тмутараканской Руси [3]) пріурочиваетъ основаніе Тмутаракани къ концу IX или началу X вѣка—княженію Олега. Такое предположеніе имѣетъ за себя много данныхъ. Въ Игоревомъ договорѣ съ Греками включенъ спеціальный трактатъ о Корсунской странѣ, гдѣ, очевидно, рѣчь идетъ не объ Игорѣ, а о какомъ то другомъ русскомъ

[1]) Ип. лѣт. стр. 192.

[2]) Было мнѣніе, что Тмутаракань находилась на р. Острѣ въ Черниговскомъ княжествѣ. (Спасскаго статья въ От. Зап. 1844 г. октябрь); но въ пользу кубанской Тмутаракани были представлены неопровержимыя доказательства Мусинымъ-Пушкинымъ (Ист. изсл. о мѣст. древ. рус. Тмут. княж. 1794 г.) и отчасти Погодинымъ (Изс. зам. и лекціи): 1) Тмутараканскій камень, 2) лѣтопись, 3) Слово о полку Игоревѣ, 4) Пат. печерскій.

[3]) Жур. мин. нар. пр. 1876 г. іюнь.

князѣ, ближайшемъ сосѣдѣ корсунскихъ Грековъ. „А о корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь Рускій да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ; тогда аще проситъ вой у насъ князь Рускій, да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требѣ... А о сихъ оже то приходять Черніи Болгаре, воюють въ странѣ корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому да ихъ не пущаеть пакостити странѣ той [1])". Могли-ли Греки обѣщать Игорю давать вспомогательное войско противъ его враговъ? Скоро-ли бы поспѣли Греки къ новгородскимъ владѣніямъ Игоря къ берегамъ Финскаго залива? Очевидно, что это обѣщаніе могло быть дано только жителями Херсона и только тому русскому князю, владѣнія котораго граничили съ ихъ областью, который, защищая свои владѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ-бы отъ тѣхъ-же враговъ и область Херсонскую. Князь русскій долженъ былъ въ свою очередь защищать Грековъ отъ Черныхъ Болгаръ; но этого не могъ дѣлать Игорь, владѣнія котораго были слишкомъ далеко отъ Черной Болгаріи, лежавшей на восточномъ берегу Азовскаго моря [2]); сдѣлать это могъ только князь тмутараканскій.

Цимисхій, по словамъ Льва Діакона, посылаетъ напомнить Святославу о пораженіи отца его Игоря, который устремился на Царьградъ съ несмѣтными силами и „только съ 10 кораблями возвратился въ *Боспоръ Киммерійскій* [3])".

Но эта *русская земля* на черноморскомъ или азовскомъ побережьи упоминается еще раньше—въ началѣ X вѣка. Въ договорѣ Олега съ Греками Русскіе принимаютъ на себя обязательство помогать греческимъ торговымъ судамъ, потерпѣвшимъ отъ бури и выброшеннымъ на берегъ вблизи земли русской [4]). Конечно,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 21—22.

[2]) Объ этой Болгаріи Конст. Багр. говоритъ: „Bulgaria, quam nigram vocant, potest Chazaros bello infestare" (De adm. imp. ed. Bon. p. 81); а въ другомъ мѣстѣ—"ad septentrionem habet Danaprin fluvium, ex quo Russi proficiscuntur in nigram Bulgariam, Chazariam et Syriam" (стр. 180.).

[3]) Leo Diac. ed. Bonn. p. 106.

[4]) „... Аще ли таковая лодья, ли отъ буря, или бороненія земнаго боронима, не можеть възборонитися въ своя си мѣста, спотружаемъся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допровадимъ съ куплею ихъ поздорову, ти аще ключится близъ земли Грецькы; аще ли ключится такоже проказа лодьи Рустѣй, да проводимъ ю въ Рускую землю". П. С. Р. Л. т. I, стр. 15.

эта *русская земля*, близъ которой греческое судно могло пострадать отъ бури, могла находиться только на Черномъ или Азовскомъ морѣ. Гипотезу объ основаніи Тмутаракани Олегомъ г. Ламбинъ старается подтвердить еще отрывками, найденными Газе и приложенными этимъ послѣднимъ къ „исторіи" Льва Діакона; но отношеніе ихъ къ Олегу является еще спорнымъ вопросомъ въ нашей литтературѣ и потому основывать на нихъ свои предположенія нѣтъ никакой возможности [1]). Во всякомъ случаѣ при Игорѣ Тмутаракань уже существовалъ; можетъ быть, она была и раньше.

---

[1]) Газе, издатель Льва Діакона, помѣстилъ въ комментаріяхъ къ тексту обширную безыменную записку, которая, по его мнѣнію, разсказывала о взятіи Владиміромъ Корсуня. Въ ней описывается переправа черезъ Днѣпръ самого автора отрывковъ, имѣвшаго въ своемъ управленіи климаты (τὰ κλήματα), и говорится далѣе о сильномъ государѣ на сѣверъ отъ Дуная. Поповъ перевелъ на русскій языкъ „исторію" Льва Діакона и главнѣйшія къ ней примѣчанія. Въ 1848 году г. Кёне въ своемъ сочиненіи: „Beiträge zur Geschichte und Archeologie von Chersonnesus von Taurien" отрывки эти относитъ къ Крыму, а подъ варварами разумѣетъ Русскихъ, опустошавшихъ Херсонесъ еще до Владиміра. Гедеоновъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ" говоритъ, что въ этой запискѣ идетъ рѣчь о кіевской и черноморской Руси, о неизвѣстномъ изъ другихъ источниковъ походѣ Святослава въ Крымъ между первою и второю болгарскою войною. Въ примѣчаніяхъ къ „отрывкамъ" Гедеонова г. Куникъ высказалъ согласіе о Святославѣ, но не видѣлъ указанія на черноморскія поселенія Русскихъ. Профессоръ Брунъ старался подтвердить догадку Газе объ отношеніи „записки" къ Владиміру Св. (Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи въ Зап. Ак. Наукъ, 1874 г., 24-й томъ). Рядомъ со статьей пр. Бруна помѣстилъ статью акад. Куникъ („О запискѣ Готскаго топарха"), который въ авторѣ записки видитъ не корсунскаго намѣстника, а топарха Готскихъ климатовъ—областей, въ непріятеляхъ, опустошавшихъ Тавриду—Хозаръ, а въ князѣ, протекторатъ котораго признавали Готы,—русскаго князя, скорѣе всего Владиміра Свят. Г. Иловайскій въ статьѣ „Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ" дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что предположеніе о Владимірѣ не основательно, ибо онъ взялъ Корсунь, между тѣмъ какъ князь „записки" Безыменнаго осаждалъ какую то второстепенную крѣпость. Наконецъ, послѣднее по времени и наиболѣе основательное изслѣдованіе по этому во-

Но не рѣшенъ все-таки вопросъ, кѣмъ и какъ была основана Тмутаракань. Рѣшить этотъ вопросъ, при отсутствіи прямыхъ указаній, невозможно. Можно только высказывать свои предположенія. Такъ дѣлаетъ г. Ламбинъ, доказывая сначала довольно убѣдительно, что основателемъ Тмутаракани могъ быть Свѣнельдъ, обиженный Игоремъ и потому переставшій ему служить, а затѣмъ—не менѣе убѣдительно, что начало княжества было положено Олегомъ послѣ покоренія Угличей и Тиверцевъ. Выскажемъ поэтому и мы свое предположеніе.

По нашему мнѣнію, основаніе Тмутаракани нужно поставить въ связь съ колонизаціоннымъ движеніемъ Сѣверянъ на юго-востокъ и югъ. Уже по самому географическому положенію своему, Тмутаракань была найближе къ Сѣверянамъ, которые были самымъ южнымъ народомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра; отдѣльныя сѣверянскія поселенія простирались еще гораздо южнѣе по Пселу, Ворсклѣ и даже Донцу, а можетъ быть и Дону.

Такому разселенію способствовали удобные пути сообщенія. Сѣверянамъ принадлежали два пути, ведшіе къ Азовскому морю: Соляный и Залозный. Соляный путь, какъ показываетъ самое названіе его, служилъ главнымъ образомъ для перевозки соли изъ Азовскаго побережья, гдѣ были Геническія и Бердянскія озера. Суда шли изъ этихъ озеръ въ р. Молочну, а оттуда волокомъ въ Московку, притокъ Днѣпра, вышедшій изъ степи близь Молочныхъ Водъ. Но этимъ путемъ все-таки нельзя было миновать пороговъ, поэтому пр. Брунъ указываетъ другой: изъ озеръ въ Кальміусъ, а оттуда *волокомъ* по долинамъ его притока Солоной и другой рѣчки того-же имени, изливающейся въ Волчью-Воду [1]). Бопланъ говоритъ: „есть еще другая дорога для воз-

---

просу принадлежитъ пр. Васильевскому („Записка Греческаго топарха"). Онъ подвергаетъ самому тщательному анализу извѣстіе Анонима и приходитъ къ заключенію, что его нужно отнести къ эпохѣ Святослава; противъ гипотезы г. Ламбина онъ представляетъ одно чрезвычайно важное возраженіе: г. Ламбинъ думаетъ, что документъ писанъ въ самомъ началѣ X ст., между тѣмъ какъ по свидѣтельству Газе, имѣвшаго въ рукахъ подлинникъ, онъ относится или къ началу XI вѣка, или же къ концу X и не многимъ моложе самого кодекса. И такъ, какъ мы видимъ, вопросъ и доселѣ остается открытымъ.

[1]) Черноморье Бруна (Слѣды древ. рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море), стр. 127.

вращенія въ Запорожье чрезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь они плывутъ вверхъ по Міусу покуда можно, а далѣе отъ сей рѣки до *Тачаводы* около мили идутъ волокомъ: Тачавода впадаетъ въ *Самару*; Самара же изливается въ Днѣпръ выше Кайдака. Казаки рѣдко избираютъ сей путь, по отдаленности его отъ Запорожья; правда они отправляются сею дорогою и на поиски, но только тогда, когда флотъ ихъ состоитъ изъ 20—25 челновъ, или когда Турки совершенно преграждаютъ имъ устье Днѣпровское [1])". Это извѣстіе Боплана требуетъ исправленія: рѣки *Тачаводы* вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ главный притокъ Самары—Волчья-Вода беретъ свое начало въ степи въ небольшомъ разстояніи отъ верхняго теченія Кринки или Крымки, изливающейся въ Міусъ [2]). Но верховья Волчьей-Воды еще ближе подходятъ къ вершинѣ Кальміуса и, можно думать, Бопланъ эту именно рѣчку смѣшалъ съ Міусомъ. И такъ, двѣсти съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ существовалъ еще рѣчной путь, при помощи незначительныхъ волоковъ, изъ Днѣпра въ Азовское море. По этому пути двигались суда, по извѣстію того же Боплана, вмѣщавшія въ себѣ, кромѣ аммуниціи и припасовъ, отъ 50—70 козаковъ, въ томъ числѣ отъ 20—30 гребцовъ. Въ IX и X вѣкахъ рѣки, очевидно, были еще полноводнѣе; тѣ рѣки, которыя отдѣляются теперь незначительною водораздѣльною чертою, тогда почти смѣшивались во время половодья.

Залозный путь, по мнѣнію г. Ламанскаго [3]), велъ на Кавказъ, а, по мнѣнію Соловьева [4]), находился на нижнемъ Днѣпрѣ. Брунъ думаетъ, что изъ Днѣпра онъ могъ идти въ Бѣлозерку и оттуда волокомъ въ Каланчакъ, изливающійся въ Перекопскій заливъ, гдѣ Русскіе могли заниматься рыбною ловлей также хорошо, какъ у покрытаго тростникомъ или лозою берега Днѣпра. На итальянскихъ картахъ находится isola rossa—нынѣ островъ Корабай, лежащій передъ устьемъ Каланчака; Залознымъ онъ могъ быть названъ потому, что пролегалъ

---

[1]) Описаніе Украйны, сочиненіе Боплана, пер. съ францұз. СПБ. 1832 г. стр. 67.

[2]) Черноморье. Бруна (Слѣды др. рѣч. пути изъ Днѣпра въ Азовское море), стр. 99.

[3]) „О Слав. въ Малой Азіи...", стр. 68, пр. 1-е.

[4]) Истор. Россіи, т. I, пр. 312.

за лозами долины Днѣпра [1]). Кромѣ этихъ двухъ путей, былъ еще третій, самый удобный; имъ пользовались только одни Сѣверяне; онъ шелъ къ Сѣверскому Донцу, затѣмъ по Донцу внизъ до того мѣста, гдѣ впослѣдствіи Донскіе козаки переносили свои лодки на Міусъ.

Но самое главное, что говоритъ въ пользу нашего мнѣнія,—это постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ и зависимость отъ черниговскихъ князей, которая и на Руси признавалась дѣломъ законнымъ. Первымъ извѣстнымъ ея княземъ является Мстиславъ Владиміровичъ, объединившій подъ своею властью Тмутаракань и Черниговъ; и послѣ него Тмутараканью владѣютъ главнымъ образомъ черниговскіе князья; на всѣхъ остальныхъ, которымъ на время удается захватить ее въ свои руки, смотрятъ какъ на нарушителей правъ черниговскаго князя, и этотъ послѣдній идетъ на защиту своей попранной власти. Тмутаракань признается искошною вотчиною въ родѣ Святослава Ярославича.

Не даромъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ" объясняетъ походъ сѣверскихъ князей 1184 г. желаніемъ вернуть Тмутаракань, которая теперь затерта кочевниками и оторвана отъ своей метрополіи. „Се бо два сокола слетѣста съ отня злата стола поискати града Тьмутороканя; а любо испити шеломомъ Дону [2])".

Наконецъ, въ пользу нашего предположенія говоритъ еще одно обстоятельство. Въ спискѣ городовъ русскихъ, помѣщенномъ въ Воскресенской лѣтописи [3]), упоминается Тмутаракань на р. Острѣ, притокѣ Десны, въ Черниговскомъ княжествѣ, а извѣстно, что одинаковыя названія очень часто указываютъ на географическую или этнографическую близость ихъ населенія.

---

[1]) Бруна. Черноморье (Слѣды др. рѣч. пут. изъ Днѣпра въ Азов. море), стр. 127—128.

[2]) „Слово о полку Иг.", изд. Тихонравова, стр. 7.

[3]) „А се грады Кіевьскіе: Двеpенъ, на Рши Корсунь, Треполь, на Днѣпрѣ Каневъ, Глинескъ, Переславль Русскый, Юрьевъ, Пересѣченъ, Василевъ на Стугнѣ, Бѣлгородокъ, на Днѣпрѣ Черны, городъ Кіевъ, древянъ, на Днѣпрѣ, а церкви святая Богородица Десятинная каменная была о полутретьятцати връсѣхъ,... . Вышегородъ, Мирославиць, *Тмуторикань*, Острескый". (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 240).

Съ возникновеніемъ Тмутаракани связь поднѣпровья съ Азовскимъ побережьемъ окончательно укрѣпилась, ибо безъ этого, конечно, не могло быть такихъ частыхъ и безопасныхъ сношеній сѣвера съ югомъ, какія мы видимъ теперь. Тмутаракань въ это время получаетъ себѣ особаго епископа; сосѣди ей не страшны: Хозаре ослаблены, Ясы и Касоги или воюютъ съ нею и терпятъ пораженія, или живутъ въ мирѣ и входятъ въ значительномъ количествѣ въ составъ ея дружинъ. Степные народцы (главнымъ образомъ Печенѣги) уже обезсилѣли въ борьбѣ съ русскими князьями; при Ярославѣ мы не видимъ ни одного нападенія на Русскую землю кочевниковъ; напротивъ того замѣчаемъ, напр., что онъ поселяетъ плѣнныхъ Ляховъ по рѣкѣ Роси, правомъ притокѣ Днѣпра. О Половцахъ пока еще не слышно. Очевидно, слѣдовательно, что до смерти Ярослава нужно признать фактъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія Сѣверянъ на югъ и, главнымъ образомъ, на юго-востокъ. При преемникахъ Ярослава намъ прійдется наблюдать явленіе обратное: постепенное вытѣсненіе славянскаго населенія кочевниками изъ южныхъ и юго-восточныхъ предѣловъ; тогда Тмутаракань уже исчезаетъ изъ историческаго горизонта и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянское населеніе удерживается, представляя собою, какъ-бы оазисы среди пустыни—кочевниковъ; но объ этомъ подробнѣе послѣ.

Колонизація на сѣверъ и сѣверо-востокъ въ разсматриваемый нами періодъ не могла быть очень значительна. Эта колонизація, понятное дѣло, могла идти только въ земли инородцевъ, каковыми на сѣверо-востокѣ являлись чудскія племена. Колонизаторами въ землю Чуди могли явиться только сосѣднія славянскія племена; самымъ ближайшимъ и естественнымъ сосѣдомъ были Кривичи; за ними слѣдовали Вятичи. Первымъ очень удобно было двигаться по Волгѣ до ея средняго теченія, такъ какъ они занимали ея верховья; вторые, живя въ бассейнѣ верхней Оки, могли двигаться по ней и колонизовать прежде всего чудскія племена, жившія по средней и нижней Окѣ. Эта колонизація носила двоякій характеръ: военный и мирный.

Начало военной колонизаціи совпадаетъ съ началомъ Русскаго государства. Такъ объ Рюрикѣ говорится въ лѣтописи: „и роздая мужемъ своимъ грады. И по тѣмъ городомъ находницы Варязи; а первые насельницы въ Новѣ-городѣ Словѣне, Полотьски—Кривичи, въ

Ростовѣ—Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ—Весь, въ Муромѣ—Мурома [1])". Для насъ не важенъ вопросъ, историческое ли лицо Рюрикъ, или нѣтъ; для насъ важенъ фактъ, что уже въ то время существуетъ военная колонизація Славянъ въ земли Финновъ. Движеніе этой военной колонизаціи, очевидно, идетъ изъ дружиннаго центра Новгорода великимъ волжскимъ путемъ и достигаетъ нижняго теченія Оки. Господство князей выразилось въ этомъ случаѣ военнымъ занятіемъ 3-хъ городовъ, составлявшихъ центры трехъ финскихъ племенъ, и сборомъ дани съ окрестныхъ жителей. Между тѣмъ центръ исторической жизни Русскаго народа переносится съ сѣвера на югъ, и поволжскій край на время ускользаетъ отъ вниманія русскихъ князей. Съ подчиненіемъ Вятичей кіевскимъ князьямъ, верховья Оки вошли въ составъ русскихъ владѣній. Лѣтопись даже не упоминаетъ о покореніи Владиміромъ Мещеры; но оно само собою предполагается при походахъ Владиміра на сѣверо-востокъ, когда сильные Вятичи были сломлены; преемники его въ XI ст. спокойно переходятъ со своими дружинами по мещерскимъ землямъ и ведутъ здѣсь междуусобныя войны, не обращая вниманія на мѣстныхъ жителей. Устье Оки принадлежало русскимъ князьямъ еще прежде; поэтому и среднее теченіе не могло оставаться внѣ культурнаго вліянія славянскихъ сосѣдей. Наступательное движеніе славяно-русской колонизаціи въ Поволжье должно было на время остановиться: препятствіемъ явилось довольно сильное по тому времени государство камскихъ Болгаръ. Удачные походы Владиміра Св. хотя и не могли сокрушить этой преграды къ распространенію русскаго вліянія, но все-таки закрѣпили всю окскую систему. Начала гражданственности однако еще не скоро проникли въ эту лѣсную глушь: первый городъ упоминается здѣсь спустя цѣлое столѣтіе; даже при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра, народы, заселявшіе область Оки, все еще прозябали въ тѣни своихъ первобытныхъ лѣсовъ. Признаки жизни замѣтны только въ отдаленномъ Муромѣ. Здѣсь первымъ удѣльнымъ княземъ является Св. Глѣбъ, сынъ Владиміра Св. Главною заботою этого князя было насажденіе христіанства. Глѣбъ мало успѣлъ въ своей миссіонерской дѣятельности, такъ какъ не долго оставался въ Муромѣ. Послѣ его смерти христіанство должно было

[1]) Ип. лѣт. стр 11.

еще въ продолженіи цѣлаго столѣтія выдерживать здѣсь борьбу съ языческою партіею, прежде чѣмъ побѣда оказалась на его сторонѣ.

Рядомъ съ этою военною колонизаціею шла мирная по рѣкамъ, и такъ какъ ихъ здѣсь было очень много, то она отличалась значительною интенсивностью. Многочисленныя развѣтвленія Волги открывали вообще превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но даже въ предѣлахъ ея собственнаго бассейна. Многочисленные притоки ея притоковъ, сближаясь между собой верховьями, покрываютъ какъ-бы сѣтью омываемое ими пространство. Въ силу этихъ чисто географическихъ условій мѣстности, колонизація могла совершаться постепенно, являясь не дѣломъ цѣлаго племени и даже не значительной части его, а дѣломъ отдѣльныхъ общинъ. Медленно и туго финскій элементъ проникался славянскимъ, но тѣмъ вѣрнѣе пускалъ тотъ тамъ свои корни. Главными дѣятелями въ этой мирной колонизаціи были, конечно, Вятичи; этимъ только и можно объяснить тѣсную связь Муромо-Рязанской земли съ Сѣверской; притомъ откуда иначе могъ въ земли Муромы и Мещеры проникнуть славянскій элементъ, который впослѣдствіи почти совершенно поглотилъ туземный финскій? Одной военной колонизаціи для этого было-бы не достаточно. Опредѣлить предѣлъ, котораго достигли Вятичи въ своемъ движеніи на сѣверъ и востокъ довольно трудно. Одно можно сказать, что они достигли того рубежа, гдѣ сходились земли инородческихъ племенъ Мери, Мордвы, Мещеры. Хотя можно предполагать, основываясь на близкомъ сосѣдствѣ земель, ихъ колонизацію и въ землю Мери, но въ колонизаціи земель Мери болѣе дѣятельное участіе должны были принимать Кривичи и новгородскіе Славяне, на что ясно указываетъ связь этихъ земель съ кривичскими и словенскими. Въ это время и сами Вятичи болѣе цивилизуются: мѣняютъ суровый бытъ звѣролововъ на бытъ земледѣльческій; слѣдовательно, выходятъ изъ состоянія той дикости, на которую указываетъ лѣтописецъ словами: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто". На этотъ переходъ указываетъ перемѣна въ дани: прежде они платили дань Хозарамъ по бѣлкѣ, а теперь Владиміру Св. они платятъ по шелягу отъ рала. Войдя сами въ составъ новаго южно-русскаго государства, они тѣмъ самимъ вводили и своихъ безсильныхъ сосѣдей—Финновъ.

Но на ряду съ Вятичами дѣятельное участіе въ колонизаціи этого края принимаютъ и Радимичи; на это указываетъ рядъ географическихъ

названій, сходныхъ съ именемъ Радимичей въ области Упы, праваго притока Оки: Радугощъ, Радугище и Радушное, на сѣверо-востокъ отъ Одоева, въ области Жиздры, Угры, Протвы и даже Москвы рѣки, хотя и не въ значительномъ количествѣ. Кажется страннымъ, какимъ образомъ могла существовать радимичская колонизація въ окскій бассейнъ, такъ какъ Радимичей отъ него какъ-бы отдѣляли Вятичи. Но затрудненіе будетъ устранено, если мы предположимъ, что путь для нихъ былъ юго-восточный, черезъ верхнее Подесенье и верхнюю Оку съ ея притоками. Эта гипотеза подтверждается географическою номенклатурою: мы имѣемъ цѣлый рядъ именъ, сходныхъ съ именемъ Радимичей въ верховьяхъ Десны, Сейма и Оки. Такъ въ области Десны, кромѣ Радогоща (теперь Погаръ на Деснѣ) мы видимъ рѣчку Пещань, съ лѣвой стороны вливающуюся въ Десну близь с. Радчина, Радинскаго и Радушина въ южной части Брянскаго уѣзда, Радовище на р. Радовищѣ, вливающейся въ Витебеть Карачевскаго уѣзда, рѣчку Радицу (лѣвый притокъ Болвы) на югѣ Жиздринскаго уѣзда, Радогощъ на р. Нерусѣ, ниже Дмитровска; въ области Сейма—Радубежъ, Радегощъ, Радудичи. Поселенія Радимичей окружали сѣверянскую территорію съ сѣверо-востока, отдѣляя ее отъ верхней Оки.

II-я ГЛАВА.

Сѣверская земля при первыхъ кіевскихъ князьяхъ.

Покореніе Олегомъ Сѣверянъ и Радимичей; участіе ихъ въ походѣ на Грековъ. Походъ Игоря на Табористанъ. Сѣверская земля при Ольгѣ. Походъ Святослава на Вятичей и Хозаръ; помощь Сѣверянъ Кіевлянамъ во время нападенія Печенѣговъ. Вторичное покореніе Вятичей Владиміромъ; возстаніе Радимичей; построеніе городовъ и легенда объ основаніи Переяславля. Мстиславъ Тмутараканскій; Лиственская битва; Мстиславъ—князь Сѣверской земли; связь Сѣверской земли съ Тмутараканью.

До вокняженія Олега Сѣверяне и Вятичи платили дань Хозарамъ [1]). Тѣсная связь Сѣверянъ съ Хозаріею подтверждается, какъ это мы уже видѣли раньше, и арабскими извѣстіями.

---

[1]) „Имаху дань Варязи приходяще изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ и на Мѣряхъ, и на Весѣхъ, и на Кривичахъ; а Козаре имахуть на Полянехъ, и на Сѣверяхъ, и на Вятичихъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма“. Ип. лѣт. стр. 10—11.

Олегъ, собравъ Варяговъ, Чудь, Новгородцевъ, Кривичей, идетъ по Днѣпру и завоевываетъ встрѣчающіеся на пути славянскіе города (Смоленскъ—у Кривичей, Любечъ—у Сѣверянъ), гдѣ и садитъ своихъ мужей [1]). Черниговъ въ это время, вѣроятно, еще не былъ завоеванъ: Олегъ рѣшилъ сначала завоевать города поднѣпровскіе, чтобы потомъ утвердиться въ какомъ нибудь центральномъ пунктѣ и оттуда уже продолжать завоеванія. Дѣйствительно, утвердившись въ Кіевѣ, сдѣлавъ его центральнымъ пунктомъ своихъ владѣній, назвавъ его матерью городовъ русскихъ, Олегъ покоряетъ славянскія племена, бывшія въ зависимости отъ Хозаръ: въ 883 году—Древлянъ [2]), въ 884 году—Сѣверянъ и въ 885 г.—Радимичей. Характеръ завоеванія Сѣверянъ и Радимичей былъ неодинаковъ; поэтому мы скажемъ о немъ нѣсколько подробнѣе. О завоеваніи Сѣверянъ лѣтопись говоритъ такъ: „Олегъ иде на Сѣверы и побѣди Сѣверы и возложи на нихъ дань легъку и не дасть имъ Козарамъ дань даяти, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему [3])“. Такимъ образомъ, Олегъ самъ долженъ былъ пойти на Сѣверянъ, одержать надъ ними побѣду и наложить не въ примѣръ другимъ легкую дань; все это показываетъ, что Сѣверяне отличались значительною степенью земельной самостоятельности; ихъ значеніе въ этомъ случаѣ увеличивалось, потому что они были ближайшими сосѣдями Хозаръ и повидимому имѣли къ нимъ сильное тяготѣніе: Олегу не довольно было имъ сказать: платите дань мнѣ, а не Хозарамъ, а нужно было побѣдить ихъ. Совершенно обратное явленіе представляютъ Радимичи. „Посла Олегъ къ Радимичемъ, рка: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козарамъ“. И рече имъ Олегъ: „не давайте Козаромъ, но мнѣ давайте“ и вдаша Ольгови по щелягу, якоже и Козарамъ даяху [4])“. Здѣсь Олегу не нужно было предпринимать похода: Радимичи по первому его предложенію даютъ ему дань. Такимъ образомъ, Радимичи выказали по отношенію къ Руси гораздо менѣе устоя, чѣмъ Сѣверяне, не смотря на то, что эти послѣдніе представляли изъ себя окраинное населеніе и поэтому подвергались большимъ внѣшнимъ опасностямъ.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 13; П. С. Р. Л. т. I, стр. 10.

[2]) Древляне, по извѣстію лѣт. Пер. Сузд. (стр. 4), также платили дань Хозарамъ.

[3]) Ип. лѣт. подъ 884 г. стр. 13—14; П. С. Р. Л. т. I, стр. 10.

[4]) Ип. лѣт., стр. 14-я.

И такъ, ко времени Олега, съ освобожденіемъ отъ Варяговъ и Хозаръ, на Руси возникло два центра: одинъ на сѣверѣ—Новгородъ, другой на югѣ—Кіевъ; къ первому тяготѣли полоцкіе Кривичи и русское населеніе, занявшее путемъ колонизаціи Поволжье (Ростовъ—русскій городъ въ землѣ Мери и Бѣлоозеро—въ землѣ Веси) и нижнюю Оку (Муромъ—въ землѣ Муромы); ко второму—южныя славянскія племена (кромѣ, конечно, Полянъ, Древляне, Сѣверяне, Радимичи; съ Уличами и Тиверцами Олегъ имѣлъ пока рать [1]). Южный центръ при Олегѣ получилъ преобладаніе надъ сѣвернымъ: Новгородъ долженъ былъ платить 300 гривенъ ежегодной дани; очевидно, слѣдовательно, что онъ въ это время игралъ по отношенію къ Кіеву ту же зависимую роль, какъ и другіе города. Впрочемъ не нужно думать, что эта зависимость носила характеръ полнѣйшаго подчиненія: славянскія племена, вошедшія въ составъ княжества Олега, удержали свою внутреннюю самостоятельность.

Сѣверяне и Радимичи были завоеваны въ 884 и 885 гг.; до 907 г. мы не имѣемъ въ лѣтописяхъ о нихъ никакихъ извѣстій; въ этомъ же году Олегъ совершилъ свой походъ на Грековъ; не будемъ говорить о немъ подробно, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, а выберемъ оттуда только факты, непосредственно относящіеся къ нашему вопросу. „Іде Олегъ на Греки, Игоря остави въ Кыевѣ, поя же множество Варягъ, Словѣнъ и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и *Сѣверу*, и Древляне, и *Радимичи*, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы [2]". И такъ, въ числѣ Олеговой дружины, выступившей въ походъ на Грековъ, мы находимъ Сѣверянъ и Радимичей. По мирнымъ условіямъ, Греки должны были дать дани по 12 гривенъ на человѣка и кромѣ того давать „уклады" на русскіе города: „первое на Кіевъ, также и на *Черниговъ*, и на *Переяславъ*, и на Подътескъ, и на Ростовъ, и на *Любечъ* и на прочія городы; по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще [3]". Въ чемъ состояли эти „уклады"? „Да приходятъ

---

[1]) Ип. лѣт. подъ 885 г. стр. 14; П. С. Р. Л. т. I, стр. 10.

[2]) Въ Ник. лѣт. находимъ странное извѣстіе, что Олегъ взялъ съ собою и Вятичей; но тогда Вятичи еще не были покорены кіевскими князьями; очевидно, это ошибка (Ник. лѣт. т. I, стр. 29).

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 13; Ип. лѣт. стр. 18; въ лѣт. Пер. Суз. прибавленъ еще послѣ Переяславля Новгородъ, (стр. 9).

Русь, хлѣбное емлють, елико хотять; а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяцъ, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь, елико хотять; и пойдуть же Русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужища, и прѣ и елико надобѣ [1])". Изъ этихъ мирныхъ условій, а еще больше изъ подробнаго договора Олега съ Греками 912 года мы видимъ, что этотъ походъ имѣлъ чисто торговыя цѣли, долженъ былъ урегулировать торговыя сношенія русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ для торговли въ Царьградъ. Въ числѣ городовъ, на которые были положены „уклады", Черниговъ и Переяславль занимаютъ первое мѣсто; кромѣ ихъ мы видимъ здѣсь еще и третій сѣверянскій городъ Любечъ; очевидно, слѣдовательно, что эти три сѣверянскіе города принимали самое живое и дѣятельное послѣ Кіева участіе въ торговлѣ съ Греками; торговля ихъ съ Византіей была болѣе значительна, чѣмъ Полоцка и Ростова. Но это извѣстіе имѣетъ для насъ значеніе и съ другой стороны: оно показываетъ степень зависимости различныхъ областей (въ томъ числѣ и Сѣверской) отъ Кіева; изъ него мы видимъ, что всѣ города (а слѣдовательно и земли) принимаютъ участіе въ тѣхъ внѣшнихъ походахъ, которыми почти всѣ равно заинтересованы; интересы стольнаго города здѣсь только стоятъ на первомъ планѣ: „уклады" даются на всѣ русскіе города, только на Кіевъ они даются „пѣрвое" т. е. прежде всего. Затѣмъ обращаетъ на себя наше вниманіе выраженіе: „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Что это за князья? Можно-ли понимать здѣсь буквально слово князь? Иначе говоря, были ли во всѣхъ этихъ городахъ князья? Во всѣхъ городахъ были, очевидно, управители; нѣкоторые изъ нихъ были и племенными князьями, признавшими надъ собою власть Олега—это были буквально „князья подъ Ольгомъ суще"; но были ли такіе князья въ Сѣверской землѣ, сказать трудно; относительно Радимичей можно, впрочемъ, почти навѣрно утверждать, что ихъ не было, потому что мы не находимъ у нихъ вовсе городовъ, которые-бы имѣли центральное значеніе для края (два извѣстные намъ города въ Посожьи въ XII в. *Чичерескъ* и *Гомьи* являются простыми волостями черниговскихъ князей, не составившими даже особыхъ удѣловъ); у Вятичей

[1]) Ип. лѣт., стр. 18.

въ XI в. мы находимъ племеннаго князя—Ходоту [1]); относительно Сѣверянъ есть только одинъ фактъ, какъ-бы указывающій на существованіе князей въ очень отдаленную эпоху; это—народное преданіе объ основателѣ Чернигова—князѣ Чорнѣ и его дочери княжнѣ Чорнѣ [2]); но за то въ другой разъ, при Святославѣ, предводителемъ черниговской рати, жителей „тоя стороны" является, хотя и мѣстный, земскій, но не князь, а воевода—Претичъ; въ Любечѣ сидитъ также не князь, а „мужъ" Олеговъ.

Въ походѣ Игоря на Грековъ Сѣверяне и Радимичи пропущены въ лѣтописи; значитъ-ли это, что они не принимали въ немъ участія? Вѣроятно, нѣтъ, потому что одна лѣтопись (Ипатская) перечисляетъ Полянъ, Словѣнъ и Кривичей [3]), между тѣмъ какъ другая (Лаврентіевская) присоединяетъ еще и Тиверцевъ [4]).

Къ княженію Игоря намъ слѣдуетъ отнести еще одинъ фактъ, о которомъ русскія лѣтописи не говорятъ ни слова, но за то очень подробно разсказываютъ Арабы: мы имѣемъ въ виду походъ Руссовъ (въ 913 г.) на Табористанъ. Олегъ, какъ мы видѣли, освободилъ Сѣверянъ и Радимичей отъ власти Хозаръ, но наступательное движеніе русскихъ князей на Хозаръ еще не начиналось: началось оно при Игорѣ. Вотъ какъ разсказываетъ Масуди, писавшій въ первой половинѣ X в. „Послѣ 300 г. Гиджры (912—913 г.), говоритъ онъ, случилось, что около 500 кораблей, изъ коихъ на каждомъ было сто человѣкъ (изъ Руссовъ), вошли въ рукавъ Найтаса, соединяющійся съ Хозарскою рѣкою [5]). Здѣсь же хозарскимъ царемъ поставлены въ большомъ количествѣ люди, которые удерживаютъ приходящихъ этимъ моремъ, также приходящихъ сухимъ путемъ съ той стороны, гдѣ полоса Хозарскаго моря соединяется съ моремъ Найтасъ. Это дѣлается потому, что Туркскіе кочевники Гуззы приходятъ въ этотъ край и зимуютъ здѣсь; часто же замерзаетъ вода,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 103. (Поуч. Влад. Мон. дѣтямъ).

[2]) Чер. губ. вѣд. 1851 г. Статья Котлярова (№№ 24—28).

[3]) Ип. лѣт. подъ 448 г., стр. 28

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 19.

[5]) Нужно думать, что рукавъ Найтаса (Азов. море) есть нижнее теченіе Дона; тутъ (гдѣ нынѣ Качалинская пристань) Донъ сближается посредствомъ волока съ Волгою: тутъ суда перетаскивались съ Дона въ Волгу, тутъ-то и стоялъ гарнизонъ.

соединяющая рѣку Хозарскую съ рукавомъ Найтаса, и Гуззы переправляются по ней со своими конями, ибо вода эта велика и не ломается подъ ними, по причинѣ сильнаго замерзанія—и переходятъ въ страну Хозаръ..... Послѣ того какъ русскіе суда прибыли къ хозарскимъ людямъ, поставленнымъ при устьи рукава, они (Руссы) послали къ хозарскому царю просить о томъ, чтобъ они могли перейти въ его страну, войти въ его рѣку и вступить въ Хозарское море, которое есть также море Джурджана, Таберистана и другихъ персидскихъ странъ, какъ мы уже упомянули—подъ условіемъ, что они дадутъ ему половину изъ всего, что награбятъ у народовъ, живущихъ по этому морю. Онъ же (царь) согласился на это. Посему они, вступивъ въ рукавъ, достигли устья рѣки и впаденія ея въ Хозарское море. Отъ впаденія же рѣки до города Итиль это большая рѣка и многоводная. И русскія суда распространились по этому морю, толпы ихъ бросились на Джиль, Дайлемъ, на города Таберистана. на Абаскунъ, который находится на Джурджанскомъ берегу, на Нефтяную страну и по направленію къ Адарбайджану, ибо отъ области Ардабиля въ странѣ Адарбайджанѣ до этого моря разстояніе около трехъ дней пути. И Руссы проливали кровь, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили имущество, распускали всадниковъ (для нападеній) и жгли. Народы, обитавшіе около этого моря, съ ужасомъ возопили, ибо имъ не случалось съ древнѣйшаго времени, чтобъ врагъ ударилъ на нихъ здѣсь, а прибывали сюда только суда купцовъ и рыболововъ. Руссы же воевали съ Джилемъ, Дайнемомъ и съ военачальникомъ у Ибнъ-Абисъ-Саджа и достигли до нефтянаго берега въ области Ширвана, извѣстнаго подъ названіемъ Баку. При возвращеніи своемъ изъ прибрежныхъ странъ, Руссы поворотили на острова, близкіе къ Нафтѣ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ нея. Царемъ Ширвана былъ тогда Али-ибнъ-аль-Гайтамъ. И жители вооружились, сѣли на корабли и купеческія суда и отправились къ этимъ островамъ; но Руссы устремились на нихъ и тысячи мусульманъ были умерщвлены и потоплены. Многіе мѣсяцы Руссы оставались на этомъ морѣ и въ такомъ положеніи; никто изъ тамошнихъ народовъ не имѣлъ возможности подступать къ нимъ на этомъ морѣ, а всѣ они укрѣплялись и были на стражѣ отъ нихъ, ибо море это обитаемо вокругъ народами. Послѣ того какъ они награбили и имъ надоѣла эта жизнь, отправились они къ устью Хозарской рѣки и истеченію ея, послали къ царю хозарскому деньги и добычу по

ихъ уговору. Царь же хозарскій не имѣетъ судовъ и его люди не привычны къ нимъ; въ противномъ случаѣ мусульмане были бы въ великой опасности съ его стороны. Ларсія же и другіе мусульмане изъ страны Хозаръ узнали объ этомъ дѣлѣ и сказали хозарскому царю: „позволь намъ (отомстить), ибо этотъ народъ нападалъ на страну нашихъ братьевъ—мусульманъ, проливалъ ихъ кровь и плѣнилъ ихъ женъ и дѣтей". Не могши имъ препятствовать, царь послалъ къ Руссамъ и извѣстилъ ихъ, что мусульмане намѣреваются воевать съ ними. Мусульмане же собрались и вышли искать ихъ при входѣ въ *Итиль* по водѣ. Когда же увидѣли они другъ друга, Руссы вышли изъ своихъ судовъ. Мусульманъ было около 15,000 ч. съ конями и вооруженіемъ, съ ними были также многіе изъ христіанъ, жившихъ въ Итилѣ. Три дня продолжалось между ними сраженіе. Богъ помогъ мусульманамъ противъ Руссовъ и мечъ истребилъ ихъ, кто былъ убитъ, а кто утопленъ. Около же 5,000 изъ нихъ спаслись и отправились на судахъ въ страну, примыкающую къ странѣ Буртасъ, гдѣ они оставили свои суда и стали на сушѣ; но изъ нихъ кто былъ убитъ жителями Буртаса, а кто попался мусульманамъ въ странѣ Бургаръ и тѣ убили ихъ. Сосчитанныхъ мертвецовъ изъ убитыхъ мусульманами на берегу Хозарской рѣки около 30,000 чел. [1])".

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній къ этому извѣстію. Количество 50,000 ч. ратниковъ, можетъ быть, и не преувеличено, такъ какъ Олегъ, напримѣръ, ходилъ на Царьградъ съ 80,000 морскаго войска кромѣ сухопутнаго; достовѣрность этой цифры подтверждается дальнѣйшими словами Масуди, что въ сраженіяхъ съ хозарскими мусульманами, Буртасами и Болгарами пало 35,000; остальныя 15,000 погибли, вѣроятно, въ битвахъ съ прибрежными жителями Каспійскаго моря.

Гарнизонъ, очевидно, стоялъ въ крѣпости Саркелѣ—на переволокѣ изъ Дона въ Волгу [2]). Достовѣрность этого похода подтверждается и другими источниками. На основаніи извѣстій *Миръ-Загиръ-адъ-Дина-Марагши* въ его исторіи Табористана и Мозандарана Френъ даже доказалъ, что походъ этотъ былъ предпринятъ въ первыхъ шести мѣсяцахъ 301 г., т. е. въ концѣ 913 г. по Р. Х. Другой нашъ ака-

---

[1]) Гаркави. „Ск. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 130—133.

[2]) О мѣстоположеніи Саркела мы скажемъ ниже.

демикъ (Броссе) доказалъ изъ исторіи Агованъ (Албаніи) армянскаго писателя X в. Моисея Каганкатоваци, что походъ Руссовъ совершенъ былъ въ 363 г. армянской эры или въ 914 г. по Р. Х. Эта незначительная разница объясняется тѣмъ, что одинъ изъ нихъ ошибся на нѣсколько мѣсяцевъ. За тѣмъ въ концѣ этого разсказа есть нѣсколько неточностей. Зачѣмъ Руссамъ послѣ пораженія нужно было отправляться въ страну Буртасовъ и камскихъ Булгаръ, когда они могли возвратиться домой прежнимъ путемъ, т. е. р. Дономъ и Азовскимъ моремъ? Зачѣмъ имъ было выходить на берегъ и сражаться 3 дня, когда они могли уйти по рѣкѣ? Эти противорѣчія заставляютъ насъ думать, что битва была возлѣ Саркела: здѣсь засѣли враги, разбили ихъ и не пропустили на Донъ, такъ что тѣ принуждены были подниматься вверхъ по Волгѣ, гдѣ на нихъ напали волжско-камскіе Болгаре и окончательно уничтожили.

При Игорѣ же былъ предпринятъ (въ 943 г.) другой походъ на тѣже страны, о которомъ говорятъ: Якутъ, Григорій Баръ еврей, Абуль-Феда, Ибнъ-Эль-Атиръ и Айна [1]).

При разсказѣ о княженіи Ольги, лѣтопись даетъ намъ нѣсколько фактовъ о дѣятельности князей внутри земли. „І іде Ольга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ея и ловища ея [2])“; за тѣмъ далѣе: „въ лѣто 6455 (947) г.) иде Олга къ Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по *Деснѣ*, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възвратися къ сыну своему въ Кіевъ и пребываше съ нимъ въ любви [3])“. Такимъ образомъ, въ подвластныхъ имъ областяхъ кіевскіе князья устанавливали оброки и дани, уставы и уроки, перевѣсища и ловища. Но, вѣроятно, одни изъ племенъ платили больше дани, другіе меньше; больше другихъ платили Древляне въ наказаніе за умерщвленіе Игоря; въ большой также зависимости отъ кіевскихъ князей находились Радимичи, которые „повозъ везутъ и до сего дне [4])“ (т. е. до

---

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 158.
[2]) Ип. лѣт., стр. 38.
[3]) Ibidem,
[4]) Ibidem, стр. 56.

начала XII в.); Сѣверяне платили гораздо меньше: даже Олегъ наложилъ на нихъ „дань легъку"; Вятичи платили, вѣроятно, еще меньше; даже въ концѣ XI в. Владиміръ Мономахъ ходилъ къ нимъ на Ходоту и его сына [1]).

При Святославѣ случилось важное для Сѣверской земли событіе: покореніе Вятичей. Вотъ какъ лѣтопись разсказываетъ объ этомъ событіи. 964 г. И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе (на) Вятичи, и рече имъ: „кому дань даете?" Они же рекоша: „Козаромъ по щелягу отъ рала даемъ". 965 г. „Иде Святославъ на Козары. Слышавше Козаре, изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася бити; и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлувежю взя. И Ясы побѣди и Касогы, и приде къ Киеву. 966 г. Побѣди Вятичь Святославъ и дань на нихъ възложи [2])". Отсюда мы видимъ, что Вятичи, о которыхъ доселѣ лѣтопись молчала, находились подъ властью Хозаръ. Вятичи не даютъ Святославу дани немедленно, подобно тому какъ это сдѣлали Радимичи; онъ долженъ былъ сначала побѣдить Хозаръ, а потомъ уже наложить дань и на нихъ, при чемъ это ему удалось сдѣлать не безъ борьбы; по крайней мѣрѣ объ этомъ можно заключать изъ постояннаго стремленія ихъ освободиться отъ зависимости: они свергнули съ себя власть кіевскаго князя, такъ что Владиміръ долженъ былъ ихъ снова покорять. Сопротивленіе Вятичей объясняется отдаленностью отъ Кіева и близкимъ сосѣдствомъ съ Хозарами. Когда же Хозаре были побѣждены, то Вятичи не могли долго сопротивляться. Эта побѣда надъ Хозарами имѣла очень важное значеніе. Раньше Олегъ освободилъ Сѣверянъ и Радимичей отъ власти Хозаръ; но наступательнаго движенія на нихъ не предпринималъ; очевидно, они еще въ это время были довольно сильны; при Игорѣ начато было наступательное движеніе, хотя окончилось очень печально для Руссовъ. Святославъ продолжалъ дѣло Игоря и, можно сказать, сломилъ хозарское могущество.

Лѣтописный разсказъ о походѣ Святослава на Хозаръ подтверждаютъ и арабскіе писатели; вотъ подлинныя извѣстія Ибнъ-Хаукаля: „Въ настоящее же время не осталось и слѣда ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хозара, ибо Руссы напали (или истребили) всѣхъ ихъ,

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 103.

[2]) Ип. лѣт., стр. 41—42. П. С. Р. Л. т. I, стр. 27.

отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ. Тѣ же, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣяны по ближайшимъ мѣстамъ изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ и надѣясь заключить съ ними миръ и подчиниться имъ...

Русы ограбили его (Булгаръ), Хозранъ, Итиль и Самандаръ въ 969 г. и отправились тотчасъ въ Русь и Андалусъ... Хозаре имѣютъ также городъ, называемый Самандаромъ, который находится между нимъ (Итилемъ) и Бабъ-аль-Абвабомъ. Въ этомъ городѣ было много садовъ; говорятъ, что онъ содержалъ около 40,000 виноградниковъ. Я развѣдалъ о немъ въ Джуржанѣ по свѣжести памяти о немъ. Его населяли мусульмане и другіе; они (мусульмане) имѣли въ немъ мечеть; христіане—церкви и Евреи—синагоги. Но Русы напали на все это, разрушили все, что было по р. Итиль, принадлежавшее Хозарамъ, Булгарамъ и Буртасамъ, и овладѣли имъ: жители же Итиля убѣжали на островъ Бабъ-аль-Абваба, а часть ихъ живетъ на островѣ Сіаку въ страхѣ. Жилища ихъ были хижины, а постройки ихъ плелись изъ дерева и замазывались сверху. Царь ихъ былъ изъ Евреевъ, родственъ съ хозарскимъ царемъ [1]).

Тождественность этого извѣстія съ извѣстіемъ первоначальной лѣтописи очевидна: и тамъ, и здѣсь Святославъ идетъ въ страну Хозаръ и доходитъ до сѣвернаго Кавказа. Разница въ хронологіи не можетъ насъ смущать, потому что походъ могъ быть начатъ въ 965 г., а оконченъ въ 968 г. или по крайней мѣрѣ до 968 г. могъ продолжаться набѣгъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ отрядовъ. Первымъ и главнымъ мотивомъ похода было желаніе освободить Вятичей отъ хозарскаго владычества; на второй указываетъ письмо хозарскаго царя Іосифа къ Хасданъ-Ибнъ-Шапруту. Въ этомъ письмѣ, написанномъ около 960 г., т. е. нѣсколькими годами раньше нападенія Руссовъ на Хозаръ, говоритъ царь Іосифъ: „я не допускаю Руссовъ, прибывающихъ на корабляхъ, переправиться къ нимъ (Исмаелитамъ, Арабамъ). Еслибъ я допустилъ ихъ, то они опустошили бы всю землю Исмаила до Багдада [2]). Желая имѣть свободный доступъ къ Кавказу и прикаспійскимъ странамъ, Руссы прежде всего должны были сломить Хозаръ, разрушить Саркелъ, служившій у Хозаръ противъ Руссовъ оплотомъ; очень можетъ быть, что руководило отчасти тутъ и

[1]) Гаркави. „Ск. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 218—220.
[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус"., стр. 225.

желаніе отомстить за неудачные походы 913 и 944 гг.; но главнымъ мотивомъ остается все-таки желаніе ослабить хозарское могущество. Тутъ намъ нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи для Хозаръ Саркела, разрушеннаго Святославомъ.

Относительно Бѣловѣжи намъ извѣстно слѣдующее (изъ Константина Багрянороднаго). Около 835 г. хозарскій каганъ и хозарскій бегъ (πεχ) отправили къ императору Θеофану пословъ съ просьбой прислать имъ мастеровъ для постройки крѣпости. Царь послалъ мастеровъ и рабочихъ подъ управленіемъ Петроны; въ Херсонѣ Петрона пересѣлъ на плоскодонныя суда, которыя могли ходить по Азовскому морю и по Дону, доплылъ до назначеннаго мѣста на этой рѣкѣ и здѣсь остановился. Такъ какъ тутъ не было камня, то Греки устроили печи, приготовили кирпичи и за тѣмъ воздвигли крѣпость, называемую *Саркелъ* т. е. Бѣлая Гостинница [1]), по объясненію Константина Багрянороднаго, и Бѣлая Вѣжа, по русской лѣтописи. Въ этой крѣпости, по извѣстіямъ современника Константина Леонтія, былъ гарнизонъ въ 300 челов., которые постоянно смѣнялись [2]). Но въ какомъ именно мѣстѣ на Дону находился Саркелъ? Очевидно, онъ долженъ былъ на-

---

[1]) Греческій текстъ Константина Багрянороднаго. („Объ управленіи имперіей“, гл. 42-я). См. въ „Corp. script. hist. Byz.“ Bon., vol. III, стр. 177—178. „Ἀπὸ δὲ κάτωθεν τῶν μέρων Δανούβεως ποταμοῦ τῆς Δίστρας ἀντίπερα ἡ Πατζινακία παρέρχεται καὶ κατακρατεῖ ἡ κατοικία αὐτῶν μέχρι τοῦ τῶν Χαζάρων κάστρον, ἐν ᾧ ταξεῶται καθέζονται καὶ κατὰ χρόνον ἐναλλασσόμενοι. Ἑρμηνεύεται δε παρὰ αὐτοῖς τὸ Σάρκελ Ἄσπρον ὅσπιτιον ὅπερ ἐκτισθη παρὰ Σπαθαροκανδιδατου Πετρωνᾶ τοῦ ἐπονομαζομένου Καματηροῦ, τὸν βασιλέα Θεόφιλον πρὸς τὸ κτιςθῆναι αὐτοῖς τὸ κάστρον τοῦτο τῶν Χαζάρων αἰτησαμένων. Ὁ γὰρ Χάγανος ἐκεῖνος καὶ ὁ Πεχ Χαζαρίας εἰς τὸν αυτὸν βασιλέα Θεόφιλον πρέσβεις ἀποστείλαντες κτισθῆναι αὐτοῖς τὸ κάστρον τὸ Σάρκελ ἠτήσαντο. Οἷς ὁ βασιλεὺς τῇ τούτων αἰτήσει πεσθείς, τὸν προῤῥηθέντα σπαθαροκανδίδατον Πετρωνᾶ μετὰ χελανδίων βασιλικῶν πλωΐμων ἀπέστειλε καὶ χελάνδια τοῦ Κατεπάνω Παφλαγονίας. Καὶ δὴ ὁ αὐτὸς Πετρωνᾶς τὴν Χερσῶνα καταλαβών, τὰμὲν χελάνδια, εὗρεν ἐν Χέρσωνι, τὸν δὲ λαὸν εἰσαγαγὼν εἰς καματερὰ καράβια ἀπῆλθεν ἐν τῷ τόπῳ τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ τὸ κάστρον ἔμελλε κτίσαι. Καὶ ἐπειδὴ ὁ τόπος λίθους οὐκ εἶχε πρὸς κτίσιν τοῦ κάστρου ἐπιτηδείους καμίνιά τινα ποιησάμενος καὶ βήσαλον ἐν αὐτοῖς ἐγκαύσας, μετ αὐτοῦ τὴν τοῦ καστρου κτίσιν ἐποιήσατο ἐκ μικρῶν τινων τῶν ἐκ τοῦ ποταμοῦ καχλιδίων ἄσβεστον εργασάμενος.

[2]) Лерберга, стр. 330. Ενθα καὶ Χαζάρων ταξεῶται καθέζονται τριακόσιοι κατὰ χρόνον ἐναλλασσόμενοι.“

ходиться въ самомъ важномъ пунктѣ; а такимъ пунктомъ былъ волжско-донской волокъ, гдѣ нынѣ Качалинская пристань, потому что здѣсь суда перетаскивались съ Дона въ Волгу; этотъ пунктъ былъ даже важнѣе устья рѣки Дона, въ 70 верстахъ отъ котораго, тамъ, гдѣ теперь Ново-Черкасскъ, Лербергъ помѣщаетъ Саркелъ.

Такимъ образомъ Саркелъ долженъ былъ заграждать дорогу судамъ, шедшимъ по Дону и желавшимъ „переволочиться" въ Волгу. Мы вполнѣ поймемъ всю важность этой крѣпости, если припомнимъ, что у устья Волги находилась столица хозарскаго царства, Итиль.

И такъ мы видимъ, какъ постепенно, расшатывается хозарская держава русскими князьями; но этимъ послѣднимъ оказывали помощь и другіе сосѣди Хозаръ: съ юга—Арабы и закавказскія племена, съ сѣвера—Печенѣги; такъ въ первой половинѣ X в. кавказскіе Аланы являются не только независимыми, но даже нападаютъ на Хозаръ. Въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей", Константинъ Багрянородный говоритъ. „Узы могутъ воевать Хозаръ, какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ), равно и князь Аланіи, къ которой прилежатъ девять хозарскихъ округовъ; Аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣднія и тѣмъ причинять Хозарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду; такъ какъ изъ этихъ девяти округовъ они получаютъ все свое довольство. Если государь Аланіи не въ мирѣ съ Хозарами и предпочитаетъ римскую дружбу хозарской, то въ случаѣ разрыва Хозаръ съ Римлянами можетъ причинить Хозарамъ большой вредъ, устраивая засады и нечаянно нападая на нихъ въ то время, когда они отправляются въ Саркелъ, въ округи и въ Херсонъ [1])". Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ хозарское могущество къ концу X в. было сломлено окончательно. Результаты этого событія для славянскихъ племенъ, бывшихъ прежде подъ властью Хозаръ были очень велики. Съ этого только момента хозяевами всей южной Руси сдѣлались русскіе Славяне; связь ихъ съ поднѣпровьемъ значительно усилилась. Конечно, до нѣкоторой степени сообщенію днѣпровской Руси съ азовскимъ и черноморскимъ побережьями мѣшали Печенѣги, которые въ это время, стѣсненные союзомъ Хозаръ и Узовъ, устремились на западную сторону Дона и заняли черноморскія степи [2]). Но Печенѣги не могли въ

---

[1]) Corp. scrip. hist. Byzant. ed. Bon., vol. III, стр. 80.

[2]) Константина Багрянороднаго. „Объ управленіи имперіей", глава 37-я въ Corp. scrip. hist. Byz. ed. Bon., vol. III, стр. 164.

такой мѣрѣ отрѣзать Русь отъ Чернаго и Азовскаго морей, какъ отрѣзали впослѣдствіи болѣе многочисленные и болѣе дикіе сородичи ихъ—Половцы.

Но внѣшніе походы отвлекали Святослава отъ его домашнихъ дѣлъ. Такъ во время его похода на Болгаръ пришли въ первый разъ [1]) на Русскую землю Печенѣги; въ Кіевѣ тогда оставалась его мать Ольга со своими внуками. Печенѣги въ большомъ количествѣ окружили городъ, такъ что невозможно было „ни вылѣзти изъ града, ни вѣсти послати"; граждане изнемогали отъ голода и жажды. Подать вѣсть людямъ „оная стороны", т. е. Черниговцамъ не было никакой возможности, потому что Печенѣги со всѣхъ сторонъ окружили городъ. Наконецъ, нашелся отрокъ, который съ уздою въ рукѣ, будтобы отыскивая своего коня, ходилъ по рядамъ печенѣжскимъ и спрашивалъ, не видѣлъ-ли кто его коня; дойдя-же до рѣки, онъ бросился въ нее и благополучно прибылъ на другую сторону, гдѣ и сообщилъ о критическомъ положеніи города. Черниговскій воевода Претичъ совѣтовалъ подступить завтра на лодкахъ къ городу и выкрасть оттуда княгиню и „княжичей"; „аще ли сего не створимъ, добавилъ онъ, погубити ны имать Святославъ". Дѣйствительно, утромъ они усѣлись въ лодки и, подъѣзжая къ городу, затрубили въ трубы; Печенѣги думая, что это пришелъ самъ князь, побѣжали въ различные стороны отъ города; Ольга со своими внуками вышла на встрѣчу Претичу и его воямъ; тогда и печенѣжскій князь возвратился и спросилъ Претича: „кто это пришелъ?" „Люди изъ той стороны" отвѣтилъ ему Претичъ. „А ты ихъ князь?" снова спросилъ князь печенѣжскій. „Нѣтъ, я—его воевода и начальствую только надъ передовымъ отрядомъ, самъ-же онъ идетъ позади меня съ безчисленною ратью". Сказалъ это Претичъ, конечно, съ цѣлью устрашить Печенѣговъ. Хитрость удалась. Печенѣжскій князь заключилъ миръ съ Претичемъ и даже пожелалъ сдѣлаться его названнымъ братомъ. Они подали другъ другу руки и обмѣнялись оружіемъ: печенѣжскій князь далъ Претичу коня, саблю, стрѣлы, а тотъ далъ ему броню, щитъ, мечъ [2]). Очевидно, что Претичъ былъ сѣверянинъ: врядъ-ли несѣверянинъ могъ выставить единственнымъ аргументомъ для поданія помощи мщеніе Святослава.

---

[1]) Они приходили впрочемъ и при Игорѣ, но заключили съ нимъ миръ.

[2]) Ип. лѣт., стр. 42—43; П. С. Р. Л. т. I, стр. 27—28.

Въ княженіе Владиміра встрѣчаемъ странное на первый взглядъ извѣстіе о покореніи имъ Вятичей. Мы знаемъ, что Вятичи были покорены Святославомъ; теперь снова ихъ покоряетъ Владиміръ; какъ понимать это извѣстіе? Въ лѣтописи объ этомъ говорится такъ. „Семъ же лѣтѣ (981) и Вятичи побѣди и възложи на ня дань отъ плуга, якоже отець его ималъ [1])"; подъ 982 г. читаемъ: „заратишася Вятичи, и иде на ня Володимиръ и побѣди я вътороє [2]); очевидно, Вятичи свергнули съ себя зависимость отъ кіевскихъ князей; случилось это, по всей вѣроятности, въ періодъ, послѣдовавшій за смертью Святослава и вокняженіемъ въ Кіевѣ Владиміра, въ періодъ первой усобицы въ семьѣ Игоревичей; далѣе мы видимъ, что Владиміръ долженъ былъ два раза предпринимать походъ на Вятичей; Вятичи, очевидно, никоимъ образомъ не хотѣли подчиниться власти кіевскихъ князей и употребляли всѣ усилія освободиться отъ ихъ зависимости, въ чемъ иногда и успѣвали, благодаря отдаленности и лѣсистому характеру мѣстности.

Подъ 984 г. мы находимъ извѣстіе о походѣ Владиміра на Радимичей. „Иде Володимиръ на Радимичи. И бѣ у него воевода Волчий Хвостъ, и посла предъ собою Володимиръ Волчия Хвоста; и срете Радимичи на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Волчий Хвостъ Радимичи; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пѣщаньци Волъчья Хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ, и пришедше ту ся вселиша, и платять дань въ Руси, и повозъ везуть и до сего дне [3])". Радимичей покорилъ Олегъ; теперь они, вѣроятно, подъ вліяніемъ попытки Вятичей, захотѣли освободиться отъ кіевскаго князя; но какъ прежде ихъ было легко привести въ зависимость, такъ и теперь—смирить; передовой отрядъ подъ начальствомъ воеводы Волчья Хвоста смирилъ ихъ совершенно; при томъ побѣда досталась такъ легко, что составилась поговорка, которая мало говоритъ въ пользу ихъ земельной особности и указываетъ на презрительное отношеніе къ нимъ кіевской Руси.

Изъ внутренней дѣятельности Владиміра имѣло большое значеніе для Сѣверской земли построеніе на южной украйнѣ городовъ для защиты отъ кочевниковъ. Объ этомъ въ лѣтописи мы читаемъ. „И рече

---

[1]) Ип. лѣт., стр 54; П. С. Р. Л. т. I, стр. 35.

[2]) Ibidem.

[3]) Ип. лѣт., стр. 55—56; П. С. Р. Л т. I, стр. 36.

Володимеръ: се не добро есть мало городовъ около Кыева и нача ставити городы по Деснѣ и по Устрьи, по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лутши отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюдій, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели и грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ [1])". Владиміръ, какъ мы видимъ, строитъ на южныхъ границахъ Кіевской и Сѣверской земель, по Остру, Трубежу и Сулѣ города для защиты отъ Печенѣговъ; это-же самое подтверждаетъ намъ и другой источникъ: „Письмо" епископа Брунона къ Генриху III; тамъ мы читаемъ: „въ теченіи двухъ дней онъ самъ съ войскомъ привелъ меня къ самому крайнему предѣлу своей страны, который онъ для защиты отъ кочевниковъ весьма крѣпкой и длинной линіей укрѣпленій оградилъ [2])".

Вообще Владиміръ извѣстенъ построеніемъ городовъ; можетъ быть, поэтому съ его именемъ связана легенда о построеніи Переяславля. Послѣ возвращенія Владиміра съ хорватской войны пришли на Кіевскую землю съ той стороны Днѣпра отъ Сулы Печенѣги. Владиміръ встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, гдѣ теперь Переяславль, и сталъ на правой сторонѣ, а Печенѣги—на лѣвой; но ни тѣ, ни другіе не рѣшались перейти на другую сторону рѣки; между тѣмъ печенѣжскій князь предложилъ рѣшить дѣло поединкомъ между печенѣжскимъ и русскимъ богатырями. Долго не находилось между воями Владиміра охотника драться съ печенѣжскимъ богатыремъ; наконецъ, нашелся одинъ юноша, который и побѣдилъ печенѣжскаго богатыря. „Володимиръ же радъ бывъ, и заложи городъ на броду томъ и нарче и Переяславль, зане „*перея славу*" отрокъ [3])". Но мы знаемъ, что Переяславль существовалъ раньше: онъ встрѣчается въ числѣ городовъ, на которые положены „уклады" въ Олеговомъ договорѣ. Очевидно, слѣдовательно, что это преданіе имѣетъ цѣлью объяснить названіе города; впрочемъ въ немъ есть и историческая основа: вѣроятно, Переяславль, существовавшій и раньше, при Владимірѣ былъ укрѣпленъ.

Умирая Владиміръ распредѣлилъ волости между своими двѣнадцатью сыновьями; при этомъ, въ разсказѣ лѣтописи о распредѣленіи

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 83.

[2]) Рус. Бес. 1856 г., гл. 1-я, стр. 12-я.

[3]) Ип. лѣт., стр. 83—85; П. С. Р. Л. т. I, стр. 52—53.

областей, Сѣверская земля пропущена, между тѣмъ какъ отдаленная, Тмутаракань отдается въ удѣлъ Мстиславу.

Это можно объяснить тѣмъ, что Сѣверская земля въ это время была въ соединеніи съ Кіевскою, такъ что не имѣла своего особаго князя. Нужно замѣтить, что раздача земель сыновьямъ произошла еще при жизни Владиміра, именно не позже 989 г. [1]), между тѣмъ какъ онъ умеръ въ 1015 г. Такимъ образомъ, сыновья его замѣнили въ этомъ случаѣ прежнихъ мужей, намѣстниковъ; такая замѣна теперь, съ размноженіемъ княжескаго рода, стала вполнѣ возможною; но эти дѣти великаго князя—намѣстники сидѣли въ отдаленныхъ отъ Кіева областяхъ; Сѣверская-же земля, въ силу своей близости къ Кіеву, не нуждалась въ такихъ намѣстникахъ; могутъ сказать, что и Древлянская земля была недалеко отъ Кіевской; но тутъ было особенное обстоятельство: Сѣверская земля какъ-бы слилась съ Кіевской въ это время; Владиміръ, какъ мы видѣли, очень заботится о ней: строитъ города для защиты отъ кочевниковъ также точно, какъ и въ Кіевской; общая задача—борьба съ кочевниками способствовала такому сліянію; между тѣмъ „Деревская“ земля находилась въ антагонизмѣ съ Кіевской; антагонизмъ этотъ вызвало убійство Древлянами Игоря; тяжелыя условія, наложенныя за это на нихъ Ольгою и ея преемниками, только усилили его; о сліяніи тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Для Сѣверской же земли это было переходное время, когда она еще не обособилась въ отдѣльное княжество и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала въ значительной степени свое племенное единство съ Полянами.

Въ такомъ именно положеніи находилась она въ моментъ знаменитой борьбы Мстислава Владиміровича съ Ярославомъ. Мстиславу, какъ мы уже сказали выше, досталась въ удѣлъ Тмутаракань. Этого Мстислава лѣтопись рисуетъ намъ княземъ храбрымъ, дѣятельнымъ, предпріимчивымъ, страшнымъ для сосѣдей; подъ 1022 г. она передаетъ слѣдующій фактъ. Пошелъ Мстиславъ походомъ на Касоговъ, которыми предводительствовалъ ихъ князя Редедя; этотъ Редедя предложилъ Мстиславу рѣшить битву поединкомъ ихъ другъ съ другомъ; Мстиславъ принялъ вызовъ, зарѣзалъ Редедю „передъ полкы Касожьскими“, вошелъ въ его землю, гдѣ взялъ его жену и дѣтей, и нало-

[1]) Ип. лѣт., стр. 83.

жилъ на Касоговъ дань; возвратившись въ Тмутаракань, онъ построилъ тамъ церковь св. Богородицы, которая стоитъ и „до сего дне [1])" (т. е. до того времени, когда жилъ лѣтописецъ). Въ 1023 г. Мстиславъ съ Хозарами и Касогами ходилъ на Ярослава; но походъ этотъ былъ неудаченъ: Кіевляне не приняли Мстислава, когда онъ, во время отсутствія Ярослава, подошелъ къ городу. Ярославъ сначала усмирилъ мятежъ въ Суздалѣ, поднятый волхвами, а за тѣмъ уже отправился противъ Мстислава, который хотя и не былъ принятъ Кіевлянами, но всетаки угрожалъ Кіеву. Но собственными силами напасть на Мстислава Ярославъ не осмѣлился: онъ послалъ за Варягами; Варяги пришли подъ предводительствомъ Акуна, у котораго была „луда златомъ истыкана". Битва произошла у *Листвена.* Разсказъ о Лиственской битвѣ представляетъ одно изъ найболѣе художественныхъ мѣстъ въ лѣтописи. Мстиславъ съ вечера устроилъ свою дружину и поставилъ Сѣверянъ въ челѣ своего войска противъ Варяговъ, а свою дружину размѣстилъ по крыльямъ. Ночь была темная; шелъ дождь, блестѣла молнія и гремѣлъ громъ; и сказалъ Мстиславъ своей дружинѣ: „пойдемъ на нихъ". Обѣ дружины вышли другъ противъ друга: битву начали Сѣверяне съ Варягами, при чемъ, какъ говоритъ лѣтопись, „трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ"; тогда Мстиславъ послалъ на помощь Сѣверянамъ свою собственную дружину; сѣча была сильная и страшная: оружіе блестѣло при свѣтѣ молніи; гроза не стихала; Мстиславъ одержалъ побѣду: Ярославъ, видя пораженіе своихъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Акуномъ, который при этомъ лишился своей золотой луды; одинъ направился къ Новгороду, а другой—за море. Утромъ Мстиславъ, видя убитыхъ Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: „кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а своя дружина цѣла". Послѣ этого Мстиславъ послалъ къ Ярославу сказать: „сиди ты на своемъ столѣ въ Кіевѣ, потому что ты—старѣйшій братъ, а мнѣ пусть будетъ эта (т. е. лѣвая) сторона (Днѣпра). Но Ярославъ до 1026 г. не осмѣливался идти въ Кіевъ, а сидѣлъ въ Новгородѣ; въ Кіевѣ были его мужи, а въ Черниговѣ—Мстиславъ [2]); только въ этомъ (1026) году Ярославъ осмѣлился прійдти въ Кіевъ и заключилъ миръ съ братомъ у Городьца.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 103.

[2]) Ип. лѣт., стр. 104; П. С. Р. Л. т. I, стр. 64.

Днѣпръ долженъ былъ отдѣлять ихъ владѣнія; Ярославъ взялъ себѣ правую сторону, а Мстиславъ—лѣвую; послѣ этого наступила тишина въ Русской землѣ; „начаста, говоритъ лѣтописецъ, жити мирно и въ братолюбьи и преста усобица и мятежь, и бысть тишина велика въ земли Руской [1])“. Дѣйствительно, послѣ этого мы видимъ общіе походы Ярослава съ Мстиславомъ. Такъ подъ 1031 г. лѣтопись говоритъ: Ярославъ и Мьстиславъ собраста воя многы, и идоста на Ляхы, и заяста грады Червенскіе опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы Ляхы приведоста, и раздѣлиста я; и посади Ярославъ своя по Рси, и суть и до сего дни [2]). Умеръ Мстиславъ въ 1034 г., вышедши на „ловы“ и тамъ разболѣвшись; похоронили его въ церкви св. Спаса, которую самъ началъ строить и построилъ на такую высоту, что только, стоя на конѣ, можно было „рукою досячи“. Этотъ Мстиславъ, по характеристикѣ лѣтописца, „бѣ дебелъ тѣломъ, чермьномъ лицемъ, великома очима, храбръ на рати, и милостивъ, и любяше дружину повелику, а имѣнія не щадяше, ни питья, ни яденія не браняше [3])“. По смерти его, Ярославъ сдѣлался „единовластцемъ“ въ Русской землѣ.

Такимъ образомъ Мстиславъ оказывается первымъ сѣверскимъ княземъ; понятіе Сѣверской земли тогда вполнѣ соотвѣтствовало понятію страны, лежавшей на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ составъ этого „княженія“ входило прежде всего, конечно, ядро Сѣверской земли—область Сѣверянъ, за тѣмъ—Радимичей, иначе говоря, Посожье, и наконецъ,—Вятичей съ Муромо-Рязанскою землею; однимъ словомъ, Мстиславъ владѣлъ тѣмъ, что впослѣдствіи вошло въ составъ удѣла Святослава Ярославича. И такъ, уже при Мстиславѣ Владиміровичѣ началось обособленіе Сѣверской земли; по крайней мѣрѣ, сдѣлавшись сѣверскимъ княземъ, Мстиславъ совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Сѣверянамъ: онъ сталъ вполнѣ земскимъ княземъ, между тѣмъ какъ прежде былъ вполнѣ дружиннымъ; и это совершенно понятно: Тмутаракань, его прежній удѣлъ, была окружена со всѣхъ сторонъ непріязненными сосѣдями: Ясами, Касогами, Печенѣгами, Хозарами; сосѣдство съ такими степняками должно было повліять на его привычки

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 104—105.

[2]) Ип. лѣт., стр. 105; П. С. Р. Л. т. I, стр. 65.

[3]) Ип. лѣт., стр. 105.

(понятно отсюда его единоборство съ Редедею), тѣмъ болѣе, что всѣ эти народцы входили въ составъ его дружины. Мы знаемъ, что даже дружина кіевскихъ князей въ значительной степени состояла изъ наемныхъ иноземцевъ; еще болѣе разнообразныхъ элементовъ должна была заключать дружина тмутараканскаго князя, такъ недавно утвердившаго здѣсь славянское вліяніе; понятно отсюда, почему Мстиславъ отдѣляетъ свою дружину отъ *чистыхъ* Сѣверянъ, своихъ союзниковъ. Въ виду слабости славянскаго элемента и опасности отъ окружающихъ воинственныхъ сосѣдей, для Мстислава главною, можно сказать, единственною опорою была дружина; понятно отсюда почему онъ такъ любилъ свою дружину, ничего не щадилъ для нея; понятна отсюда его фраза: „кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а моя дружина цѣла". Но когда Мстиславу не удалось овладѣть Кіевомъ, когда онъ усѣлся въ Черниговѣ, изъ князя-дружинника онъ преобразился въ земскаго князя; такая перемѣна обусловлена была характеромъ занятой имъ страны: страна, лежавшая на лѣвой сторонѣ Днѣпра, была болѣе безопасна отъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ Тмутаракань. Въ Русской землѣ настала тишина; братья живутъ въ мирѣ, и это позволяетъ имъ воспользоваться усобицами въ чужой землѣ—Польшѣ, предпринять туда совмѣстный походъ, вывести оттуда плѣнниковъ и поселить ихъ по окраинамъ своихъ княжествъ.

Сѣверская земля, конечно, въ это время не порвала своей связи съ Тмутараканью; только эта послѣдняя подпала теперь подъ прямую зависимость отъ Чернигова, гдѣ жилъ ея бывшій князь. Впрочемъ нѣтъ надобности предполагать, что раньше, напримѣръ, при Владимірѣ, Тмутаракань служила центромъ *всей* Сѣверской земли; а это именно доказываетъ г. Барсовъ. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, изъ раздѣла Русской земли между сыновьями Владиміра Св. и изъ послѣдующаго хода событій нельзя не заключить, что въ X и въ нач. XI в. русскимъ центромъ Сѣверской земли служила отдаленная Тмутаракань. При Владимірѣ Св. Тмутаракань является единственнымъ княжескимъ удѣломъ на восточной сторонѣ Днѣпра, удѣломъ, въ который должны были входить всѣ славянскія земли, по лѣвую сторону этой рѣки, подчиненныя Руси. То была волость Владимірова сына Мстислава, въ борьбѣ котораго съ братомъ Ярославомъ усматривается, какъ было замѣчено выше, такая тѣсная связь Тмутаракани съ Сѣверскимъ на-

селеніемъ [1])". Трудно даже допустить, что-бы въ удѣлъ Мстиславу, при жизни отца, досталась Сѣверская земля, потому что въ лѣтописи не только нѣтъ никакихъ указаній, но прямо сказано, что Мстиславу была дана Тмутаракань; если-бы ему были отданы Черниговъ съ Переяславлемъ, то объ этомъ лѣтопись не преминула-бы сообщить. Но отрицая значеніе Тмутаракани, какъ центра *всей* Сѣверской земли, мы и не думаемъ отрицать этнографической близости ея населенія съ населеніемъ Подесенья и Посемья, т. е. Сѣверянами. Иначе, чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Сѣверяне, не смотря на свою племенную и территоріальную близость къ Полянамъ, приняли Мстислава тмутараканскаго и оказали помощь противъ этихъ послѣднихъ? Они принимаютъ Мстислава, какъ князя родственной имъ земли; не даромъ еще въ XII в. черниговскихъ князей называли князьями тмутараканскими [2]).

Изъ внутренней дѣятельности Мстислава можно указать на заселеніе имъ южной степной окраины своего княжества и на построеніе церкви св. Спаса. Мы уже разсказывали выше о походѣ Ярослава и Мстислава на Ляховъ. Набранныхъ плѣнныхъ Ярославъ, какъ извѣстно, поселилъ по Роси; Мстиславъ также, можно думать, поселилъ своихъ по южной и юго-восточной границѣ своей земли (хотя на это нѣтъ опредѣленныхъ указаній въ источникахъ), можетъ быть, по тѣмъ самымъ городамъ, которые построилъ Владиміръ по Деснѣ, Трубежу, Сейму и Сулѣ. Понятно теперь, почему лѣтописецъ даетъ Мстиславу такую прекрасную характеристику. По смерти его, всю власть русскую „перея" Ярославъ: единственный сынъ Мстислава (или, можетъ быть, послѣдній, оставшійся въ живыхъ) Евстафій умеръ въ 1033 году, т. е. за годъ до смерти отца.

---

[1]) Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Изслѣдованіе Барсова, стр. 137—138.

[2]) Татищевъ разсказываетъ, что въ эпоху борьбы Мономаховичей съ Ольговичами (въ 1142 г.) Игорь Ольговичъ сказалъ посланному отъ Изяслава: „скажи, чтобъ онъ не шумѣлъ за печью сидя какъ *сверчокъ*, а шелъ-бы сюда; если-же онъ сюда идти не хочетъ, то я его сыщу и во Владимірѣ"; за тѣмъ, когда Ольговичи были побѣждены, то сложилась поговорка: „сверчокъ Тмутаракань побѣдилъ", „понеже, говоритъ Татищевъ, черниговскіе князи прежде звались тмутараканскіе, а Тмутаракань значитъ 100,000 таракановъ". (См. Тат. Ист. Рос. т. II).

Ярославъ, подобно Владиміру, еще при жизни своей назначилъ сыновей намѣстниками въ различныя области; такъ старшій сынъ Ярослава, Владиміръ былъ въ Новгородѣ, Изяславъ—въ Туровѣ; Святославъ—во Владимірѣ. Въ Черниговѣ съ 1034 по 1054 г., вѣроятно, не было никого по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ не было при Владимірѣ.

III-я ГЛАВА.

Внутренній бытъ Сѣверской земли до второй половины XI вѣка.

Города и городища Сѣверской земли. Источники для опредѣленія погребальныхъ обрядовъ; погребальные обряды. Религія. Семейный бытъ. Культура. Общественный бытъ. Распространеніе христіанства.

До вступленія на черниговскій столъ сына Ярослава,—Святослава, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, мы видимъ мало городовъ: подъ 882 г.—Любечъ, подъ 907 г.—Черниговъ и Переяславль, подъ 1024 г:—Лиственъ, въ половинѣ XI в.—Курскъ [1]). Но можно думать, что городовъ въ Сѣверской землѣ въ этотъ періодъ было больше, потому что лѣтопись случайно упоминаетъ о городахъ при разсказѣ о какихъ нибудь историческихъ фактахъ; кромѣ того мы не имѣемъ источниковъ спеціально географическихъ, гдѣ были-бы поименованы всѣ города изучаемой эпохи; не говоримъ уже о томъ, что множество списковъ нашей лѣтописи остаются неизданными; а между тѣмъ въ каждомъ изъ изданныхъ списковъ попадаются извѣстія о городахъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ.

На большее, чѣмъ намъ извѣстно, количество городовъ указываетъ значительное число городищъ въ Черниговской, Полтавской, Курской, Орловской и др. губерніяхъ, занимающихъ территорію древней Сѣверской земли.

Г. Самоквасовъ составилъ, на основаніи донесеній волостныхъ правленій, свѣдѣній, собранныхъ преосвященнымъ Филаретомъ и на-

---

[1]) О немъ впервые упоминается въ житіи пр. Θеодосія (Патерикъ печерскій) въ половинѣ XI столѣтія.

печатанныхъ въ „Черн. епар. извѣстіяхъ" 1862—1870 г., и наконецъ личныхъ своихъ наблюденій, списокъ городищъ Черниговской губ. Въ Конотопскомъ уѣздѣ онъ насчитываетъ 3 городища [1]), въ Кролевецкомъ—14, въ Глуховскомъ—17, въ Новгородъ-Сѣверскомъ—11, въ Стародубскомъ—17, въ Мглинскомъ—12, въ Суражскомъ—12, въ Новозыбковскомъ—3, въ Сосницкомъ—9, въ Городницкомъ—8, въ Черниговскомъ—16, въ Остерскомъ—5, въ Борзенскомъ—5; итого 132 городища. Но эта цифра не будетъ имѣть никакого значенія до тѣхъ поръ, пока мы не докажемъ во 1-хъ, что эти городища и городки суть остатки древнихъ городовъ, а не имѣли какого нибудь иного назначенія (т. е. не были, напр. мѣстами, назначенными для богослуженія), а во 2-хъ, что ихъ происхожденіе нужно отнести къ дотатарскому времени.

Относительно назначенія городищъ въ исторической наукѣ существуетъ 2 крайнихъ мнѣнія и третье среднее, желающее ихъ примирить: по первому мнѣнію, городища были мѣстами славянскаго богослуженія; представителемъ этого мнѣнія является Ходаковскій („городища, говоритъ онъ, были святыми оградами или приходскими мѣстами, гдѣ свадьбы и другіе обряды языческіе совершались [2])"), а его послѣдователями Погодинъ [3]) и Срезневскій [4]); по второму мнѣнію, городища суть остатки древнихъ городовъ.

Послѣдователемъ этого мнѣнія рядомъ съ гг. Уваровымъ [5]), Грабовскимъ [6]), Даниловичемъ [7]) является и г. Самоквасовъ. „Изученіе существующей литературы о городищахъ, значеніе слова *городище* въ древнихъ актахъ, и лѣтописяхъ, и изслѣдованіе сохранившихся городищъ въ натурѣ побуждаетъ насъ признать въ этихъ памятникахъ

---

[1]) Я въ данномъ случаѣ не различаю терминовъ: „городище" и „городокъ".

[2]) Вѣст. Евр. 1819 г. № 20, стр. 280.

[3]) Изсл. зам. и лек. Погодина, т. II, стр. 400.

[4]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. II, стр. 533; Свят. и обр. языч. богосл. древ. слав. Срезневскаго, стр. 40.

[5]) Мер. и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. 1872 г. стр. 94.

[6]) Обоз. могилъ, валовъ и городищъ Кіевск. губ. Изд. Ив. Фундуклея. 1848 г. Введеніе, стр. VII.

[7]) Рус. Ист. Сб. 1841 г. кн. II, стр. 177—178.

остатки городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени,— памятники тѣхъ тысячъ городовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ выше-приведенныя архивныя источники [1])".

Рядомъ съ этими двумя мнѣніями существуютъ другія, старающіяся ихъ примирить. По мнѣнію г. Котляревскаго, „такъ называемыя городища не были исключительно мѣстами религіознаго служенія, какъ полагалъ Ходаковскій, но служили и могильниками для усопшихъ [2])". По мнѣнію Калайдовича, „мѣста славянскихъ жертвоприношеній и кумировъ были на возвышеніяхъ, могли окружаться валами; въ числѣ городищъ наидется нѣсколько таковыхъ мольбищъ, но большую часть оныхъ составляютъ ограждения городовъ, селеній и крѣпостей [3])". По мнѣнію г. Тышкевича, „земляныя насыпи, по ихъ назначенію, слѣдуетъ раздѣлить на 4 отдѣльныхъ разряда: на укрѣпленныя замки, на жертвенныя городища, на окопанныя судилища и курганы [4])". Но найболѣе оригинальнымъ изъ среднихъ представляется намъ мнѣніе г. Корсакова. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что всѣ поселенія и урочища, существующія въ настоящее время въ губ. Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской, съ именами: „города", „городка" и „городища", происхожденіемъ своимъ не одинаковы и могутъ быть отнесены къ различнымъ періодамъ славянской колонизаціи края. Въ періодъ дохристіанскій, когда въ землю Мери проникали еще Славяне язычники, города и городки могли возникать въ значеніи священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній; за тѣмъ около этихъ городовъ и городковъ, какъ въ христіанскую эпоху около монастырей, сгруппировались поселенія. Эти поселенія въ память ихъ также стали называться городами и городками. Затѣмъ, при недружелюбныхъ отношеніяхъ съ туземцами, многія поселенія—и эти города, и эти городки, и деревни должны были окапываться рвомъ и обноситься тыномъ; должны были огораживаться для защиты, и такимъ образомъ произошли общественныя укрѣпленія—города, терминъ которыхъ сохраненъ въ позднѣйшихъ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ

---

[1]) „Древніе города Рос.". Д. Я. Самоквасова, стр. 98.

[2]) Арх. Вѣст. Мос. Арх. Общ. т. I, стр. 66.

[3]) Письма объ арх. изслѣдован. въ Рязанской губ. 1823 г. № IV, стр. 61.

[4]) О курганахъ въ Литвѣ и Зап. Руси. 1865 г. Wiadomosć hist. o zamk. Litvi Rusi Litews.

князьями для защиты отъ набѣговъ Мордвы и Болгаръ. Развалины всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, слѣды ихъ оградъ, ихъ укрѣпленій, находимые въ настоящее время, народъ называетъ общимъ именемъ „городища“ [1]).

Обращаемся теперь къ болѣе подробному изложенію системы Ходаковскаго. Система городовъ (градство или городство), разбросанныхъ по всей древней славянской территоріи и отличающихся единообразіемъ построенія, по его мнѣнію, указываетъ на единство славянскаго племени, создавшаго ихъ, и служитъ признакомъ, по которому могутъ быть обозначены древніе этнографическіе предѣлы славянства [2]); это—основная мысль системы Ходаковскаго. О единствѣ назначенія всѣхъ городищъ Ходаковскій заключаетъ изъ единообразія въ ихъ характерѣ. „Исчисляю здѣсь, говоритъ онъ, ихъ условія [3]): 1) находятся вообще въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, *имѣя входъ съ востока...* 2) валъ изъ чернозема насыпанъ до самой подошвы 3) внутренняя тѣснота (въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что въ городѣ могло помѣститься не больше двухъ жилыхъ домовъ), 4) постоянныя вокругъ урочища... и 5) извѣстное разстояніе отъ другихъ городковъ: въ четырехъ, шести, восьми старыхъ верстахъ [4]) или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ“. Что-же касается историческаго значенія этихъ городовъ, то это были не болѣе, какъ ограды, посвященныя славянскому многобожію [5]); въ нихъ должны были совершаться общественныя богослуженія Славянъ особыми жрецами.

Но единообразіе въ структурѣ городищъ, а слѣдовательно въ ихъ назначеніи, являющееся у Ходаковскаго фундаментомъ теоріи, оказывается фиктивнымъ.

Изслѣдованія городищъ, предпринятыя гг. Срезневскимъ и Уваровымъ, опровергли это основное положеніе Ходаковскаго. Ходаковскій объявилъ, что „городища должно искать на каждой квадратной милѣ земли славянской, что каждое лежитъ порознь, уединенно, такъ что

---

[1]) „Меря и Ростовское княжество“ 1872 г. стр. 58—59.

[2]) Истор. Сбор. т. I, кн. III, Истор. сист. Ходаков. стр. 96.

[3]) Ibidem, стр. 11—12.

[4]) 700 саж.

[5]) Рус. Ист. Сб. изд. Погод. т. VII, 1844 г., стр. 77.

нельзя видѣть двухъ, трехъ на одной верстѣ [1]); г. Срезневскій замѣтилъ, что факты противорѣчатъ такой догадкѣ... въ южной Россіи нѣкоторыя прирѣчья примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ, въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ городища попадаются и на востокѣ, и на западѣ такъ близко, что съ одного можно видѣть нѣсколько, что находимъ два, три на одной полуверстной линіи [2])". Ходаковскій объявилъ: „городища вездѣ межъ собою единообразны, имѣютъ небольшіе кругловатые валы [3])"; г. Срезневскій нашелъ: „разнообразіе формъ, которое встрѣчаемъ въ валахъ городищъ, болѣе всего мѣшаетъ ясности понятія о городищѣ вообще. Почти можно сказать, что нѣтъ черты прямой или кривой, по которой не была-бы проведена насыпь вала въ городищѣ [4])".

Ходаковскій считалъ входъ съ востока непремѣннымъ условіемъ всѣхъ городищъ, преимущественно доказывавшимъ ихъ религіозный характеръ [5]); г. Срезневскій говоритъ: „Ходаковскій считалъ лице или входъ съ востока въ числѣ важныхъ условій городища—и ошибся. Мы видѣли десять городищъ, обращенныхъ лицемъ къ западу, видѣли четыре, обращенныхъ къ сѣверу, видѣли два, обращенныхъ къ югу [6])". Ходаковскій объявилъ: „въ городищахъ, собственно такъ называемыхъ, едвали можно помѣстить двѣ хижины [7]); г. Срезневскій нашелъ: „длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и доходитъ до 1,000... Обыкновенной величины городища имѣютъ отъ 150—300 шаговъ длины по вѣнцу вала [8])".

---

[1]) Рус. Ист. Сбор. 1838 г. кн. III, стр, 11—12.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. II, стр. 535—536.

[3]) Сынъ Отеч. 1820 г. № 33, стр. 296; Вѣст. Евр. 1819 г. № 20, стр. 218. Въ отвѣтѣ Калайдовичу авторъ отказался отъ этого положенія и долженъ былъ признать разнообразіе формъ городищъ. Рус. Ист. Сб. 1838 г. III, стр. 10.

[4]) Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. II, стр. 537.

[5]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1838 г. № 12, стр. 488.

[6]) Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. II, стр. 547.

[7]) Сынъ Отеч. 1820 г. № 38, стр. 201.

[8]) Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. II, стр. 548—549.

Выводы Ходаковскаго опровергаетъ также и г. Уваровъ. „Городища, говоритъ онъ, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего не извѣстно, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее возвышенное мѣсто на срединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленнымъ мѣстомъ для самихъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ [1]"; за тѣмъ въ другомъ мѣстѣ: „не смотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей, мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и жертвоприношеній. Слѣды обгорѣлыхъ предметовъ, угли и остатки звѣриныхъ костей, попадающіеся при раскопкѣ городищъ, могли принадлежать какъ религіознымъ жертвоприношеніямъ, такъ и жилищамъ, находившимся въ этихъ городищахъ [2]". Таковы, какъ мы видимъ, возраженія противъ теоріи Ходаковскаго. Они рѣшительно опровергаютъ мнѣніе Ходаковскаго объ исключительномъ значеніи городищъ, какъ мѣстъ богослуженія. Естественный выводъ изъ всѣхъ этихъ возраженій тотъ, что городища, разнообразныя по своей структурѣ, имѣли и разнообразное назначеніе.

Различнаго рода соображенія и факты убѣждаютъ насъ, что городища *между прочимъ* имѣютъ значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ защиты, суть остатки древнѣйшихъ русско-славянскихъ поселеній. Прежде всего являются соображенія филологическія. По своей конструкціи слово „городище" вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ „селище" и „дворище". Суффиксъ *ище* служитъ для обозначенія нежилыхъ оставленныхъ мѣстъ, народныхъ поселеній, „пустыхъ", по выраженію одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ [3], такъ что селище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда стояло село; дворище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда былъ дворъ; церковище—мѣсто, на которомъ нѣкогда стояла церковь; монастырище—мѣсто, гдѣ былъ монастырь; соотвѣтственно этому и „городище" должно означать мѣсто нѣкогда бывшаго города. Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣ-

---

1) „Меряне и ихъ бытъ по кург. раск.", стр. 94.
2) „Мер. и ихъ бытъ по кург. раск.", стр. 97.
3) Кн. больш. черт., изд. Языкова, стр. 149.

тописей и древнихъ актовъ, гдѣ слову „городище" соотвѣтствуетъ только одно значеніе: значеніе мѣста бывшаго города. Начальная лѣтопись, передавая народное преданіе о походѣ въ Грецію Кія, перваго кіевскаго князя, говоритъ: „идущу же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи, еже и до нынѣ наричють Дунайцы *городище Кіевецъ* [1])". Тоже значеніе слово „городище" сохраняетъ во всѣхъ другихъ историческихъ памятникахъ. Такъ, напримѣръ, въ „Книгѣ большаго чертежа" читаемъ: „а Бѣлградъ стоялъ на *Донцѣ*, на *Бѣлой горѣ*, на правой странѣ *Донца*, и послѣ литовскаго разоренія перенесенъ на другую страну Донца, съ нижнія страны *Бѣлого* Кладязя, отъ берега отъ *Донца*, отъ стараго *городища* триста восемьдесятъ саженъ [2])"; наконецъ, народныя преданія утверждаютъ, что множество сохранившихся городищъ представляютъ собою памятники древнихъ городовъ [3]). Такъ объяснено значеніе этихъ памятниковъ и въ географическомъ словарѣ Щекатова, въ которомъ читаемъ: „*городище* значитъ такое мѣсто, гдѣ прежде всего бывалъ городъ или какое укрѣпленіе [4])". И такъ, всѣ приведенные факты убѣждаютъ насъ, что очень многія изъ городищъ представляютъ остатки бывшихъ городовъ.

Но тутъ важенъ еще вопросъ, когда возникли эти городки, потому что съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ объ ихъ значеніи. Дѣло въ томъ, что начало многихъ городищъ относится къ татарскому періоду, ко времени татарскихъ наѣздовъ и набѣговъ, когда населеніе искало защиты въ лѣсахъ, сооружая въ нихъ новые временные окопы и укрѣпленія. Въ юго-западной Руси разбросаны курганы и городища, явившіеся ко времени козачества и его борьбы съ Татарвой и Ляхами; въ юго-восточной Руси подъ многими городищами скрываются остатки сторожевой линіи Московскаго, государства [5]). Такимъ образомъ, прежде

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 4-я.

[2]) Кн. глаг. больш. черт., Спасскаго, стр. 28.

[3]) Зап. отд. рус. и слав. арх. т. I, 1851 г.

[4]) Геогр. слов., Щекатова, ч. II, стр. 70.

[5]) Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Иловайскій въ своей „Исторіи Рязанскаго княжества" (стр 262). „Охраненіе русскихъ предѣловъ отъ татарскихъ нападеній въ теченіи XV-го вѣка московское правительство главнымъ образомъ принимаетъ на себя. Древніе города уже не соотвѣтствовали

чѣмъ заключать о числѣ и положеніи древнихъ русскихъ городовъ на основаніи теперь замѣчаемыхъ городищъ, предварительно необходимо выдѣлить изъ общей массы ихъ различные по происхожденію и по цѣлямъ роды и виды. Но это—еще задача, которую предстоитъ рѣшить русской археологіи.

Г. Самоквасовъ только перечисляетъ по уѣздамъ городища Черниговской губ. и иногда даетъ ихъ краткое описаніе, нерѣшая вопроса о происхожденіи и назначеніи каждаго изъ нихъ; а безъ этого полученная имъ цифра не имѣетъ того значенія, какое могла бы имѣть. Г. Самоквасовъ долженъ былъ, во-первыхъ, опредѣлить основной характеръ городищъ дотатарской эпохи на основаніи ихъ расположенія и структуры и за тѣмъ, во-вторыхъ, сближать лѣтописныя извѣстія о мѣстоположеніи неизвѣстныхъ по имени городовъ съ извѣстіями о мѣстоположеніи нынѣшнихъ городищъ; но первый вопросъ рѣшенъ имъ не вполнѣ удовлетворительно. По его мнѣнію, „всѣ сохранившіяся древнія земляныя насыпи, извѣстныя въ народѣ подъ названіями городищъ и городковъ, по внѣшнимъ формамъ, указывающимъ на эпоху ихъ происхожденія, должны быть раздѣлены на два разряда: 1) городища съ правильными угловатыми очертаніями, съ выступами или бастіонами по угламъ для помѣщенія орудій, относящіяся къ періоду послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ и 2) городища съ кругообразными очертаніями, относящіяся къ періоду до изобрѣтенія пороха и пушекъ [1]".

новымъ потребностямъ въ военномъ отношеніи; они были слишкомъ малы, неудобны и не могли остановить большихъ массъ, набѣгавшихъ изъ Крыма. Поэтому государи московскіе, ограждая въ XVI в. юго-восточныя границы, приказываютъ укрѣплять только самые значительные города, строить новые остроги на сторожевыхъ линіяхъ и насыпать сторожевые курганы. А между тѣмъ древнія укрѣпленія приходили въ ветхость; земляные валы осыпались, деревянныя стѣны и башни быстро уничтожались отъ дѣйствія различныхъ причинъ, и города обращались въ села, если не подвергались совершенному запустѣнію. Тоже самое превращеніе испытывали въ свою очередь остроги, построенные московскими воеводами, по мѣрѣ того какъ пограничная линія отодвигалась все далѣе къ югу. Слѣдовательно, далеко не всѣ городки, городища и курганы В. Ю. Россіи по своему происхожденію относятся ко временамъ удѣльнымъ".

[1]) „Древ. гор. Россіи", Самоквасова, стр. 112.

Но врядъ-ли можно считать достаточной характеристику дотатарскаго городища, которую даетъ г. Самоквасовъ: его опровергаютъ приводимые имъ же самимъ факты. Такъ въ Глуховскомъ уѣздѣ онъ указываетъ между прочимъ на городокъ, который, основываясь на его характеристикѣ дотатарскаго городища, нужно было-бы причислить къ дотатарскимъ, между тѣмъ какъ онъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. „*Городокъ*, говоритъ онъ,—въ Ярославецкой волости, въ самомъ селѣ Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ. Это—круглая плоскость на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадь для сада, то найдены были три ядра, величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго [1])". По своему круглому очертанію, этотъ городокъ долженъ быть причисленъ къ дотатарскимъ, а найденныя тамъ ядра указываютъ на его позднѣйшее происхожденіе. Но это не единственный примѣръ: есть еще и другіе. „*Городецъ* въ Воробейнской волости (Мгл. уѣзда) въ 200 саж. на западѣ отъ села Воробейни находится возвышенная въ видѣ укрѣпленія насыпь, въ простонародьи называемая *городецъ*. Величина площади насыпи имѣетъ около десятины, *видъ имѣетъ шарообразный*, съ западной и южной стороны примыкаетъ къ берегу рѣчки Теремушки, а съ восточной и сѣверной стороны отрѣзана отъ косогора канавою или рвомъ, имѣющею до 4-хъ саж. ширины и до 3-хъ саж. глубины, высота насыпи около 4-хъ саж. со всѣхъ сторонъ; по канавѣ или рву ростутъ вѣковыя деревья; поверхность площади насыпи ровная, къ краямъ покатая, имѣетъ длину и ширину до пятидесяти саж.; входъ или въѣздъ на насыпь, какъ замѣтно, былъ съ сѣверо-западной стороны. Въ 1866 г., при паханіи этой насыпи, сдѣлался провалъ въ глубину до полутора саженъ, въ которомъ найдены мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Нѣмцовымъ заржавѣлыя ядра, величиною съ гусиное яйцо, свинецъ и ящикъ, который былъ съ порохомъ, побѣлѣвшимъ отъ времени. Въ настоящее время провалъ тотъ до половины засыпанъ землею. Преданій о немъ въ народѣ нѣтъ никакихъ [2]).

---

[1]) „Древ. гор. Рос.", Самоквасова, прибав. стр. 6.

[2]) „Древ. гор. Рос.", Самоквасова, приб. стр. 14.

Опять—городецъ, который, по своему круглому очертанію, долженъ быть отнесенъ къ дотатарской эпохѣ, а на самомъ дѣлѣ позднѣйшаго происхожденія. Съ другой стороны мы имѣемъ и обратные примѣры: городище имѣетъ правильныя угловатыя очертанія, а между тѣмъ мы должны отнести его къ дотатарской эпохѣ. „*Городецъ* въ Старопочепьи, на берегу рѣки Косты. Это—возвышенная круто и ровно со всѣхъ сторонъ обрѣзанная площадь; въ длинѣ ея съ запада на востокъ 43 сажени, а въ ширину 16 саж. Съ южной и сѣверной сторонъ городца поселенія жителей отдѣляются глубокими провальями; по восточной сторонѣ, при подошвѣ горы, протекаетъ рѣка Коста, съ берегомъ болотистымъ и поросшимъ деревьями. На западной сторонѣ, городъ узкимъ перешейкомъ соединяется съ горою; на этомъ перешейкѣ стоятъ храмы—старый обветшалый и новый на каменномъ фундаментѣ, тотъ и другой ва имя св. Николая. Вотъ остатокъ до-татарскаго городка [1]). И такъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, при данномъ состояніи археологическихъ изысканій, опредѣлить происхожденіе и назначеніе городища по его структурѣ представляется дѣломъ почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что, большинство городищъ, указанныхъ, напримѣръ, г. Самоквасовымъ въ Черниговской губ., вовсе не описано. Ясно, что сдѣлать болѣе или менѣе достовѣрное заключеніе о количествѣ городовъ въ дотатарскую эпоху на основаніи *такого матеріала* нельзя. Тутъ кстати приведемъ извѣстіе арабскаго писателя XI в. Аль-Бекри, на которое, какъ кажется, никто не обращалъ вниманія.

Въ главѣ, гдѣ разсказываетъ о Славянахъ, онъ говоритъ: „И такимъ образомъ строятъ Славяне большую часть своихъ крѣпостей: они направляются къ лугамъ, обильнымъ водами и камышемъ, и обозначаютъ тамъ мѣсто *круглое или четырехугольное*, смотря по формѣ, которую желать придать крѣпости и по величинѣ ея. И выкапываютъ вокругъ него ровъ и выкопанную землю сваливаютъ въ валъ, укрѣпивши ее досками и сваями на подобіе битой земли, покуда стѣна не дойдетъ до желанной высоты. И отмѣряется тогда дверь *съ какой стороны имъ угодно*, а къ ней приходятъ по деревянному мосту [2])“. Та-

---

[1]) „Др. гор. Рос.“, Самоквасова, приб. стр. 15

[2]) Извѣстія Аль-Бекри и др. авторовъ о Руси и Слав., ч. 1-я, Куника и Розена, стр. 48.

кимъ образомъ, нисколько не удивительно, если древнія, дотатарскія городища мы находимъ и круглой и четырехугольной формы; нисколько не удивительно, если входъ въ городища бываетъ съ различныхъ сторонъ.

Вѣрнѣе и надежнѣе будетъ другой способъ для опредѣленія древности и народности могилъ и городищъ, основывающійся на совокупности историко-этнографическихъ признаковъ, т. е. на соотвѣтствіи памятниковъ съ свидѣтельствами исторіи.

Попытаемся сопоставить лѣтописныя извѣстія о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ (по имени) городахъ Сѣверской земли съ извѣстіями о мѣстоположеніи нынѣшнихъ городищъ. Намъ извѣстно о многихъ городахъ, называемыхъ и не называемыхъ по имени лѣтописью, при описаніи походовъ Святослава Ольговича въ землю Вятичей въ 1146 и 1147 гг. Г. Сахаровъ въ статьѣ „Памятники Тульской губ.“ говоритъ: „Тульская губ. въ нынѣшнемъ своемъ составѣ извѣстна по лѣтописямъ съ XII в. Городища, можетъ быть, предъявляютъ древнюю жизнь гораздо ранѣе этого вѣка и дополняютъ собою указанія о бывшихъ городахъ и селеніяхъ, не находимыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Городищъ въ Тульской губ. извѣстно мнѣ до 53. Изъ нихъ находятся: въ уѣздѣ Тульскомъ 5, Веневскомъ 12, Каширскомъ 6, Епифанскомъ 4, Алексинскомъ 5, Крапивенскомъ 2, Богородицкомъ 3, Одоевскомъ 3, Ефремовскомъ 2, Бѣлевскомъ 6, Чернскомъ 2. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, вѣроятно, ихъ окажется болѣе [1])“. О большей части тульскихъ городищъ существуютъ лѣтописныя извѣстія или народныя преданія, утверждающія, что на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ стояли нѣкогда города, разоренные татарами [2]). Въ лѣтописи подъ 1214 г. сказано: „Новгородци начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черьниговскеѣ, и взяша Рѣчицѣ на щитъ и иные городѣ мнозѣ Черниговскыя, и придоша подъ Вышегородъ [3])“; а по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1873 г. черезъ волости, на Днѣпрѣ, съ черниговской стороны отъ

---

[1]) Зап. отд. рус. и слав. арх. т. I, 1851 г., отд. II (арх. обозр. Рус. земли), стр. 15 и слѣд.

[2]) Ibidem. № 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11 и др.

[3]) П. С. Р. Л т. III, стр. 32.

впаденія въ него р. Сожи до Кіева, сохранилось 13 городищъ [1]). Въ 1234 г. Даніилъ Галицкій съ союзниками „поимаша грады многи по Деснѣ, туже взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ и иныи грады многія и придоша опять Чернигову [2])"; по изслѣдованіямъ г. Самоквасова и по донесеніямъ волостныхъ правленій, на Деснѣ между Новгородъ-Сѣверскомъ и Черниговомъ сохранилось 24 городища. Но даже въ этихъ случаяхъ нельзя думать, чтобы количество городищъ *точно* опредѣляло количество бывшихъ здѣсь городовъ: быть можетъ, нѣкоторыя городища находятся тутъ случайно, а происхожденіе ихъ относится къ болѣе позднему періоду.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что списокъ городищъ Черниговской губ. г. Самоквасова нуждается еще въ строгой критической провѣркѣ: изъ него нужно будетъ выдѣлить городища позднѣйшаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ собственно въ землѣ Сѣверянъ городища имѣли значеніе, указываемое г. Самоквасовымъ, т. е. были укрѣпленными пунктами славяно-русскихъ поселеній.

Но въ земляхъ, занятыхъ Сѣверянами, Радимичами и Вятичами путемъ колонизаціи (напримѣръ, въ Муромо-Рязанской землѣ) городища могли имѣть и другое значеніе: значеніе священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній. При недружелюбныхъ отношеніяхъ съ туземцами эти города и городки должны были окапываться рвомъ и обноситься тыномъ. Такъ могло быть въ языческій періодъ; это-же самое явленіе могло продолжаться и въ періодъ христіанскій. Христіанство, какъ мы видѣли, въ Муромо-Рязанской землѣ, должно было выдерживать борьбу съ мѣстнымъ языческимъ элементомъ и, что самое главное, распространялось съ движеніемъ колонизаціи; можно сказать, что въ нѣкоторые періоды (напримѣръ, при Ярославѣ Святославичѣ) оно шло рука объ руку съ славянскою колонизаціей среди Финновъ вообще; значеніе христіанства для славянской колонизаціи усугублялось еще тѣмъ, что этой послѣдней приходилось бороться съ религіознымъ магометанскимъ элементомъ, принесеннымъ сюда изъ сосѣдней Камской Болгаріи. Оппозиція христіанству со стороны финскаго и магометанскаго элемента была довольно зна-

---

1) „Древ. гор. Рос.", Самокв., приложеніе.

2) Ип. лѣт., стр. 514.

чительна; на помощь къ нему, съ оружіемъ въ рукахъ, должна была прійти его естественная союзница—княжеская власть; самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ для князей—утвердиться въ ново-занятой территоріи было построеніе новыхъ городовъ и вообще защита новыхъ славянскихъ поселеній на инородческой почвѣ; въ ихъ интересахъ, слѣдовательно, было также защищать христіанскую общину: церкви и монастыри. Такимъ образомъ, могли возникнуть укрѣпленные пункты при христіанскихъ храмахъ и монастыряхъ. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ документальныхъ свидѣтельствахъ исторіи. Такъ подъ 1095 г. мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „заложенъ былъ градъ Переяславль Рязанскій, у церкви св. Николы Стараго [1])". Это извѣстіе показываетъ, что городъ былъ заложенъ какъ-бы для защиты существовавшей раньше здѣсь церкви св. Николая; самое выраженіе „у церкви св. Николы" показываетъ, что до построенія города здѣсь не было никакого другого поселенія, ибо въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не преминулъ-бы сообщить объ этомъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ сторонамъ внутренняго быта Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. На первомъ планѣ стоятъ погребальные обряды, такъ какъ о нихъ мы имѣемъ самыя ясныя и отчетливыя указанія; сверхъ того лѣтописныя свидѣтельства о погребальныхъ обычаяхъ пополняются и поясняются нѣкоторыми другими источниками, какъ-то: археологическими изысканіями, Львомъ Діакономъ и арабскими писателями. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ источниковъ.

Лѣтопись о погребальныхъ обрядахъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей говоритъ: „и аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику, и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семъ събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творятъ Вятичи и нынѣ [2])". Тутъ прежде всего является вопросъ, къ какому времени нужно отнести это этнографическое описаніе. „Кажется, говоритъ г. Котляревскій оно не могло принадлежать къ составу начальной лѣтописи: въ немъ нѣтъ ни историческихъ или мѣстныхъ преданій, ни собствен-

---

[1]) Рязан. достоп. изъ особой записки (у Иловайскаго „Ист. Ряз. кн.").

[2]) Ип. лѣт., стр. 8; П. С. Р. Л. т. I, стр. 6.

ныхъ событій, ни хронологическихъ помѣтъ, составляющихъ основу краткихъ первоначальныхъ лѣтописей; не думаемъ, чтобы можно было отнести его и ко времени сложенія самой „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ этомъ убѣждаетъ насъ приписка, очевидно, принадлежащая составителю „Повѣсти“: „еже творятъ Вятичи и *нынѣ*“; она была бы неумѣстна, если бы *все извѣстіе* принадлежало составителю или было записано имъ лично со словъ людей бывалыхъ. Этнографическое описаніе нравовъ и обычаевъ русскихъ племенъ, несомнѣнно, представляетъ *отдѣльный* разсказъ, вставленный въ „Повѣсть“ съ *готоваго* уже оригинала; не извѣстно, списанъ-ли этотъ разсказъ дословно или переданъ въ пересказѣ (на что, кажется, намекаетъ постоянное употребленіе прошедшаго времени), но во всякомъ случаѣ, по содержанію, онъ старше самой „Повѣсти“ и приблизительно можетъ быть помѣченъ временемъ X—XI в. Не извѣстенъ также ближайшій источникъ его: какого рода человѣку обязанъ онъ своимъ происхожденіемъ; всего ближе будетъ предположить какого-нибудь очевидца разсказываемаго, м. б. какого бывалаго купца и при томъ русскаго по происхожденію; русское происхожденіе этнографа ясно не только изъ мелочно вѣрныхъ наблюденій, но и изъ народныхъ терминовъ для обозначенія ихъ: чужеземецъ употребилъ-бы выраженія описательныя [1])“. Прибавимъ отъ себя, что это былъ христіанинъ, котораго христіанская нетерпимость бьетъ въ каждой строчкѣ разсказа, и при томъ полянинъ: на это указываетъ то, что онъ слишкомъ черными красками рисуетъ нравы всѣхъ племенъ, исключая только однихъ Полянъ. Такимъ образомъ, это этнографическое извѣстіе, съ одной стороны, имѣетъ большую долю вѣроятія, потому что записано очевидцемъ, но съ другой стороны тенденціозно, потому что записано поляниномъ - христіаниномъ. Намъ прійдется, слѣдовательно, выдѣлить изъ него то, что приходится на долю тенденціозности автора и оставить только фактическую сторону.

Говоря объ археологическихъ изысканіяхъ, мы имѣемъ въ виду труды г. Самоквасова, непосредственно посвященные территоріи Сѣверской земли.

Результаты своихъ раскопокъ въ Черниговской, Харьковской и Курской губерніяхъ г. Самоквасовъ изложилъ въ статьѣ „Сѣверянскіе

---

[1]) Котляр. „О погреб. обыч. языч. Славянъ“, стр. 121.

курганы и ихъ значеніе для исторіи", помѣщенной въ „Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда" въ г. Кіевѣ [1]). Изслѣдованы г. Самоквасовымъ курганы въ слѣдующихъ уѣздахъ Черниговской, Харьковской и Курской, губерній: въ Черниговскомъ, Стародубскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ, Рыльскомъ, Путивльскомъ, Сумскомъ, Курскомъ, Суджанскомъ; всего—301 курганъ. Всѣ они, такимъ образомъ, находятся въ границахъ древней области Сѣверянъ обозначенныхъ лѣтописью; кромѣ того погребальный типъ, открытый въ нихъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ погребальному типу Сѣверянъ-язычниковъ, также описанному въ лѣтописи; слѣдовательно, могилы, содержащія въ себѣ сосуды со сжеными человѣческими костями, принадлежатъ Сѣверянамъ-язычникамъ. Такимъ образомъ, народность этихъ кургановъ опредѣляется совершенно точно; мало того: всилу необыкновенно счастливаго стеченія обстоятельствъ, можно также точно обозначить время, къ которому они относятся. 2 кургана—*Черная могила* и *Гульбище* насыпаны не ранѣе послѣдней четверти IX в. Въ Черной могилѣ найдены двѣ цѣлыя византійскія монеты и половина третьей. Въ Гульбищѣ найденъ серебряный саманидскій диргемъ. Очевидно, курганы не могутъ быть старше найденныхъ монетъ. На цѣлыхъ византійскихъ монетахъ съ одной стороны находится изображеніе двухъ византійскихъ императоровъ и вокругъ надпись: „Basilios et Constant. aug"; а на другой сторонѣ изображеніе Спасителя и вокругъ надпись: „Iis. Xrs. rex regnantium." Василій и Константинъ занимали престолъ совмѣстно два раза: съ 869—870 (Василій I и сынъ его Константинъ IX) и съ 976—1025 (Василій II и братъ его Константинъ XI). Къ какому-же изъ двухъ царствованій должны быть отнесены монеты, найденныя въ Черной могилѣ? Къ первому царствованію Василія I и сына его Константина IX; доказательствомъ этого служатъ слѣдующія положенія: 1) при второй четѣ одноименныхъ императоровъ (съ 976—1025 г.) золотые солиды чеканились по другому типу и другихъ размѣровъ; они дѣлались гораздо больше и тоньше [2]); 2) Василій I былъ отецъ Константина IX; потому на ихъ монетахъ (въ томъ числѣ и на разсматриваемой) одно изображеніе старше и

---

[1]) Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Россіи, т. I, стр. 185.

[2]) Sabatier—Description générale des monnaies Byzantines т. I, стр. 107, № 5—таблица XLIV № 22; т. II, стр. 146.

больше другаго; между тѣмъ Василій II и Константинъ XI были братья, почти однолѣтки (17 и 20 лѣтъ вступили на престолъ) и потому ихъ изображенія равны по величинѣ и возрасту [1]). На лицевой сторонѣ половины третьей монеты изображеніе императора безъ бороды, en face, въ тіарѣ, видна часть креста, который онъ держалъ съ другимъ императоромъ, изображеннымъ на недостающей половинѣ монеты; надпись „Roman Au"; а на другой сторонѣ половина бюста Христа на крестѣ въ сіяніи съ надписью... regnantium. Конечно, по половинѣ монеты трудно точно опредѣлить ее; но, сличивъ данный обрѣзокъ съ монетами, на которыхъ вторымъ императоромъ названъ Романъ, найдемъ его почти тождественнымъ съ монетою Константина X и сына его Романа II (948—959 г.), описанной у Sabatier [2]). Серебряный саманидскій диргемъ, найденный въ курганѣ Гульбище, настолько сожженъ, что прочесть на немъ всю надпись нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, удалось на одной изъ сторонъ монеты очистить два слова, одно изъ которыхъ воззваніе къ Аллаху, по заключенію извѣстнаго знатока восточныхъ монетъ г. Тизенгаузена, ручается, что эта монета относится ко времени не ранѣе послѣдней четверти IX в., когда впервые на саманидскихъ монетахъ стали помѣщать сказанное воззваніе [3]). И такъ, Черная могила и Гульбище насыпаны не ранѣе послѣдней четверти IX вѣка. Остается теперь опредѣлить эпоху насыпки кургановъ съ другой стороны. Крещеніе Руси, какъ извѣстно, произошло въ 988 г.; тогда Владиміръ „повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстамъ, идеже стояху кумиры... и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всемъ градамъ и селомъ [4])". Хотя лѣтописецъ не означаетъ, въ какихъ именно городахъ св. Владиміръ насаждалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова лѣтописца не могутъ не относиться къ Чернигову, ближайшему изъ городовъ русскихъ Славянъ къ столицѣ великаго князя—Кіеву. Дѣйствительно, уже черезъ 4 года по введеніи христіанства въ Кіевѣ, оно распространилось въ землѣ Черниговской въ такой мѣрѣ, что тамъ

---

[1]) Saulcy—Numismatique Byzantine—стр 201—202 и 252—253.

[2]) Sabatier, т. II, стр. 129, № 14, таб. XLVI, № 18.

[3]) Смотр. „Сѣвер. кург." Самоквасова, въ Тр. 3-го арх. съѣзда, т. I, стр. 208—210.

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 51.

нужно было открыть епархію, и она была открыта по лѣтописи, въ 992 г. „взя Володиміръ у патріарха митрополита Кіеву Леонта и того же лѣта постави Леонтъ митрополитъ Чернигову Неофита [1]). На соборѣ въ 1667 г. за несомнѣнное считали, что древность черниговской каѳедры простирается далѣе 600 л. [2]). Въ первой четверти XI в. Черниговъ дѣлается резиденціей христіанскаго князя Мстислава Владиміровича, который въ 1036 году „изыде на ловы, разболѣся и умре, и положиша въ церкви св. Спаса, юже бѣ самъ заложилъ [3])". И въ настоящее время Спасскій соборъ стоитъ на фундаментѣ, заложенномъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Съ раздѣленіемъ Россіи на удѣлы, по смерти Ярослава Владиміровича, Сѣверская земля досталась въ удѣлъ второму сыну Ярослава, и Черниговъ дѣлается постояннымъ мѣстопребываніемъ Святослава Ярославича и его потомковъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ первой половинѣ XI вѣка Черниговъ уже былъ христіанскимъ городомъ, мѣстопребываніемъ епископа и христіанскаго князя. Такимъ образомъ, врядъ-ли въ это время въ самомъ Черниговѣ могъ существовать языческій обрядъ сожженія мертвыхъ; пожалуй его еще можно было-бы допустить, какъ исключительный случай, гдѣ-нибудь вдали отъ центральныхъ пунктовъ—городовъ, въ лѣсной глуши; но Черная могила находится въ самомъ г. Черниговѣ, въ огородѣ Елецкаго монастыря; а всенародное отправленіе языческаго погребальнаго обряда едва-ли могло быть допущено въ центрѣ христіанской земли, предъ лицемъ христіанскаго князя и христіанскаго духовенства; такой вѣротерпимости не знаетъ исторія христіанства среднихъ вѣковъ. Византійское духовенство, распространяя на Руси христіанство, конечно, въ самомъ началѣ выставляло обрядъ сожженія покойниковъ противнымъ вѣрѣ Христовой. Въ описаніи нравовъ русскихъ Славянъ нашей древнѣйшей лѣтописи обычай сожженія труповъ выставленъ въ числѣ звѣрскихъ, „обычаевъ поганыхъ, невѣдущихъ закона Божья [4])". Проповѣдь христіанскаго духовенства была такъ

---

[1]) Ник. лѣт., ч. I, стр. 105.

[2]) Патр. грамота Лазарю въ Черн. губ. вѣд. 1858 г. № 25.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 65.

[4]) Лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ пріятное явленіе, завѣщаніе княгини Ольги, которымъ она просила сына своего похоронить ее по христіанскому обычаю: „заповѣди съ землею равно погрестись, а могилы не сути, ни

успѣшна, что къ началу XII в., если вѣрить лѣтописцу, обычай сожженія труповъ удержался только въ лѣсахъ Вятичей, удаленныхъ отъ главнѣйшихъ политическихъ центровъ того времени, Кіева и Чернигова; въ этихъ послѣднихъ онъ, конечно, долженъ былъ исчезнуть гораздо раньше: вѣроятно, тотчасъ по введеніи христіанства. Всѣ приведенные факты и соображенія несомнѣнно опредѣляютъ и другой крайній предѣлъ насыпки черниговскихъ кургановъ, который можно опредѣлить началомъ XI вѣка. Такимъ образомъ, черниговскіе курганы вышеуказаннаго типа относятся къ періоду времени отъ конца IX до начала XI вѣка.

Левъ Діаконъ, разсказывая о борьбѣ Святослава съ Цимисхіемъ въ Болгаріи и пораженіи, нанесенномъ Руси у Доростола, передаетъ слѣдующее. Когда отъ руки Анемаса погибъ первый послѣ Святослава богатырь Икморъ, Руссы, сильно пораженные этимъ несчастіемъ, забросили щиты на спину и отступили къ городу. „Когда же наступила ночь и луна была въ полномъ сіяніи, выходя на равнину, они перетаскивали своихъ покойниковъ, которыхъ, сложивши на разложенные костры, сожигали, а вмѣстѣ съ ними и большую часть плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ... и бросали въ Дунай какъ жертву грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ [1])“.

Извѣстно [2]), что дружина Святославова не была одинакова въ этнографическомъ смыслѣ, такъ что, примемъ-ли мы норманское или

тризнъ творити ни бдына дѣяти“; см. „Словарь церковно-славянскаго языка Востокова, т. I; это извѣстіе взято изъ пролога XV в. подъ 11 іюлемъ.

[1]) Leo Diac., ed. Bon. c. VI p. 160. „Ἤδη δὲ νυκτὸς κατασχούσης, καὶ τῆς μήνης πλησιφαοῦς οὔσης, κατὰ τὸ πεδίον ἐξελθόντες, τοὺς σφετέρους ἀνεψηλάφων νεκροὺς οὓς καὶ συναλίσαντες πρὸ τοῦ περιβόλου καὶ πυρὰς θαμινὰς διανάψαντες, κατέκαυσαν πλείστους τῶν αἰχμαλώθτων, ἄνδρας καὶ γύναια; ἐπὶ τὸν Ἴστρον ὑπομάξια βρέφη καὶ ἀλεκτρυόνας ἀνέπνιξαν“.

[2]) Еще подъ 6390 г. въ лѣтописи мы встрѣчаемъ: „поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи“, подъ 6415 г.: „иде Олегъ на Греки.. поя же множьство Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Родимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины“; подъ 6452 г.: „Игорь же совокупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, и Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги... поиде на Греки“. Такъ дѣлалось до

славянское происхожденіе Руси, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя будетъ заключить, что она состояла изъ пришлаго или туземнаго элемента; во всякомъ случаѣ больше основаній думать, что это была туземная русско-славянская дружина; иначе какъ въ ней объяснить присутствіе женщинъ, которыя переодѣвались въ мужское платье и сражались вмѣстѣ со своими мужьями, и младенцевъ, которые, вѣроятно, принадлежали этимъ женщинамъ; какъ объяснить заботу этихъ воевъ „не посрамить земли Русской", ихъ осѣдлыя наклонности, въ родѣ, напримѣръ, желанія скорѣе воротиться въ землю Русскую. Наконецъ, замѣтимъ, что имя Русь въ это время не имѣетъ строго этимологическаго значенія.

Обращаемся теперь къ извѣстіямъ арабскихъ писателей. Главное достоинство Арабовъ заключается въ томъ, что они много странствовали и, слѣдовательно, могли многое видѣть собственными глазами или слышать отъ несомнѣнныхъ свидѣтелей; кромѣ того они по своему времени были люди образованные и начитанные: имъ были извѣстны даже византійскія историко-географическія сочиненія; свѣдѣнія, собранныя случайно, между дѣломъ они старались систематизировать—привести въ связь съ тѣмъ, что было замѣчено прежде ихъ, и что они могли читать въ разныхъ сочиненіяхъ. Но Арабы не были изслѣдователями въ современномъ смыслѣ этого слова: они не имѣли и не могли имѣть никакихъ точныхъ пріемовъ историческо-этнографическаго изслѣдованія; мало того: не смотря на стремленіе къ систематизаціи, они въ большинствѣ случаевъ не выработали въ себѣ критическаго таланта, такъ что рядомъ съ достовѣрными встрѣчаются совершенно невѣроятныя извѣстія, которыя не нашли-бы мѣста въ трудахъ этихъ писателей, если-бы они имѣли хоть немножко критическаго таланта; вмѣстѣ съ этимъ мы найдемъ у нихъ массу совершенно противорѣчивыхъ извѣстій, географическихъ и этнографическихъ смѣшеній (напр. Болгаръ дунайскихъ и камскихъ и т. д.); поэтому при разборѣ арабскихъ извѣстій необходимо съ одной стороны различать извѣстія, основанныя на личномъ опытѣ,—и на неопредѣленномъ слухѣ; а съ другой отдѣлять передаваемый фактъ отъ его объясненія. Обращаясь къ тому

Святослава. Святославъ послѣ битвы при Переяславцѣ говоритъ: „...но створимъ миръ со царемъ, да изнова изъ Руси, *совокупивше вои умноживши*, поидемъ Царюгороду".

что сдѣлано въ этомъ смыслѣ съ арабскими источниками, на сколько ихъ извѣстія обработаны критически,—можно назвать цѣлый рядъ очень почтенныхъ трудовъ (гг. Гаркави, Хвольсона, Котляревскаго, Куника и Розена, не говоря уже о трудахъ прежнихъ изслѣдователей, какъ-то Френа, Круга, Савельева, Григорьева и т. д.), далеко подвинувшихъ дѣло критическаго разбора этихъ извѣстій. Но и теперь нельзя сказать, чтобы вопросъ былъ исчерпанъ вполнѣ; всѣ комментаріи слишкомъ отрывочны, не подвергаютъ пересмотру вопроса въ его цѣломъ объемѣ; а безъ этого не только единичныя извѣстія, но даже весь источникъ остается въ какомъ-то сомнительномъ свѣтѣ: изслѣдователь не знаетъ, на сколько можно довѣрять его извѣстіямъ, куда, къ какому народу и племени можно отнести его показанія. Гораздо лучше выполнена внѣшняя критика: взаимныя отношенія свидѣтельствъ, ихъ источники и литературныя заимствованія опредѣлены довольно точно. Попытка,—и очень удачная,—разсмотрѣть извѣстія всѣхъ арабскихъ писателей, сличить ихъ показанія, опредѣлить, къ какому народу и племени относятся ихъ извѣстія, хотя впрочемъ только по отношенію къ одному вопросу—погребальнымъ обрядамъ Славянъ, принадлежитъ г. Котляревскому. Выводъ, къ которому приходитъ г. Котляревскій, тотъ, что подъ Саклабами арабскіе писатели разумѣли Славянъ, по преимуществу западныхъ, подъ Русью же—племя Славянъ восточныхъ. „Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, говоритъ онъ, который изобличалъ-бы чуждое скандинавское происхожденіе послѣднихъ [1])“. Въ другомъ мѣстѣ г. Котляревскій точнѣе опредѣляетъ понятіе Русь. „Русь, Ros, Rus, говоритъ онъ, столь часто поминаемая у нихъ, по всѣмъ признакамъ есть *Русь славянская*, славянскіе обитатели *Черноморья*, *волжскаго* и *днѣпровскаго бассейновъ* [2])“; ильменьскихъ Славянъ-Новгородцевъ они обыкновенно, по мнѣнію г. Котляревскаго, называютъ Славянами. „Всѣ *древнѣйшіе* арабскіе писатели, говоритъ онъ, подъ именемъ *Саклабовъ*, *Сакалибовъ* разумѣютъ юго-западныхъ и западныхъ Славянъ; иногда этимъ именемъ обозначается у нихъ и русское племя, быть можетъ, сѣверное, новгородское, которому и русская лѣтопись спеціально усвоиваетъ названіе *Сло-*

---

[1]) „Погр. об. яз. Сл.“, Котляревскаго; стр. 35 (прибавленіе).

[2]) Ibidem. стр. 53.

вѣнъ [1])". Къ такого рода выводу приходитъ г. Котляревскій, основываясь съ одной стороны на прямомъ свидѣтельствѣ самихъ же арабскихъ писателей, а съ другой—на томъ обстоятельствѣ, что въ этихъ Руссахъ нельзя видѣть Варяго-Руссовъ—Нормановъ.

Обращаясь къ извѣстіямъ Арабовъ о погребальныхъ обрядахъ языческой Руси, мы наталкиваемся на непонятный съ перваго взгляда фактъ: одни говорятъ, что Русь [2]) сожигала своихъ покойниковъ (Ибнъ-Фоцланъ), а другіе—что хоронила (Ибнъ-Даста).

Принимая во вниманіе, что оба эти извѣстія почти одновременны и заслуживаютъ полнаго довѣрія, мы должны допустить одно изъ двухъ объясненій: или у каждаго русско-славянскаго племени существовали одновременно оба обычая, или у одного былъ одинъ, а у другого—другой. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ полную возможность пользоваться извѣстіями Ибнъ-Фоцлана и др. арабскихъ писателей, говорящихъ о сожиганіи, для характеристики погребальныхъ обрядовъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, потому что эти извѣстія стоятъ въ полномъ согласіи съ данными лѣтописными и археологическими изысканіями; разсказъ Ибнъ-Фоцлана представляетъ какъ-бы протоколъ раскопки Черной могилы.

Переходимъ теперь къ самой характеристикѣ погребальныхъ обрядовъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ", читаемъ мы въ лѣтописи.

У Ибнъ-Фоцлана тоже говорится о похоронной пирушкѣ. „У богатаго они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на 3 части: треть даютъ семьѣ, за треть кроятъ ему одежду и за треть покупаютъ горячій напитокъ, который они пьютъ въ тотъ-же день, когда дѣвушка убиваетъ себя и сжигается вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Они-же преданы вину, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что иногда умираетъ одинъ изъ нихъ съ кружкой въ рукѣ [3])". Можно видѣть въ этомъ раздѣлѣ имѣнія и приготовленіи къ похоронной пирушкѣ *тризну* русской лѣтописи въ самомъ древнемъ значеніи этого слова, тѣмъ болѣе, что она предшествовала самому похоронному обряду; „и по семъ

---

[1]) „Погр. об. яз. Слав.", Котляревскаго; стр. 53.

[2]) Конечно, Русь туземная, а не норманская: Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи и т. д.

[3]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 96—97.

(т. е. послѣ тризны) творяху кладу велику и взложахуть на кладу мертвеца, сожигаху". Впослѣдствіи слово „тризна" получило нѣсколько иной смыслъ: стало обозначать уже не раздѣленіе имущества на три части и приготовленіе къ похоронамъ, а самый пиръ—поминки по покойникѣ. Въ чемъ заключалась тризна? Отвѣтъ на это до нѣкоторой степени даетъ филологическій разборъ слова. Въ древнихъ памятникахъ церков. слав. языка тризна употребляется въ смыслѣ битвы, состязанія; съ такимъ же значеніемъ это слово занесено въ наши азбуковники; такъ въ „Толкованіи неудобь познаваемомъ речемъ" тризна объясняется: страдальство, подвигъ; въ словарѣ Памвы Берынды: „*тризникъ*—ширмѣръ, або тотъ, що на игриску есть, *тризнище*—мѣстце, гдѣ бываютъ поединки, або ширмѣства, або боіованья, вытѣчки, або куглярства [1])". Такимъ образомъ, тризна была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристалища, игры или битвы. Какъ-бы намекомъ на это, остаткомъ прежняго обычая можетъ служить фактъ, передаваемый Ибнъ-Фоцланомъ: „прежде чѣмъ зарѣзать лошадей, ихъ предварительно измучили ѣздой, очевидно, въ честь покойника [2])". „Въ житіи кн. Константина Муромскаго" мы видимъ упоминаніе о битвѣ въ честь умершаго. Кажется, что слова лѣтописи: „творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику" намекаютъ на то, что тризна совершалась нѣсколько дней, и что трупъ умершаго лежалъ въ это время несожженнымъ. Ибнъ-Фоцланъ все это описываетъ съ живыми подробностями. „Мнѣ говорили, читаемъ мы у Ибнъ-Фоцлана, что они дѣлаютъ со своими главами при смерти ихъ такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе; посему я весьма желалъ присутствовать при этомъ, какъ я узналъ про смерть знатнаго у нихъ человѣка. Они положили его въ могилу, накрыли его крышкой, въ продолженіи десяти дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его. Когда-же наступилъ день, назначенный для сожженія его и дѣвушки, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло его судно, и вотъ! оно уже было вытащено (на берегъ) и для него сдѣлали четыре подпоры изъ дерева рѣчнаго рукава и другого дерева, а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ. Судно они потащили на эти дерева и начали ходить взадъ и впередъ и говорить

---

[1]) Котляр. „Погр. об. яз. Слав.", стр. 131 и примѣчаніе ***.

[2]) Гаркави. „Сказ. мусульм. писат. о Слав. и Рус.", стр. 98.

слова, мнѣ непонятныя, а онъ (мертвецъ) еще былъ въ своей могилѣ, они еще не вынули его. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно, и покрыли ее вышитыми коврами, румскимъ дибаджемъ и подушками изъ румскаго-же дибаджа. Затѣмъ пришла старая женщина, которую называютъ *ангеломъ смерти,* и выстлала на скамью все вышеупомянутое; она же управляетъ шитьемъ и приготовленіемъ его, она также принимаетъ дѣвушку, и я видѣлъ ее черною (темно-красною), толстою, съ лютымъ видомъ. Послѣ того какъ они пришли къ могилѣ его, они сняли землю съ дерева [1]), равно какъ само дерево, вынули мертвеца въ покрывалѣ, въ коемъ онъ умеръ, и я видѣлъ его почернѣвшимъ отъ холода этой страны. Они прежде поставили съ нимъ въ могилу горячій напитокъ, плоды и лютню (или балалайку); теперь-же они вынули все это. Онъ ни въ чемъ кромѣ цвѣта не перемѣнился. Ему надѣли шаровары, носки, сапоги, куртку и кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, надѣли ему на голову калансуву изъ дибаджа съ соболемъ, понесли его въ палатку, которая находилась на суднѣ, посадили его на коверъ, подперли его подушками; принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили передъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о бокъ ему; затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда-же [2])". Затѣмъ разсказывается уже о самомъ сожженіи; но остановимся пока на разборѣ этого мѣста.

Въ этомъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *сожиганіе мертвеца въ лодкѣ.* Какъ смотрѣть на этотъ фактъ? Обусловленъ-ли онъ случайными обстоятельствами: погребался пріѣзжій купецъ, ладья была однимъ изъ главныхъ предметовъ его имущества и потому, на ряду съ прочими предметами его домашняго обихода, должна была удовлетворять его потребностямъ въ загробной жизни, или же онъ имѣетъ болѣе глубокія причины? Дѣло

[1]) Съ крыши могилы.

[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 96—98.

въ томъ, что у другихъ индо-европейскихъ народовъ мы находимъ обычай *хоронить мертваго въ лодкѣ,* спуская-ли его въ открытую воду, путемъ которой онъ достигаетъ страны блаженныхъ, или сожигая его, какъ это мы видимъ въ данномъ случаѣ. О существованіи этого обычая у Славянъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій; имѣемъ только темные, отрывочные намеки, сохранившіеся въ языкѣ и нѣкоторыхъ народныхъ суевѣріяхъ [1]). Одно прямое указаніе на это встрѣчается у Ибнъ-Фоцлана; но нельзя, конечно, основываясь только на одномъ Ибнъ-Фоцланѣ, признать его за одинъ изъ погребальныхъ типовъ у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Весьма вѣроятно, что тутъ и было глухое воспоминаніе объ обычаѣ до-славянской эпохи; но главнымъ образомъ дѣйствовали исключительныя обстоятельства: похороны на чужбинѣ и при томъ покойника—купца мореходца. Какъ-бы то ни было,—постоянно или непостоянно сожигали своихъ покойниковъ Сѣверяне, Радимичи и Вятичи въ ладьяхъ,—непремѣнною принадлежностью являлась клада („творяху кладу велику"). Во многихъ варіантахъ къ этому мѣсту читается „краду", что будетъ, конечно, вѣрнѣе. „Крада" въ церковно-славянскомъ означаетъ не только костеръ, печь, но и горящій жертвенный алтарь (βωμός); такимъ образомъ, и въ лѣтописи слово „крада" означала не простой костеръ, но именно погребальный, воздвигнутый и сожигаемый въ честь мертваго. Впослѣдствіи же это мало понятное „крада" было замѣнено болѣе понятнымъ „клада".

Археологическія изъисканія указываютъ на кострища, какъ результатъ такихъ погребальныхъ костровъ, какіе описываетъ намъ Ибнъ-Фоцланъ. На такой именно погребальной типъ указываютъ сѣверянскіе курганы большой величины. Сначала приготовлялась насыпь, отъ одного до шести аршинъ отвѣсной высоты, съ обширнымъ основаніемъ, отъ 50 до 200 ар. въ окружности. На этой насыпи устраивали костеръ изъ различнаго дерева (въ Черной могилѣ можно было различать угли дуба, березы, ольхи). Ко-

---

[1]) См. Котл. „Пог. об. яз. Слав.", стр. 235 прим. *; тутъ г. Котляр. приводитъ одно народное преданіе, сообщенное И. С. Некрасовымъ и помѣщенное въ милютинскихъ Минеяхъ (Октябрь, стр. 1277), что тѣло Якова Боровицкаго плыло Мстою на льдинѣ, которая имѣла на себѣ „колоду (гробъ) безъ верху кровли и та горѣла".

стеръ сколачивали желѣзными гвоздями. На величину костра указываютъ испепелившіяся толстыя части костей и [illegible], расплавившіяся золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, а также объемъ кострища, состоящаго изъ слоя пепла, угля и жженыхъ костей толщиною въ разныхъ курганахъ отъ 2 вершковъ до 2 четвертей [1]).

Положивъ въ парадномъ костюмѣ покойника на костеръ, клали туда-же разныя вещи: оружіе, сбрую, разныя домашнія орудія, игорныя принадлежности, монету, зерновой хлѣбъ, домашнихъ животныхъ. Въ Черной могилѣ и Гульбищѣ ясно можно было различить два сожженныхъ трупа: характерныя человѣческія кости (зубы, кости пальцевъ, позвонки) попадались въ двухъ частяхъ кострищъ, отстоящихъ около 3-хъ аршинъ одна отъ другой, при чемъ въ первой части были находимы преимущественно принадлежности мужскаго костюма (поясныя пряжки и бляхи, грудныя застежки, массивныя пуговицы), и вооруженіе (стрѣлы, копья, мечи, шашки, щиты), а въ другой части, напротивъ, принадлежности женскаго костюма и туалета (серьги, бусы, кольца, дутыя серебряныя пуговицы, гребенки, булавки). Судя по разстоянію, отдѣляющему кости, при которыхъ встрѣчались преимущественно мужескія вещи, отъ костей, при которыхъ находимы были преимущественно женскія вещи, можно думать, что оба трупа клались на костеръ не рядомъ, а въ разстояніи около двухъ аршинъ одинъ

---

[1]) Самокв. „Сѣв. кур.“, въ „Тр. тр. арх. съѣзда“, т. I, стр. 190, 194. При разрытіи Черной могилы было открыто обширное кострище кругообразной формы около 15 ар. въ діаметрѣ, состоявшее изъ толстаго слоя (въ центрѣ около полуаршина) жженыхъ человѣческихъ, конскихъ, птичьихъ и рыбьихъ костей и множества различныхъ вещей, характеризующихъ бытъ народа. Въ троицкой группѣ въ 2 большихъ курганахъ „Гульбище“ и „Безъимянный“, кострище по своей формѣ и содержанію совершенно напоминало кострище Черной могилы; разница была только въ размѣрахъ (окружность кострища въ Гульбищѣ равнялась болѣе чѣмъ 30 шагамъ въ окружности) и отчасти въ найденныхъ вещахъ. Въ большихъ курганахъ сѣдневской группы тоже самое; въ самомъ низу кургана помѣщается кострище, состоящее изъ жженыхъ человѣческихъ, звѣриныхъ, птичьихъ и рыбьихъ костей. Средина кострища всегда значительно толще и равномѣрно понижается къ краямъ; величина его въ различныхъ курганахъ измѣняется отъ 7—12 ар. въ діаметрѣ. Вещи, найденныя въ пепелищахъ, совершенно подобны вещамъ, найденнымъ въ черниг. курганахъ.

отъ другого [1]). Послѣ сожженія пепелище закрывали слоемъ земли въ [illegible]анахъ отъ 2 четвертей до 5 арш. толщиною. На этомъ сло[illegible] [illegible]рѣ [illegible]ргана ставили сосудъ съ костями принесеннаго въ жертву животнаго, при которомъ клали иногда вооруженіе покойника: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья и стрѣлы. Жертву сожигали не въ центрѣ кургана, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; въ курганѣ она ставилась уже сожженною; ни въ одномъ курганѣ не было замѣчено слѣдовъ сожженія жертвенныхъ вещей и животнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ находили [2]). Въ Черной могилѣ въ жертвенной части между вещами, несомнѣнно сожженными (обугленныя кости и шерсть барана, два шлема, 2 кольчуги, 2 длинныхъ ножа) найдены 2 окованныхъ серомъ рога и 2 золотыя монеты, на которыхъ не видно слѣдовъ огня [3]).

Жертвенный слой кургана въ свою очередь покрывался слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ 2-хъ до 6 ар. толщиною [4]). На вершинѣ Черной могилы обнаружены явные слѣды бывшаго памятника, разрушеннаго временемъ [5]).

---

[1]) Ibidem, стр. 205—206.

[2]) Ibidem, стр. 188, 191. Въ Черной могилѣ на 5 арш. выше кострища была найдена въ центрѣ кургана металическая окисшая масса, въ которой открыты были шлемы, кольчуги, кольца и друг. предм., но слѣдовъ сожженія на этомъ мѣстѣ не было. Въ курганѣ „Гульбище“ точно также на 2 ар. выше кострища была открыта обуглившаяся металическая масса, длиною болѣе аршина, а шириною болѣе $^3/_4$ ар.; тутъ были обгорѣлые и слившіеся въ одну массу: шлемъ, кольчуга, мечь, копье, стремена, мѣдный щитъ, а непосредственно подъ этими вещами найденъ чугунный сосудъ съ обгорѣлой частью бараньяго черепа, бараньими зубами, недогорѣлой бараньей шерстью и скорлупой куринагѡ яйца. Всѣ вещи положены на мѣсто ихъ нахожденія уже сожженными гдѣ то на сторонѣ, а можетъ быть на кострѣ, остатки котораго, найдены ниже той же могилы. Въ сѣдневскихъ курганахъ съ кострищами на высотѣ $^1/_4$—1 ар. отъ кострища найдены также цѣлыми или раздавленными землею глиняные сосуды съ сожженными костями (жертвенная часть).

[3]) Ibidem, стр. 206.

[4]) Ibidem, стр. 188, 191, 194. Въ Черной могилѣ—въ $5^1/_2$ ар., въ курганѣ Гульбище—въ 6 арш., въ сѣдневской группѣ—1—3 ар.

[5]) Ibidem, стр. 187—188. Когда на вершинѣ кургана снятъ былъ дерновый слой, показались четыре квадрата кирпичей, одинъ другого меньше, лежащихъ одинъ на другомъ, какъ-бы фундаментъ бывшаго па-

Можетъ быть, и на другихъ курганахъ этой формы ставились какіе либо знаки или памятники, уничтоженные временемъ. По сооруженіи кургана, подошва его обносилась рвомъ, отъ 2-хъ—10 аршинъ шириною и отъ 1—5 глубиною [1]).

Всѣ приведенные факты убѣждаютъ насъ, что въ этихъ курганахъ погребальный типъ былъ тотъ самый, о которомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ. Заключительное извѣстіе Ибнъ-Фоцлана въ его разсказѣ о похоронахъ знатнаго Русса поразительно сходно съ тѣмъ, что открыто при разрытіи Черной могилы. „Потомъ (послѣ сожженія), говоритъ онъ, построили они на мѣстѣ (стоянки) судна, когда его вытащили изъ рѣки, что-то, подобное круглому холму, вставили въ средину большое дерево халанджъ [2]), написали на немъ имя (умершаго) человѣка и имя русскаго царя и удалились [3])". Кто не узнаетъ въ этомъ описаніи такого столба, какой былъ въ Черной могилѣ и на который мы только что указывали? Не можемъ не привести здѣсь параллельнаго мѣста изъ житія князя Константина муромскаго—„ни бдына дѣяти"; подъ бдыномъ тамъ безъ сомнѣнія разумѣется надстройка надъ могилою; на нее прежде всего указываетъ этимологія слова: корень этого слова „будъ", который означаетъ постройку; въ смыслѣ погребальной постройки, это слово встрѣчается въ Ипат. лѣтописи подъ 1175 г. „вложимы и любо си въ буди, любо си въ гробъ"; въ современ. русскомъ областномъ языкѣ, „буда",—не только постройка вообще (малорус. будынокъ) но и склепъ

мятника; сторона нижняго квадрата—четыре, а верхняго—два арш. Кирпичи связаны были крѣпкимъ известковымъ цементомъ; кирпичи очень длинные, крѣпкіе, съ бороздами на одной сторонѣ, очень похожіе на тѣ, изъ которыхъ сложены стѣны древняго Спасскаго собора въ Черниговѣ. Подъ нижнимъ квадратомъ кирпичей, непосредственно подъ самой его серединой и надъ центромъ кургана, найденъ дубовый сгнившій столбъ въ ½ арш. высоты; столбъ этотъ былъ уставленъ на битомъ кирпичѣ, по составу своему совершенно подобномъ кирпичу, изъ котораго были сложены вышесказанные квадраты.

[1]) Ibidem, стр. 187, 191, 192.

[2]) Буковое дерево или береза.

[3]) Гарк. „Сказан. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 101.

[4]) Ип. лѣт., стр. 401.

для покойниковъ (Даль, Толков. слов.); въ „Сказ. о началѣ Москвы“, сохранившемъ многія черты древности, неизвѣстный князь Даніилъ, убѣгая отъ Кучковичей, „по прислучаю найде въ дебри струбецъ малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый мертвый человѣкъ, князь же влѣзъ въ струбецъ той, закрыся въ немъ [1])“. Бѣлоруссы Черниг. губер. до сихъ поръ на могилахъ ставятъ срубы вмѣсто могильныхъ насыпей [2]).

Такое поразительное сходство погребальныхъ обычаевъ, передаваемыхъ Ибнъ-Фоцланомъ и опредѣляемыхъ изъ раскопокъ большихъ сѣверянскихъ кургановъ (въ родѣ, напримѣръ, Черной могилы) объясняется между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ погребались знатныя лица.

По народному преданію, Черная могила прикрывала собою прахъ знаменитаго сѣверянскаго князя, по имени Чернаго, основателя Чернигова, давшаго послѣднему его названіе; другой курганъ прикрывалъ собою прахъ княжны Чорны, дочери князя Чернаго, бросившейся изъ окна своего терема и лишившейся жизни во время осады Чернигова княземъ древлянскимъ, плѣнившимся ея красотою [3]). Ибнъ-Фоцланъ, какъ извѣстно, также наблюдалъ погребеніе знатнаго и богатаго купца.

Но повидимому такой характеръ погребальнаго обряда сожиганія (т. е. собственно конецъ его), какой мы представили на основаніи археологическихъ раскопокъ и извѣстій Ибнъ-Фоцлана, стоитъ въ противорѣчіи съ извѣстіемъ о томъ же лѣтописи. По разсказу лѣтописи, послѣ сожженія покойника „собраше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путѣхъ“. Это обстоятельство требуетъ разъясненія. Дѣло въ томъ, что погребальный обрядъ сожженія былъ двухъ родовъ, и лѣтопись только указываетъ на одинъ изъ нихъ. Иногда послѣ сожженія покойника, кости его собирали въ сосудъ и ставили „на столпѣ“—объ этомъ и говоритъ лѣтопись; а иногда прямо на мѣстѣ кострища дѣлали курганъ—на этомъ второй родъ сожиганія и указываетъ Ибнъ-Фоцланъ; но и первому роду сожиганія, указываемому лѣтописью,

---

[1]) Врем. Мос. Общ. Ист. и Древ. 1851 г., кн. 11-я. Смѣсь (стр. 26).

[2]) Домонтовичъ Матер. для геогр. и статис. Россіи. Черниг. губ., стран. 533-я.

[3]) Черниг. губ. вѣд. 1851 г. Статья Котляр. „О городѣ Черниговѣ“, стр. 237 и слѣд.

мы находимъ подтвержденіе въ данныхъ, добытыхъ археологіею. Рядомъ съ большими курганами съ кострищами попадается въ землѣ Сѣверянъ множество кургановъ, содержащихъ въ себѣ только сосуды со жжеными человѣческими костями. Вотъ каковъ былъ этотъ погребальный типъ, насколько его можно возстановить по раскопкамъ. Покойниковъ въ этомъ случаѣ сожигали не въ курганахъ, гдѣ найдены ихъ сожженные остатки, а гдѣ-то на сторонѣ [1]). Можетъ быть, каждому покойнику дѣлали особый костеръ возлѣ похороннаго кургана; вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигались мелкія животныя: почти въ каждомъ сосудѣ можно различить кости человѣка и животныхъ. Послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, клали ихъ въ глиняный сосудъ, клали сосудъ въ приготовленный земляной холмъ отъ 1-го до 2-хъ ар. высоты и засыпали его слоемъ земли отъ 2-хъ четвертей до $1^1/_2$ арш. толщиною [2]). Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ видно по находимымъ между костями украшеніямъ [3]). Иногда въ одномъ курганѣ были находимы 2, даже 3 сосуда со жжеными человѣческими костями, рядомъ стоящіе [4]). Можетъ быть, въ этихъ случаяхъ

[1]) О курганахъ съ сосудами со жжеными человѣческими костями сѣдневской группы мы читаемъ у г. Самоквасова: „признаковъ сожженія на мѣстѣ въ этихъ курганахъ не сохранилось. Покойникъ сожженъ гдѣ-то на сторонѣ; затѣмъ прахъ его собранъ въ сосудъ и поставленъ въ верхней части насыпи на высотѣ 1—2 ар. отъ ея подошвы. (Сам. „Сѣв. кург.“ въ „Тр. тр. арх. съѣзда“, т. I, стр. 194); въ волокитинской группѣ кургановъ слѣдовъ сожженія на мѣстѣ не замѣчено (Ibidem, стр. 197), равно какъ и въ ротовской—(Ibidem, стр. 198), подмонастырской—(Ibidem, стр. 198), марьяновской—(Ibidem, стр. 199), сѣтновской—(Ibidem, стр. 199), клюковской—(Ibidem, стр. 199—200), александровской—(Ibidem, стр. 200), бѣлогорской—(Ibidem, стр. 203), миропольской—(Ibidem, стр. 204). Только г. Дмитрюковъ указываетъ на 4 разрытые имъ кургана въ бѣлогорской группѣ (Судж. уѣзд., Курск. губ.) съ сосудами со жжеными человѣческими костями, при чемъ сожиганіе тѣла, по мнѣнію г. Дмитрюкова, было произведено на томъ-же мѣстѣ, что видно по остаткамъ угля и золы. Труды Курск. Стат. Ком., т. I, стр. 507 и слѣд.).

[2]) Самокв. „Сѣв. кург.“, въ „Тр. тр. арх. съѣзда“, т. I, стр. 194.

[3]) Ibidem, стр. 194—195, 197, 198, 199, 203, 204.

[4]) Ibidem, стр. 194, 198—199.

вмѣстѣ съ покойниками были сожигаемы жены ихъ: въ такомъ случаѣ въ однихъ сосудахъ были кости мужей, а въ другихъ женъ ихъ. Часто рядомъ съ сосудами, наполненными костями, попадались пустые [1]), т. е. наполненные только землею; вѣроятно, въ нихъ ставилась пища. Такимъ образомъ, похоронный обрядъ, который мы возстановили археологическими изысканіями, былъ-бы вполнѣ тождественъ съ похороннымъ обрядомъ, о которомъ намъ говоритъ лѣтопись, если-бы не мѣшало этому лѣтописное выраженіе—„на столпѣ на путѣхъ"; какъ понимать это выраженіе?

Приведемъ въ отвѣтъ на это основательныя соображенія г. Котляревскаго. „Загадочнымъ представляется послѣднее извѣстіе („на столпѣ на путѣхъ"). Если понимать его въ современномъ обыкновенномъ смыслѣ, то придется допустить странность: прахъ усопшихъ собирали затѣмъ, чтобы *не сохранить* его, ибо выставленный на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію. Очевидно, что выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Грамматическая правильность и ясность текста дѣлаютъ ненужнымъ предположеніе объ искаженіи или порчѣ, потому остается думать, что слово столпъ, стлъпъ здѣсь имѣетъ иное, отличное отъ обыкновеннаго, знаменованіе; ни русскіе, ни древне-славянскіе памятники, гдѣ оно обозначаетъ στήλη и πύργος, не даютъ настоящаго смысла; его указываетъ санскрит.: отъ корня stûp=coacervare, errigere, образуется существит. stûpa=cumulus, возвышеніе изъ земли и камней, высокая могила; этому слову, по органически правильному переходу звуковъ, отвѣчаетъ польское stypa, которое первоначально должно было обозначать *могилу*, но уцѣлѣло уже въ переносномъ значеніи *погребальнаго пира*, поминокъ. Въ силу того-же органическаго перехода звуковъ, слово явилось въ церковно-славянскомъ языкѣ въ формѣ стлъпъ (правильнѣе стълпъ, ибо и=ы переходитъ въ ъв, *в* же въ *л*), въ русскомъ—столпъ, столбъ. И такъ, не въ древнемъ-ли значеніи землянаго возвышенія, холма, насыпной могилы слѣдуетъ понять столпы „Повѣсти"; по крайней мѣрѣ, ихъ трудно понять иначе, особенно когда вспомнимъ прямое показаніе Ибнъ-Дасты [2]), что Славяне, по сожже-

[1]) Ibidem, стран. 194, 197, 199, 203, 204.

[2]) „На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну,

ніи мертвеца, собирали пепелъ съ пожарища, складывали его въ сосудъ и ставили послѣдній на холмѣ. Погребальная урна съ костями и пепломъ, конечно, ставилась не на поверхности могилы, но въ серединѣ ея; объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ, доселѣ бывшія, археологическія раскопки. Помѣщеніе могильныхъ холмовъ на видномъ мѣстѣ *путей* вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ назначенію: съ одной стороны они—свидѣтели памяти покойника, съ другой—пограничные стражи родной земли, села и волости, оберегаемыхъ прахомъ почившихъ предковъ, ибо жилищамъ боговъ—*терминовъ* приличнѣе всего стоять на межѣ путей [1]"... Если мы примемъ толкованіе г. Котляревскаго, то тогда не будетъ ни малѣйшей разницы между данными, добытыми археологіею и данными лѣтописными.

Резюмируемъ все сказанное о внѣшнемъ характерѣ погребальнаго обряда—сожиганія у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Онъ былъ двоякаго рода: или курганъ насыпался на кострищѣ, при чемъ ставили на верху его какой нибудь памятникъ, въ родѣ описаннаго нами выше (на Черной могилѣ), или же курганъ заключалъ въ себѣ только урну съ пепломъ, а сжигался покойникъ въ другомъ мѣстѣ.

Обратимся теперь къ подробностямъ. Въ яму съ покойникомъ (передъ сожженіемъ) ложили медъ, плоды и лютню, на костеръ—медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, а сбоку оружіе умершаго, собаку, двухъ коней, двухъ коровъ, пѣтуха съ курицей. Какое это имѣло значеніе? Очевидно, покойникъ, по понятіямъ Сѣверянъ, жилъ и за гробомъ, имѣлъ тѣже потребности, что и въ здѣшней земной жизни: ему нужно жилище, нужна пища и питье, ему нужно оружіе и конь, нуженъ, наконецъ, для забавы музыкальный инструментъ. Такимъ образомъ, Сѣверяне, очевидно, вѣрили въ загробное существованіе, хотя впрочемъ только *въ матеріальное.* И такого рода вѣра нисколько не удивительна: ея нѣтъ только у тѣхъ народовъ, гдѣ вовсе не существуетъ связи семей и поколѣній; во всѣхъ остальныхъ она существуетъ, потому что вызывается потребностью души, которая хочетъ жить даже и за гробомъ. Такимъ путемъ каждый народъ раз-

---

которую ставятъ затѣмъ на холмъ". См. Хвольсона, Изв. о Хоз. Бурт., Булг. Мад. Слав. и Рус. Ибнъ-Даста, стр. 29.

[1]) Котляревъ. „Погр. обыч. яз. Слав.", стр. 122—123.

рѣшаетъ себѣ страшную загадку смерти, и нѣтъ такого, который-бы не чувствовалъ необходимости разрѣшить ее такъ или иначе, потому что нѣтъ такого народа, который-бы не чувствовалъ цѣны жизни, привязанности, который-бы не отдался обаятельной мечтѣ о временной разлукѣ и вѣчномъ союзѣ за гробомъ. Эта мысль о безсмертіи имѣла очень большое значеніе: она примиряла человѣка съ вѣчнымъ и непонятнымъ для него закономъ природы—смертью и поддерживала энергію въ жизненной дѣятельности, которой безъ этого у него, быть можетъ, и не оказалось-бы; она имѣла и высокое нравственное значеніе: человѣкъ уже теперь не могъ довольствоваться однимъ матеріальнымъ своимъ существованіемъ, а стремился идти по пути истины и добра; мало того, она вноситъ въ самую жизнь нѣкоторые традиціонные обычаи:—вызываетъ обрядовое чествованіе усопшихъ, въ связи съ которымъ стоитъ благоговѣйное почитаніе умершихъ предковъ. Это благочестивое поклоненіе усопшимъ основывалось на твердой увѣренности, что міръ усопшихъ и живущія поколѣнія состоятъ въ непрерывной и дѣятельной взаимной связи; эта связь понималась самымъ живымъ и реальнымъ образомъ: загробное существованіе представлялось въ формѣ существованія земнаго, какъ продолженіе тѣхъ потребностей и заботъ, какія имѣли мѣсто въ дѣйствительности. Блаженные предки заботятся о своихъ живыхъ потомкахъ; но это въ свою очередь налагаетъ извѣстныя обязанности и на живыхъ: чествованіе умершихъ предковъ. Первымъ и важнѣйшимъ актомъ этого чествованія была *почесть погребальная*; это было *jus manium*. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Котляревскій: „Для чувства человѣка—естественно стремленіе полагать границу между царствомъ жизни и смерти: обезображенная смертію, распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго исключенія изъ среды живыхъ людей, но человѣческій родъ, по прекрасному замѣчанію Я. Гримма, отрекся-бы отъ своей собственной природы, если-бы это *право живыхъ* не смягчалось послѣднимъ *правомъ мертвыхъ* на честь и услугу, необходимую для того, чтобы они могли перейти и водвориться въ вѣчномъ жилищѣ и тамъ продолжать свое существованіе. Забота отдать этотъ долгъ родному или собрату, покончившему разсчеты съ жизнью, *сомкнуть уста, закрыть глаза ему*, какъ забота нравственно естественная, всегда была и священною нравственною обязанностью человѣка; только самые грубые народы, преданные лишь животнымъ инстинктамъ и потребностямъ, пренебрегаютъ или не знаютъ

этой повинности, оставляя своихъ покойниковъ на произволъ судьбы; у всѣхъ же другихъ племенъ погребальная почесть искони была предметомъ высокаго нравственнаго и религіознаго долга; въ произведеніяхъ народной словесности вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія о человѣкѣ, лишенномъ погребальной почести; народная пѣсня не знаетъ болѣе страшнаго проклятія, какъ—*чтобы человѣкъ не имѣлъ гроба, чтобы земля* его не приняла; народная повѣсть съ любовью и сочувствіемъ останавливается на лицахъ, которыя не пренебрегли этою священною повинностью: она награждаетъ ихъ долгою и счастливою жизнью... И обычай, и законодательство освятили послѣднее право мертвыхъ на погребальную почесть [1]". Таково вообще происхожденіе погребальнаго обряда, основаннаго на вѣрѣ въ загробную жизнь.

Съ этой точки зрѣнія объясняются и всѣ другіе обряды, на которые указываетъ намъ Ибнъ-Фоцланъ; *деревяныя изображенія, подобныя великанамъ*, вѣроятно, были фигуры божествъ, о которыхъ Ибнъ-Фоцланъ упоминалъ раньше [2]); присутствіе ихъ очень понятно: погребальный обрядъ—это дѣйствіе священное, совершать его было естественно только въ присутствіи боговъ; а, можетъ быть, впрочемъ это было изображеніе предковъ (penates, imagines majorum); въ такомъ случаѣ ихъ присутствіе будетъ еще понятнѣе; существованіе такихъ пенатовъ является несомнѣннымъ въ языческой славянской старинѣ [3]).

Укажемъ еще на одинъ обрядъ, который яснѣе всего подтверждаетъ вѣру Сѣверянъ въ загробную жизнь: это сожженіе вмѣстѣ съ покойникомъ его дѣвушки. Приведемъ объ этомъ собственныя слова Ибнъ-Фоцлана. „Когда же умираетъ у нихъ глава, то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умретъ съ нимъ? и кто нибудь изъ нихъ говоритъ: я! Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него, ему никакъ не позволительно обратиться вспять, и если-бъ онъ даже желалъ, это не допускается; большею частію дѣлаютъ это дѣвушки. Посему, когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: кто умретъ съ нимъ? и одна изъ

---

[1]) Котлярев. „Погр. об. яз. Слав.", стр. 6—7.

[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 95.

[3]) См. Котляр. „Погр. об. языч. Слав.", стр. 74, прим. **.

нихъ отвѣтила: я! Посему назначили двухъ дѣвушекъ, которыя стерегли ее и были-бы съ ней, куда-бы она ни пошла, иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. За тѣмъ они взялись за него, за кройку его одежды и приготовленіе ему нужнаго. Дѣвушка-же пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь [1])". Такъ дѣло продолжалось до того дня, когда нужно было сожигать покойника и его дѣвушку. „Дѣвушка-же, долженствующая умереть, ходила взадъ и впередъ, заходила въ каждую изъ ихъ (мужчинъ) палатокъ, гдѣ поодиночкѣ сочетаются съ нею, при чемъ каждый говоритъ ей: „скажи своему господину, что я сдѣлалъ это по любви къ тебѣ". Когда настало среднее время между полуднемъ и закатомъ, въ пятницу, повели они дѣвушку къ чему-то, сдѣланному ими на подобіе карниза у дверей, она поставила ноги на руки мужчинъ, поднялась на этотъ карнизъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена. Затѣмъ подняли ее вторично, она сдѣлала тоже самое, что въ первый разъ и ее спустили; подняли ее въ третій разъ, и она дѣлала, какъ въ первые два раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей голову и бросила ее, курицу-же взяли и бросили въ судно. Я же спросилъ толмача объ ея дѣйствіи, и онъ мнѣ отвѣтилъ: въ первый разъ она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою!"; во второй разъ: „вотъ вижу умершихъ всѣхъ родственниковъ сидящими!"; въ третій же разъ сказала она: „вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики, онъ зоветъ меня, посему ведите меня къ нему". Ее повели къ судну, она сняла запястья, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти; эта же женщина убиваетъ ее. Затѣмъ сняла она пряжки, бывшія на ея ногахъ, и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей; онѣ же дочери извѣстной подъ прозваніемъ ангела смерти. Потомъ ее подняли на судно, но не ввели ее въ палатку, и мужчины пришли со щитами и палками и подали ей кружку съ горячимъ напиткомъ; она пѣла надъ нею и выпила ее; толмачъ же сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается со своими подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же ее торопила выпить кружку,

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 97.

и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимости, она (не?) желала войти въ палатку и всунула голову между палаткой и судномъ; старуха же взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать палками по щитамъ для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ, чтобъ это не удержало другихъ дѣвушекъ, такъ что онѣ не пожелаютъ умереть со своими господами. За тѣмъ вошли въ палатку шесть мужчинъ и всѣ вмѣстѣ сочетались съ дѣвушкой; за тѣмъ ее простерли о бокъ съ ея господиномъ—мертвецомъ, двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку, противоположные концы которой она дала двумъ, чтобъ они тянули, подошла съ широкимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и начала вонзать его между реберъ ея и вынимать его, а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умерла. Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ этого мертвеца, взялъ кусокъ дерева и зажегъ, пошелъ задомъ вспять къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, а другую руку на открытомъ задѣ [1]), пока не зажегъ того дерева, которое они расположили подъ судномъ,—послѣ того уже какъ положили умерщвленную дѣвушку подлѣ ея господина. Послѣ того подошли (остальные) люди съ деревомъ и дровами; каждый имѣлъ зажженный кусокъ дерева, который онъ бросилъ въ эти дрова, и огонь охватилъ дрова, за тѣмъ судно, потомъ палатку съ мужчиной (мертвецомъ), дѣвушкой, и всѣмъ, въ ней находящимся, потомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя огня усилилось и все болѣе разжигалось неукротимое воспламененіе его [2])".

Въ похоронахъ, описанныхъ Ибнъ-Фоцланомъ, о женѣ покойника ничего не говорится: вѣроятно, онъ былъ холостой человѣкъ; въ такомъ случаѣ къ описанному обряду можно примѣнить извѣстіе Масуди, что Славяне и Русскіе въ землѣ Хозаръ *женятъ холостаго по смерти* [3]), и видѣть въ немъ, по прекрасному выраженію г. Котляревскаго, сочетаніе двухъ, впрочемъ недалекихъ другъ отъ друга, обычаевъ—*погребальнаго и свадебнаго*; какъ на отголоски этого обычая,

---

[1]) Другую руку на задѣ, будучи голымъ.

[2]) Гаркави. „Сказ. мусульман. пис. о Слав. и Рус.", стр. 98—100.

[3]) „А если умираетъ у нихъ холостой, то его женятъ по смерти". Гарк. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 129.

можно указать на обычай въ Малороссіи обряжать умершую дѣвушку, какъ къ вѣнцу, такъ-же точно, какъ и паробка. По вѣрованію Подолянъ, умершему паробку нельзя быть на томъ свѣтѣ безъ *дружьины*; поэтому похороны паробка носятъ названіе *весільа* и совершаются со свадебной обстановкой: употребляются квитки, вѣнки и платки. Умершей дѣвушкѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ платки несущимъ хоругви; на тотъ свѣтъ назначается для ней женихъ, и такимъ *молодымъ* бываетъ какой нибудь паробокъ. Ему перевязываютъ руку *свадебнымъ платкомъ*, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до *хаты* (могилы). Съ той поры семья умершей считаетъ его зятемъ, а прочіе вдовцомъ [1]). Сожигались дѣвушки по добровольному согласію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ясно самъ Ибнъ-Фоцланъ; очевидно, въ этомъ случаѣ принудительная сила обычая уже смягчилась: женамъ, рабамъ и рабынямъ давался свободный выборъ между жизнью и смертью; прежде такого свободнаго выбора не существовало; и это очень понятно. Покойнику на тотъ свѣтъ давали все то, чѣмъ онъ пользовался, что ему принадлежало въ этой жизни; а ему принадлежали не только рабы и рабыни, но и жена, которая была почти такой-же предметъ его имущества, какъ и все прочее. Но что-же заставляло желать смерти жену или рабыню, когда имъ было предоставлено право выбора? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Масуди: „женщины ихъ, говоритъ онъ, желаютъ своего сожженія, для того чтобы войти съ ними (мужьями) въ рай [2])“. Очень важное указаніе на этотъ счетъ даетъ и самъ Ибнъ-Фоцланъ. Дѣвушка, по его словамъ, смотритъ въ колодезь и видитъ тамъ рай, а въ раю своего господина, который зоветъ ее къ себѣ; такимъ образомъ, жены или рабыни обрекали себя на смерть въ силу религіознаго вѣрованія, что жены только вслѣдъ за мужемъ, рабыни вслѣдъ за господиномъ могутъ войти въ обитель блаженныхъ. Дѣйствительно, у Масуди есть намекъ на то, что жену, не послѣдовавшую за мужемъ, рабовъ—за своимъ господиномъ, ожидало за гробомъ „*пекло*“; это видно изъ тѣхъ причитаній, которыя сопровождаютъ сожженіе рабовъ у Борджанъ

---

[1]) Шейковскій—„Бытъ Подолянъ“, II, стр. 23, 33; Свидницкій въ Основѣ 1861 г. № 2, стр. 52—53.

[2]) Гарк., „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 129.

(Болгаръ): „мы сожигаемъ ихъ на этомъ свѣтѣ; за то они не будутъ сожжены на томъ [1])“.

Погребальнымъ обрядомъ распоряжалась старуха, называемая *ангеломъ смерти*, со своими двумя дочерьми; хотя на это не встрѣчаемъ указаній въ другихъ источникахъ, однако не можемъ совсѣмъ отрицать этого, потому что и до нынѣ старуха играетъ большую роль въ житейской практикѣ; конечно, это не была жрица, а просто хранительница обычая: она знаетъ лучше погребальные обряды—она ими распоряжается; жрецовъ-же въ полномъ смыслѣ этого слова не было у Сѣверянъ, такъ-какъ съ одной стороны умирающая дѣвушка сама рѣзала жертвеннаго пѣтуха, какъ прощальную жертву, а съ другой—сѣверянскіе купцы приносили сами жертвы своимъ идоламъ, какъ объ этомъ разсказываетъ въ качествѣ очевидца тотъ-же Ибнъ-Фоцланъ [2]); дочери старухи, очень можетъ быть, не были ея дочерьми по плоти, а только по духу: языкъ очень часто усваиваетъ одинаковое названіе лицамъ, хотя и не стоящимъ въ дѣйствительномъ родствѣ, но связаннымъ другъ съ другомъ какимъ нибудь общимъ интересомъ; въ названіи „ангелъ смерти“ можно видѣть арабскую передачу какого-нибудь русскаго нарицательнаго, намъ неизвѣстнаго. Сообщеніе обреченной на смерть дѣвушки съ однимъ изъ мужчинъ можно понять, какъ символическій обрядъ вступленія въ бракъ съ умершимъ, которому природа уже отказала въ супружескомъ правѣ, поэтому его символически замѣняетъ другое лицо; но слова, сказанныя имъ дѣвушкѣ, равно какъ и сочетаніе съ нею 6 мужчинъ въ палаткѣ, гдѣ лежалъ мертвецъ, совершенно невѣроятны. Какъ могъ Арабъ слышать слова, которыя говорилъ любовникъ дѣвушкѣ наединѣ? Скажутъ, что ему ихъ разсказалъ толмачъ; но почему мы знаемъ, что толмачъ сказалъ правду, а не пошутилъ надъ простодушнымъ Арабомъ? Кажется, что къ такой *фантазіи* Ибнъ-Фоцланъ былъ приведенъ своимъ мнѣніемъ о крайней чувственности Руссовъ. Никоимъ образомъ нельзя допустить достовѣрности этого обряда, ибо онъ противорѣчитъ чувству почтенія къ смерти и усопшему и самымъ рѣзкимъ образомъ нарушаетъ торжественность послѣдней почести мертвому со стороны жи-

[1]) Гарк. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 127.

[2]) Гарк. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 95.

выхъ. Очевидно, весь этотъ разсказъ находится въ связи съ основною чертою характера Ибнъ-Фоцлана,—желаніемъ хвастнуть передъ своими согражданами тѣми чудесами, какія онъ видѣлъ въ своемъ путешествіи. Передъ смертію дѣвушка исполняла два обряда: она глядѣлась въ колодезь и торжественною пѣснью прощалась со своими близкими, выпивая при этомъ подносимыя чаши напитка. Въ колодезѣ она видѣла отца и мать, всѣхъ родственниковъ и наконецъ своего господина сидящими въ прекрасномъ, зеленомъ раю. Такимъ образомъ, ее подводили къ колодцу, чтобы она увидѣла напередъ блаженства рая, и тѣмъ смягчился бы для нее тяжелый переходъ въ вѣчность. Тутъ кажется немного страннымъ, что рай помѣщается не на небѣ, а въ подземномъ царствѣ.

Подобное вѣрованіе на Руси мы находимъ и въ нашей лѣтописи. Такъ Ярославскіе волхвы говорили Яну Вышатичу, что боги ихъ „сѣдять въ безднѣ“; тоже самое, но только съ большими подробностями, говоритъ чудскій кудесникъ одному новгородцу. Это вѣрованіе отнесено, впрочемъ, лѣтописцемъ не къ русскимъ Славянамъ, а къ Чуди; но такое же самое вѣрованіе мы видимъ и у Полочанъ, которыхъ, какъ извѣстно, Русская лѣтопись ставитъ въ тѣсную связь съ Кривичами и Сѣверянами. Вотъ что мы читаемъ подъ 1092 г. „Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи *тутънъ*, станяше по улици, яко человѣци рыщюще бѣси, аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абы уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семъ же начаша въ дне являтися на коних, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его областъ; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко *навье* бьютъ Полочаны [1])“. Здѣсь народъ прямо говоритъ, что *навье*, подземные жители—мертвецы бьютъ Полочанъ; это послѣднее вѣрованіе, какъ видимъ, находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ вѣрованіемъ Чуди, что *„боги ихъ живутъ въ безднахъ, всходятъ же и подъ небо“*. Но еще яснѣе подтверждаетъ это вѣрованіе Сѣверянъ о подземной жизни умершихъ доселѣ сохранившееся повѣрье въ Черниговской губерніи—центрѣ Сѣверянской области, о существованіи *криницъ* или русалокъ при колодезяхъ: въ

[1]) П. С. Р. Л. I, стран. 92.

Новгородъ-Сѣверскѣ и теперь еще есть родникъ, носящій названіе *Заручайской криницы*, на срубѣ котораго по народному повѣрью, сидятъ *криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ; но мы знаемъ, что русалками, по народнымъ повѣрьямъ, называются души умершихъ; слѣдовательно, Сѣверяне души умершихъ помѣщали въ колодцахъ, которые представляли изъ себя какъ-бы отверстія земли, черезъ которыя можно видѣть загробный міръ; понятно отсюда, почему дѣвушка Ибнъ-Фоцлана засматриваетъ въ колодезь и видитъ тамъ души умершихъ родителей, родственниковъ и своего господина.

Прощаніе дѣвушки съ жизнью выражается двумя дѣйствіями: принесеніемъ въ жертву пѣтуха и пѣніемъ пѣсенъ. Первый обрядъ, можно думать, выражалъ послѣднюю, предсмертную жертву солнцу, котораго она уже больше не увидитъ въ жизни загробной. На это указываетъ сохранившееся повѣріе сожигать бѣлаго пѣтуха въ лѣтній прощальный праздникъ Хорса, извѣстный теперь подъ названіемъ Ивана Купала (23 іюня); здѣсь именно сожигаютъ пѣтуха, какъ прощальную жертву солнцу, которое послѣ лѣтняго солнцестоянія начинаетъ удаляться отъ нашего полушарія; пѣтухъ тутъ, вѣроятно, потому, что онъ въ домашнемъ быту ночью первый привѣтствуетъ своимъ крикомъ приближеніе солнечнаго восхода. Нельзя не привести здѣсь остроумнаго и очень вѣроятнаго предположенія г. Котляревскаго. „Обрядъ, который совершала дѣвушка съ курицею, передъ своею смертью, говоритъ онъ, можетъ имѣть столько же погребальное, сколько и брачное значеніе: въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ курица играетъ весьма видную роль: ею кормятъ молодыхъ на постели, она служитъ для особенныхъ свадебныхъ примѣтъ и гаданій; ею дарятъ молодыхъ на новое хозяйство, и вообще она является символомъ новой семьи, новоселья; при такихъ понятіяхъ—естественно подарить *новобрачную*, переселяющуюся на другое *жилье*, курицею, которую она и *беретъ* съ собою [1])“. Попрощавшись съ свѣтиломъ дня, дѣвушка естественно вслѣдъ за тѣмъ прощалась съ родными и знакомыми. Сбрасывая съ себя украшенія, она тѣмъ самимъ указывала, что скоро не будетъ принадлежать уже этой жизни; первымъ кубкомъ и пѣснью она прощалась со всѣми милыми, и, наконецъ, вторымъ кубкомъ и длинною пѣснью она прощалась съ

[1]) Котляревскій. „Погр. об. яз. Слав.“, стр. 77—78.

самою жизнью. Кажется, нельзя согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, какое даетъ Ибнъ-Фоцланъ битью палицами по щиту; вѣроятно, первоначально эти звуки должны были напоминать громовые раскаты той небесной сферы, куда переселялся покойникъ. Трудно рѣшить, почему ближайшій родственникъ покойника зажигалъ костеръ, будучи полуобнаженъ; можетъ быть, это былъ своего рода трауръ надъ покойникомъ; еще труднѣе сказать, имѣло-ли какое нибудь символическое значеніе то обстоятельство, что онъ подходилъ задомъ къ костру; кажется, что нѣтъ.

Такъ хоронили знатнаго покойника; незнатныхъ хоронили точно также, только съ гораздо меньшею пышностью и торжественностью. Бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ его туда и сожигаютъ [1]). Исключались отсюда только рабы. Вотъ что говоритъ Ибнъ-Фоцланъ. „Если (больной) умираетъ, то они его сожигаютъ, а если онъ рабъ, то оставляютъ его въ этомъ положеніи, пока его не съѣдаютъ собаки и хищныя птицы [2])“. Это явленіе въ древней русской жизни совершенно понятно. Что могло вызвать заботу о будущемъ существованіи раба, въ которомъ и при жизни видѣли не человѣка, а рабочее орудіе. Рабы входили въ погребальный обрядъ, но наравнѣ съ прочимъ имуществомъ покойника: предавались смерти вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы и въ загробной жизни служить его нуждамъ и потребностямъ. Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ о сожженіи вмѣстѣ съ покойникомъ его раба или рабыни; Левъ Діаконъ—объ умерщвленіи плѣнниковъ надъ тѣлами павшихъ русскихъ воиновъ; въ связи съ этимъ стоитъ твердая рѣшимость воевъ Святославовыхъ не попасть живыми въ руки своихъ враговъ, чтобы не сдѣлаться плѣнниками и рабами, ибо тогда они были-бы рабами и въ будущей жизни: на такое вѣрованіе указываетъ, между прочимъ, клятвенная формула Игорева договора съ Греками, гдѣ сказано: „да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій“. Такое вѣрованіе у народа—рабовладѣльца, который будущую жизнь понимаетъ въ земныхъ формахъ, совершенно понятно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ привести краткое заключеніе г. Самоквасова о погребальныхъ типахъ въ землѣ

---

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 96.

[2]) Ibidem, стр. 95.

Сѣверянъ. „Тремъ видамъ погребенія Руссовъ, по Фоцлану, соотвѣтствуютъ въ землѣ Сѣверянъ три вида кургановъ, различающихся по величинѣ и содержанію. Курганы, заключающіе въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, не превышающіе трехъ аршинъ высоты и 40 арш. окружности основанія, очевидно,—могилы людей незнатныхъ, небогатыхъ; черниговскіе, сѣдневскіе и стародубскіе курганы съ кострищами, въ которыхъ не было найдено военныхъ доспѣховъ, не превышающіе 8 арш. отвѣсной высоты и 100 арш. въ окружности основанія, соотвѣтствуютъ могиламъ знатныхъ лицъ и, наконецъ, Черная могила, курганы Гульбище и княжны Чорны, соотвѣтствуютъ могиламъ начальниковъ. Обрядъ сожженія начальника Руссовъ въ Булгарѣ какъ будто списанъ съ обряда погребенія, открытаго въ черниговскихъ курганахъ большой величины. Если мы прибавимъ къ этому, что до настоящаго времени нигдѣ кромѣ земли Сѣверянъ не встрѣчено кургановъ, которые-бы съ такою точностію соотвѣтствовали описанію Фоцлана, то сѣверянская народность Фоцлановыхъ Руссовъ сдѣлается намъ очевидною [1]“. Разсказывая о погребальныхъ обрядахъ Сѣверянъ, мы отчасти коснулись и вопроса о ихъ религіозныхъ представленіяхъ: о вѣрѣ въ загробную жизнь. Теперь мы разсмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе.

Религія Сѣверянъ представляетъ такія оригинальныя черты, какихъ мы не встрѣтимъ у другихъ русско-славянскихъ племенъ. Къ несчастью у насъ слишкомъ мало матеріала, чтобы нарисовать полную картину сѣверянскаго язычества. Этнографическій матеріалъ могъ бы въ данномъ случаѣ оказать значительную услугу, если бы былъ собранъ въ достаточномъ количествѣ. Теперь же приходится пользоваться крайне отрывочными и случайными данными, которыя доставляетъ языкъ, суевѣрія и суевѣрные обряды и отчасти древніе письменные памятники. Въ національномъ памятникѣ Сѣверянъ—„Словѣ о полку Игоревѣ“ мы встрѣчаемъ Стрибога (бога вѣтровъ) и *Стрибожихъ внуковъ* (вѣтровъ). Теперь существуетъ въ народѣ поговорка: „гоне якъ вітрів батько“; здѣсь, конечно, нельзя не узнать Стрибога; въ народномъ разсказѣ „вітрів батько“ изображается сѣдымъ старикомъ, съ длинной бѣлой бородой, одѣтымъ въ бѣлую рубашку. По другому раз-

[1]) Самоквасовъ. „Сѣвер. кург.“, въ „Тр. тр. арх. съѣзда“, стр. 223.

сказу разсылаетъ онъ сыновей (стрибожи внуци) во всѣ стороны [1]). У народа есть полевой богъ—„Дідько", онъ представляется съ плетью, свитою изъ соломы; помахивая этою плетью, онъ колеблетъ хлѣба и травы. Передъ началомъ посѣва поются въ честь Дідька хвалы и мольбы. Поклоненіе Дідьку—богу полей нисколько не удивительно, такъ какъ Сѣверяне были земледѣльцы. Но на ряду съ полемъ большое значеніе у Сѣверянъ имѣетъ лѣсъ; тамъ они пасли большія стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Понятно отсюда у нихъ поклоненіе лѣсному богу—Полисуну. Вотъ разсказъ старика объ этомъ богѣ. „У вовківъ йе пастиръ Полісунъ. Вінъ, значить, гоне йіхъ якъ овець; де война, то вінъ туди і турить йіхъ на прокормъ. Вінъ у вечірі, якъ свисне, то й чути. Вінъ великій і похожъ на чоловіка; безъ його ярмарка ніколи не буде; вінъ на все ціну зводить [2])". И такъ, Полисунъ, какъ показываетъ самое названіе его, былъ лѣсной богъ, богъ волковъ; его чтили изъ боязни за скотъ; его старались умилостивить, чтобы онъ своихъ волковъ повелъ на прокормъ туда, гдѣ была война, а не туда, гдѣ пасли скотъ; но онъ—и богъ торговли, потому что скотъ, котораго онъ былъ покровителемъ, былъ главнымъ предметомъ купли и продажи на ярмаркахъ: и доселѣ у насъ товаромъ называется рогатый скотъ. Такимъ образомъ, Полисунъ, какъ мы видимъ, очень подходитъ къ Волосу—скотьему богу. И тотъ, и другой—покровитель животныхъ; но, гдѣ мѣстность была по преимуществу лѣсная, тамъ былъ Полисунъ, а гдѣ было много полей и луговъ, тамъ былъ Волосъ; „Волосько",—коровій богъ мало извѣстенъ въ черниговской украйнѣ [3]). Затѣмъ „Слово о полку Игоревѣ" называетъ бога солнца—*Дажъ-бога* или иначе *Хорса*. Сохранилась въ языкѣ доселѣ поговорка: „Цуръ тобі! Пекъ тобі!" Это значитъ: да сохранитъ тебя *Цуръ*!—да сохранитъ тебя *огонь*! Корень *кур*, *цур* означаетъ палить, жечь (на санскритскомъ; отсюда наше *куриво*, *курень*); такимъ образомъ, этотъ

---

[1]) Филарета „Ист. стат. оп. черн. епарх.", т. I, стр. 5.

[2]) См. Ефименка „О волкахъ и волчьемъ богѣ Полисунѣ" (Чер. губ. вѣд. 1859 г. № 23 и 1860 г. № 28); его-же „О Ярилѣ" (въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., по отдѣл. этнографіи, т. II); Тищинскаго „Разсказы про Полисуна" (Чер. губ. вѣд. 1859 г. № 38).

[3]) Черн. вѣд. 1857 г. № 12, стр. 97; № 15, стр. 131.

Цуръ близокъ къ Хорсу; Пекъ—тоже огонь; почитаніе Хорса—Дажьбога сохранилось и доселѣ въ формѣ почитанія огня. На это указываетъ между прочимъ донесеніе священника с. Церковицъ, Василія Качуровскаго (1774 г.). „Въ Церковицкомъ приходѣ, пишетъ онъ, прихожане и ихъ дѣти всякое лѣто спѣваютъ веснянки, отправляютъ никихъ *русалокъ*, прославляютъ спиваніемъ на все горло идола *Купала*, противъ праздника Крестителя Іоанна Предтечи, кладутъ по улицамъ *огонь* съ пѣснями купальными и плясаньемъ, которыхъ своихъ сборовъ не оставляютъ чрезъ цѣлое лѣто всякую ночь. И еще есть въ простонародьи, кромѣ безчисленныхъ суевѣрій, праздники, а именно: на свѣтлой седмицѣ Воскресенія Христова четвертокъ, называемый ими „*навскій* (мертвецовъ) *великдень*"; на пятидесятой седмицѣ „кривий четвергъ"; первый понедѣльникъ Петрова поста называютъ „Розигри". Сіи дни простій народъ празднуетъ съ великою осторожностью и почитаніемъ. Всѣ суевѣрія и праздники сіи хотя онъ, священникъ, увѣщеваетъ прихожанъ оставить и на исповѣди претитъ страхомъ Божіимъ, еднакъ ничего не успѣваетъ,—они крѣпко держатся своихъ обычаевъ и говорятъ: „се зъ віку такъ і не у насъ однихъ; якъ ділали, такъ і ділати будемъ [1])". По Стоглаву кликали мертвыхъ въ страстной четвергъ, на Украинѣ—въ четвергъ пасхальный; это—первый день праздника для русалокъ—душъ умершихъ, которыхъ не считали прервавшими всякую связь съ міромъ живыхъ. „Розигри"—это празденство въ честь бога „весілля"; есть поговорка „куря на весілля не хоче йти, да несуть". Нынѣшніе потомки Сѣверянъ во время свадьбы приносятъ священнику курицу, украшенную калиною—остатокъ языческаго обычая приносить курицу съ калиною въ жертву богу весілля [2])"; сюда-же относится обычай одѣваться отцу новобрачной на другой день свадьбы въ женскую одежду. На этотъ обычай указываетъ поговорка: „одинъ тому часъ що батько въ плахті". Въ Кормчей книгѣ сказано: „святіи отцы не повелѣваютъ мужемъ облачатися въ женскія ризы, еже творяху на праздникъ Діонисовъ пляшуще [3])".

Были-ли у Сѣверянъ идолы божествъ сказать трудно; Ибнъ-Фоцланъ, какъ мы видѣли, указываетъ на деревянныя изображенія; Пр.

---

[1]) Филарета „Ист. стат. опис. черн. епарх.", т. I, стр. 6—7.

[2]) Ibidem, стр. 7.

[3]) Филарета „Ист. ст. оп. черн. епар.", т. I, стр. 7.

Филаретъ говоритъ о какомъ-то серебряномъ идолѣ, найденномъ у Черниговскихъ Сѣверянъ въ 1701 г. (вырытомъ изъ земли) [1]). Настоящихъ жрецовъ не было, потому что тѣмъ идоламъ, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, приносили жертву не особенные жрецы, а сами купцы, у которыхъ они (идолы) были; впрочемъ у того-же Фоцлана мы встрѣчаемъ какъ бы жрицу—старуху, именуемую *ангеломъ смерти*, распоряжающуюся погребальными обрядами.

Религія Вятичей была, вѣроятно, такая же какъ и Сѣверянъ; по-крайней мѣрѣ мы имѣемъ указанія, что они чтили Даждь-бога, Волоса, Лада; въ нынѣшнемъ Козельскомъ уѣздѣ есть село *Волосово* и *Оладино* (Ладъ) въ Мосальскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Неручни селеніе Даждь-богъ.

Относительно семейнаго быта Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей мы читаемъ въ лѣтописи:—„срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межи селы. И схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто свѣщевашеся; имяхуть же по двѣ и по три жены [2]). „Еще подробнѣе объ этомъ говоритъ лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго: „...срамословіе и нестыденіе, діаволу угожающи, възлюбиша и прѣдъ отци, и снохами, и матерми; и браци пе возлюбиша, но игрища межи сѣлъ и ту слѣгахуся рищуще на плясанія, и отъ плясаніа познаваху, которая жена или дѣвица до младыхъ похотеніе имать, и отъ очнаго взозрѣнія, и отъ обнаженіа мышца и отъ пръстъ ручныхъ показанія и отъ прьстней даралаганіа на пръсты чюжая, таже потомъ целованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ ражегъшися слагахуся, иныхъ поимающе, а другихъ, поругавши, метааху на насмѣяніе до смерти. Имахуть же и по 2 и по 3 жены: зане слабъ сущи женскый обычай, и начаша друга прѣдъ другою червити лице и белимъ тръти, абы уноша въжелелъ ея на похоть [3])“.

Въ обоихъ этихъ извѣстіяхъ насъ поражаетъ противорѣчіе автора самому себѣ; раньше онъ сказалъ: „браци не бываху въ нихъ“; а вслѣдъ затѣмъ говоритъ: „и ту умыкаху жены собѣ съ нею же

---

[1]) Филарета „Ист. стат. опис. черниг. епар.“, т. I, стр. 5.

[2]) Ип. лѣт., стр. 7—8.

[3]) Лѣтопись Переяславля-Суздальскаго, стр. 3—4.

кто свѣщевашеся"; очевидно, онъ не хочетъ назвать брачными обычаями умыканіе женъ на игрищахъ. Будучи самъ христіаниномъ и поляниномъ, онъ идеализируетъ брачные обряды Полянъ и не можетъ объективно отнестись къ тѣмъ же обычаямъ другихъ славянскихъ племенъ. Собственно говоря, „умыканье" было формой брака болѣе прогрессивной, нежели та продажа невѣсты, которая существовала у Полянъ. Самою грубою формою является продажа невѣсты ея родителями—купля женихомъ; молодежъ старается отдѣлаться такъ или иначе отъ этого обычая, какъ отъ крайне обременительнаго въ матеріальномъ отношеніи: собственное хозяйство жениха отъ платежа этого выкупа—„вѣна" терпѣло значительный ущербъ; результатомъ такого желанія (отдѣлаться отъ платежа выкупа) явилось похищеніе невѣстъ изъ домовъ родительскихъ; намекъ на этотъ обычай мы находимъ въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ въ Малороссіи. Молодой со своими боярами отправляется къ дому родителей невѣсты и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ похитить невѣсту; родители невѣсты тоже дѣлаютъ видъ, будто защищаются отъ нападенія; дѣло оканчивается какъ-бы мирными условіями: молодой даетъ выкупъ *брату* невѣсты и при этомъ поется пѣсня о *братѣ продающемъ сестру*. Наконецъ, третьею формою, наиболѣе прогрессивною, является умыканіе. Чтобы выбирать себѣ свободно супруга, дѣвицы стали ходить на игрища; въ этомъ случаѣ родители уже не имѣли никакого вліянія на выборъ жениховъ для своихъ дочерей; а лѣтописца и возмущаютъ именно эти самыя игрища. Остатки этихъ игрищъ мы видѣли еще въ XVIII вѣкѣ въ цитированномъ нами донесеніи священника с. Церковицъ, такъ что факта умыканія не признать нельзя; многоженства, впрочемъ въ размѣрахъ ограниченныхъ, тоже отрицать не имѣемъ никакого основанія; но, конечно, оно практиковалось только между людьми богатыми и знатными; вспомнимъ, что и Владиміръ Св., будучи язычникомъ, имѣлъ нѣсколько сотъ женъ; полигамія, конечно, не могла способствовать смягченію нравовъ, потому что на женщину мужчина смотрѣлъ только, какъ на предметъ физической необходимости; главнымъ образомъ, въ силу этого и развился у Сѣверянъ тотъ обычай, который мы видѣли раньше; только и могъ при полигаміи выработаться такой обычай, когда жена должна была и за гробомъ удовлетворять потребностямъ мужа, думая, что только такимъ путемъ, при посредствѣ мужа, она попадетъ въ рай. Невозможно объяснять это преданностью мужу, чистотою нравовъ и

сознаніемъ безпомощнаго состоянія вдовы по смерти мужа. Конечно, въ ту эпоху жизни Сѣверянъ, которую мы имѣемъ въ виду, рабская зависимость жены отъ мужа нѣсколько измѣнилась—женѣ уже было предоставлено право выбора жизни или смерти, но надъ ней все таки тяготѣлъ если не законъ, которому она должна была подчиняться de jure, то обычай, которому она подчинялась de facto. Такой низкій уровень развитія семейной жизни у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей объясняется главнымъ образомъ ихъ сосѣдствомъ съ кочевниками, постоянно смѣнявшими другъ друга. А вотъ каковы, напримѣръ, были обычаи половецкіе, по разсказу того же лѣтописца, даже въ XII в. „Яко же се и нынѣ при насъ Половцы законъ держатъ отець своихъ, кровь проливати, а хвалящеся о семъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поимаютъ мачехи своя и ятрови, и ины обычая отець своихъ [1]"; въ связи съ этимъ нужно поставить военныя, звѣроловныя и торговыя занятія Сѣверянъ, которыя мало способствовали развитію семейныхъ добродѣтелей и кротости нравовъ; только у земледѣльца, человѣка вполнѣ осѣдлаго, можетъ развиться уваженіе къ семейному очагу; только тамъ, и при томъ при моногаміи, женщина и по смерти мужа находила себѣ мѣсто въ семьѣ, какъ мать своихъ дѣтей; поэтому, можно думать, что у Сѣверянъ-земледѣльцевъ и при томъ не особенно богатыхъ, имѣвшихъ только по одной женѣ, семейные обычаи были не такъ грубы и положеніе женщины было лучше, хотя бы уже потому, что тамъ жена играла очень значительную роль въ домашнемъ хозяйствѣ; на это намъ указываетъ примѣръ нынѣшнихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, гдѣ безъ жены-работницы хозяйство вовсе не могло-бы идти. У Вятичей мы также встрѣчаемъ и теперь игрища; такъ въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи на берегу рѣки Серены удоліе между береговыми возвышенностями, по склону которыхъ растутъ березовыя рощицы и протекаетъ рѣчка *Саженка*, между селеніями Юдинки и Дерягино, слыветъ въ народѣ подъ именемъ Царевнина Игрища. Въ окрестностяхъ сел. Бурнашева, также на берегу р. Серены въ березовой рощѣ, есть старинное игрище, куда на Троицинъ день собирается молодежь обоихъ половъ изъ окрестныхъ деревень завивать вѣнки и вообще погулять на просторѣ. Сюда являются даже

---

[1] Ип. лѣт., стр. 9-я.

продавцы деревенскихъ лакомствъ: орѣховъ, стручковъ, пряниковъ и проч. Хороводы, пѣсни и пляска коротаютъ время, а чрезъ недѣлю собираются сюда же развивать вѣнки, при чемъ гадаютъ, бросая ихъ въ воду. Мѣсто этого игрища, по преданію, извѣстно изъ древности и напоминаетъ самымъ названіемъ его назначеніе. Такихъ игрищъ не мало и по другимъ уѣздамъ, и всѣ они, нужно думать, указываютъ мѣста древнихъ игрищъ между селами, упоминаемыя лѣтописцемъ.

Теперь обращаемся къ характеристикѣ домашней жизни Сѣверянъ. Мы знаемъ, что начальная лѣтопись рисуетъ Сѣверянъ какими-то дикарями, которые живутъ въ лѣсахъ, какъ всякій звѣрь; но этому противорѣчатъ черты изъ ихъ жизни, какія доставляютъ арабскіе писатели и археологическія открытія. Уже при разсмотрѣніи погребальныхъ обрядовъ у Сѣверянъ мы убѣдились, что они вѣрили въ загробную жизнь и выработали очень сложную систему погребальныхъ обрядовъ; въ ихъ миѳологіи и религіи очень много оригинальныхъ и самобытныхъ чертъ, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ вѣтвей славяно-русскаго племени; такимъ образомъ у нихъ были духовно-нравственныя потребности, которыя они и старались удовлетворить такимъ или инымъ образомъ. Были у нихъ и зачатки поэзіи: дѣвушка, по Фоцлану, прощаясь съ землею, *запѣла длинную пѣсню*; въ могилу къ покойнику вложили, по извѣстію того-же Фоцлана, лютню—музыкальный инструментъ; значитъ, не только пѣли, но и играли; въ Черной могилѣ найдены были четыре сорта игральныхъ костей; была въ зачаточномъ видѣ живопись: въ одномъ изъ кургановъ Сѣдневской группы (съ кострищами) найдена серебряная привѣска, на которой—грубое изображеніе человѣка, раздираемаго хищными птицами; въ Черной могилѣ найденъ окованный серебромъ турій рогъ, на которомъ изображены различныя фигуры (грифы, собаки, пѣтухи, охотники и пр.), при этомъ всѣ фигуры связаны между собою и напоминаютъ фрески на стѣнахъ Софійскаго собора. На кіевскомъ съѣздѣ археологовъ было высказано предположеніе, что эти фигуры могутъ изображать собою надпись. Какъ на фактъ, подтверждающій это, можно указать на извѣстіе Ибнъ-Фоцлана, что, насыпавши надъ покойникомъ курганъ, сотоварищи его вставили въ средину большое дерево и написали на немъ имя умершаго человѣка и русскаго царя. Были у нихъ и зачатки скульптуры: деревянные идолы боговъ, которые видѣлъ у нихъ Ибнъ-Фоцланъ въ Булгарѣ. Такова была духовная сторона жизни Сѣверянина; масса

найденныхъ въ курганахъ вещей даетъ намъ возможность возстановить домашнюю его жизнь. Найдены предметы одежды: золотое шитье и шелковая ткань, шерстяная ткань, позументы, холстинная ткань. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о шароварахъ, носкахъ, сапогахъ, курткахъ и кафтанахъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, о калансувѣ (шапкѣ) изъ дибаджа съ соболемъ; принадлежности костюма: дутыя серебряныя пуговицы, ушныя серебряныя колечка съ привѣсками, бусы съ ожерелья, костяныя пуговицы съ рѣзьбою всевозможныхъ рисунковъ, дутыя золотыя пуговицы, круглыя серебряныя пуговицы съ позолотою и безъ нея, мѣдныя пряжки, ручныя кольца, серебряныя привѣски, одна съ узоромъ другая съ изображеніемъ человѣка, раздираемаго хищными птицами, каменныя, стекляныя и глиняныя бусы, жемчужины отъ намиста, бронзовыя серьги; Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о запястьяхъ и пряжкахъ, бывшихъ на дѣвушкѣ, о золотыхъ и серебряныхъ цѣпяхъ на шеѣ у женщины, о какихъ-то глиняныхъ бусахъ, которыя они покупаютъ по диргему за бусу; принадлежности вооруженія: желѣзные шлемы, окованные мѣдью, кольчуги, мечи, копья, шашка (сабля), дротикъ, щиты, панцырь, ножны кинжала. Ибнъ-Фоцланъ также говоритъ объ оружіи вообще, которое было положено съ покойникомъ, а въ частности указываетъ на щитъ, кинжалъ, мечь, ножъ и сѣкиру; русская лѣтопись упоминаетъ объ оружіи сѣверянскаго воеводы Претича, а именно: бронѣ, щитѣ, мечѣ; вещи домашняго обихода: желѣзныя и костяныя булавки, желѣзные ножи, турьи рога, стремена, пряжки отъ удилъ, костяныя гребенки, костяная вещь въ родѣ иглы, 4 сорта игральныхъ костей, желѣзные и мѣдные сосуды съ ручками, желѣзные замки съ внутренней мѣдной пружиной, желѣзные ключи, долота, желѣзные топоры, оселки съ прикованными къ нимъ кольцами, пряслицы, бронзовые рѣзные наболдашники, желѣзные гвозди, обручи, скрѣпы и дужки отъ ведеръ, глиняная посуда, желѣзная вилочка; Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о вышитыхъ коврахъ, подушкахъ изъ румскаго дибаджа; найдены кости домашнихъ животныхъ: барана, лошадей, различныхъ птицъ и рыбъ; Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о лошадяхъ, коровахъ (или быкахъ), пѣтухѣ, курицѣ, собакѣ; найдены, наконецъ, серпъ и въ связи съ нимъ обуглившіяся зерна различныхъ хлѣбныхъ растеній; изъ пищи и питья Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о хлѣбѣ, мясѣ, молокѣ, лукѣ и горячихъ напиткахъ (пиво, медъ), которыми они такъ упиваются, по словамъ Фоцлана, „что иногда одинъ изъ нихъ уми-

раетъ съ кружкой въ рукѣ". Постараемся теперь дать характеристику домашняго быта Сѣверянъ на основаніи этихъ извѣстій.

Сѣверяне были народъ, достигшій довольно значительной культуры; у нихъ мы видимъ такіе предметы домашняго обихода (въ родѣ всякихъ желѣзныхъ инструментовъ и особенно замковъ и ключей), которые указываютъ, что они жили не въ лѣсу, какъ звѣри, а жизнью болѣе или менѣе общественною; очевидно, они не все потребляли, что добывали: приходилось излишки прятать отъ другихъ; институтъ собственности былъ въ полной силѣ. Занятія ихъ не ограничивались звѣроловствомъ—скотоводство достигло значительныхъ размѣровъ; на это указываетъ съ одной стороны нахожденіе почти въ каждомъ курганѣ пережженныхъ бараньихъ костей, а съ другой извѣстіе Ибнъ-Фоцлана, „что Руссы послѣ каждой счастливой продажи убивали много крупнаго и мелкаго скота въ честь своихъ идоловъ". Но охота и скотоводство не были главнымъ занятіемъ у Сѣверянъ: такими занятіями были земледѣліе и торговля. На существованіе земледѣлія у нихъ указываетъ присутствіе въ курганахъ обуглившихся зеренъ различныхъ хлѣбныхъ растеній (ржи, овса, ячменя или пшеницы), равно какъ и пища, о которой говоритъ Ибнъ-Фоцланъ: *хлѣбъ*, мясо, лукъ, молоко. Что земледѣліе рано привилось у Сѣверянъ, доказываютъ послѣдующіе историческіе факты: лѣтопись намъ передаетъ, что въ XII ст. нѣкоторыя мѣста Черниговскаго княжества заключали въ себѣ громадные склады зерноваго хлѣба, собраннаго, очевидно, въ самой же Сѣверской землѣ.

Не чужда была Сѣверянамъ и торговая дѣятельность. О торговлѣ русскихъ Славянъ съ Булгарами (камскими) и Хозарами мы имѣемъ цѣлый рядъ точныхъ свидѣтельствъ. Для IX вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Ибнъ-Хордадбе, который выводитъ своихъ Руссовъ изъ племени Славянъ. „Повѣсть врем. лѣтъ" знаетъ путь изъ Руси по Волгѣ въ Болгары и Хвалиссы; нѣтъ сомнѣнія, что это былъ путь торговый. Татищевъ въ своей „Исторіи" приводитъ одно древнее извѣстіе, относящееся ко времени Владиміра, о привиллегіяхъ, данныхъ кіевскимъ купцамъ, „дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали и русскіе купцы со печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія [1]"; конечно, на основаніи одного этого извѣстія нельзя было бы дѣлать никакихъ заключеній, но взятое вмѣстѣ съ другими оно имѣетъ

[1]) Ист. Россійск. кн. II, М. 1773 г., стр. 88—89, подъ 1006 г.

нѣкоторое значеніе. Значительнымъ доказательствомъ также можетъ служить топографія восточныхъ кладовъ: въ Тульской губерніи вырыты клады съ арабскими монетами VIII, IX, X вв. [1]). Арабскіе писатели также указываютъ на торговую дѣятельность Руси, и въ ихъ Руси нельзя видѣть Норманов. Какихъ Норманов нужно тутъ разумѣть, потомковъ ли, пришедшихъ нѣкогда съ 3-мя братьями князьями и уже осѣвшихъ на Руси, или просто купцовъ, выѣхавшихъ временно изъ своего отечества для торговли съ Русью и Востокомъ. Скорѣе первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, ибо послѣдніе даже не назывались Русью; кромѣ того они и не вели непосредственно торговли съ Болгарами, ибо скандинавскіе источники знаютъ только 3 пути: западный—въ Европу западную, восточный чрезъ нынѣшнюю Россію въ Царь-Градъ, т. е. лѣтописный путь изъ Варягъ въ Греки, и сѣверный, огибавшій скандинавскій полуостровъ и чрезъ Нордъ-Капъ приводившій въ Біармію [2]). Остается, слѣдовательно, видѣть въ Руссахъ скандинавскую Русь, осѣдлую—дѣтей или потомковъ дружинниковъ, пришедшихъ съ 3-мя братьями; но въ такомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія норманистовъ, арабъ Ибнъ-Фоцланъ въ 922 г. могъ назвать Русью и племя (или племена) славянскаго происхожденія, на которыя въ это время распространилось имя Руси.

И такъ, подъ Руссами арабы разумѣютъ не скандинавовъ, а Русско-Славянскія племена. Въ числѣ ихъ несомнѣнно были и Сѣверяне. Достовѣрность такого предположенія подтверждается фактами. Въ сѣверянскихъ курганахъ мы видимъ арабскія монеты; Сѣверяне занимали первое мѣсто послѣ Кіева въ торговлѣ Руси съ Византіею—Румомъ, на которую арабскіе писатели указываютъ рядомъ съ восточною торговлею. Земля Сѣверянъ представляла собою торговый путь изъ Кіева къ камскимъ Болгарамъ; конечно, и сами Сѣверяне не могли оставаться равнодушными къ той торговлѣ, къ которой они стояли такъ близко. „Кіевъ, по словамъ Савельева, велъ непосредственно торговлю съ Булгаромъ и Итилемъ. Ближайшій путь въ Булгару отсюда

---

[1]) См. Памятники Тульской губ. Сахарова, помѣщ. въ „Зап. отдѣленія русской и славянской археологіи“, т. I, от. II, стр. 59—65, а также Мухам. Нумизмат. Савельева.

[2]) Савельева Мухам. Нумизм. CLXXX—CLXXXII.

лежитъ по Деснѣ и волокомъ въ Оку. Этотъ то путь и разумѣли арабскіе писатели (Истахри, Ибнъ-Хаукалъ), говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева чрезъ Мордовскую землю". Вотъ слова Истахри: „Русы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ коихъ одно ближе къ Булгару, а царь его живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба, который городъ больше Булгара; другое племя называютъ Славія и еще племя называютъ Артанія, а царь его находится въ Артѣ. Купцы прибываютъ въ Куябу [1])". На этотъ же самый фактъ мы имѣемъ прямое указаніе въ нашей лѣтописи; въ житіи преп. Θеодосія сказано, что онъ изъ Курска отправился въ Кіевъ при обозѣ купцовъ. Дорога изъ земли Сѣверянъ къ Хозарамъ тоже была удобна; изъ Курска, крайняго восточнаго города Сѣверской земли, товары могли сплавляться ими по Окѣ въ Волгу, или по Тиму и Соснѣ въ Донъ, а изъ Дона извѣстнымъ волокомъ у нынѣшней Качалинской пристани въ Волгу и Волгою въ Итиль, главный торговый городъ Хозаріи, куда, по свидѣтельству Фоцлана, съѣзжалось множество купцовъ изъ Русской земли, располагавшихся со своими товарами въ особой торговой слободѣ противъ города на восточномъ берегу Волги, носившей названіе Хозеранъ; еще болѣе развитію торговой дѣятельности Сѣверянъ способствовали удобства рѣчнаго сообщенія, такъ какъ главная рѣка края Десна сближалась съ одной стороны на сѣверо-востокъ съ системою Волги, а съ другой на юго-востокъ съ системою Дона. Чрезъ Сожъ шелъ путь въ Поволжье, который въ XII в. назывался путемъ на „Радимичѣ"; онъ соединялся съ путемъ, проходившимъ чрезъ верхнюю Десну, при посредствѣ или Ипути или же другаго притока Сожи, Остра— вершины которыхъ сближаются съ Десною. Десна вершинами притока своего Болвы подходитъ къ Угрѣ и Снѣжатью (на с.-в. отъ Брянска) сближается съ правымъ притокомъ Жиздры Ресетою. Что именно по этимъ рѣкамъ шелъ Подесенскій путь изъ Поднѣпровья въ область Оки и Москвы могутъ подтверждать сел. *Стойки* и *Стои* на верховьяхъ Болвы, Стойки на Ресетѣ (въ жиздр. уѣздѣ); на Угрѣ (въ Ельненскомъ уѣздѣ верстахъ 15 на востокъ отъ уѣздн. города) близь верховьевъ Десны и близь верховьевъ Болвы (въ томъ же уѣздѣ)— *Станы*, *Всходы* и пр.; названія эти своимъ этимологическимъ значе-

---

[1]) Гарк. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 193.

ніемъ указываютъ на пролегавшіе здѣсь пути сообщенія. Изъ событій XII в. видно, что путь изъ Новгородъ-Сѣверска въ землю Вятичей шелъ чрезъ Карачевъ, лежавшій на Снѣжати. Лѣвые притоки Десны: Сеймъ и Остеръ (Вострь) служили проводникомъ для населенія Поднѣпровья и на востокъ къ области Дона. Не забудемъ при этомъ, что рѣки тогда были полноводнѣе, чѣмъ теперь. Судоходство начиналось ближе къ ихъ источникамъ и производилось по многимъ побочнымъ притокамъ и рѣкамъ, которые въ настоящее время или пересохли, или обратились въ болота. Таковы притоки Десны: *Сновь*, теперь болото, Замглай и Вострь (Остеръ), у самыхъ истоковъ которыхъ находятъ обломки большихъ судовъ [1]. На торговыя сношенія Сѣверянъ съ Хозарами указываютъ также тѣсныя отношенія ихъ къ этимъ послѣднимъ, о которыхъ мы говорили выше.

Всѣ приведенныя соображенія указываютъ, что въ числѣ Русско-Славянскихъ племенъ, торговавшихъ въ Болгаріи (камской) и Хозаріи, были и Сѣверяне; поэтому къ нимъ можно будетъ отнести тѣ общія свѣдѣнія о торговлѣ Руссовъ, какія доставляютъ намъ арабскіе писатели. „Что же касается купцовъ русскихъ, говоритъ Ибнъ-Хардадбе, писавшій въ 60—70 гг. X в., они же суть племя изъ Славянъ—то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю, и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи, проходятъ по заливу Хозарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурдзана и выходятъ на любой имъ берегъ, діаметръ же этого моря—500 фарсинговъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ [2]“. Не мало также интересныхъ подробностей о торговлѣ Руссовъ въ Булгарѣ сообщаетъ Ибнъ-Фоцланъ: „Я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по р. Итиль, и я не видалъ болѣе совершенныхъ членами, чѣмъ они, какъ будто они пальмовыя деревья; они рыжи, не надѣваютъ ни куртокъ, ни кафта-

---

[1]) См. ссылку у Барсова на рукопись Имп. Пуб. Библ. Рисунки и чертежи къ путешествію по Россіи по Высочайшему повелѣнію, стат. сов. Констан. Бороздина въ 1810 г. т. I, объяснит. текстъ къ чертежу подъ № XXIII и часть II, подъ № 1-мъ.

[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.“, стр. 49.

новъ, но у нихъ мужчина надѣваетъ кису, которою онъ обвиваетъ одинъ изъ боковъ, и одну руку выпускаетъ изъ подъ нея. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечь, ножъ и сѣкиру; мечи же ихъ суть широкіе, волнообразные клинки франкской работы. Начиная отъ конца ногтя каждаго изъ нихъ до его шеи (видны) зеленыя деревья, изображенія и др. вещи. Каждая же ихъ женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза ли, изъ мѣди ли, изъ серебра либо изъ золота, смотря по состоянію мужа и по его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ также на груди. На шеѣ они имѣютъ золотыя и серебряныя цѣпи, ибо когда мужъ имѣетъ 10000 диргемовъ, дѣлаетъ онъ женѣ цѣпь; когда имѣетъ 20000 диргемовъ, дѣлаетъ ей онъ двѣ цѣпи, подобнымъ образомъ каждый разъ, когда у него прибавляется 10000 диргемовъ, прибавляетъ онъ другую цѣпь своей женѣ, такъ что часто одна изъ нихъ имѣетъ много цѣпей на шеѣ. Лучшее украшеніе у нихъ—зеленыя бусы изъ глины, изъ тѣхъ бусъ, которыя бываютъ на корабляхъ; они стараются всѣми силами достать ихъ, покупаютъ одну бусу за дергемъ и нанизываютъ ими ожерелье своихъ женъ. Они приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь въ Итиль, которая есть большая рѣка, и строятъ на ея берегу большіе деревянные дома; въ одномъ же домѣ собирается ихъ десять, двадцать, также менѣе или болѣе. У каждаго изъ нихъ есть скамья, на которой онъ сидитъ вмѣстѣ съ красивыми его дѣвушками для торга. Во время прибытія ихъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому вставленному столбу, имѣющему лицо, похожее на человѣческое, и кругомъ его малыя изображенія, позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: о господине! я пришелъ издалека, со мной дѣвушекъ столько-то и столько-то головъ, соболей—столько-то и столько-то шкуръ, пока не упомянетъ все, что онъ привезъ съ собою изъ своего товара; за тѣмъ говоритъ: этотъ подарокъ принесъ я тебѣ, и оставляетъ принесенное имъ предъ столбомъ, говоря: желаю, чтобы ты доставилъ мнѣ купца съ динарами и дергемами, который купилъ бы у меня все, что желаю (продать) и не прекословилъ бы мнѣ во всемъ, что я ему не скажу, послѣ онъ удаляется. Если продажа бываетъ затруднительна и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ

во второй, третій разъ, и если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ, говоря: это суть жены господина нашего и его дочери, и онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ и не клялся бы ему униженно. Часто же продажа бываетъ ему легка, и когда онъ продастъ, говоритъ: господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то. И беретъ онъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, убиваетъ ихъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приноситъ и бросаетъ предъ большимъ столбомъ и малыми, его окружающими, и вѣшаетъ головы рогатаго скота и овецъ на столбы, вставленные въ землѣ, а когда настаетъ ночь, то приходятъ собаки и съѣдаютъ это, тогда тотъ, который это сдѣлалъ, говоритъ: мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и съѣлъ мой подарокъ [1])".

Ибнъ-Хордадбе упоминаетъ о двухъ рѣчныхъ торговыхъ путяхъ: по Днѣпру и по Волгѣ. Путь по Днѣпру служилъ для торговли съ Византіей, а путь по Волгѣ—для торговли съ Хозаріей, а оттуда уже по юго-восточнымъ водамъ Каспійскаго моря въ Джурджанъ, откуда товары уже сухимъ путемъ могли отправляться въ Багдадъ. Извѣстіе о десятинѣ, которую взимаетъ хозарскій ханъ, также вполнѣ подтверждается Ибнъ-Фоцланомъ, Истахри и Масуди. О торговлѣ русскихъ мѣхами выдры, бобровъ и чернобурыхъ лисицъ есть много показаній какъ тѣхъ же арабскихъ (Истахри, Ибнъ-Хауканъ), такъ и западныхъ писателей (см. показ. Марко Поло и др. у Савельева „Мухамед. Нумизм."). Обратимся теперь къ разбору извѣстій Ибнъ-Фоцлана о торговлѣ Руссовъ. Изъ его словъ „я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли съ товарами и расположились по р. Итиль", можно заключить, что онъ встрѣтилъ Руссовъ въ приволжскомъ городѣ, бывшемъ при томъ средоточіемъ тогдашней торговли. Но такихъ городовъ было тогда два: Булгаръ и Итиль; одинъ столица Булгарскаго, другой Хозарскаго царства; Руссы производили торговлю въ обоихъ городахъ. Вѣрнѣе, что онъ видѣлъ ихъ въ Булгарѣ; въ пользу такого мнѣнія говоритъ во первыхъ то обстоятельство, что Руссы расположились не въ самомъ городѣ, а по Волгѣ, гдѣ у нихъ была священная роща; значитъ го-

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 95—96.

родъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки [1]), что согласно и съ показаніемъ автора записки, что Булгаръ отстоялъ отъ Волги менѣе чѣмъ на фарсангъ; въ Итилѣ же Волга протекала по самому городу и раздѣляла его на двѣ части; въ одной изъ нихъ, названной Хазраномъ, жили купцы изъ Руссовъ и Славянъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ Масуди и Ибнъ-Хауканъ. Вторымъ указаніемъ можетъ служить показаніе Ибнъ-Фоцлана, что онъ видѣлъ, какъ мертвецъ „почернѣлъ отъ холода этой страны"; понятное дѣло, эпитетъ „холодной страны" гораздо болѣе идетъ къ Булгару, нежели Итилю, т. е. Казани, чѣмъ Астрахани. Набольшое количество русскихъ купцовъ въ Итилѣ указываетъ Масуди, извѣстіе котораго подтверждаетъ Ибнъ-Фоцланъ. „Что же касается язычниковъ, говоритъ онъ, находящихся въ странѣ хозарскаго царя, то нѣкоторыя племена изъ нихъ суть Славяне и Руссы. Они живутъ въ одной изъ двухъ половинъ этого города....." Постановленіе столицы Хозарскаго государства, что въ ней бываетъ 7 судей, двое изъ нихъ для Мусульманъ, двое для Хозаръ, которые судятъ по закону Тауры [2]), двое для тамошнихъ христіанъ, которые судятъ по закону Инджиля [3]); одинъ же изъ нихъ для Славянъ, Руссовъ и др. язычниковъ; онъ судитъ по закону язычества, т. е. по закону разума [4]). Это извѣстіе какъ бы указываетъ на то, что въ Итилѣ было осѣдлое населеніе, которое было посредникомъ между своими купцами соотечественниками и Хозарами. Характеръ торговли Руси съ востокомъ былъ не мѣновой, какой преимущественно былъ съ Византіей, а денежный. На это указываетъ Ибнъ-Дастъ. „Единственный промыселъ ихъ (Руссовъ), говоритъ онъ, торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату-же, *получаемую деньгами*; завязываютъ накрѣпко въ пояса свои [5])". Ибнъ-Фоцланъ тоже указываетъ на то, что Руссы продавали свои товары за звонкую монету. „Сама Хозарія, говоритъ Фоцланъ, не производитъ вывозныхъ товаровъ; вывозили же оттуда только товары, въ

---

[1]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 93.

[2]) Пятокнижіе.

[3]) Евангеліе.

[4]) Гарк. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 129—130.

[5]) Хвольсонъ. „Изв. о Хоз., Бурт., Булг., Сл. и Рус. Ибнъ-Даста", стр. 35—36.

свою очередь привозимые туда, какъ-то: невольниковъ, медъ, воскъ, бобровые и др. мѣха". Это извѣстіе объясняетъ намъ, почему находится такое громадное количество на русской территоріи мусульманскихъ монетъ отъ VII—XI в., между тѣмъ какъ византійскихъ монетъ найдено сравнительно очень мало. Въ Константинополѣ Руссы занимались мѣновымъ торгомъ; тамъ они запасались тѣмъ, чего не могли достать на родинѣ, какъ-то: паволоками, винами, овощами, дорогими сосудами, богатыми одеждами, коврами, сукнами, сафьяномъ, перцемъ; произведенія востока имъ, вѣроятно, менѣе нравились и вслѣдствіе того они продавали тамъ свои товары за звонкую монету. Восточная же монета могла быть только мусульманская, ибо Хозаре никогда не имѣли собственныхъ чеканныхъ денегъ, а Болгаре не имѣли ихъ покрайней мѣрѣ во время Ибнъ-Даста. „Чеканной монеты своей нѣтъ у нихъ (Болгаръ), говоритъ Ибнъ-Дастъ [1]". Когда русскіе купцы продавали Болгарамъ и Хозарамъ, то эти послѣдніе могли платить только мусульманскою монетою, которую они получали въ государствѣ Самамидовъ за русскіе товары. Изъ этой страны товары эти вывозились дальше, ибо, по извѣстію Мукадесси [2], отсюда вывозились славянскіе невольники, далѣе—куньи, собольи, лисьи мѣха.

И такъ, теперь совершенно понятно, что монеты изъ отдаленнѣйшихъ мусульманскихъ земель стекались въ приволжскія страны. Остается указать на предметы торговли Руссовъ. Ибнъ-Хордадбе упоминаетъ о бобровыхъ мѣхахъ, мѣхахъ черныхъ лисицъ, и мечахъ [3]. Ибнъ-Дастъ указываетъ на мѣха собольи, горностаевы и бѣличьи [4].

---

[1]) См. Хвольсона, Изв. о Хоз., Бур., Бол., Мад., Слав. и Рус. Ибнъ-Даста, стр. 24.

[2]) Гаркави. „Сказ. мус. пис. о Слав. и Рус.", стр. 282. „Что касается купеческихъ товаровъ, то изъ Ховарезма вывозятся мѣха: собольи, бѣличьи, горностаевы... мечи, кольчуги, невольники изъ Славянъ, овцы и рогатый скотъ. Все это привозится изъ Булгаріи"; сравни также 10-й отрывокъ Эль-Балхи, помѣщенный у Хвольсона, стр. 161-я, примѣч. а.

[3]) Гаркави. „Ск. мус. пис. о Сл. и Рус.", стр. 49.

[4]) Хвольсонъ, Изв. о Хоз., Бур., Бол., Мад., Сл. и Рус. Ибнъ-Даста, стр. 35—36.

Ибнъ-Фоцланъ прибавляетъ сюда невольницъ [1]). Эль-Балхи—медъ и воскъ [2]).

Въ торговлѣ съ Византіей Сѣверяне также принимаютъ живѣйшее участіе. Константинъ Багрянородный, разсказывая о городахъ, изъ которыхъ купцы ѣздятъ въ Царьградъ для торговыхъ цѣлей, указываетъ на сѣверскіе города Черниговъ и Любечъ [3]). Начальная лѣтопись въ числѣ городовъ, на которые въ Олеговомъ договорѣ берутся оклады, ставитъ Черниговъ (на первомъ мѣстѣ послѣ Кіева), Переяславль и Любечъ [4]). Ибнъ-Хордадбе, какъ мы видѣли, упоминаетъ о десятинѣ, которую беретъ съ Руссовъ византійскій императоръ. Указаніе на эту десятину мы имѣемъ въ Олеговомъ договорѣ; по четвертой статьѣ этого договора Русскіе освобождаются отъ десятины: „да творять куплю, яко же имъ надобѣ, не платяче мыта ни въ чемъ же [5])“; слѣдовательно до этого времени они платили ее; если даже эта пошлина не всегда состояла изъ десятины, то по крайней мѣрѣ всегда такъ называлась, какъ доказываетъ ак. Срезневскій на основаніи византійскихъ названій.

Закончимъ обзоръ торговли Сѣверянъ и вообще Руссовъ словами г. Хвольсона, которыя прекрасно обрисовываютъ торговую дѣятельность Руси съ востокомъ. „Многочисленныя мусульманскія монеты, находимыя у насъ и въ сосѣднихъ западныхъ владѣніяхъ, были до сихъ поръ нѣмыми свидѣтелями живыхъ сношеній этихъ странъ съ востокомъ. То, на что указывали эти нѣмые свидѣтели, значительно подтверждается и объясняется собранными здѣсь свидѣтельствами мусульманскихъ писателей. Завѣса, скрывающая судьбы народовъ сѣверо-восточной Европы, падаетъ и мы замѣчаемъ тамъ удивительную дѣя-

---

1) Гаркави. „Ск. мус. пис. о Сл. и Рус.“, стр. 94.

2) См. Хвольсона, Изв. о Хоз., Бур., Бол., Мад., Сл. и Рус. Ибнъ-Даста, стр. 169, прим. С.

3) Константина Багрянороднаго. „Объ упр. имперіей“; глава 9 (Corp. script. Ibist. Byz., ed. Bon., vol. III, 74—75). Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα εν Κωνσταντινοπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τον Νεμογαρδάς, ἐν ᾧ, Ξφενδοσθλάβος ὁ υἱὸς Ἴγγωρ τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας εκαθέςετο, εἰςὶ δὲ καὶ ἀπὸ τὸ κάσφον τὴν Μιλινίςκαν καὶ ἀπὸ Γελιούτζαν καὶ Γζερνίγογαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγράδε.

4) Ип. лѣт., стр. 18.

5) П. С. Р. Л. т. I, стр 13.

тельность и предпріимчивость, достойную подражанія и въ наше время. Нашимъ взорамъ представляется огромная страна, производящая самые разнообразные сырые продукты и населеннѣйшая разнообразнѣйшими народностями, стоящими на различной степени развитія. Мудрость природы устроила такимъ образомъ, что почти ни одинъ народъ, даже стоящій на самой низкой степени, не можетъ довольствоваться исключительно произведеніями своей страны, и самые разнообразные народы поэтому должны были находиться постоянно въ мирныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, чтобы мѣняться излишкомъ своихъ мѣстныхъ произведеній и удовлетворять обоюднымъ нуждамъ. Послѣдствіемъ такихъ мирныхъ столкновеній различныхъ народовъ и расъ всегда были изобиліе, богатство и образованіе, между тѣмъ какъ за столкновеніями боевыми всегда слѣдовали бѣдствія, разоренія и упадокъ просвѣщенія. Такъ какъ эти мирныя столкновенія столь необходимы и благодатны, они всегда должны были имѣть мѣсто и безъ сомнѣнія они существовали и въ древнѣйшія времена [1])"....

И дѣйствительно имѣли. Русскіе Славяне, Хозаре, Болгаре, Царь-Градъ и отдаленный Востокъ принимали участіе въ этихъ мирныхъ культурныхъ столкновеніяхъ. Русь, благодаря системѣ рѣкъ, то по Днѣпру спускалась въ Черное море, доходила до Константинополя, мѣняла тамъ свои произведенія на произведенія византійской имперіи и часть ихъ ввозила по Азовскому морю, Дону и Волгѣ въ Болгарію и Хозарію, то прямымъ путемъ спускалась по Волгѣ и доходила до Болгаріи и Хозаріи, а иногда чрезъ Каспійское море до южнаго побережья его, Ховарезма, Бухары и даже Багдада. Болгары ходили на западъ по Волгѣ до Веси, проникали далеко на сѣверъ, на югъ ходили до Кіева, вездѣ покупая туземныя произведенія и продавая восточныя. То что они покупали на западѣ, сѣверѣ и югѣ, равно какъ и собственныя свои произведенія, они возили по тому же пути, по которому ходили Руссы на востокъ—покупали произведенія тамошней промышленности и эти послѣднія опять мѣняли на сырые продукты въ вышеупомянутыхъ странахъ. Хозаре отличались не меньшей торговою дѣятельностью; хотя сами они повидимому разъѣзжали меньше,

---

[1]) Хвольсона, Изв. о Хоз., Бур., Бол., Мад., Слав. и Рус. Ибнъ-Даста, стр. 191.

чѣмъ Болгары, но за то къ нимъ ѣздило множество всякихъ купцовъ. Благодаря своему географическому положенію—въ центрѣ всевозможныхъ племенъ и народовъ, Хозарское царство отличалось замѣчательнымъ разнообразіемъ своего племеннаго состава; здѣсь многіе купцы различныхъ племенъ просто поселились для торговли и были посредниками между туземцами и своими соотечественниками. Такимъ образомъ Хозарія была какъ бы сборнымъ пунктомъ купцовъ Россійской равнины и Востока. Купцы изъ Бухары и сосѣднихъ странъ, равно какъ и южнаго прибрежья Каспійскаго моря, приходятъ въ приволжскія страны, объѣзжаютъ Черное и Азовское моря, проникаютъ даже до средняго теченія Днѣпра; продавая вездѣ произведенія своей родины и собирая произведенія посѣщаемыхъ ими странъ, чтобы перевезти ихъ въ отдаленнѣйшія страны міра. Не Норманны—Русь, а Русь туземная славянская—Русскіе Славяне (Поляне, Сѣверяне, Кривичи и т. д.) были не послѣдними дѣятелями на этомъ международномъ рынкѣ. Не послѣднюю роль въ этомъ случаѣ въ числѣ другихъ русско-славянскихъ племенъ играли и наши Сѣверяне. Менѣе удобно имъ, чѣмъ Полянамъ было двигаться на югъ по Днѣпру для торговли съ отдаленной Византіею, но и тутъ они были первыми торговцами послѣ Полянъ: ихъ городъ Черниговъ немедленно вслѣдъ за Кіевомъ стоитъ въ числѣ городовъ, на которые взяты „уклады"; тѣмъ больше участія они могли принимать въ торговлѣ съ Востокомъ. Ближе всѣхъ они находились къ Хозарамъ; а Вятичи, входившіе въ составъ Сѣверской земли, были ближайшими сосѣдями камскихъ Болгаръ; при томъ чрезъ ихъ землю шелъ торговый путь изъ Кіева въ Болгарію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Хозаріи между всѣми русско-славянскими купцами сѣверянскіе были наиболѣе многочислены. На это указываетъ то направленіе, которое приняла сѣверянская колонизація. На торговую предпріимчивость Сѣверянъ указываетъ между прочимъ существованіе у нихъ колоніи Тмутаракани на Тамани, гдѣ они оказались какъ бы преемниками предпріимчивыхъ торговыхъ Грековъ.

Вятичи стояли на гораздо низшей степени развитія, нежели Сѣверяне; это въ значительной степени зависѣло отъ характера ихъ мѣстности, сплошь покрытой дремучими, непроходимыми лѣсами; въ то время, какъ у Сѣверянъ были города, и въ томъ числѣ Черниговъ, извѣстный даже Константину Багрянородному, у Вятичей мы вовсе не видимъ городовъ. Впрочемъ, можно думать, что городъ *Вятическъ*

былъ построенъ ими. Онъ упоминается въ описаніи всѣхъ русскихъ городовъ при *Оболенскѣ*, *Козельскѣ* и *Ржавскѣ*. По мнѣнію Ходаковскаго, городъ Вятическъ находился тамъ, гдѣ теперь село Вятское (въ тарусскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Старкѣ и въ 2-хъ верстахъ отъ рѣчки Городенки). Дѣйствительно, село Вятское находится въ области древнихъ Вятичей—лишь въ 15 верстахъ отъ Оболенскаго городища, что на р. Поротвѣ, въ томъ же тарусскомъ уѣздѣ. Вятическъ и Вятское есть одно и тоже, какъ Полотескъ и Полоцкъ, Луческъ и Луцкъ, Смоленескъ и Смоленскъ. Дѣйствительно и теперь недалеко отъ древняго *Ржавска*, въ глуши лѣса, называемаго Аржавскимъ же, есть замѣчательное мѣсто: это развалины какой-то исполинской постройки, на которую употреблены камни огромной величины, взятые, повидимому, издалека, ибо нигдѣ вблизи каменныхъ ломокъ не имѣется. Зданіе было занесено на большое пространство и выложено до половины оконъ; вокругъ, на далекомъ разстояніи, лежатъ такіе же большіе камни; часть ихъ разбросана въ одномъ направленіи; по пути къ зданію съ поля. О древности этой постройки свидѣтельствуютъ вѣковыя деревья, растущія внутри его, и давно поросшія мохомъ стѣны. Народное воображеніе населяетъ это мѣсто духами и называетъ Чертовымъ Городищемъ [1]).

---

[1]) Существуетъ у окрестныхъ поселянъ любопытное сказаніе о происхожденіи этого городища. „У обапольнаго православнаго мужичка была дочка красавица. Полюбилась она черту и сталъ онъ свататься за нее; присталъ къ отцу, что называется съ ножемъ къ горлу: „отдай, да отдай, и проси у меня тогда, что захочешь; а нѣтъ—жди бѣды“! Но православнаго не скоро проведешь, на то онъ, вишь, и православный! Мужичекъ подумалъ, подумалъ да и говоритъ лукавому: „ну что съ тобой дѣлать, если полюбилась дѣвка, такъ возьми, только съ уговоромъ: что бы ты небезпремѣнно до пѣтуховъ построилъ вотъ тутъ, въ нашемъ лѣсу, моей дочерькѣ дворецъ, всему міру на удивленіе; а не построешь до пѣтуховъ, чтобъ намъ съ тобою и не знаться болѣе“. Чертъ только ухмыльнулся и былъ таковъ,—думаетъ: наша взяла! Посмотрѣлъ на мѣсто—хвать, похвать, а камня то вокругъ и на сто верстъ нѣтъ. Дѣлать нечего: собралъ значитъ *своихъ*, да и ну таскать ихъ по воздуху откуда-то издалека. Труд лся сердечный всю ночь, а кончить не успѣлъ; до оконъ, вишь, довелъ—крикнули пѣтухи, и гдѣ изъ нихъ кто летѣлъ, значитъ по воздуху съ кам-

И такъ, послѣ этого можно внести поправку и въ лѣтописное извѣстіе: не звѣринскимъ образомъ жили Сѣверяне, когда у нихъ мы находимъ такое разнообразіе предметовъ домашняго обихода, когда они занимались земледѣліемъ и торговлею, когда, наконецъ, у нихъ были извѣстныя духовныя потребности. Конечно, такого рода выводъ будетъ стоять въ противорѣчіи съ господствовавшими до послѣдняго времени въ наукѣ мнѣніемъ. Первымъ, заговорившимъ объ этомъ, былъ Шлецеръ. „Русская исторія, по словамъ Шлецера, начинается отъ пришедствія Рюрика и основанія Русскаго царства, когда три различные народа: Новгородцы (Славяне), Чудь (Фины) и Руссы (Норманы) соединились вмѣстѣ и составили одинъ народъ. Предъ сею эпохою все покрыто мракомъ, какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди здѣсь были Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, неотличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе никакого сношенія съ другими народами, почему и не могли быть замѣчены ни однимъ просвѣщеннымъ европейцемъ [1])". „Дикіе, грубые разсѣянные Славяне начали дѣлаться людьми только благодаря посредству германцевъ, которымъ назначено было разсѣять въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ мірѣ первые сѣмена просвѣщенія. Кто знаетъ сколь пробыли бы русскіе Славяне въ блаженной для получеловѣка безчувственности, еслибы не были возбуждены отъ этой безчувственности нападеніемъ Норманновъ [2])". Карамзинъ призналъ достовѣрность выводовъ Шлецера о дикости Славянъ въ дорюриковское время. „Древляне, говоритъ онъ, имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питались всякою нечистотою. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ. Обитали въ глубинѣ лѣсовъ, строили свои бѣдныя хижины въ мѣстахъ дикихъ уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ... Славяне, подобно всѣмъ другимъ народамъ, въ началѣ граж-

---

нями,—то тамъ ихъ и покидали, что и осю пору, словно дорогу изъ лѣса въ поле видать. Вотъ вамъ отчего и прозвалось оно Чертово Городище". (См. ст. І. Леонида „Церк. истор. изслѣд. о древ. обл. Вятичей", въ „Чтеніи Им. М. О. И. и Др. Рос.", 1862 г., кн. 2-я.

[1]) Шлец. Несторъ, пер. Языкова. 1809 г., стр. 425.

[2]) Шлец. Несторъ, пер. Языкова. 1809 г., т. II, стр. 178.

данскаго бытія своего, не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣли ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думали, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка. Всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою независимою республикою [1])". Эту послѣднюю мысль Карамзина—о независимости семействъ, Эверсъ развилъ въ цѣлую теорію, извѣстную подъ именемъ теоріи родоваго быта. По этой теоріи всѣ отношенія у Славянъ опредѣлялись естественными, родственными связями. Этотъ родовой бытъ, основанный на родствѣ, смѣнился потомъ искусственнымъ родовымъ бытомъ, основаннымъ не на родственныхъ, а на политическихъ связяхъ [2]). Г. Погодинъ въ своей „Древней Русской Исторіи", изданной въ 1872 г., въ краткомъ введеніи къ первому періоду Русской исторіи, начинающемуся 862 г., буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости Славянъ. „Древляне, говоритъ онъ, имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими жили въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, питались всякою нечистотою. Такъ жили Радимичи, Вятичи, Сѣверяне [3])..." Въ частности Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшими изъ племенъ русскихъ Славянъ, потому что къ нимъ непосредственно относится извѣстіе лѣтописи: „живяху въ лѣсѣ, яко всякій звѣрь, ядуще все нечисто". Только одинъ Бѣляевъ старался доказать, что „Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени дикости звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія съ отдаленнымъ Востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ [4])". Но доказательства Бѣляева, основанныя главнымъ образомъ на сказаніи Ибнъ-Фоцлана, не были приняты въ наукѣ. Но то, что не удалось сдѣлать Бѣляеву, можно сдѣлать теперь, благодаря чрезвычайно удачнымъ раскопкамъ въ землѣ Сѣверянъ г. Самоквасова. Г. Самоква-

[1]) Карамзинъ „Исторія госуд. Россійскаго", т. I, стр.

[2]) Эверса „Древн. Рус. Право", стр. 2.

[3]) Погодина „Древ. Русск. Ист.", т. I, стр. 2.

[4]) Врем. Моск. Обществ. Ист. и Др. Рос. 1850 г. кн. VIII, статья Бѣляева „Рус. земля до Рюрика", стр. 14.

совъ въ своей замѣчательной статьѣ: „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи“, говоритъ: „Фактъ существованія во многихъ мѣстностяхъ Сѣверянской земли городищъ, остатковъ общественныхъ укрѣпленій, а при нихъ общественныхъ кладбищъ (состоящихъ изъ сотенъ насыпей, до нынѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы, громадныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ) указываетъ на существованіе у Сѣверянъ языческой эпохи политическихъ обществъ. Одинаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существованіе на всемъ пространствѣ земли Сѣверянъ общихъ народныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей одной группы кургановъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ курганѣ, показываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ Сѣверскихъ обществахъ“.

Но является вопросъ, представляла-ли изъ себя въ дорюриковское время земля Сѣверянъ княженіе, т. е. политическую единицу? По мнѣнію г. Барсова, всякая вѣтвь русско-славянскаго (слѣдовательно и Сѣверяне) племени представляла изъ себя политико-географическую, а не этнографическую единицу. „Нужно искать, говоритъ онъ, иныхъ условій и основаній обособленія племенъ; эти условія и основанія заключались съ одной стороны въ географической отдѣльности поселеній каждаго племени, а съ другой—во внутренней связи ея составныхъ частей, которыя сплачивались задатками государственной жизни, обнаруживающимися въ разныхъ концахъ Восточно-Славянскаго міра уже до половины IX в.; такъ что каждая вѣтвь славянскаго языка составляла не *этнографическую*, а *политико-географическую единицу*“. Основаніемъ для г. Барсова считать всякое племя политическою единицею служитъ извѣстное лѣтописное преданіе о Кіѣ и его братьяхъ; до Кія Поляне жили особо: „живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ“; послѣ же основаніи Кіева „почаша держати родъ ихъ княженіе въ Поляхъ; а въ Деревляхъ свое, а Дрьговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣ-Городѣ, а другіе на Полотѣ, иже и Полочанѣ [2])“. Здѣсь

[1]) Барсова „Геогр. нач. лѣт“., стр. 68.

[2]) Ип. лѣт., стр. 6; П. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

уже до образованія государства лѣтописецъ называетъ цѣлый рядъ княженій у Полянъ, Древлянъ и т. д. Можно было-бы привести въ пользу этого мнѣнія Барсова и еще нѣсколько фактовъ, хотя позднѣйшихъ, но очень убѣдительныхъ; можно было-бы указать на князя Мала и вообще на древлянскихъ князей, „иже роспасли суть Деревьску землю“, на Рогволода полоцкаго, на Болоховскихъ князей; можно было-бы указать на тотъ общій фактъ, что этнографическіе предѣлы совпали впослѣдствіи съ предѣлами княжествъ. Всѣ эти факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что *нѣкоторыя* славянскія племена представляли изъ себя уже въ началѣ IX в. княженія, т. е. при выработанномъ внутреннемъ единствѣ, внѣшней самостоятельности и сознаніи своей особности, имѣли своихъ князей. Такимъ образомъ, фактъ существованія отдѣльныхъ самобытныхъ политическихъ единицъ, земель или княженій, является почти несомнѣннымъ.

Но нельзя въ этомъ случаѣ игнорировать и этнографическихъ особенностей племенъ. Былъ цѣлый рядъ условій, которыя вели къ племенному различію; это были: 1) различіе мѣстностей, занятыхъ племенами, 2) привычекъ, 3) преданій, 4) историческихъ обстоятельствъ.

Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля „Полянъ“ плодоносныя, но открытыя нападеніямъ кочевниковъ, нежели лѣса Древлянъ или болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на человѣка теплый и здоровый климатъ Уличей, чѣмъ холодный и сырой климатъ Кривичей. Благодаря громадности пространства, занятаго славянскими племенами, и затруднительности путей сообщенія, племена жили розно. Да и трудно было жить иначе, когда одно отъ другаго отдѣляли дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи. На вліяніе географическихъ условій мѣстности указываетъ и сама лѣтопись: появленіе славянскихъ вѣтвей, ихъ обособленіе ставится лѣтописцемъ въ связь съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ; „разидошася, говоритъ она, по землѣ и прозвашася имены своими, *гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ*“. Самыя имена нѣкоторыхъ славянскихъ вѣтвей объясняются у лѣтописца *топически*: Поляне—„занеже въ полѣ сѣдяху“, Древляне—„зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“, Полочане—„рѣчки ради Полоты“.

На особенности привычекъ и преданій указываетъ даже лѣтописецъ. „Имяху обычай и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“. Дѣйствительно, обычаи, преданія и нравы различныхъ сла-

вянскихъ племенъ оказываются, по извѣстіямъ лѣтописца, различными. Поляне въ значительной степени разнились отъ своихъ сосѣдей Древлянъ. „Поляне бо своихъ отець обычай имяху тихъ и кротокъ и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своимъ, и снохи къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имуще; и брачныи обычаи имѣаху; не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху, что по ней вдадуче". „А Древляне живяху звѣрьскымъ образомъ, живуще скотьскы, и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья въ нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица [1])".

Преданія племенныя тоже были различныя. У Радимичей и Вятичей сохранилось свое племенное преданіе о ихъ родоначальникахъ— Радимѣ и Вяткѣ; въ силу этого они стояли ближе другъ къ другу, нежели къ остальнымъ племенамъ. Уличи и Тиверцы имѣли тоже свои особенности, отличавшія ихъ отъ другихъ племенъ; они даже имѣли свое особенное названіе, спеціально имъ только однимъ и присущее: Греки ихъ въ древности звали *Великая Скуфь* [2]).

Историческія обстоятельства тоже не способствовали слитію и сглаженію племенныхъ особенностей, примѣромъ чего можетъ служить вліяніе, оказываемое кочевниками. Кочевники постоянно смѣняли другъ друга, уступая власть надъ Славянами своимъ преемникамъ. Такъ последовательно владѣли Славянами: Обры, Болгары, Хозаре, Варяги; но владѣли не всѣми племенами, а только нѣкоторыми; иногда въ одно и тоже время у Славянъ было нѣсколько владѣтелей. Такъ еще въ дорюриковское время сѣверными славянскими племенами владѣли Варяги, а южными Хозаре; между тѣмъ какъ юго-западная часть оставалась независимою; конечно, такого рода обстоятельства дѣйствовали разъединяющимъ образомъ. Дружно соединиться для борьбы съ иноплеменниками Славяне не могли; и это понятно: для этого необходимо, чтобы существовала какая нибудь внѣшняя сила, которая вызвала-бы противодѣйствіе именно тѣмъ, что налегла разомъ на всѣ племена. Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе еще одно важное обстоя-

---

1) Ип. лѣт., стр. 7.

2) „А Улучи и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть грады ихъ и до сего дне да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь. П. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

тельство. Чѣмъ неразвитѣе народная масса, чѣмъ ўже ея кругъ понятій и запасъ свѣдѣній, тѣмъ ўже у нея понятія о своей народности, такъ что все мало мальски непохожее на свое, кажется чужимъ. Нерѣдко одно различіе выговора, не говоря уже о нарѣчіи, влечетъ за собою насмѣшливое отношеніе жителей извѣстной мѣстности къ ихъ сосѣдямъ. Такъ и теперь сосѣди новгородцевъ и псковичей передразниваютъ у нихъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч*; у нынѣшнихъ обитателей черниговской губ. передразниваютъ употребленіе буквы, которая звучитъ какъ нѣчто среднее между *у* и *ы*. Южная часть воронежской губ. населена Малороссами, пришедшими туда изъ Волыни, Подолія и Сѣверской земли; поэтому говоры ихъ значительно разнятся другъ отъ друга; въ силу этого одно село смотритъ на другое, какъ на особый народъ. Различія въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, домашнемъ бытѣ бываетъ достаточно, чтобы сосѣди дали прозвище своимъ сосѣдямъ—и это, конечно, поддерживаетъ сознаніе особности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ были и такія условія, которыя вели къ сознанію племеннаго единства, и эти два теченія—стремленіе къ обособленію и единству, представляютъ самый существенный признакъ жизни русско-славянскихъ племенъ въ дорюриковское время. Впрочемъ нужно сознаться, что условія, способствовавшія соединенію племенъ, сознанію ихъ единства, были въ дорюриковское времи крайне слабы, во первыхъ, потому что тогда не было еще самыхъ главныхъ въ родѣ, напримѣръ, единства княжескаго рода или христіанской вѣры и церкви, и во вторыхъ—потому, что даже условія, которыя были на лицо, не могли оказывать соотвѣтствующаго имъ вліянія, въ силу того, что племена почти не входили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Объединяющими началами въ то время были: происхожденіе, бытъ и языкъ. Славяно-русскія племена знали свое общее происхожденіе; враждуя другъ съ другомъ, они все-таки видѣли другъ въ другѣ родичей, людей болѣе близкихъ, чѣмъ окружавшіе ихъ иноплеменники. Хотя у каждаго племени и были свои преданія, обычаи, „законы отецъ своихъ“, но въ нихъ было много общаго, гораздо болѣе, чѣмъ у Славянъ и у какихъ либо кочевниковъ: основы ихъ вѣрованій, обычаевъ, религіозныхъ обрядовъ были одинаковы. И теперь въ обрядахъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ мы находимъ много общаго, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи (купальскій огонь, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, святочныя пѣсни, хороводныя пляски и игры); не менѣе,

если не болѣе общихъ чертъ находимъ мы и въ религіозныхъ обрядахъ; такъ миѳологическія имена, сохранившіяся только у древнихъ западныхъ Славянъ, были и у насъ, напр.: Сварожичъ, Вилы, Марены и т. д. Общественная жизнь представляется еще болѣе единообразною; у большенства, если не у всѣхъ, славянскихъ племенъ мы видимъ вѣче съ одинаковымъ характеромъ неопредѣленности въ функціяхъ. Не смотря на различіе нарѣчій, племена понимали другъ друга.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ началамъ: единству и раздѣльности, племена могли имѣть мѣрило, чтобы стать въ болѣе или менѣе родственныя отношенія со своими сосѣдями; прежде всего они могли, конечно, сознать свое славянское единство по отношенію къ иноплеменникамъ; за тѣмъ большую или меньшую степень близости въ своей собственной средѣ; Полянинъ, напр., могъ-бы знать, что Печенѣгъ ему чужой, между тѣмъ, какъ Вятичъ родной; даже болѣе:— что Волынянинъ болѣе родной, чѣмъ Вятичъ. Я говорю „могъ-бы", потому что очень часто они этого не сознавали; не сознавали же этого потому, что не было случаевъ сравнить своихъ сосѣдей въ отношеніи языка, нравовъ, обычаевъ, происхожденія, убѣдиться, кто родной, кто чужой. Вслѣдствіе этого первенствующее значеніе получаетъ не этнографія, а географія страны. Кто ближе живетъ, съ тѣмъ и больше сношеній, кто далеко живетъ, о томъ даже, можетъ быть, и вовсе не знаютъ, а тѣмъ болѣе не сознаютъ своего единства съ нимъ; отсюда Полянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу или Вятичу; Хорватъ ближе къ Волынянину, чѣмъ къ Полянину, ближе къ Полянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Вятичу; отсюда какъ бы соединеніе племенъ по 2, по 3 вмѣстѣ, которое проскальзываетъ уже въ первоначальной лѣтописи, когда она разсказываетъ о разселеніи племенъ по приходѣ съ Дуная; отсюда, напримѣръ, Уличи и Тиверцы, даже въ представленіи лѣтописца, являются чѣмъ-то единимъ; отсюда Сѣверяне, Радимичи и Вятичи изображаются намъ тоже чѣмъ то единимъ; я уже не говорю о послѣдующихъ фактахъ, которые вполнѣ подтверждаютъ этотъ намекъ лѣтописца, когда, напримѣръ, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи всѣ вмѣстѣ входятъ въ составъ Сѣверской земли.

Но представляя географическо-этнографическую единицу, нѣкоторыя племена могли вмѣстѣ съ тѣмъ представлять изъ себя и единицу политическую; таковы были Поляне, Кривичи и т. д. Представляла-ли

изъ себя область Сѣверянъ княжество до времени Олега, сказать трудно. Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ источники не даютъ. Лѣтопись, перечисляя княженія послѣ основанія Кіева („и по сей братіи почаша дѣржати родъ ихъ княженпе въ Поляхъ; а въ Деревляхъ свое и т. д.“), пропускаетъ Сѣверянъ, равно какъ и Радимичей и Вятичей; тѣмъ не менѣе на существованіе у Сѣверянъ политическихъ обществъ указываетъ присутствіе городищъ и остатковъ общественныхъ укрѣпленій и при нихъ общественныхъ кладбищъ—кургановъ, городовъ, (Черниговъ и Любечъ), на которые берутся у Византійцевъ оклады [1]). Очень можетъ быть, что Сѣверская земля представляла въ это время рядъ общинъ. На такого рода политическій строй намекаютъ какъ-бы нѣкоторые послѣдующіе факты, въ родѣ, напр., эпизода о Претичѣ, сѣверянскомъ воеводѣ, который представляется намъ мѣстнымъ воеводой—Сѣверяниномъ, на это указываетъ выраженіе „людье оное страны Днѣпра“, которое впослѣдствіи служило для обозначенія вѣча—общины, и совпаденіе интересовъ этого воеводы съ интересами земскими въ противоположность кіевскимъ княжескимъ: какъ мотивъ для помощи Претичъ выставляетъ страхъ мщенія со стороны Святослава. За тѣмъ въ послѣдующей исторіи Сѣверской земли мы встрѣчаемъ также нѣсколько указаній на существованіе вѣча. Но, конечно, все это только соображенія; твердыхъ, несомнѣнныхъ основаній привести нельзя.

Не рѣшаетъ этого вопроса и Бѣляевъ, который, основываясь на извѣстіи лѣтописи о происхожденіи Сѣверянъ, думаетъ, что общественное ихъ устройство состояло въ совмѣстности родовыхъ началъ съ общинными, при томъ съ явнымъ перевѣсомъ общины передъ родомъ. Относительно происхожденія Сѣверянъ въ Лаврентьевской лѣтописи мы находимъ такое извѣстіе: „и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ туда бо сѣдятъ Кри-

---

[1]) Намекомъ на существованіе у Сѣверянъ княжеской власти въ дорюриковское время можетъ служить также народное преданіе о князѣ, могилу котораго указываютъ и теперь подъ Черниговомъ (Черная могила); см. ст. Котлярова „О городѣ Черниговѣ“ въ Черн. Губ. Вѣд. 1851 г., стр. 237 и слѣд.

вичи, *таже Сѣверъ отъ нихъ* [1])". Это извѣстіе лѣтописи г. Бѣляевъ толкуетъ такъ. „Изъ этого сказанія мы видимъ, что первоначально было два славянскихъ княженія подъ управленіемъ двухъ родоначальниковъ: одно въ Новгородѣ, другое въ Полоцкѣ; потомъ отъ Полочанъ отдѣлились въ разное время Кривичи и своими поселеніями заняли довольно большое пространство земли по Западной Двинѣ и при верховьяхъ Днѣпра и Волги; а отъ нихъ уже, также въ разное время, отдѣлились нѣсколькими толпами Сѣверяне и, спустясь внизъ по Днѣпру, заняли своими поселеніями берега Десны, Сулы и Семи. Сіи поздніе и разновременные поселенцы естественно уже не могли быть въ подчиненіи у потомковъ родоначальника въ главномъ первоначальномъ племени, а также не имѣли своего родоначальника, ибо выселявшись семьями, неимѣвшими старшинства между собою, они, при сильномъ родовомъ началѣ, естественно не могли подчиниться какой либо одной семьѣ имъ равной, а посему необходимо должны были принять начала и условія общины въ какой ни на есть формѣ. Сѣверяне, отдѣлившись отъ Кривичей, также не могли жить и отдѣльно разбросанными семьями безъ общей связи; ибо они отдѣлились отъ своихъ родичей не вслѣдствіе изгнанія (о чемъ не говоритъ лѣтопись), а по произволу, вслѣдствіе только размноженія племени и желанія занять мѣста болѣе выгодныя для жительства; а посему съ переселеніемъ у нихъ непремѣнно должно было измѣниться и родовое устройство въ общинное; какъ это всегда и вездѣ бываетъ съ добровольными выселенцами. Но они по привычкѣ не оставляли и родовыхъ началъ; впрочемъ не въ отношеніи цѣлой массы выселенцевъ, взятой въ совокупности, что было уже невозможно, а только относительно родовъ, которые должны были произойти отъ каждаго семейства, или иначе сказать, каждый родъ, происшедшій отъ которой либо выселившейся семьи, взятый отдѣльно, самъ въ себѣ, оставался при прежнихъ началахъ родоваго быта, но тотъ же родъ въ отношеніи къ другимъ родамъ того же племени уже держался новыхъ началъ общины; ибо начала родоваго быта, взятыя одни, были уже не достаточны и не вездѣ приложимы при новыхъ условіяхъ жизни выселенцевъ". Таковы общія разсужденія Бѣляева; но онъ приводитъ еще въ пользу своей гипотезы и документальныя свидѣтельства, хотя, правда, позднѣйшія.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

Такъ въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" Святославъ Всеволодычъ говоритъ такую рѣчь: „я уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многи вои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями: съ Могуты, и съ Татрады, и съ Тапчаны, и съ Шильбиры, и съ Ревуги, и Олберы; тіи бо безъ щитовъ зъ засапожники, кликомъ побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу". „Здѣсь говоритъ Бѣляевъ, Могуты и т. д. называются стародавними Черниговскими былями, т. е. древними Сѣверскими родами, своею воинственностью поддерживающими славу предковъ". „И въ томъ же вѣкѣ" (XII) въ Лаврентіевской лѣтописи, продолжаетъ далѣе Бѣляевъ, встрѣчается указаніе, что и бытъ общинный имѣлъ свою силу у Сѣверянъ; такъ подъ 1136 г. Черниговцы говорятъ Всеволоду Ольговичу, чтобы онъ мирился съ Ярополкомъ Владиміровичемъ: „И людье Черниговцы возопиша ко Всеволоду: „ты надѣешься бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубити, то къ чему ся опять воротишь? Лучи того останися высокоумья своего и проси мира". Здѣсь уже не представители родовъ, а община, народъ заботится объ охраненіи своего края, и требуетъ, чтобы князь мирился съ непріятелями [1]). Такою является теорія Бѣляева объ общественномъ строѣ Сѣверянъ, представляя собою съ перваго взгляда стройное, цѣльное и прочное зданіе; но если всмотрѣться внимательнѣе, то окажется, что это зданіе построено на „песцѣ". Основаніемъ для его теоріи служитъ происхожденіе Сѣверянъ отъ Полочанъ; но мнѣніе о происхожденіи Сѣверянъ отъ Полочанъ есть просто недоразумѣніе. Уже съ перваго взгляда кажется невозможнымъ, чтобы отъ немногочисленнаго, не игравшаго значительной роли племени Полочанъ, могли произойти такія многочисленныя, игравшія громадную роль Славянскія племена, какъ Кривичи и Сѣверяне. Это наводитъ насъ на мысль, что скорѣе Полочане произошли отъ Кривичей, чѣмъ наоборотъ; вся послѣдующая исторія Полоцкой и Кривской земли убѣждаетъ насъ въ этомъ. Тѣ же самыя сомнѣнія, конечно, у насъ могутъ существовать и относительно происхожденія Сѣверянъ отъ Полочанъ; кромѣ того самый источникъ такого мнѣнія нужно признать сомнительнымъ, потому что въ Ипатской лѣтописи стоитъ не „Сѣверъ", а „сѣверо", что можно понять „*къ сѣверу*"; если мы сдѣлаемъ такую

---

[1]) Ст. Бѣляева „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ" во Вр. И. М. Об. Ист. и Древ. Рос., 1850 г кн. VIII, стр. 29—30.

перемѣну, то это мѣсто получитъ свой ясный и опредѣленный смыслъ. „Словѣне свое (княженіе) въ Новгородѣ, а другіе на Полотѣ иже и Полочанѣ; отъ сихъ же и Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихже и городъ есть Смоленскъ: туда бо сѣдять Кривичи. *Таже сѣверо отъ нихъ, на Бѣлѣозерѣ, сѣдять Вѣсь*, а на Ростовѣ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ сѣдять Меря же; а по Оцѣ рѣкѣ, где втечеть в Волгу, языкъ свой Мурома, и Черемиса свой языкъ, и Мордва свой языкъ [1])". Но въ такомъ случаѣ и мѣсто о Кривичахъ можетъ быть понято иначе. „*Отъ сихъ же (Полочанъ) Кривичи*" т. е. „сѣверо отъ сихъ же Кривичи" (на сѣверъ отъ Полочанъ живутъ Кривичи); не даромъ вѣдь немного дальше говорится: *таже* сѣверо отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдять Вѣсь...

Итакъ, фундаментъ, на которомъ построена теорія Бѣляева, очень непроченъ; дальнѣйшія соображенія Бѣляева представляютъ собою не то, что было, а что могло быть; съ этой стороны они только и заслуживаютъ вниманія; два позднѣйшіе факта, приводимые имъ въ доказательство, не могутъ служить несомнѣнными данными для времени предшествующаго [2]). Итакъ, теорія Бѣляева есть просто гипотеза, нуждающаяся въ болѣе фактическихъ данныхъ, чтобы имѣть серьезное научное значеніе.

Радимичи и Вятичи имѣли у себя родоначальниковъ—Радима и Вятка; изъ этого мы можемъ заключить, что они жили родовымъ бытомъ; указаніемъ на ихъ родовой бытъ можетъ служить и то обстоятельство, что эти племена никогда не являлись самостоятельными, а были въ зависимости отъ Чернигово-Сѣверскаго княжества. У Вятичей еще въ XII в. мы находимъ туземнаго князя Ходоту, на котораго ходилъ Мономахъ; но какой характеръ имѣла княжеская власть Ходоты, рѣшить нѣтъ никакой возможности.

Ясныхъ указаній въ источникахъ, когда христіанство стало распространяться у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, нѣтъ. Можно только сказать, что у Сѣверянъ оно вообще стало распространяться очень

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 6.

[2]) При томъ подъ Черниговскими былями, кажется, съ большимъ вѣроятіемъ можно разумѣть не Сѣверянскіе роды, а Черно-клобуцкіе, т. е. тѣхъ мирныхъ Половцевъ, которые осѣлись въ Черниговской Украйнѣ и составили оплотъ противъ своихъ дикихъ сородичей.

рано и при томъ гораздо раньше нежели у Радимичей и особенно у Вятичей. Это видно изъ того, что нетолько оно тутъ не встрѣтило реакціи, какъ это было, напримѣръ, у Вятичей, но даже было принято съ сочувствіемъ. Черниговцы принимаютъ самое живое и дѣятельное участіе въ религіозныхъ торжествахъ Кіевской земли (напримѣръ, въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба); отсюда выходитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ ревнителей вѣры Христовой: преподобный Антоній, родомъ изъ Любеча, Даніилъ Паломникъ и рядъ замѣчательныхъ іерарховъ. Прививается здѣсь также и монашество. Такимъ образомъ, совершенно естественно предположить, что въ Черниговѣ и отчасти въ его области христіанство стало распространяться почти въ одно время, какъ и въ Кіевѣ и Кіевской землѣ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Сѣверяне вмѣстѣ съ Полянами ѣздили въ Царь-Градъ, гдѣ и могли познакомиться съ новымъ для нихъ ученіемъ. Если мы видимъ уже въ IX в. въ Кіевѣ христіанскій элементъ, который, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше завоевываетъ себѣ право гражданства, то очень возможно, что тогда же христіанство стало прививаться и въ Черниговѣ. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ христіанство могло распространяться еще болѣе интенсивно. При Олегѣ, какъ извѣстно, Сѣверяне были присоединены къ Полянамъ и составили вмѣстѣ съ ними одно политическое тѣло; тогда, конечно, христіанство могло прививаться у Сѣверянъ еще успѣшнѣе. При Игорѣ христіанскій элементъ былъ уже настолько значителенъ, что въ договорѣ съ Греками 945 года Русь раздѣляется на крещеныхъ и некрещеныхъ. Конечно, въ числѣ этихъ христіанъ были и Сѣверяне, которые принимали самое дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Византіей. Но Олегъ и Игорь все-таки были язычники; тѣмъ легче, слѣдовательно, могло распространяться христіанство при княгинѣ—христіанкѣ Ольгѣ. Водяныя сообщенія Кіева съ Черниговомъ по Деснѣ тоже способствовали этому. Когда Владиміръ св. принялъ новую вѣру, то постарался, конечно, ввести ее и въ Черниговской области. „Нача ставити, говоритъ лѣтопись, церкви и попы; и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ [1])“. Хотя она и не опредѣляетъ, въ какихъ именно городахъ св. Влад. насаждалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова ея не могутъ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 81.

не относиться къ Чернигову, ближайшему городу къ Кіеву. Во время св. Владиміра христіанство распространилось въ Сѣверской землѣ въ такой мѣрѣ, что тамъ понадобилось уже открыть епархію. И она была открыта.

Первымъ черниговскимъ епископомъ былъ *Неофитъ*, одинъ изъ прибывшихъ въ Россію вмѣстѣ съ митрополитомъ Михаиломъ въ 988 г. Въ этомъ и слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ занимался проповѣдью Евангелія въ городахъ ближайшихъ къ Кіеву. По лѣтописи въ 992 году „взя Владиміръ у патріарха митрополита Кіеву Леонта и того же лѣта постави Леонтъ митрополитъ Чернигову Неофита, а въ Ростовъ Өеодора, въ Володиміръ—Стефана, въ Бѣлградъ—Никиту [1])“. Такое раннее назначеніе епископа подтверждается и другими извѣстіями [2]).

IV-я ГЛАВА.

Географія и колонизація Сѣверской земли отъ пол. XI до пол. XIII в.

Границы Переяславскаго княжества; границы Черниговскаго княжества; вытѣсненіе сѣверянскаго населенія изъ юго-восточныхъ и южныхъ предѣловъ; колонизація на сѣверо-востокъ въ земли Финновъ; города Сѣверской земли.

Обратимся теперь къ географіи Сѣверской земли отъ смерти Ярослава до татарскаго нашествія. Раздѣлъ русскихъ земель между сыновьями Ярослава закрѣпилъ раздѣленіе Сѣверской земли на Черниговское и Переяславское княжества.

Переяславское княжество занимало область по р. Трубежу, Супою и Сулѣ до Ворсклы; на сѣверъ и сѣверо-востокъ оно простиралось до водораздѣла этихъ рѣкъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны и Сѣверскаго Донца съ другой. Южная граница Переяславскаго княжества измѣнялась соотвѣтственно ходу борьбы съ кочевниками. При Владимірѣ Св. самыми южными городами въ этомъ краѣ

---

[1]) Ник. лѣт., т. I, стр. 105

[2]) На соборѣ 1667 г. древность Черниговской епархіи считали болѣе чѣмъ въ 600 лѣтъ; слѣдовательно каѳедра поставлена раньше, чѣмъ въ 1067 году.

были города по р. Сулѣ, въ которыхъ были поселены „лучшіе мужи отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ“; построены они были для защиты отъ Печенѣговъ. Печенѣги, какъ мы знаемъ, при Владимірѣ сдѣлали нападеніе на Переяславль, но были встрѣчены княземъ на р. Трубежѣ и разбиты [1]) благодаря русскому богатырю, который „перея славу“ у печенѣжскаго. Къ этому именно времени лѣтопись ошибочно пріурочиваетъ основаніе Переяславля, который существовалъ несомнѣнно раньше, потому что упоминается въ числѣ городовъ, на которые были даны „уклады [2])“; очевидно, въ это время Переяславль былъ только укрѣпленъ, и это подало поводъ къ лѣтописной легендѣ.

Вообще можно сказать, что до конца XI вѣка мѣстомъ борьбы русскихъ князей съ Печенѣгами служили окрестности Переяславля, и рубежъ съ Печенѣгами на югѣ шелъ недалеко отъ Переяславля; въ 1019 г. Святополкъ вмѣстѣ съ Печенѣгами былъ разбитъ на р. Альтѣ Ярославомъ [3]). Первоначальный рубежъ съ Половцами тоже былъ недалеко отъ Переяславля. Въ 1068 году Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій князья нанесли на р. Альтѣ пораженіе Половцамъ [4]); въ 1079 г. Половцы подходили съ изгоемъ Романомъ черниговскимъ къ *Воину* [5]) (теперь с. Войницы въ 11 верстахъ къ югу отъ Переяславля на р. Броварнѣ). Чтобы защитить себя отъ дикихъ Половцевъ, русскіе князья стали селить на порубежьяхъ тѣхъ изъ кочевниковъ, которые были склонны къ осѣдлости и признавали свою зависимость отъ русскихъ князей. Такъ, на южномъ порубежьи Переяславскаго княжества поселились *Переяславскіе Торки*; по указаніямъ XII вѣка, они занимали область въ окрестностяхъ *Баруча*, лежавшаго близъ городовъ *Бронь-княжа*, *Нежатина*, *Городка* и *Серебрянаго* [6]). На ряду съ Тор-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 83—85.

[2]) Ibidem, стр. 18.

[3]) Ibidem, стр. 101.

[4]) Ibidem, стр. 118.

[5]) Ibidem, стр. 143.

[6]) „Половци... присунушася къ Баручю, рекше: возьмемъ Торкы ихъ“ (Ип. лѣт., стр. 208). Арцыбашевъ признавалъ въ Баручѣ м. Полтавской губ. *Барышовку*, Пер. уѣзда, на р. Трубежѣ; Над. и Нев. искали его въ нынѣшнемъ м. Бориспольѣ (Барочь-поле) на большой дорогѣ изъ Переяславля въ Кіевъ (на р. Альтѣ, въ 40 в. отъ Переяславля); ближе отъ него

ками мы встрѣчаемъ въ той же Переяславской области *Турпѣевъ*, жившихъ также точно въ окрестностяхъ Переяславля [1]). Благодаря этому живому оплоту съ одной стороны и энергической дѣятельности Мономаха съ другой, кочевники къ концу XI в. уже не заходили теперь такъ далеко, какъ прежде: ограничивались только областью Сулы, не заходя далѣе побережьевъ сѣвернаго Удая; дѣйствительно, въ это время только два раза Половцы подходили къ Переяславлю: въ 1096 году, когда половецкій ханъ Куря сжегъ *Устье* [2]) (вѣроятно Трубежа) и въ 1107 г., когда *Бонякъ* захватилъ коней у самого Переяславля [3]). По Удаю и по Сулѣ мы видимъ цѣлый рядъ укрѣпленій, возобновленныхъ или поставленныхъ Мономахомъ; таковы по Сулѣ: *Роменъ* (теперь Ромны), къ которому ходилъ Мономахъ съ Олегомъ черниговскимъ [4]), *Песочный*, разоренный Половцами въ 1092 году [5]), *Кснятинъ* (теперь Скнятинъ м. Лубенскаго уѣзда) и *Лубенъ* (Лубны), подвергавшіеся нападенію Боняка [6]), *Горошинъ*, взятый въ 1086 г. Половцами [7]) (теперь Горошинъ на границѣ Хорольскаго уѣзда съ Лубенскимъ); по *Удаю*: *Прилукъ* (теперь Прилуки) и *Переволокъ* (теперь Переволочное, къ востоку отъ Прилукъ).

Что касается юго-восточной и восточной границы Переяславскаго княжества, то она очевидно заходила гораздо дальше за область Сулы,

---

къ Кіеву находится на той же дорогѣ сел. *Княжичи* (Бронь-княжь); г. Барсовъ думаетъ, основываясь на сосѣднихъ городахъ, перечисленныхъ нами, что Баручъ находился или въ сѣверной части Прилукскаго, или въ южной Нѣжинскаго уѣзда. Кажется, что вѣрнѣе будетъ предположеніе Арцыбашева, потому что нынѣшній Борисполь не представляетъ изъ себя украиннаго города, а лежитъ на серединѣ пути изъ Переяславля въ Кіевъ, между тѣмъ какъ Барышевка лежитъ южнѣе Переяславля, т. е. на рубежѣ земли Русской съ землею Половецкою.

[1]) Ип. лѣт., стр. 277.

[2]) Ibidem, стр. 161.

[3]) Ibidem, стр. 186.

[4]) Поуч. Влад. Мон. въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 104.

[5]) П. С. Р. Л. I, стр. 92. *Пѣсоченъ* поставленъ въ этомъ извѣстіи рядомъ съ *Переволокою*, которая пріурочивается теперь къ м. *Переволочное* на Удаѣ къ востоку отъ Прилукъ.

[6]) Поуч. Вл. Мон. въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 104.

[7]) Ibidem, стр. 103.

захватывая не только верхнее теченіе этой рѣки, но и Псела, Голтвы, и, можетъ быть, Ворсклы; такъ здѣсь мы видимъ два города: *Римовъ* и *Старую Бѣловѣжу*. Положеніе Старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но ее не нужно смѣшивать съ Бѣловѣжей Черниговскою (какъ это дѣлаетъ г. Барсовъ), остатки которой сохранились доселѣ у нѣмецкой колоніи Бѣлемешъ близь верховьевъ Остра. По прямому свидѣтельству Мономаха, Старая Бѣловѣжа находилась на Сулѣ или за Сулою, къ востоку отъ Прилукъ [1]); доказательствомъ украиннаго положенія этого города можетъ также служить извѣстіе Ип. лѣт. подъ 1149 г. о томъ, что Юрій Долгорукій цѣлый мѣсяцъ ожидалъ здѣсь своихъ союзниковъ-Половцевъ, готовясь къ походу на Переяславль [2]). Римовъ находился за Переяславлемъ [3]); г. Барсовъ, вмѣстѣ съ Над. и Нев., видитъ въ Римовѣ с. *Римъ*, Полт. губ. на границахъ уу. Лохв., Ром. и Прил.; Арц. признаетъ въ Римовѣ *Ромны*; но это не вѣрно, потому что въ духовной Вл. Мон. помѣщены и *Римовъ* и *Роменъ*. Въ XII в. упоминается *Лтава* на р. Ворсклѣ [4])—вѣроятно порубежное укрѣпленіе на мѣстѣ нынѣшней Полтавы; не много позднѣе половецкія кочевья мы видимъ дальше, за р. *Мерлью*, лѣвымъ притокомъ Ворсклы [5]). Слѣдуетъ еще упомянуть о городѣ *Донцѣ*, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ Игорь Святославичъ, возвращаясь изъ плѣна половецкаго; но принадлежалъ-ли онъ къ Переяславскому или Черниговскому княжеству, рѣшить трудно.

На сѣверо-востокѣ рубежъ долженъ былъ проходить первоначально у сближающихся между собой верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы по водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ, принадлежавшимъ Черниговскому княжеству, и Переяславскимъ княжествомъ шло *Поле* [6]); здѣсь въ XII в. мы видимъ порубежныя укрѣпленія—*Попашъ* [7]) и

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 103.

[2]) Ип. лѣт., стр. 264.

[3]) „Половци возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо, приступиша къ Римови", Ibidem, стр. 436.

[4]) Ibidem, стр. 387.

[5]) Ididem, стр. 427.

[6]) Ibidem, стр. 496.

[7]) „А оттуда (отъ Вьяханя) идоша къ Попашю, ту приде къ нимъ Изяславъ Давыдовичъ, и бишася, и взяша Попашь". Ibidem, стр. 251; по замѣчанію Над. и Нев. театръ описываемыхъ здѣсь дѣйствій находится

Вьяхань [1]); въ концѣ XI в., въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами, къ Переяславскому княжеству принадлежала также область лѣваго притока Сейма, *Выря* съ городомъ *Выремъ* или *Выревымъ*; но Вырь только въ это время принадлежалъ къ Переяславскому княжеству; вообще же онъ стоялъ въ естественной связи съ Посемьемъ, которое тянуло къ Черниговскому княжеству; изъ-за него поэтому шла постоянная борьба между двумя княжествами, окончившаяся въ пол. XII вѣка въ пользу Чернигова; въ 1160 г. мы видимъ въ Выри черниговскихъ князей [2]). На сѣверѣ переяславско-черниговскій рубежъ шелъ по тому же водораздѣлу между Посемьемъ съ одной стороны и притоками Сулы, а также Супоемъ и Трубежемъ съ другой до кіевскаго рубежа на восточномъ побережьи Днѣпра.

Собственно Черниговское княжество граничило на сѣверѣ съ Ростово-Суздальской землей и Смоленскимъ княжествомъ; на западѣ съ Полоцкимъ и Кіевскимъ княжествами, на югѣ съ Переяславскимъ, на юго-востокѣ съ кочевьями степняковъ, а на сѣверо-востокѣ съ землями Мордвы и Болгаръ (мы беремъ въ данномъ случаѣ Черниговское княжество въ полномъ его объемѣ: съ землею Вятичей и колонизаціонной областью Муромо-Рязанской). Граница со Смоленскимъ княжествомъ шла вѣроятно къ верховью Сожи и *Мстиславлю* [3]); потомъ далѣе надъ крайними сѣверными городами Вятичей: *Козельскомъ*, *Мосальскомъ*, *Тарусою* къ *Лопаснѣ* и *Свирѣльску*, между которыми и Москвою начиналась Суздальская область. Крайними черниговo-рязанскими городами на границѣ съ Суздальскимъ княжествомъ являются Коломна и Муромъ. Порубежье съ Ростовомъ начиналось въ низовьяхъ Клязьмы и

въ Посемьи, тамъ, гдѣ въ эту рѣку впадаетъ *Вырь*, слѣдовательно, въ уу. Путивльскомъ—Кур. губ., Сумс. и Лебед.—Харьков., Ром.—Полт. и уже ничуть не сѣвернѣе какъ въ Конотопскомъ и Глуховскомъ у. Черниговъ. губ.; въ этомъ краю урочищъ, звучащихъ подобно Попашу, слишкомъ много.

[1]) „...И оттуда (отъ Выря) идоша (Свят. Всевол.) къ Вьяханю и ту не успѣша ничтоже... и въ то веремя приде къ Изяславу вѣсть къ Мьстиславичю, оже Бьяхань и инии городы отбилися, а Попашь взяли"; Ип. лѣт., стр. 251.

[2]) Ibidem, стр. 346 и 348.

[3]) Мстиславль смоленскій городъ въ Мог. губ. на Вѣхрѣ, лѣвомъ притокѣ Сожи.

шло лѣсистымъ и болотистымъ водораздѣломъ между Клязьмою и Окою до устья этой послѣдней. На этомъ пространствѣ ближайшимъ къ Мурому городомъ Ростово-Суздальской земли является Суздаль[1]) на р. Нерли; изъ обстоятельствъ борьбы между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ можно усмотрѣть, что между этими городами не было иныхъ укрѣпленій, иначе враждовавшіе князья не могли бы совершать своихъ походовъ такъ свободно, не встрѣчая на пути никакихъ преградъ. Самый *Владиміръ на Клязьмѣ* былъ построенъ Мономахомъ въ концѣ XI или началѣ XII в., можетъ быть, съ цѣлью огражденія Ростово-Суздальской земли отъ Черниговскаго княжества. Отъ Москвы рѣки, при устьѣ которой уже въ XII в. стоялъ рязанскій городъ *Коломна*[2]), рубежъ направлялся на востокъ по водораздѣлу между бассейномъ Оки и Москвы, огибая лѣвые Окскіе притоки, *Лопасну*[3]), *Нару* и *Угру*, верховья которой впрочемъ принадлежали въ XII в. Смоленскому княжеству[4]). Такимъ образомъ, деснянскій бассейнъ принадлежалъ Черниговскому княжеству не вполнѣ; если будемъ проводить рубежъ по рѣкамъ, то онъ будетъ таковъ. Отъ Днѣпра до Сожи шелъ прежній рубежъ, отдѣлявшій Радимичей отъ Кривичей; за тѣмъ онъ перерѣзывалъ теченіе *Сожи*, *Беспди*, *Ипути*, поднимался на сѣверо-востокъ и пересѣкалъ Десну у черниговскаго города *Вщижа* и въ сѣверо-восточномъ направленіи перерѣзывалъ деснянско-болвянскій волокъ, а за тѣмъ въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи и волокъ угро-болвянскій. На западѣ Сѣверская земля граничила съ Полоцкимъ и Кіевскимъ княжествами. Рубежомъ на этой западной границѣ служилъ Днѣпръ, приблизительно отъ устья Березины, которое лежитъ между Полоцкимъ городомъ *Стрѣжевымъ*[5]) (теперь Стрѣшинъ, къ югу отъ Рогачева) и *Рѣчицею*, однимъ изъ крайнихъ городовъ на черниговскомъ порубежьи, какъ это видно изъ извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Черниговскую волость въ 1214 г.[6]), и до устья Припети; названія порубежныхъ мѣстностей на водораздѣлѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 108—109.

[2]) Ibidem, стр. 162.

[3]) Ип. лѣт., стр. 458.

[4]) Ibidem, стр. 242.

[5]) Ibidem, стр. 340.

[6]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 32.

между Брягинкой и Днѣпромъ *(Высокомежъ, Сѣвки)* даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что черниговскія порубежныя мѣста заходили и на западную сторону Днѣпра; кромѣ того, Любечъ, въ которомъ была „взя жизнь [1])“ черниговскихъ князей, не могъ, конечно, стоять на самомъ рубежѣ; вѣроятно, возлѣ него были какія нибудь укрѣпленія; какъ на остатокъ такихъ укрѣпленій можно указать на с. *Воротецъ*, на правомъ болотистомъ побережьи Днѣпра на р. *Рѣчицѣ* (Черн. у.). Къ югу отъ устья Припети Днѣпръ переставалъ уже служить рубежомъ Черниговскаго княжества: низовья, напримѣръ, Десны принадлежали Кіевскому княжеству; здѣсь ближайшимъ порубежнымъ городомъ является *Лутава* [2]), теперь сел. на р. Деснѣ въ 6 в. выше Остра. Вѣроятно, на лѣвой черниговской сторонѣ Днѣпра тянутся узкою береговою полосою, отъ устья Десны до рѣчки Курани, сливающейся съ Днѣпромъ возлѣ Триполя, кіевскія владѣнія. Рубежъ черниговo-переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Осетромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу давалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ своимъ пунктомъ городъ Курскъ [3]), впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княжества. Начальная лѣтопись не сообщаетъ объ его области никакихъ географическихъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что уже и въ это время къ нему тянули всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составили Курское княжество. Юго-восточныя окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхнимъ теченіемъ Сѣверскаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича въ 1185 году на Половцевъ лѣтопись говоритъ, что онъ, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго изъ Курска, на Осколѣ; очевидно, слѣдовательно, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ враждебныхъ кочевниковъ; доказательствомъ этого можетъ служить „Слово о Полку Игоревѣ“, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ войскъ черезъ холмистый донецко-оскольскій водораздѣлъ, восклицаетъ: „о русская земле,

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 254.

[2]) Ibidem, стр. 331, 341, 406.

[3]) Впервые упоминается въ Патерикѣ печерскомъ, именно въ житіи Ѳеодосія.

уже за шеломянемъ еси!“, какъ-бы указывая тѣмъ, что именно этотъ водораздѣлъ составлялъ грань между Русскою землею и половецкими кочевьями. *Донецъ*, окраинный городъ на югѣ Курскаго княжества, въ которомъ нашелъ себѣ убѣжище Игорь Святославичъ въ бѣгствѣ изъ половецкаго плѣна, долженъ былъ находиться, какъ показываетъ названіе его, на побережьи Сѣверскаго Донца. Восточное порубежье Черниговскаго княжества охватывало не только теченіе верхняго Дона, гдѣ, по словамъ „Хожденія Пименова во Цареградъ“ XIV в. „бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣстѣ“, но и всю область по Воронежу, можетъ быть, простираясь вглубь степей до Хопра и Вороны. На принадлежность Воронежской области (*Воронажа* или *Вороножа*) къ Рязанскому княжеству уже въ XII в. мы имѣемъ прямое лѣтописное свидѣтельство въ извѣстіи о войнѣ Всеволода Юрьевича Володимірскаго съ Рязанью въ 1177 г. Въ XIV в. Рязанская украйна занимала пространство отъ Дона и Воронежа на востокъ до Великой Вороны (правый притокъ Хопра въ тепер. Пензенской и Тамбовской губ.) и Хопра, и, какъ кажется, носила названіе Червленаго Яра. Въ грамотѣ митрополита Ѳеогноста, данной рязанскому владыкѣ (1334—1354 г.), говорится о городахъ по Великую Ворону, которые должны зависѣть отъ рязанской епископіи; но очевидно, что эти города существовали и раньше (въ періодъ начальной лѣтописи), будучи поставлены здѣсь въ огражденіе отъ кочевниковъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что Никоновская лѣтопись упоминаетъ о городахъ Червленаго Яра еще подъ 1148 г. [1]). Гдѣ проходилъ черниговорязанскій рубежъ къ сѣверу отъ Вороны, на границѣ съ Мордвою, опредѣлить невозможно; по всей вѣроятности онъ терялся въ лѣсистой мѣстности, омываемой теченіемъ Цны, славянское названіе которой указываетъ на раннюю принадлежность ея Славяно-Русской землѣ. Этою Цною и низовьями Мокши, на которой въ началѣ XIII в. мы видимъ крайній рязанскій городъ *Кадомъ* [2]), при устьи Вада, порубежье шло къ Окѣ, къ собственно Муромской землѣ. Муромъ уже существовалъ въ концѣ XI в. и лежалъ на самомъ порубежьи Русской земли съ землями камскихъ Болгаръ, какъ это видно изъ лѣто-

---

1) Ник. лѣт., ч. II, стр. 105.

2) Ibidem, ч. II, стр. 306.

писнаго извѣстія о взятіи его камскими Болгарами въ 1088 г.; но только черезъ $3^1/_2$ столѣтія послѣ утвержденія русскаго вліянія въ Муромѣ былъ основанъ въ Мордовской землѣ Нижній Новгородъ [1]); это показываетъ, какого труда стоило русскимъ князьямъ упрочить за собою устье Волги.

Собственно черниговскія владѣнія отдѣлялись отъ новгородъ-сѣверскихъ р. Сновью; по крайней мѣрѣ, въ 1149 г. Святославъ Ольговичъ, новгородъ-сѣверскій князь, называлъ Посемье и „Сновьскую тысячу" своею ѳтчиною. На сѣверѣ ближайшимъ черниговскимъ городомъ къ новгородъ-сѣверскимъ владѣніямъ былъ *Ронескъ*, на одномъ изъ притоковъ Снови въ нынѣшнемъ Новозыбковскомъ уѣздѣ [2]); ближайшими же новгородъ-сѣверскими городами къ черниговскимъ владѣніямъ были Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскъ, а къ Вятичамъ—Брянскъ, Трубчевскъ, Сѣвскъ и Рыльскъ.

Итакъ, въ полномъ своемъ составѣ, т. е. съ землею Вятичей [3]) и Муромо-Рязанскимъ княжествомъ, Сѣверская земля заключала въ себѣ слѣдующія губерніи: Черниговскую, часть Курской, Могилевской, клинъ Смоленской, Калужскую, Тульскую, часть Московской, Рязанскую, часть Владимірской, Тамбовской, Воронежской, Орловскую; но отъ него въ нач. XII в. отдѣлилось Муромо-Рязанское княжество, заключавшее въ себѣ Рязанскую губ., часть Московской, Владимірской, Тамбовской и Воронежской. Затѣмъ, въ видѣ отдѣльнаго поселенія—колоніи, къ Сѣверской землѣ тянула Тмутаракань, существовавшая впрочемъ также не долго.

Въ связи съ потерею Тмутаракани стоитъ вытѣсненіе сѣверянскаго населенія изъ юго-восточныхъ и южныхъ предѣловъ. Мы видѣли раньше, что сѣверянское населеніе жило въ качествѣ осѣдлаго въ Хозаріи; т. е. далеко южнѣе и юго-восточнѣе своихъ естественныхъ предѣловъ: Посемья и Посулья. Донъ называется славянскою рѣкою; при-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 189.

[2]) Ип. лѣт., стр. 304.

[3]) Земля Вятичей принадлежала собственно Черниговскому княжеству. „Брате, говорятъ Давыдовичи Изяславу Мстиславичу въ 1147 г., се занялъ Ольговичъ Святославъ волость мою Вятичѣ"; подъ 1149 г. читаемъ: „Се Гюрги, стрый твой, идеть на тя, говоритъ Владиміръ Давидовичъ черниговскій Изяславу, а уже есть вшелъ въ нашѣ Вятичѣ".

токъ его *Донецъ* называется *Сѣверскимъ*, очевидно по имени Сѣверянъ, жилища которыхъ лежали по его теченію. Очевидно, что по бассейну Дона жило славянское (главнымъ образомъ сѣверянское) населеніе. Это населеніе служило какъ бы посредствующимъ звѣномъ между чисто сѣверянскимъ населеніемъ Подесенья и Посулья и отдаленною Тмутараканью. Тогда, благодаря блестящимъ походамъ первыхъ кіевскихъ князей, сломившимъ могущество Хозаръ, славянское населеніе получило преобладающее значеніе. Но со второй половины XI в. обстоятельства измѣняются: на сцену являются Половцы. И прежде въ степяхъ нынѣшней южной Россіи были кочевники, которые мѣшали сношенію Поднѣпровья съ черноморскимъ и азовскимъ побережьемъ; то были главнымъ образомъ Печенѣги. Но Печенѣги сами были ослаблены постоянными битвами съ окружающими сосѣдями. Половцы же были не чета Печенѣгамъ: цѣлыхъ два столѣтія Русская земля должна была употребить на борьбу съ ними; предпринято было множество походовъ въ землю Половецкую, такъ какъ князья русскіе считали своею священнѣйшею обязанностью ходить на „поганыхъ“; и что же? Окраинное южно-русское населеніе не смотря на это постоянно подвергалось нападеніямъ дикихъ половецкихъ ордъ; очевидно, походы князей даже вглубь Половецкой земли имѣли мало значенія: послѣ каждаго такого похода Половцы снова дѣлаютъ нападенія; русское населеніе принуждено отступать далѣе къ сѣверу. Понятно, что въ виду этого обстоятельства русское населеніе по Дону и его притокамъ должно было исчезнуть оттуда или смѣшаться съ Половцами. Дѣйствительно, мы видимъ, что Бѣловѣжцы приходятъ въ Черниговскую область, свое бывшее отечество, и основываютъ тамъ городъ *Бѣлувѣжу*; это былъ, вѣроятно, не единственный случай: на это указываетъ ·уществованіе сел. *Козары* въ той же Черниговской области. Во время похода 1111 года русскіе князья встрѣчаютъ въ Половецкой землѣ, именно въ гор. *Шарукани* родственное имъ славянское населеніе; такимъ образомъ, отъ значительнаго прежде славянскаго населенія на юго-восточной окраинѣ осталась только незначительная часть, но и то уже среди преобладающаго инородческаго населенія. Въ концѣ XII в. такимъ крайнимъ городомъ былъ Донецъ, въ которомъ нашелъ пріютъ послѣ одинадцати-дневнаго бѣгства изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ. Какъ на слѣды прежнихъ путей къ азовскому и черноморскому побережью можно указать на *Залозный* и *Соляный*

пути, которые впрочемъ теперь уже нужно охранять отъ Половцевъ; для защиты прежде почти безопаснаго *Греческаго* пути (по Днѣпру въ Черное море) теперь нужно посылать цѣлыя дружины; и только какъ слабый намекъ на прежніе отдаленные походы Руссовъ (напр. въ Черное, Азовское и Каспійское моря) является посольство кіевскаго князя Изяслава къ Олешью на встрѣчу его невѣстѣ, Обезской княжнѣ. Наконецъ, самыя отдаленныя поселенія Руси (напримѣръ, на черноморскомъ и азовскомъ побережьи), были совершенно затерты кочевниками. Соловьемъ-Разбойникомъ залегло инородческое населеніе дорогу изъ Поднѣпровья въ Тмутаракань и не нашлось Ильи-Муромца, который бы не убоялся свиста соловьинаго, а согналъ бы его (Соловья) съ крѣпкаго гнѣзда и очистилъ бы дорогу прямоѣзжую: теперь то мѣсто, гдѣ русскіе Славяне были нѣкогда хозяевами, „земля незнаема". Но хоть это и „незнаема земля", но о ней все-таки сохранились воспоминанія у сѣверскихъ князей. Игорю Святославичу сѣверскому хочется *„искусити Дону великаго"*, *„испити шеломомъ Дону"*; *„Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду"* обращается авторъ „Слова" къ тому же Игорю Святославичу. Наконецъ, одно мѣсто въ „Словѣ" очень ясно указываетъ, что князья сѣверскіе желали воротить себѣ потерянную Тмутаракань: *„се бо два сокола слетѣста съ отня злата стола, поискати града Тмуторокана, а любо испити шеломомъ Дону"*.

Съ XI ст. славянскія поселенія на финскомъ сѣверо-востокѣ начинаютъ принимать все болѣе и болѣе значительные размѣры, благодаря строительной дѣятельности русскихъ князей. Главнымъ средствомъ для утвержденія власти въ подчиненныхъ земляхъ всегда служило построеніе крѣпостей тамъ, гдѣ ихъ не было, и военное занятіе городовъ, уже существовавшихъ. Русскіе князья строили новые города на востокъ и на западъ отъ великаго воднаго пути, имѣя въ виду защиту края, сборъ дани съ туземныхъ жителей и заселеніе пустыхъ земель. Мы уже знаемъ о существованіи здѣсь города Мурома; затѣмъ подъ 1096 г. упоминается другой городъ Рязань [2]); конечно, онъ только подъ этимъ годомъ впервые упоминается, основанъ же былъ, вѣроятно, раньше; по мнѣнію г. Иловайскаго [3]), основаніе его нужно отнести къ

---

[1]) Ип. лѣт. подъ 1153 г., стр. 320.

[2]) Рязанскія Достопамят. изъ особой записки.

[3]) Истор. Ряз. княж., стр. 24.

шестидесятымъ годамъ XI ст., къ княженію Святослава Ярославича. При Ярославѣ Святославичѣ рязанскомъ, кажется, возникли города Переяславль Рязанскій и Пронскъ. Дѣйствительно подъ 1095 г. мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе: „заложенъ бысть градъ Переяславль Рязанскій у церкви св. Николы Стараго [1])"; а древняя крѣпость, около которой впослѣдствіи возникъ городъ Переяславль, по извѣстію Герберштейна, называлась Ярославомъ или Ярославлемъ, т. е. по имени своего основателя. Христіанство при Ярославѣ продолжало распространяться уже съ большею интенсивностью, чѣмъ прежде. Построеніе городовъ способствовало распространенію христіанства; на тѣсную связь этихъ двухъ началъ указываетъ извѣстіе о первоначальномъ основаніи Переяславля Рязанскаго, который былъ заложенъ у церкви св. Николы Стараго; точныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ проповѣди въ землѣ Мещеры-Рязанской мы не имѣемъ никакихъ; можно только предполагать, что за стѣнами городовъ оно распространялось очень медленно, хотя впрочемъ упорнаго сопротивленія со стороны туземцевъ не было. Въ Муромѣ христіанство прививалось еще болѣе туго. Крещеніе Муромы, начатое св. Глѣбомъ, послѣ него на нѣкоторое время остановилось. Язычники, пользуясь междоусобіями князей и отдаленностью отъ главныхъ центровъ русской исторической жизни, стали тѣснить слабую христіанскую общину, но не могли вполнѣ ее уничтожить, доказательствомъ чего служитъ существованіе церкви св. Спаса въ Муромѣ. Рядомъ съ язычествомъ противъ русскаго вліянія боролся магометанскій элементъ, занесенный сюда изъ Камской Болгаріи; на магометанскій элементъ указываетъ житіе благовѣрнаго князя Константина Муромскаго. Ярославъ, получивъ въ удѣлъ муромо-рязанскія земли, рѣшился вступить въ борьбу со всѣми элементами, враждебными христіанству. Когда его сыновья—Михаилъ и Θеодоръ прибыли въ Муромъ, какъ намѣстники отца, то языческая партія возстала и одинъ изъ князей былъ убитъ (Михаилъ). Ярославъ принужденъ былъ силою брать непокорный городъ; но вообще онъ не любилъ крутыхъ мѣръ и старался потомъ дѣйствовать мѣрами кротости; старанія его увѣнчались успѣхомъ: борьба окончилась побѣдою христіанства. Но особенно интенсивно среди Финновъ христіанство стало распространяться съ пол. XII вѣка, когда оно утвердилось и у Вятичей; съ этихъ

[1]) Рязан. Достопам. изъ особой записки.

поръ оно могло свободно проникать въ Рязанскую землю съ юго-западной и сѣверо-восточной стороны. Послѣ Ярослава, при его сыновьяхъ, Муромо-Рязанская земля обособляется отъ Сѣверской земли. Между тѣмъ какъ самъ Ярославъ еще употребляетъ усилія утвердиться въ Приднѣпровьи, сыновья его не возобновляютъ никакихъ претензій на старшинство въ родѣ Святославичей и не думаютъ покидать своихъ сѣверо-восточныхъ волостей для того, чтобы отыскивать невѣрныя земли на югѣ. Съ этого времени среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы удѣловъ и начинаетъ жить собственною жизнью, подобно княжеству Полоцкому и Галицкому. Въ это время славянская колонизація идетъ своимъ чередомъ. Посреди лѣсовъ появляются города, число которыхъ растетъ все больше и больше. Въ землѣ Вятичей и въ западной части Рязанскаго княжества мы открываемъ цѣлый рядъ городовъ: Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдославль, Колтескъ, Пронскъ, Елецъ, Остеръ, Лобынскъ, Тѣшиловъ и Нериньскъ; извѣстія объ этихъ городахъ относятся къ XII в. Наконецъ, въ концѣ XII ст. случилось событіе, которое окончательно отдѣлило Муромо-Рязанскую землю отъ Сѣверской: Рязань получила въ 1198 г. особаго епископа, между тѣмъ какъ до сихъ поръ находилась въ церковной зависимости отъ черниговскаго епископа. Главною причиною обособленія Муромо-Рязанской земли было ея отдаленное положеніе, недозволявшее вмѣшиваться въ дѣла сосѣднихъ княжествъ. Между тѣмъ какъ Черниговское и Новгородъ-Сѣверское княжества, въ силу своей географической близости къ Кіевской землѣ, принимали живое участіе въ судьбахъ южной Руси, Муромъ и Рязань держались въ сторонѣ отъ всего этого; это было тѣмъ возможнѣе, что они тянули скорѣе къ сѣверо-восточной, чѣмъ къ южной Руси, можетъ быть, потому, что въ колонизаціи Муромо-Рязанской земли принимали значительное участіе Кривичи.

Теперь постараемся опредѣлить географическое положеніе городовъ Сѣверской земли, упоминаемыхъ въ лѣтописи съ 1054 по 1237 г.

Подъ 1068 г. упоминается о г. *Сновскѣ* недалеко отъ Чернигова, гдѣ Святославъ разбилъ Половцевъ. „Половцемь воюющимъ около Чернигова, Сватославъ же собравъ дружину и нѣколико ихъ, изыиде на ня ко Сновьску... и тако изби я и друзии потопиша вь Снъви [1])“;

[1]) Ип. лѣт., стр. 121.

подъ 1234: „поимаша (Даніилъ Галицкій) грады многи по Деснѣ, туже взяша и Хороборъ, и Сосницу, и Сновескъ и приидоша же опять Чернигову [1])“. Въ спискѣ городовъ Сновескъ помѣщенъ на Деснѣ [2]). По мнѣнію г. Маркова, Сновскъ есть нынѣшнее мѣстечко Седневъ, отстоящее отъ Чернигова на 23 в. (къ сѣверо-востоку [3]). Но гораздо вѣроятнѣе предположеніе Надеждина и Неволина [4]), что Сновскъ находился при впаденіи Снови въ Десну, такъ какъ оно стоитъ въ совершенномъ согласіи съ лѣтописнымъ выраженіемъ: „Сновескъ по Деснѣ“; кромѣ того тутъ при нынѣшнемъ мѣстечкѣ Брусиловѣ, указывается Ходаковскимъ городище [5]).

Подъ 1078 г. упоминается о „*Нѣжатиной Нивѣ*“. „(Изяславъ и Всеволодъ) пойдоста (отъ Чернигова) противу (Олега и Бориса) и бывшимъ имъ на мѣсьтѣ на Нежатинѣ Нивѣ [6])“. Арцыбашевъ говоритъ, что она была близъ Чернигова. „Если правильно написано „у лѣса“ (въ нѣкоторыхъ спискахъ написано „у лѣса на Нѣжатинѣ Нивѣ“), то въ числѣ предмѣстій черниговскихъ, по Маркову, есть Лѣсковица, противъ Елецкаго монастыря, названная по бывшимъ тутъ лѣсамъ“.

Подъ 1088 г. упоминается о г. *Муромѣ*, взятомъ тогда камскими Болгарами [7]); онъ и теперь существуетъ, какъ уѣздный городъ Владимірской губерніи на р. Окѣ. Подъ 1096 г. встрѣчается извѣстіе о *Рязани,* мѣстоположеніе которой изслѣдователи указываютъ на р. Окѣ въ 4-хъ или 5-ти вер. ниже устья Прони [8]).

Подъ 1142 г. упоминается *Гомій*. „Пойде (Ростиславъ) на волость ихъ (Ольговичей) и взя около Гомия волость ихъ всю [9])“. „Изяславъ же

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 514.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 240.

[3]) Изсл., зам. и лек. Погодина, т. IV, стр. 217.

[4]) Ibidem, стр. 218.

[5]) Рус. ист. сбор. т. VII, стр. 331.

[6]) Ип. лѣт., стр. 140.

[7]) Ibidem, стр. 145.

[8]) См. Иловайскаго „Ист. Ряз кн.“, стр. 94—95; Тахомірова „Ист. свѣд. объ арх. изслѣд. въ стар. Ряз.“, М. 1844 г.; Ходаковскаго статью въ „Рус. ист. сб.“, т. I. Нынѣшній губ. гор. Рязань находится на мѣстѣ бывшаго Переяславля Рязанскаго.

[9]) Ип. лѣт, стр. 223.

съ княгинею пойде изъ Гомия къ Вятичемъ". Теперь этотъ городъ извѣстенъ подъ именемъ Гомеля, на р. Сожѣ Могилевской губерніи [1]). Подъ тѣмъ же годомъ находимъ извѣстіе о *Вщижѣ* и *Орминѣ*. Лѣтопись говоритъ, что Изяславъ Давидовичъ, стоявшій въ степи за Выремъ, по удаленіи Святослава Ольговича отъ Зарытаго, пошелъ съ Половцами къ Воробейнѣ и къ Росусѣ и „туде повоевавъ иде къ сыновцу своему ко Вщижу [2])" и оттуда началъ воевать Смоленскую волость. Когда же противники Изяславовы пошли ко Вщижу, то онъ послалъ за помощью къ Андрею Юрьевичу Суздальскому, который и прислалъ къ нему Изяслава съ своимъ полкомъ и съ муромскою силою; но прежде нежели онъ успѣлъ подойти съ союзниками ко Вщижу, противники помирились съ племянникомъ его вщижскимъ княземъ, и Изяславъ удалился въ „Вятичи [3]"). Это извѣстіе указываетъ, что Вщижа должно искать на границахъ владѣній смоленскихъ, черниговскихъ и земли Вятичей; здѣсь дѣйствительно еще и теперь находится селеніе Вщижъ, на берегу Десны, въ 40 в. отъ Брянска вверхъ, что́ именно и подтверждаетъ лѣтопись подъ 1156 г., называя Вщижъ городомъ около Десны [4]). Объ Орминѣ Над. и Нев. говорятъ: „Ворминыхъ въ Мглин. уѣздѣ два: одно въ 17, а другое въ 34 в. отъ Мглина; оба значатся и на картѣ Шуберта [5])".

Подъ 1146 г. упоминается *Мелтеково село и лѣсъ по Рахнѣ* [6]). Над. и Нев. говорятъ: „рѣчка Малотечъ находится отъ Новгорода, по направленію къ Чернигову, не болѣе какъ въ верстахъ 15; отсюда же весьма недалеко верховья сливающихся рѣчекъ Ревни и Рвапца, изъ которыхъ та или другая могла быть Рахня лѣтописи (см. карту Шуберта [7])".

---

[1]) Въ этомъ именно мѣстѣ и былъ лѣтописный Гомый, ибо Книга больш. черт. прямо говоритъ: „рѣка Ипуть пала въ рѣку Сожу выше града Гомии 20 в.", а нынѣшній Гомель какъ разъ приходится на 20 в. ниже впаденія р. Ипути въ Сожъ.

[2]) Ип. лѣт., стр. 348.

[3]) Ibidem, id.

[4]) Ibidem, стр. 333.

[5]) Изс., зам. и лек. Погодина, т. IV, стр. 222.

[6]) Ип. лѣт., стр. 235.

[7]) Изс., зам. и лек. Погодина, т. IV, стр. 222.

Война Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ хорошо знакомитъ насъ съ землею Вятичей. Такъ въ 1146 г. Иванъ Юрьевичъ исходилъ всю землю Вятичей, убѣгая отъ преслѣдованія черниговскихъ Давидовичей и вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ отступилъ къ Карачеву, который, по выраженію лѣтописи, стоялъ въ лѣсной странѣ. Теперь это уѣздный городъ Орлов. губ. на р. Снѣжати, впадающей въ Десну. Является сомнѣніе, находился ли онъ въ землѣ Вятичей. „И воеваша у Карачева много, и бѣжа за лѣсъ у Вятичѣ Святославъ Ольговичъ [1]". Это мѣсто лѣтописи дало поводъ Арцыбашеву замѣтить: „Слѣдственно Карачевъ не принадлежалъ къ области Вятичей [2]". Но дѣло въ томъ, что рядомъ съ этимъ мѣстомъ мы имѣемъ другое, несомнѣнно указывающее, что Карачевъ былъ въ землѣ Вятичей. Подъ 1165 г. говорится о другомъ Святославѣ: „иде въ Вятичѣ къ Карачеву". Вмѣстѣ съ Карачевомъ упоминается *Брянскъ* [3]) (въ лѣтописи Дьбрянскъ; но это названіе не должно вести къ сомнѣнію или къ мысли, что подъ Дьбрянскомъ должно разумѣть не Брянскъ, а другой городъ, ибо въ лѣтописяхъ XV вѣка, во время войны Іоанна III съ Литвою, во многихъ мѣстахъ очень ясно указывается, что Дьбрянскъ и Брянскъ одинъ и тотъ же городъ). Брянскъ и теперь существуетъ, какъ уѣздный городъ Орловской губ. на р. Деснѣ.

Послѣ этого Юрій пошелъ къ *Козельску* [4]), теперь уѣздному городу Калужской губ. на р. Жиздрѣ. „Пришедшю же ему (Юрію) въ Вятичѣ, и не дошедъ Козельска [5])"; затѣмъ отъ Козельска—прямо на востокъ къ *Дѣдославлю*. Подъ Дѣдославлемъ Арцыбашевъ [6]) разумѣетъ Дѣдиловъ, теперь Дѣдиловская слобода, при р. Шиворонѣ, впадающей въ Упу, въ 25 в. отъ города Богородицка по тульской дорогѣ, въ 7 в. отъ Тулы. Отсюда двинулись на сѣверъ къ р. Осетру и остановились въ городѣ *Колтескѣ*, гдѣ скончался Иванъ Юрьевичъ. „А Святославъ съ Козельска иде до Дѣдославля... къ Осетру въ Кол-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 239.

[2]) Арцыб. „Повѣств. о Россіи", т. II, стр. 635.

[3]) Ип. лѣт., стр. 239.

[4]) Ibidem, id.

[5]) Подъ 1154 г. Ibidem, стр. 322—323.

[6]) Арцыб. „Повѣств. о Рос.", т. II, стр. 639.

тескъ [1])". Ходаковскій указываетъ Колтескъ въ нынѣшнемъ селѣ *Колтовѣ*, Тульской губ., Каширскаго у., отъ теперешняго г. Каширы въ 6 в. выше по Окѣ, при впаденіи въ эту послѣднюю рѣчки Омутенки [2]); но въ такомъ случаѣ прямая дорога отъ Дѣдославля—Дѣдиловой слободы до Колтова должна пересѣкать р. *Осетръ*, между Тулой и Веневомъ, и окажется неправъ Арцыбашевъ [3]), который утверждаетъ, что здѣсь подъ Осетромъ нужно разумѣть не рѣку, а городъ.

Святославъ обратился къ западу, къ верховьямъ Оки, и остановился въ г. *Лобыньскѣ* на устьѣ р. Протвы. „Святославъ възвратися (изъ Колтеска) поиде уверхъ Оки и пришедъ ста на устьѣ Поротвы въ г. Лобыньскѣ". Арцыбашевъ считаетъ Лобыньскъ за Любутскъ—городъ на р. Окѣ, Алексинскаго уѣзда, Тульской губ. [4]); но Над. и Нев. опровергаютъ это предположеніе. Тутъ нѣтъ никакого слѣда думать о Любутскѣ или Любутескѣ, который находился въ другомъ мѣстѣ: именно въ нынѣшнемъ селѣ Люботскомъ (на картѣ Шуберта Любуцкое, Калужской губ., въ Калужскомъ же уѣздѣ, отъ Калуги въ 42 в., внизъ по Окѣ, близь впаденія въ эту послѣднюю Дуглы). Мѣстность эту опредѣлилъ Ходаковскій [5]), замѣтивъ, что при ней находится старое городище. Что касается до устья Протвы, то тамъ въ настоящее время нѣтъ никакого урочища, похожаго именемъ на Лобынскъ; а есть вблизи устья на правой сторонѣ рѣки, въ нынѣшнемъ Тарусскомъ уѣздѣ, упоминаемый Ходаковскимъ *Городецъ-Спасскій* (на картѣ Шуберта Преображенскій погостъ), а нѣсколько ниже по Окѣ къ Тарусѣ, селеніе Любовцево и рѣчка Любошина. Есть, пожалуй, въ томъ же краю и Лобынское село съ „городищемъ" (по указанію Ходаковскаго), но очень далеко отъ устья Протвы и вообще отъ Оки: внутри нынѣшней Тульской губ., на Упѣ, близь устья Шиворони [6]).

Идя далѣе вверхъ Протвы по направленію къ смоленскимъ владѣніямъ, Святославъ покорилъ племя Голядь, жившее при верховьяхъ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 239.

[2]) Рус. ист. сбор., т. I, кн. 3-я, стр. 104.

[3]) Повѣств. о Россіи, т. II, стр. 140.

[4]) Повѣств. о Россіи, т. II, стр. 643.

[5]) Рус. истор. сбор., т. VII, стр. 229.

[6]) Изс., зам. и лек. Погодина, т. IV, стр. 225—226.

Протвы [1]). Въ слѣдующемъ году Юрій угощалъ Святослава въ Москвѣ, которая, кажется, была пограничнымъ городомъ суздальскихъ владѣній съ новгородскими и черниговскими. Отъ Москвы Святославъ опять возвратился къ Лобынску, потомъ вступилъ въ городъ *Неринскъ*. „Святославъ же оттуда (изъ Москвы) възвратился къ Лобыньску, и оттуда иде Нериньску, и перешедъ Оку и ста [2])“. И Карамзинъ, и Арцыб. читали здѣсь не *Нереньскъ*, а *Сереньскъ*. Карамзинъ указывалъ въ этомъ случаѣ на нынѣшнее село *Серенскъ*, внутри Калужской губ. при р. Серенѣ, близь уѣзднаго города Мещовска [3]). Но Арцыбашевъ замѣчаетъ, что упоминаемый здѣсь Серенскъ долженъ быть при Окѣ [4]). Над. и Нев. по этому поводу говорятъ: „конечно такъ. И правильное чтеніе здѣсь очень можетъ быть *Нериньскъ*, который упоминается въ Воскресенской лѣтописи между городами рязанскими, рядомъ съ *Култескомъ*, *Тъшиловымъ* и другими мѣстами по Окѣ, лежавшими внизъ отъ устья Протвы [5])“. Въ такомъ случаѣ не находился ли онъ при устьѣ Нары, тамъ, гдѣ теперь Серпуховъ, или возлѣ? Тутъ Святославъ шелъ изъ Дѣдославля къ Лобыньску; тутъ конечно и возвращался онъ къ Дѣдославлю.

Отъ Нериньска Святославъ опять двинулся къ Дѣдославлю, откуда отправилъ пришедшихъ къ нему Половцевъ къ верховьямъ Угры на Смолнянъ, а самъ пошелъ къ *Девягорску* и занялъ всю землю Вятичей до *Брянска* и *Воробеина*, т. е. все *Подесенье*, *Мценскъ*, *Домагощь* и *Блову* [6]). Большинство этихъ городовъ трудно указать. Несомнѣнно можно опредѣлить только одинъ *Мценскъ*, который и теперь существуетъ, какъ уѣздный городъ Орловской губ. на р. *Зушѣ*, впадающей въ Оку. Всѣ эти испорченныя мѣста, замѣчаютъ Арцыб. и Карамзинъ, врядъ ли извѣстны [7]). О Девягорскѣ Арцыб. говоритъ, что онъ „долженъ быть между Дѣдиловскою слободою и Мценскомъ; а о Бловѣ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 240.

[2]) Ibidem, стр. 241.

[3]) Ист. гос. Рос., Карамзина, т. II, стр. 302.

[4]) „Пов. о Рос.“ Арцыб., т. II, стр. 649.

[7]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 241.

[6]) Ип. лѣт., стр. 242.

[7]) Арц. „Пов. о Рос.“, т. II, стр. 665; Ист. гос. Рос., Карам., т. II, стр. 302.

(по другимъ чтеніямъ *Облове*, *Обловескъ*, *Оболескъ*, у Татищева *Бѣлевъ*): „мы не знаемъ этого Облова, но замѣтимъ имя рѣки Болвы, которой вершина въ Серпейскомъ, а устье въ Брянскомъ уѣздѣ“. Над. и Нев. говорятъ: „относительно Блова или Облова намекъ Арцыб. на р. Болву (впадающую въ Десну недалеко отъ Брянска), кажется весьма удаченъ: можетъ быть, здѣсь разумѣлась вся сторона по Болвѣ (*Болвье* или *Оболвье*?). Впрочемъ и теперь въ верховьяхъ этой рѣки въ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губ. (Серпейскаго уѣзда нынѣ нѣтъ, а онъ большой частью заключенъ въ Мосальскомъ) находится у самого истока Болвы селеніе *Оболва* (по картѣ Шуберта Болва) отъ Мосальска въ 78 в.; а нѣсколько ниже, въ томъ же уѣздѣ, на границѣ съ Жиздринскимъ, *Оболовка* (на картѣ Шуберта *Баловка*) въ 66 вер. отъ Мосальска“. Г. Барсовъ говоритъ: „вѣроятность такого предположенія (что *Блове* есть *Обловье*) ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что словопроизводство областныхъ названій отъ названій рѣкъ, обыкновенное въ русскомъ языкѣ, не оправдываетъ его: область по Деснѣ—Подесенье, по Роси—Поросье, по рр. Сулѣ, Сейму, Горини—Посулье, Посемье, Погорина,—и, аналогически, по р. Болвѣ—*Поболвье* [1])“. На это мы можемъ сказать, что *Блове*, быть можетъ, есть испорченное *Поболвье*, но что во всякомъ случаѣ объясненіе Над. и Нев. является очень правдоподобнымъ. „Про Девягорескъ (говорятъ дальше Над. и Нев.) или Девягорскъ, по другимъ чтеніямъ Деревягорскъ, не умѣемъ и мы ничего сказать, ибо ничего похожаго нигдѣ не отыскали: развѣ не скрывается ли подъ этимъ именемъ *Одоевъ*, нынѣшній уѣздный городъ Тульской губ., лежащій при Упѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Оку, на мѣстѣ довольно гористомъ (Одоевы горы [2])“. Но этому предположенію Над. и Нев. противорѣчитъ то обстоятельство, что въ спискѣ городовъ Одоевъ показанъ отдѣльно отъ Девягорска. Г. Барсовъ говоритъ, что долженъ былъ онъ находиться между Дѣдиловскою слободою и Мценскомъ въ сѣв.-вост. части Орловской губ.; но слѣды его еще не найдены [3]). „Что до *Воробійна* (продолжаютъ дальше Над. Нев), то это, особенно если принять въ соображеніе указаніе подъ

---

[1]) „Мат. для ист. геогр. словаря Рос.“, Барсова, стр. 8.

[2]) Изс., зам. и лекціи Погодина, т. 4, стр. 228.

[3]) „Мат. для ист. геогр. слов. Рос.“, Барсова, стр. 60.

1160 г., весьма можетъ быть нынѣшнее село Воробейня, въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., отъ Мглинска въ 52 верстахъ на востокъ къ Брянску [1])". Дѣйствительно, извѣстіе лѣтописи подъ 1160 годомъ подтверждаетъ предположеніе Над. и Нев.; вотъ оно: „ко Изяславу придоша Половцы мнози и иде съ ними къ Воробейнѣ и къ Росусѣ: и тудѣ повоевавъ иде ко сыновцю своему ко Вощижу [2])". Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что упоминаемая вмѣстѣ съ Воробейнею Росуха находится въ томъ же Мглинскомъ уѣздѣ. Относительно Магоща (такъ они читаютъ вмѣсто Домагоща) Над. и Нев. спрашиваютъ, не деревня ли это Маговка въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губ. въ 36 в. на югъ отъ Карачева, гдѣ вокругъ многія мѣстности называются городищами [3]). Но вообще трудно опредѣлить его мѣстоположеніе, такъ какъ въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній, а географическая номенклатура сама по себѣ не можетъ рѣшить этого вопроса.

Кромѣ этихъ городовъ въ землѣ Вятичей были еще и другіе: *Воротинескъ*, *Мосальскъ*, *Новосиль*, *Свирѣльскъ*, *Серенскъ*, и *Уполозы*. О Воротинескѣ въ лѣтописи мы находимъ такое извѣстіе: „Прида (Святославъ Ольговичъ) ему (Святославу Всеводичу) три городы, а Смоленскъ себѣ отъя и Корочевъ и Воротинескъ [4])". Теперь существуетъ посадъ *Воротынскъ* въ Перемышльскомъ уѣздѣ Калужской губ. на рр. Высѣ и Затейкѣ, въ 15 в. (на юго-западъ) отъ Калуги. Относительно втораго и двухъ послѣднихъ мы читаемъ въ лѣтописи: „поиде В. К. Гюрги къ *Сереньску*, и стоявъ станомъ на *Уполозѣхъ* и възвратися во Володимерь. Ярославъ же идоша къ Сереньску [5])". Подъ 1231 годомъ въ Никоновской лѣтописи мы читаемъ: „Ярославъ иде съ Новгородцы ратью на Черниговъ на великого князя Михаила и пожьже *Ршенескъ* и стоявъ подъ *Можайскомъ*, паки возвратися вспять [6])". Серенскъ и теперь существуетъ въ Мещовскомъ уѣздѣ на р. Серенѣ,

---

[1]) Изс., зам. и лек. Пог., т. IV, стр. 228.

[2]) Ип. лѣт., стр. 348.

[3]) Изс., зам. и лек. Погодина, т. IV, стр. 228.

[4]) Ип. лѣт., стр. 329.

[5]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 196.

[6]) Ник. лѣт., т. II, стр. 367.

въ чемъ сходятся въ своихъ мнѣніяхъ Карамзинъ [1]) Арцыб. [2]) и Барсовъ [3]). Что касается до Мосальска, то это уѣздный городъ Калужской губ. на р. *Можайкѣ*. *Уполозы*—мѣсто неизвѣстное. Относительно *Новосиля* въ Воскр. лѣт. подъ 1155 годомъ читаемъ: „Прииде княгини Юрьева Кіеву изъ Новосиля [4])". Теперь *Новосиль* уѣздный городъ Тульской губерніи на р. Зушѣ. Наконецъ, о Свѣрилескѣ мы читаемъ: „оттуду (изъ Лопасни) пославъ Олегъ на *Свирѣлескъ*, бяшеть бо и то волость Черниговская [5])". По Карамзину, это всего въ 60 вер. отъ Москвы ближе къ Серпухову [6]). Над. и Нев. по этому поводу говорятъ: „ни по картамъ, ни по спискамъ М. В. Д. нѣтъ такого села. Держась этого края, мы нашли только деревню *Свирѣлу*, въ 30 в. отъ Серпухова къ сѣв.-зап., вверхъ по р. Нарѣ; см. карту Шуберта. Есть также, пожалуй, въ томъ же направленіи деревня Свиринка, уже въ Боровскомъ уѣздѣ на границѣ съ Серпуховскимъ у., тоже не вдалекѣ отъ Нары. Но ни та, ни другая не соотвѣтствуютъ послѣдующимъ указаніямъ лѣтописи, на основаніи которыхъ упоминаемый здѣсь Свирѣльскъ, стоявшій, какъ видно, на соименной рѣкѣ, всего скорѣе надо искать по направленію отъ Лопасни и Рязани, т. е. на востокъ. Въ этомъ же направленіи тоже обращаетъ на себя вниманіе рѣка Сиверка, начинающаяся недалеко отъ Лопасни и впадающая въ Москву нѣсколько выше Коломны, при ея устьи есть и село Сиверское, похожее на Свирѣльскъ; см. карту Шуберта.

Итакъ, походъ Святослава представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся по нашимъ лѣтописямъ совершенно неизвѣстной, и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря этимъ извѣстіямъ, мы получаемъ теперь нѣсколько болѣе ясное понятіе о томъ, что этотъ доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностью не меньше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было

---

[1]) Кар. Ист. гос. Рос., т. III, стр. 337.
[2]) Арц. „Пов. о Россіи", т. II, стр. 2151.
[3]) „Мат. для ист. геог. сл. Рос.", Барсова, стр. 184.
[4]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 63.
[5]) Ип. лѣт., стр. 408.
[6]) Кар. „Ист. гос. Рос.", т. III, пр. 39.

множество городовъ, которые лежали преимущественно по теченію рѣкъ, на путяхъ сообщенія, и, слѣдовательно, были выстроены съ торговыми цѣлями; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь пролегала одна изъ значительныхъ дорогъ отъ Днѣпра въ Камскую Болгарію, на которую намекаютъ и арабскіе писатели [1]); кѣмъ и когда построены упоминаемые здѣсь города, нельзя рѣшить, да это и не имѣетъ особеннаго значенія; для насъ важно только то, что и этотъ край не былъ пустынею и пользовался извѣстностью у современниковъ.

Теперь укажемъ города собственно въ Черниговскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ княжествахъ. На западѣ Черниговское княжество отдѣлялось Десною и Днѣпромъ отъ Кіевскаго и Переяславскаго; однимъ изъ ближайшихъ городовъ къ этой западной границѣ былъ *Моривѣйскъ*, о которомъ лѣтопись подъ 1139 год. говоритъ, что Ярополкъ Владиміровичъ, идя изъ Кіева на Черниговъ, былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича у Моривѣйска гдѣ и заключилъ миръ [2]). Дѣйствительно, и теперь на правомъ берегу Десны по дорогѣ въ Черниговъ изъ Кіева, въ Остерскомъ у. Черн. губ., находится село Моровскъ, вполнѣ соотвѣтствующее лѣтописному Моривѣйску. Къ сѣверо-западу отъ Моривѣйска тянулись города *Рѣчица* и *Любечъ* на Днѣпрѣ и *Гомьи* на Сожѣ. „Мстиславъ съ Новгородци... начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черниговьскеѣ и взяша Рѣчицѣ на щитъ, и ины городѣ мнозѣ Черниговьскыя [3])“; теперь Рѣчица—уѣздн. городъ Минской губер. на правой сторонѣ Днѣпра. Но тутъ представляется страннымъ, какимъ образомъ Рѣчица, лежавшая на правой сторонѣ Днѣпра, могла принадлежать Чернигову; не занимала ли она другого мѣста? Это только можно объяснить, предположивъ, что „черниговскими городами“ здѣсь назывались тѣ, которые Всеволодъ Чермный отнялъ у внуковъ Ростислава, а Мстиславъ, вызванный наслѣдниками, поотбиралъ назадъ. Такимъ образомъ городъ этотъ является не кореннымъ черниговскимъ, а только временно находившимся во власти черниговскихъ князей. Подъ 1015 г. о Любечѣ мы читаемъ въ лѣтописи: „и изыде (Святополкъ) противу Любчю обонъ полъ Днѣпра, а Яро-

---

[1]) Истахри и Идриси.

[2]) Ип. лѣт., стр. 216—217.

[3]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 32. (Новг. 1-я лѣт.).

славъ обь сюду [1]"). Ходаковскій указываетъ на м. Любечъ Черниговской губ. Город. у. при устьѣ рѣчки Бослачи [2]). Этому предположенію вполнѣ соотвѣтствуетъ одно мѣсто въ лѣтописи подъ 1148 г. [3]), по смыслу котораго Изяславъ хотѣлъ подступить къ городу рѣкою, которая впадаетъ въ Днѣпръ. *Гомьи* вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему Гомелю. Еще сѣвернѣе Гомьи на западѣ былъ *Чечерскъ*, также на Сожѣ, въ Рогачевскомъ у.; объ этомъ городѣ лѣтопись, подъ 1168 г., прямо говоритъ, что онъ былъ пограничнымъ съ смоленскими владѣніями. „Тогоже лѣта исходяча, пойде Ростиславъ Нову-Городу, занеже не добре живяху Новгородци съ Святославомъ, сыномъ его; и приде Чичерьску къ зяти Олгови, ту бо бѣ Олегъ ждалъ его съ женою; и поя Олегъ Ростислава на обѣдъ и бысть радость велика въ тъ день межи ими; Олегъ же многи дары вдасть Ростиславу и дчи ему вда многы дары; на утрии же день възва Ростиславъ къ себѣ Олга и дчерь и паче болшими дармы учредивъ всихъ, иде Смоленьску. И начаша и срѣтати лутшии мужи Смолняны за 300 в. [4])".

На востокѣ черниговскія владѣнія прикасались съ новгородъ-сѣверскими, гдѣ въ пол. XII в. рѣка Сновь, кажется, была границею. По крайней мѣрѣ въ 1149 г. Святославъ Ольговичъ, новгородъ-сѣверскій князь, называлъ Посемье и Сновскую тысячу своею отчиною [5]). На сѣверѣ черниговскимъ городомъ, ближайшимъ къ новгородъ-сѣверскимъ владѣніямъ, былъ *Ропескъ*. „Княгыни же бѣжа.... Переяславлю, а оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на Хораборь та на Ропескъ... до Гомья [6])". Карамзинъ опредѣляетъ это мѣсто *Старымъ Ропскомъ* [7]). Арцыбашевъ указываетъ на *Новый Ропскъ*, потому что не знаетъ, гдѣ находится Старый; но при этомъ говоритъ, что *Новый Ропскъ* Черниговской губ., Новозыбковскаго у.—не по дорогѣ отъ Переяславля къ Гомелю [8]). Но Над. и Нев. разъясняютъ это обстоя-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 99.
[2]) „Рус. Ист. Сб.", I. т. 9 стр.
[3]) Ип. лѣт., стр. 254.
[4]) Ibidem, стр. 361—362.
[5]) Ibidem, стр. 268.
[6]) Ibidem, стр. 344.
[7]) Кар., „Ист. Рос. гос.", т. II, стр. 393.
[8]) Арц., „Пов. о Рос.", II, 1025 стр.

тельство. „*Старый Ропскъ* и *Новый Ропскъ*—оба въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ (см. карту Шуберта): въ 3-хъ верстахъ одинъ отъ другого, конечно не на прямой дорогѣ отъ Переяславля къ Гомелю. Но бѣгущая княгиня, о которой говорится здѣсь въ лѣтописи, безъ всякого сомнѣнія, и не держалась прямой дороги, а, какъ видно по всему, старалась пробраться въ Гомель, миновавъ Черниговъ. Итакъ, нечего тутъ думать о старомъ Глѣбовѣ, а всего естественнѣе остаться при одномъ и томъ же Глѣблѣ, который находится въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Въ такомъ случаѣ дорога изъ Глѣбля къ Гомелю будетъ прямёхонько черезъ нынѣшніе два Ропска. Эта дорога пересѣкаетъ Десну при мѣстечкѣ *Коробъ* или *Коропъ*, въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губ., почти при самомъ впаденіи въ Десну рѣчки того же имени (см. кар. Шуберта). Такъ могъ быть въ теченіи времени сокращенъ въ выговорѣ древній *Хороборъ* или *Харабръ* (ср. выше подъ годомъ 1153 и ниже подъ 1234 г.). *Городокъ* же въ такомъ случаѣ будетъ любой изъ „городовъ“ или „городищъ“, находящихся между Переяславлемъ и Ромнами, по сѣверной границѣ Переяславскаго княжества [1])“.

На югѣ черниговскія владѣнія сходились съ переяславскими. Здѣсь границею была р. Остеръ и верхніе притоки Сулы съ правой стороны; пограничными черниговскими городами были: *Глѣбль*, *Всеволожъ*, *Уненежъ*, *Бѣловѣжа* и *Бохмачъ*. Города эти, сколько можно судить по смыслу лѣтописи и по сохранившимся частію доселѣ названіямъ мѣстностей, лежали въ такомъ порядкѣ. Глѣбль былъ ближайшимъ черниговскимъ городомъ на сѣверъ отъ Сулы, ибо въ 1147 г. черниговскіе князья, въ походѣ своемъ на Изяслава, дойдя до переяславскаго города Попаша на Сулѣ и услыхавши о походѣ Изяслава, пошли назадъ къ Чернигову, и первый городъ на ихъ дорогѣ былъ Глѣбль; лѣтопись прямо говоритъ: „и пойдоша на Глѣбль къ Чернигову [2])“. Карамзинъ указываетъ на *Старый Глѣбовъ*—село въ Черниговской губ., ниже Чернигова, между Десною и Днѣпромъ. Недалеко отъ *Стараго*, на лѣвомъ берегу Днѣпра, лежитъ *Новый Глѣбовъ* [3]).

1) Изсл., зам. и лек. Погодина“, т. IV, стр. 242—243.

2) Ип. лѣт., стр. 252.

3) „Ист. гос. Рос“, Карам., II т. пр. 30.

Но противъ этого возражаютъ Над. и Нев., которые говорятъ, что гораздо ближе къ означеннымъ въ лѣтописи мѣстностямъ подходитъ *Твердоглѣбовъ*—село въ Роменскомъ у. Полтавской губ. на р. *Бишкинѣ*, притокѣ Сулы [1]). Предположеніе Над. и Нев. имѣетъ гораздо болѣе вѣроятія, потому что вполнѣ согласуется съ приведеннымъ нами выше указаніемъ лѣтописи, между тѣмъ какъ предположеніе Карамзина стоитъ съ нимъ въ противорѣчіи. За Глѣблемъ слѣдовала *Бѣловѣжа* при верховьяхъ Остра и Удая. Въ Книгѣ большаго чертежа прямо сказано: „рѣка Остръ вытекла изъ подъ городища Бѣлыя Вѣжи, отъ верху рѣки Удая [2])". На развалины Бѣловѣжи указываютъ Карам. и Арцыб. Первый говоритъ: „развалины малороссійской Бѣлой-Вѣжи отъ вершины Остра въ 10-ти в., отъ Борзны въ 30 в., отъ Батурина въ 40 в., отъ Чернигова въ 120 в. [3])". Арцыб. добавляетъ, что остатки города того видны еще и теперь близъ протестантскаго селенія *Белемеши*, на границѣ Нѣжинскаго уѣзда [4]). Нѣсколько далѣе на сѣверъ отъ Бѣловѣжи находился Бахмачъ; это названіе и теперь еще сохранилось за однимъ селеніемъ въ Конотопскомъ у. на разстояніи 20-ти съ небольшимъ верстъ отъ Бѣловѣжи при рѣчкѣ Борзнѣ; въ этомъ мнѣніи сходятся: Карамзинъ [5]), Арцыбашевъ [6]) и Над. и Нев. [7])". Потомъ слѣдовалъ *Всеволожъ*—теперь село *Сиволожъ*; съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ важнѣйшіе географы и историки: Погодинъ, Бѣляевъ, Над. и Нев., Барсовъ. Только по мнѣнію Погодина, Сиволожъ находится на правой сторонѣ р. *Остра*, между тѣмъ какъ по мнѣнію Над. и Нев. онъ находился не на Острѣ, а близъ рѣчки Плиски, впадающей въ р. Борзну—притокъ Десны (см. карту Шуберта). Еще западнѣе Всеволожа лежалъ Уненежъ, который можно пріурочить или къ селу Омбиши (Борз. уѣзда), находящемуся на правой сторонѣ р. Остра, отъ Бѣловѣжи въ 26 в., отъ Бахмача въ 29 (см. карту Шуберта), или къ Нѣжину. Такой именно порядокъ этихъ 5-ти городовъ

1) „Изсл., зам. и лек.", Погодина, т. 4, стр. 232.
2) „Кн. гл. больш. черт.", Спас., стр. 86.
3) „Ист. гос. Рос.", Карам., стр. 119.
4) „Пов. о Рос.", Арцыб., т. II, стр. 210.
5) „Исторія гос. Рос.", Карамз., т. II, 310 стр.
6) „Пов. о Рос.", Арц., II, 700 стр.
7) „Изс., зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 231.

изображаетъ лѣтопись, подъ 1147 г. говоря, что Изяславъ Мстиславичъ отъ Черной Могилы (въ переяславскихъ владѣніяхъ), желая перехватить черниговскихъ князей на Сулѣ, пошелъ было въ ту сторону; но услыхавши на дорогѣ, что черниговскіе князья уже отступили отъ Сулы по направленію къ Чернигову, перемѣнилъ направленіе и двинулся ко Всеволожу, ибо зналъ, что имъ отъ Сулы нужно было идти на этотъ городъ; не догнавши ихъ здѣсь, онъ взялъ городъ приступомъ. Жители Уненежа, Бѣловѣжи, Бахмача и др. городовъ, узнавъ объ этомъ, бѣжали къ Чернигову. Изяславъ же, нагнавши бѣглецовъ и зажегши всѣ эти города, пошелъ къ Глѣблю.

Очевидно въ этой сторонѣ было и еще много черниговскихъ городовъ, ибо лѣтопись, упомянувши о бѣгствѣ Уненежанъ и Бѣловежцевъ, по взятіи Всеволожа, говоритъ: „и иніи грады мнози бѣжаша (когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ отъ Всеволожа къ Глѣблю [1])“. И точно, подъ 1159 г. мы еще встрѣчаемъ въ этой сторонѣ нѣсколько черниговскихъ городовъ, а именно: *Лутаву* съ правой стороны Десны, при впаденіи въ нее рѣчки Лутавы, слѣдовательно на юго-западъ отъ Моривѣйска (здѣсь въ этомъ году былъ съѣздъ Изяслава Давыдовича кіевскаго съ Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ [2]). О немъ именно говоритъ Арцыбашевъ: „по Маркову нынѣ село сего названія находится въ Остерскомъ повѣтѣ, на правой сторонѣ рѣчки Лутавы, впадающей въ Десну съ той же стороны, по дорогѣ отъ Кіева въ 13 верстахъ, отъ Моривѣйска къ юго-зап. [3])“. Затѣмъ тутъ же были *Любескъ* и *Оргощъ*; гдѣ именно были два эти городка, опредѣлить нельзя [4]); но по смыслу лѣтописи они должны были находиться между Моривѣйскомъ и Всеволожемъ и были вообще городки незначительные, населенные Половцами и псарями. Владѣвшій тогда этими городами Святославъ Ольговичъ жалуется на Изяслава Давыдовича, что онъ ему уступилъ Черниговъ „съ семью городъ пустыхъ, Моровіескъ, Любескъ,

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 252.

[2]) Ibidem, стр. 331, 341—342, 406.

[3]) „Пов. о Рос.“, Арц., II, 1016.

[4]) Над. и Нев. указываютъ на нынѣшнее с. *Оржицу* (для *Оргоща*), въ Прил. у., Полтавской губ., отъ Прилукъ въ 42 в. на юго-зап. къ верховьямъ р. Оржицы. См. „Изс., зам. и лек.“, Погодина, т. IV, стр. 242.

Оргощь, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдятъ псареве же и Половцы [1]". Исчисленіе этихъ городовъ между Моривѣйскомъ и Всеволожемъ побуждаетъ думать, что они и на самомъ дѣлѣ были между ними, а населеніе ихъ, состоявшее изъ псарей и Половцевъ, т. е. людей небогатыхъ и воинственныхъ, ведетъ къ заключенію, что они именно были городами пограничными къ переяславскимъ владѣніямъ, и что ихъ незачѣмъ искать гдѣ нибудь въ другомъ краю, и особенно ближе къ Чернигову.

Такимъ образомъ, судя по указаннымъ границамъ, пространство собственно черниговскихъ владѣній было очень незначительно и едва ли составляло четвертую часть нынѣшней Черниговской губ.; но оно цвѣло народонаселеніемъ, которое было особенно густо въ углу, образуемомъ Остромъ и Десною, а также около Любеча по Днѣпру. Самый Черниговъ былъ окруженъ множествомъ селеній и городовъ, ибо лѣтопись, описывая походъ Изяслава къ Чернигову въ 1148 г., говоритъ: „и пришедъ ста Изяславъ на Олговѣ полѣ и ту стояша три дни, и несмѣша изъ Чернигова выйти (тамошніе князья) и пожьже вся села ихъ оли до Боловоса [2]". Подъ 1147 г. упоминается *Носовъ на Рудѣ*. „Мстиславъ (изъ Переяславля) гна по немъ (Глѣбѣ) и угони у *Носова на Рудѣ*... (Глѣбъ) иде въ Городечь, а Мстиславъ иде Переяславлю [3]". На основаніи этого неопредѣленнаго мѣста лѣтописи даже нельзя вполнѣ рѣшить, принадлежалъ-ли этотъ городъ Черниговскому или Переяславскому княжеству. „Рѣчекъ *Рудъ* и селеній Рудней (или близкихъ тому: Руда, Рудка, Рудовка и т. д.), говорятъ Над. и Нев., въ этомъ краю великое множество. Но *Носовка* только одна, что въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Носовкѣ. Всего вѣрнѣе съ Арцыбашевымъ остановиться здѣсь на Рудѣ, впадающей въ Трубежъ; а что тутъ называлось Носовымъ, предоставить мѣстнымъ изслѣдованіямъ [4]"; „рѣчка же Рудка, по Арцыбашеву [5]), находится по прямой дорогѣ отъ Переяславля къ Городцу Остерскому, течетъ съ правой стороны

---

1) Ип. лѣт., стр. 343.

2) Ibidem, стр. 254.

3) Ibidem, стр. 253.

4) „Изс., зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 232—233.

5) „Пов. о Рос.", Арцыбаш., II, 690.

въ Трубежъ и отстоитъ отъ Переяславля на 60 в., а отъ Остра на 40 в.". Подъ 1148 г. упоминается *Боловосъ*. „Пакы поиде Изяславъ къ Чернигову... и пришедъ ста *Олговѣ Поли*... и пожегше вся села ихъ оли и до *Боловоса*[1])". Арцыбашевъ, опредѣляя мѣстоположеніе Боловоса, говоритъ: „нынѣ означенный городъ или селеніе превратилось въ село, называемое *Старый Бѣлоусъ*, въ пяти верстахъ отъ Чернигова, къ западу при р. сего же названія, впадающей въ Десну съ правой стороны[2])". Над. и Нев. опредѣляютъ даже мѣстоположеніе *Олова поля*: „по спискамъ М. В. Дѣлъ, село *Старый Бѣлоусъ* показано въ 6 вер. отъ Чернигова, а тутъ же, подлѣ, отъ Чернигова въ 8 верстахъ, два хутора: *Лъговъ* и *Лъговскій* (на К. О. *Ильговъ*, на К. Ш. *Ильговна*). Вотъ и *Ольгово поле* совершенно согласно съ текстомъ лѣтописи[3])!"

Итакъ, въ данномъ случаѣ говорится о краѣ, прилежащемъ къ лѣвому берегу Днѣпра. Подтвержденіе этому мы находимъ въ лѣтописи подъ 1152 годомъ, гдѣ сказано, что Изяславъ, идучи отъ Днѣпра къ Чернигову, сталъ на Боловесѣ[4]). Въ этой же сторонѣ, на сѣверѣ, какъ извѣстно, былъ и *Любечъ*, одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ черниговскихъ, ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Изяславъ говорилъ своимъ союзникамъ: „а пойдемъ къ Любчю, идеже ихъ (черниговскихъ князей) вся жизнь". На югѣ отъ Чернигова были еще города. Такъ, на лѣвой сторонѣ Десны, по впаденіи въ нее р. *Крырола*, ниже Сейма, находимъ *Стояничи*, ибо лѣтопись подъ 1160 г., разсказывая о походѣ Изяслава Давыдовича отъ Выря къ Чернигову, говоритъ: „пойде Изяславъ Чернигову со всею силою половецкою на Святослава на Ольговича; и сташа подлѣ Десну по Крырову оли до устья, а внизъ до Стояничь[5])". Точно опредѣлить мѣстоположеніе Стояничъ невозможно. За Стояничами, уже на правой сторонѣ Десны, находился городъ Свѣнковичи, который, очевидно, стоялъ при впаденіи въ Десну *Свини*, т. е. въ ближайшемъ разстояніи отъ Чернигова, ибо лѣтопись говоритъ, что Изяславъ, отбитый отъ Десны, отступилъ къ Игореву броду, откуда, получивъ вѣсть, что Святославъ боленъ, а дружина

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 254.

[2]) „Пов. о Рос.", Арц., II, 708, 903.

[3]) „Изс. зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 233.

[4]) Ип. лѣт., стр. 315.

[5]) Ibidem, стр. 346.

распущена, обратился опять къ Чернигову. „И пріѣхавъ къ Деснѣ противу Свѣнковичемъ и въ зарѣ переправи полці своя чересъ Десну и пусти я воевать, переѣхалъ же бяше и самъ чересъ Десну [1]“. Въ это время, по извѣстію Воскр. лѣт., Половцы сожгли сельцо св. Спаса [2]). Къ востоку отъ Чернигова, ближе къ границамъ новгородъ-сѣверскимъ, также было нѣсколько черниговскихъ городовъ, таковы: *Семынь* передъ самымъ Черниговомъ, за *Семынью—Гюричевъ*, а далѣе за Гюричевомъ—*Свинь* на р. Свини. Порядокъ, въ которомъ эти города слѣдовали одинъ за другимъ, довольно отчетливо объясняется лѣтописью при описаніи Юрьева похода отъ Глухова къ Чернигову. „Пойде къ *Березому* и яко ста у *Свини*, съ Половці, у субботу, а заутра въ недѣлю не хотя ити къ городу, но ста у *Гюричева*... И пусти Половці къ Чернигову воевать; Половцемъ же пришедшимъ къ городу, много полона взяша, и *Семынь* пожгоша [3]“. Въ Лавр. же лѣтописи при описаніи этого похода передъ Гюричевомъ еще упоминается *Канинъ*; вотъ слова лѣтописи: „Гюрги же пришедъ ста у Глухова и пріиде къ нему множество Половецъ и Ольговичъ Святославъ; и сдумавше всі поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь и сташа у Гуричева близь города перешедше *Канинъ* [4]“. О *Свини* Марковъ говоритъ: „р. *Свинь* въ 11 вер. отъ Чернигова по дорогѣ на Глуховъ, которая нынѣ двоякое имѣетъ названіе: *Свинь* и *Замглай*, изъ коихъ послѣднее перешло къ ней изъ болота, чрезъ которое она протекаетъ, превратясь и сама въ видъ болотистый, но вершина ея, вливающаяся въ болото Замглай, и по днесь имѣетъ одно названіе *Свинь*, равно какъ одно селеніе при устьѣ ея сохраняетъ то же названіе [5]“. Дѣйствительно, это объясненіе вполнѣ удовлетворительно [6]). О Березовѣ Арцыбашевъ говоритъ: „за рѣкою *Свинь* къ Чернигову, въ 3 верстахъ отъ оной, близъ самой глуховской дороги, на правой сторонѣ стоитъ старое село *Березанка*, гдѣ, какъ должно полагать, былъ и древній *Березовъ*. Впро-

---

1) Ип. лѣт., стр. 347.

2) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 72.

3) Ibidem, т. I, стр. 145 подъ 1152 г.

4) Ип. лѣт., стр. 314—315.

5) „Пов. о Рос.“, Арц., II, стр. 898.

6) См. объ этомъ Домонтовича „Мат, для геогр. и стат. Рос.“, (Черн. губ.); Шафонскаго „Черниговъ. намѣстн. топ. опис.“.

чемъ, есть еще мѣстечко Березна Черниговскаго повѣта, на разстояніи 36 верстъ отъ Чернигова при р. Березнѣ, впадающей въ Десну, по дорогѣ отъ Глухова къ Чернигову [1])". Относительно *Березоя* мы еще находимъ извѣстіе подъ 1156 годомъ: „бѣжа Володіміріч, сыновецъ Изяславль изъ *Березаго* во Вщижъ... Потомъ пойде Гюрги, поима съ собою Изяслава Давыдовича и Святослава Олговича къ Зарубу, на снемъ съ Половцами... Изяславъ же поима я и ѣха съ ними къ Березому [2])". Это извѣстіе какъ бы предполагаетъ другой Березой, лежащій не такъ близко отъ Чернигова, какъ указанный Арцыбашевымъ, а поближе ко Вщижу. Мѣстоположеніе *Гюричева* старается опредѣлить Марковъ. „По глуховской же дорогѣ, говоритъ онъ, далѣе къ Чернигову, въ пяти верстахъ отъ Березанки, нынѣ находится село *Бобровица*: отъ Чернигова оно же въ трехъ верстахъ. Здѣсь жили во времена прежнихъ гетмановъ особой статьи казаки, подъ названіемъ Бобровниковъ, отъ коихъ, безъ сомнѣнія, село сіе и названіе получило; но простой народъ съ давнихъ временъ и поднесь называетъ его *Юрьевкою*, и въ немъ въ недавнихъ годахъ сгорѣла старая церковь св. Георгія, которая выстроена была на мѣсто старой же церкви одного названія [3])". О *Семынѣ* Марковъ говоритъ: „если это не испорченное переписчиками слово вмѣсто селенія, которое между городомъ и Гюричевомъ или Бобровицею находилось на лѣвой сторонѣ рѣчки Стрижня, то можетъ быть, не называлась ли сія рѣчка *Семынемъ*, которой изгибъ противъ бывшихъ восточныхъ воротъ древняго внѣшняго укрѣпленія находился саженяхъ во стѣ [4])". Арцыбашевъ по этому поводу прибавляетъ: „но рѣчку не сожигаютъ: развѣ селеніе при ней [5])"? Конечно селеніе. Впрочемъ указанія на мѣстоположеніе этого города, какъ мы видимъ, крайне неопредѣленны и гадательны, такъ что на карту его нанести нельзя. Такъ же точно неопредѣленно мѣстоположеніе *Канина*; слѣдуетъ только привести остроумное сближеніе Над. и Нев. „Для соображенія только можно замѣтить, говорятъ они, на счетъ *Канина* слѣдующее мѣсто „Слова о полку Иго-

---

[1]) Арц. „Пов. о Рос.", т. II, стр. 898.

[2]) Ип. лѣт., стр. 333.

[3]) „Пов. о Рос.", Арц., II, 899.

[4]) Ibidem, II, 900.

[5]) Ibidem, id.

ревѣ", относящееся къ смерти Бориса Вячеславича, который, какъ извѣстно, погибъ въ битвѣ подъ Черниговомъ: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на *Канину зелену паполому постла*, за обиду Ольгову"; не разумѣется ли здѣсь лугъ подъ Черниговомъ, называвшійся *Канинымъ* [1])"? Во всякомъ случаѣ изъ лѣтописнаго текста мы ясно видимъ, что Канинь былъ за Сновомъ, не доходя Гюричева; слѣдовательно по Ип. лѣт. между Свинью и Гюричевымъ.

Подъ 1149 г. упоминаются *Ярышево*, *Бѣловѣжа-Старая* и *Вьяхань*. „Гюрги же пришедъ ста у Ярышева и поиде оттуду на Бѣлувежу на Старую и стояша у Бѣлывежи мѣсяць... и оттолѣ поидоша къ Супоеви [2])"; по Лавр. лѣт.: „пришедшю (Георгію)—къ *Вьяханю*", (союзники соединились съ нимъ здѣсь и потомъ) „пришедше сташа у *Бѣлы Вежѣ* [3])". Для опредѣленія мѣстоположенія *Ярышева* Погодинъ указываетъ на село *Ярешки*, близъ Недры и Супоя въ Переяславскомъ уѣздѣ, близъ черниговской границы [4]) Над. и Нев. указываютъ на другое мѣсто, которое больше подходитъ къ лѣтописному *Ярышеву*. „Въ окрестностяхъ той единственной *Бѣлой вѣжи*, которой мѣстоположеніе объяснено выше, въ Прилуцкомъ уѣз., Полт. губ., находится селеніе Ярошовка, чрезъ которую проходитъ дорога изъ *Роменъ* въ Нѣжинъ (смотри карту Шуберта). Нѣсколько южнѣе въ уѣз. Лохвицкомъ, есть и другая *Ярошевка*, почти на самой Сулѣ, между Лохвицею и Ромнами (см. к. Шуб.). И та, и другая весьма удобно пріурочиваются къ подробностямъ лѣтописнаго повѣствованія о походѣ Георгія который, какъ видно изъ разсказываемыхъ обстоятельствъ, не имѣлъ ни нужды, ни намѣренія тревожить черниговскихъ князей и потому шелъ противъ врага своего, В. К. кіевскаго, минуя Черниговъ, чрезъ тогдашнія владѣнія переяславскія. Съ этимъ совершенно согласно и то, что въ спискѣ Лавр. путь Георгія къ Бѣловѣжѣ означенъ чрезъ Вьяхань [5])". Такимъ образомъ, Надеж. и Нев. указываютъ Ярышево въ Переяславскомъ княжествѣ. Но съ этимъ врядъ ли можно согла-

---

[1]) „Изс., зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 240.

[2]) Ип. лѣт., стр. 264.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 139.

[4]) „Изсл., зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 235.

[5]) Ibidem, т. IV, стр. 235—236.

ситься; по смыслу лѣтописи, скорѣе всего можно думать, что Ярышевъ находился въ землѣ Вятичей или, по крайней мѣрѣ, въ Черниговскомъ княжествѣ—сѣвернѣе Супоя, къ которому Юрій, идя съ сѣвера на югъ, дошелъ только послѣ мѣсячной остановки у Бѣлой Вѣжи, между тѣмъ, какъ другая Ярошевка находится почти на самой Сулѣ, т. е. далеко на югъ, въ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Очевидно, что эти три мѣста: Ярышевъ, Вьяхань и Бѣловѣжа были для Юрія, какъ-бы тремя станціями, изъ которыхъ 1-я—была самая сѣверная, 2—средняя, а 3-я самая южная. Въ Ярышевѣ происходило свиданіе Юрія съ Святославомъ—и это обстоятельство указываетъ, что это былъ пограничный городъ. Положеніе *Вьяхани* точно опредѣлить трудно; но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что она находилась по курсковырьской дорогѣ, за Вырью. Подъ 1147 г. мы читаемъ въ лѣтописи: „придоста къ Курьску (Святославъ Ольговичъ и Глѣбъ Юрьевичъ)... и отъиде оттуду (Глѣбъ Юрьевичъ) къ *Выреви* и оттуду идоша къ *Вьяханю*... и въ то же веремя прійде къ Изяславу вѣсть къ Мьстиславичу, оже Бьяхань и инии городи отбилися, а Попашь взяли [1])". Въ такомъ случаѣ Старая Бѣловѣжа могла находиться гдѣ нибудь въ окрестностяхъ остерской Бѣловѣжи, но во всякомъ случаѣ ближе къ Сулѣ, ибо въ 1149 г. князь Юрій Долгорукій пробылъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, поджидая Половцевъ изъ за Сулы. По мнѣнію Погодина, всего лучше подъ Старою Бѣловѣжею разумѣть хозарскую на Дону, въ 70 в. отъ устья Дона; а подъ Новою—черниговскую, въ верховьяхъ Остра. Но въ такомъ случаѣ Юрій въ 1149 году ожидалъ Половцевъ возлѣ Старой Бѣловѣжи, т. е. *на Дону*, что, конечно, невозможно. Карамзинъ, напротивъ, признаетъ одну мѣстность этого имени, не допуская прилагательнаго „Старый" въ лѣтописяхъ. Но это слово есть: значитъ были двѣ *Бѣлыя вѣжи*: Старая и Новая.

Наконецъ, остаются еще города *Хороборъ* и *Сосница*. „Поидоша (Даніилъ съ союзниками отъ Чернигова) плѣняти земли, поимаша грады многы по Деснѣ, туже взяша и *Хороборъ*, и *Сосницю*, и *Сновескъ* [2])". „Святославъ Ольговичъ скупяся съ Изяславомъ Давидовичемъ у *Хоробря* и утвердишася [3])". „Княгини же бѣжа къ зяти Глѣбови Перея-

1) Ип. лѣт., стр. 250—251

2) Ibidem, стр. 514.

3) Ibidem, стр. 320.

славлю и оттуду ѣха на Городокъ, та на Глѣблю, та на *Хороборъ*, та на Ропескъ [1])". Сосница—теперь уѣздный городъ Черниговской губерніи на р. Убедѣ, впадающей въ Десну. Для опредѣленія же Хороборя Надеж. и Нев. указываютъ на сел. *Коробъ* или *Коропъ*, въ Кролев. у., Черн. губерніи, почти при самомъ впаденіи въ Десну рѣчки того же имени. Такъ могъ быть сокращенъ въ теченіе времени въ выговорѣ древній Хороборъ или Хоробрь [2]).

Владѣнія новгородъ-сѣверскія заключали въ себѣ все Подесенье и Посемье, т. е. уголъ, образуемый Десною и Семью; а на правомъ берегу Десны они прикасались къ собственно черниговскимъ владѣніямъ по р. Снови отъ впаденія ея до верховья. Самый крайній городъ на востокѣ по Сейму былъ *Курскъ*, лежавшій на правомъ берегу; по этому же берегу были новгородъ-сѣверскіе города: *Льговъ*, *Рыльскъ*, *Путивль*. О принадлежности Курска къ новгородъ-сѣверскимъ владѣніямъ лѣтопись прямо говоритъ подъ 1146 г.; въ ней сказано, что новгородъ-сѣверскій князь Святославъ, когда Кіевъ былъ занятъ Изяславомъ, сперва бѣжалъ въ Черниговъ, а оттуда въ Курскъ и Новгородъ-Сѣверскъ для набора ополченія [3]); въ томъ же году Святославъ отдалъ Курскъ со всѣмъ Посемьемъ союзнику своему, Ивану Юрьевичу, пришедшему къ нему на помощь противъ Изяслава [4]). Таже лѣтопись говоритъ далѣе о принадлежности къ Новгородъ-Сѣверскому княжеству *Путивля*, ибо въ ней сказано, что Изяславъ со своими союзниками, князьями черниговскими, осаждалъ Путивль и когда взялъ его, то находившійся тамъ дворъ Святослава (новгородъ-сѣверскаго князя) раздѣлилъ на четыре части [5]). Объ *Ольговѣ* или *Льговѣ* лѣтопись упоминаетъ подъ 1152 годомъ; по ея словамъ, къ *Ольгову* въ это время пришли Половцы, союзники Юрія, тогда какъ самъ онъ изъ земли Вятичей черезъ Мценскъ шелъ на Глуховъ [6]). Изъ этого разсказа ясно можно видѣть, что Ольговъ долженъ быть на Сейму, именно тамъ, гдѣ теперь *Льговъ*, ибо мѣстность нынѣшняго Льгова какъ разъ приходится

[1]) Ип. лѣт., стр. 344.

[2]) „Изсл., зам. и лекц.", Погодина, т. IV, стр. 243.

[3]) Ип. лѣт., стр. 233.

[4]) Ibidem, стр. 236.

[5]) Ibidem, стр. 237.

[6]) Ibidem, стр. 314.

въ сосѣдствѣ съ половецкими степями и по дорогѣ къ Глухову, гдѣ стоялъ Юрій. Подъ тѣмъ же годомъ говорится и о *Рыльскѣ*. Лѣтопись разсказываетъ, что когда Юрій съ Святославомъ Ольговичемъ и Половцами былъ отбитъ отъ Чернигова, то съ союзниками своими пошелъ за Свинь, потомъ за *Сновь*, съ Святославомъ къ Новгородъ-Сѣверску, а оттуда къ Рыльску, чтобы идти оттуда въ Суздаль черезъ землю Вятичей [1]. Конечно, это движеніе на Рыльскъ отъ Новгорода и потомъ въ Суздаль дѣлало лишній уголъ, и Юрію прямѣе было-бы идти съ Новгорода на Сѣвскъ; но онъ, идя на Рыльскъ, съ одной стороны имѣлъ ту выгоду, что скорѣе удалялся отъ преслѣдованія Изяслава и его союзниковъ, а съ другой нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ и Святослава, грозя изъ Рыльска Вырю и держась въ сѣверскихъ же владѣніяхъ. Вѣроятно, въ виду этихъ выгодъ лишній уголъ къ Рыльску не дѣлалъ большаго разсчета; при томъ же Юрій, можетъ быть, еще надѣялся соединиться съ Половцами, что было очень удобно сдѣлать въ нынѣшнемъ Рыльскѣ, какъ въ городѣ, пограничномъ со степями. Глуховъ также принадлежалъ къ Новгородъ-Сѣверскому княжеству, такъ-какъ подъ 1152 годомъ въ лѣтописи мы находимъ извѣстіе, что Юрій, пробираясь къ Чернигову изъ Суздаля чрезъ *Мценскъ* и Спашь пришелъ на Глуховъ, гдѣ вступилъ въ переговоры съ Святославомъ Ольговичемъ—княземъ новгородъ-сѣверскимъ, приглашая его также идти къ Чернигову [2]. На сѣверъ отъ Новгородъ Сѣверска ближайшимъ городомъ былъ *Радощь*, вѣроятно, *Радогощь*, на правомъ берегу р. Судости; городъ этотъ уже не существовалъ при составленіи „Книги большаго чертежа“ и названъ въ ней городищемъ: „противъ Стародуба, на р. на Судости, городище *Радогощь* [3]“. Арцыбашевъ указываетъ на заштатный городъ *Радогость*, Стародубскаго у., называемый нынѣ *Погаромъ*, при р. Судости [4]. Лѣтописное извѣстіе тоже подтверждаетъ такое предположеніе. „Усрѣте Святославъ Олговичь свата своего Гюргя у Синина Мосту, у Радоща и снястася. Тогда же усрѣте и

---

[1] Ип. лѣт., стр. 316.

[2] Ibidem, стр. 314.

[3] „Книга гл. большой чертежъ“, Спас., стр. 85.

[4] „Пов. о Рос.“ Арцыб., II, 960; IV,—478; Щек. Словарь, IV, 1182—1183.

Всеволодичь у *Стародуба* [1])". Это извѣстіе очень ясно показываетъ, что Радощь былъ недалеко отъ Стародуба, что вполнѣ соотвѣтствуетъ Погару, находящемуся въ Стародубскомъ у. Потомъ отъ Радогоща на сѣверо-западъ былъ *Сининъ Мостъ*. Над. и Нев. говорятъ, что „отъ нынѣшняго Погара по дорогѣ къ Стародубу находится и теперь еще селеніе Сининъ въ 23 в. отъ Стародуба [2])" За Сининымъ Мостомъ на юго-западъ находился *Стародубъ*. Такимъ образомъ по смыслу лѣтописи, *Сининъ Мостъ* оказывается самымъ сѣвернымъ изъ городовъ Новгородъ-Сѣверскаго княжества, ближайшимъ къ Смоленской землѣ, ибо Юрій шелъ къ смоленскимъ владѣніямъ и, когда миновалъ смоленскій городъ *Зарой* на *Ипути*, то былъ встрѣченъ Святославомъ Ольговичемъ у Синина Моста, и потомъ „снялся" съ нимъ у Радоща, а оттуда пошли къ *Стародубу*. Съ восточной стороны новгородъ-сѣверскихъ владѣній, на сѣверъ отъ Сейма, лежали города: упомянутый нами уже *Глуховъ*, на одномъ изъ притоковъ Клевени, на сѣверъ отъ Путивля; еще сѣвернѣе Глухова—*Сѣвскъ* на р. Сѣвѣ, впадающей въ *Нерусу*, притокъ Десны; а далѣе за Сѣвскомъ—*Болдыжъ*, *Кромы* и *Спашь*. *Болдыжъ* былъ на сѣверо-востокъ отъ Сѣвска, по дорогѣ къ Карачеву, какъ это ясно указываетъ походъ Изяслава. „Иде (Изяславъ Давидовичъ) изъ Путивля на Сѣвскъ и на Болдыжъ, простѣ бо бѣ ему путь Корачеву [3]"). По указанію Надежд. и Невол. въ спискахъ Мин. Вн. Дѣлъ и теперь еще существуетъ селеніе *Болдыжъ*, въ четырехъ верстахъ отъ города Дмитровска, что какъ разъ приходится по дорогѣ изъ Сѣвска къ Карачеву [4]). На востокъ отъ Болдыжа при рѣчкѣ *Наднѣ*, впадающей въ *Крому*, лежитъ городъ *Кромъ*, какъ сказано въ „Кн. гл. больш. черт." [5]). Подъ 1147 г. въ Воскресенской лѣтописи мы читаемъ: „Святославъ поиде (изъ Мценска)... къ Крому [6])". И теперь этотъ городъ существуетъ, какъ уѣздн. городъ Орловской губ. Наконецъ, отъ Крома по дорогѣ къ Мценску лежитъ городъ *Спашь*, ибо

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 328.

[2]) „Изс., зам. и лекц.", Погод., т. IV, стр. 241.

[3]) Ип. лѣт., стр. 238; Карамзинъ ошибочно указываетъ на сел. *Болдыжъ*, въ 20 в. отъ Брянска; см. „Ист. гос. Рос.", Карамзина, II, прим. 297.

[4]) „Изс., зам. и лек.", Погодина, т. IV, стр. 223.

[5]) „Кн. гл. б. черт.", Спасскаго, стр. 106.

[6]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 39.

въ 1147 г., когда Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ шли изъ Мценска къ Крому, то въ Спашѣ ихъ нагнали послы Владиміра, Давидовича [1]) *Спашь*, по мнѣнію Арцыбашева, долженъ быть Спасскій монастырь подлѣ города Сѣвска [2]). Но это мѣсто не находится по дорогѣ изъ Мценска въ Кромъ. Над. и Невол. говорятъ: „на такомъ пространствѣ, какое находится между Мценскомъ и Глуховомъ, трудно въ точности опредѣлить мѣсто, которое означено здѣсь подъ именемъ *Спаша* (конечно,—Спасовъ или *Спасскъ*). Впрочемъ, есть другой случай, когда упоминается о *Спаши*: именно подъ годомъ 1147, при описаніи странствованія Святослава Ольговича (въ Пол. Соб. Лѣт. принято чтеніе: *„въ Спадши“*); тутъ мѣстоположеніе его опредѣляется ближе: на пути отъ Мценска къ *Крому* (это послѣднее слово тамъ читается—„граду“). Но въ настоящее время и на этомъ пространствѣ находится такое множество *Спасскихъ*, что нѣтъ возможности ни на одномъ остановиться [3]). На восточной сторонѣ сѣверскихъ владѣній, западнѣе описанной нами линіи городовъ, шла еще линія, ближайшая къ Новгороду-Сѣверску, на югѣ начинавшаяся городомъ *Зартымъ* или *Зарытымъ*. На этой линіи были города: *Воробейна*, *Росуса* и *Трубчевскъ*. Вотъ лѣтописное извѣстіе о Зартомъ: „воева Георгій Ярославичъ изъ Турова Путивлю... Выревцы же затворишась отъ него... и не пустиша его къ себѣ, онъ же оттуда възвративея иде въ *Зартый*, и ту пребывъ иде опять взративея у Вырь [4])“... „И пришедъ (Святославъ Ольговичъ) ко Выреви и пожьже острогъ около города... и ту стоявше и шедше къ Зарытому, и ту пожегше, и много зла створивше възвратишася у свояси [5])“. Оба приведенныя извѣстія указываютъ на *Зарытый*, какъ на городъ, лежащій на западъ отъ Выря, а по первому извѣстію даже на сѣверъ или сѣверо-западъ отъ Путивля, гдѣ теперь находится р. Рѣть, впадающая въ Десну; поэтому правильно заключаютъ Над. и Невол., что *Зарытымъ* могъ называться городъ за Рѣтью, и слѣдовательно, Зарытый или Зартый должно полагать около нынѣш-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 242.

[2]) „Пов. о Рос.“, Арцыб., II, стр. 897.

[3]) „Изс., зам. и лек.“, Погод., т. IV, стр. 237.

[4]) Ип. лѣт., стр. 346.

[5]) Ibidem, стр. 348.

няго Кролевца [1]). Такимъ образомъ, ни предположеніе Карамзина, видѣвшаго Зарытый въ нынѣшнемъ селеніи *„Разрытое“* между Рославлемъ и Мглиномъ [2]), ни предположеніе Арцыбашева, помѣщавшаго его въ Рославскомъ уѣздѣ [3]), Смоленской губерніи—не выдерживаютъ критики. Наконецъ, на Деснѣ былъ еще *Трубчевскъ*, который упоминается въ лѣтописи подъ 1185, какъ удѣлъ одного изъ сѣверскихъ князей [4]).

V-я ГЛАВА.

Очеркъ внѣшней исторіи Сѣверской земли съ пол. XI в. до пол. XIII.

Святославъ Ярославичъ въ Черниговѣ (1054—1076 г.); Всеволодъ Ярославичъ (1076—1078); Владиміръ Мономахъ (1078—1094); Олегъ Святославичъ (1094—1097); Давидъ Святославичъ (1097—1123); Ярославъ Святославичъ (1123—1128); Всеволодъ Ольговичъ (1128—1140); Владиміръ Давидовичъ (1140—1151); Изяславъ Давидовичъ (1151—1158); Святославъ Ольговичъ (1158—1164); Святославъ Всеволодовичъ (1164—1178); Ярославъ Всеволодовичъ (1178—1198); Игорь Святославичъ (1198—1202); Всеволодъ Святославичъ (1202—1210); Рюрикъ Ростиславичъ (1210—1215); Глѣбъ Святославичъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Мстиславъ Глѣбовичъ, Ростиславъ Михайловичъ (1215—1245).

Въ 1054 г. Ярославъ Мудрый распредѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями; Сѣверская земля выпала на долю Святославу [5]), въ потомствѣ котораго она обособляется въ отдѣльное самостоятельное княжество. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ этнографическою единицею, которая находилась въ зависимости отъ власти чуждаго ей кіевскаго князя; теперь передъ нами политическая единица—княжество, имѣющее свою собственную княжескую вѣтвь; мѣстный князь, конечно, долженъ былъ принимать близко къ сердцу интересы своей земли; въ свою очередь и земля была расположена къ князю. Съ теченіемъ времени Сѣверская земля распалась на нѣсколько княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло свою линію князей, свой центральный городъ—

---

[1]) „Изс., зам. и лекц.“, Погодина, т. IV, стр. 244.

[2]) „Ист. гос. Рос.“, Карамз., т. II, стр. 393.

[3]) „Пов. о Рос.“, Арц., II, стр. 1046.

[4]) „Въ тоже время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ поймя со собою брата Всеволода исъ Трубецка. (Ип. лѣт. 430 стр.).

[5]) Ип. лѣт., стр. 114; П. С. Р. Л. т. I, стр. 69—70.

княжескую резиденцію. Каждая маленькая область имѣла такимъ образомъ свои, хотя и маленькіе, интересы; каждая земля представляла изъ себя въ миньятюрѣ то, что представляла вся Русская земля въ совокупности; областная самостоятельность къ половинѣ XIII в. достигаетъ полнаго развитія; достиженіе автономіи пригородами было достигнуто безъ борьбы (въ противоположность Суздальской землѣ): еще въ дотатарскую эпоху нѣкоторые пригороды (напримѣръ, Вщижъ) достигаютъ значенія княжескихъ центровъ; къ концу XIII и нач. XIV в. каждый незначительный городъ имѣетъ своего князя.

Черниговъ, какъ мы знаемъ, получилъ себѣ особаго князя, Переяславль—особаго; такимъ образомъ, Сѣверская земля распалась на 2 княжества, которыя начинаютъ жить вполнѣ самостоятельною жизнью. Оба они по своему географическому положенію должны были служить оплотомъ Руси съ юго-востока противъ степняковъ. Эта задача обусловила и ихъ историческія судьбы; но между ними была та разница, что Переяславскому княжеству было труднѣе выполнить свою задачу, потому что оно было какъ-бы передовымъ бойцемъ въ этой борьбѣ, защищая собою южныя границы Черниговскаго княжества; понятною отсюда становится фраза Владиміра Мономаха въ его „Поученіи дѣтямъ": „и сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многи бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода [1])". Главнымъ образомъ вслѣдствіе этого, не смотря на богатую природу, на выгодное положеніе при Днѣпрѣ, Переяславль не могъ добиться полнѣйшей независимости и игралъ гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ, напримѣръ, Черниговъ.

Опредѣлимъ точнѣе земли, которыя получилъ Святославъ Ярославичъ. Въ одной лѣтописи XV в. (Синод. Библ. № 349, № 227) и въ Новгор. попа Іоанна (стр. 30) сказано, что Святославъ себѣ взялъ Черниговъ и всю страну восточную до Мурома; а Всеволодъ—Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье [2]). Такимъ образомъ, Черниговское княжество Святослава заключало въ себѣ часть земли Сѣверянъ (другая часть Посулье составило Переяславское княжество), территорію Радимичей, Вятичей и княжество Муромо-Рязанское; что

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 104.

[2]) Карамз., „Ист. гос. Рос.", т. II, прим. 50.

Муромъ принадлежалъ Сѣверской землѣ, видно изъ словъ, сказанныхъ Олегомъ Святославичемъ Изяславу Владиміровичу, сыну Мономаха: „иди у волость отца своего Ростову, а то (Муромъ) есть волость отца моего"; „Олегъ же надѣяся, прибавляетъ дальше лѣтописецъ, на правду свою, яко правъ бѣ въ сѣмъ [1])". Но кромѣ этихъ земель Черниговскому княжеству, а не Переяславскому, принадлежало, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, Бѣлоозеро, потому что въ 1071 году воевода Святослава собираетъ тамъ дань [2]). Чернигову также принадлежала и Тмутаракань, куда былъ назначенъ Святославомъ его сынъ Глѣбъ [3]), котораго въ 1064 г. выгналъ Ростиславъ Владиміровичъ. Святославъ ходилъ на помощь сыну и выгналъ Ростислава изъ Тмутаракани; но этотъ послѣдній, по уходѣ Святослава, снова выгналъ Глѣба и самъ сѣлъ на его мѣсто. Этотъ Ростиславъ былъ изгой, т. е. не получилъ волости въ Русской землѣ. Какимъ образомъ это случилось? Это обстоятельство представляется темнымъ; во всѣхъ лѣтописяхъ сказано, что съ нимъ бѣжалъ Вышата, сынъ воеводы новгородскаго. На основаніи этого въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что онъ бѣжалъ изъ Новгорода (напр. въ Никон. [4]); но въ Новгородской лѣт. нѣтъ извѣстія о бѣгствѣ Ростислава изъ Новгорода; у Татищева мы находимъ разсказъ, который стоитъ въ противорѣчіи со всѣми остальными; тамъ говорится, что Ростиславу прежде данъ былъ во владѣніе Ростовъ и Суздаль; а по смерти Игоря онъ былъ переведенъ во Владиміръ-Волынскій и хотя тѣмъ (!) доволенъ былъ (?), пришедъ, взялъ Тмутаракань, а Глѣба, сына Святославова, выгналъ; съ нимъ же были Порей и Вышата, дѣти Стромилы новгородскаго; въ пользу этого послѣдняго извѣстія говорятъ слѣдующія обстоятельства: 1) по смерти его дѣти живутъ во Владимірѣ-Волынскомъ; 2) Ростиславичи питаютъ непримиримую вражду къ Ярополку Изяславичу, владѣвшему Владиміромъ-Волынскимъ. Почему Ростиславъ убѣжалъ именно въ Тмутаракань? Потому что она по своему положенію на отдаленномъ морскомъ берегу, окруженномъ разными степными народами, представляла самый

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 165.

[2]) П. С. Р. Л. т. V, стр. 143—144. (Соф. 1-я лѣт.).

[3]) Ип. лѣт., стр. 115.

[4]) Ник. лѣт., т. I, стр. 152.

удобный притонъ для подобныхъ ему князей, которымъ не было мѣста въ Русской землѣ; здѣсь онъ надѣялся собрать многочисленную и отважную дружину, съ которою могъ бы добыть себѣ волость на Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что князь этотъ былъ очень предпріимчивъ и энергиченъ: съумѣлъ сдѣлаться страшнымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей, бралъ дань съ Касоговъ и съ другихъ народовъ [1]). Грекамъ такое сосѣдство показалось очень опаснымъ, и они подослали къ нему наемнаго убійцу Котпана, который отравилъ его. Этого Ростислава лѣтописецъ изображаетъ мужемъ храбрымъ, красивымъ, милостивымъ къ убогимъ. По смерти Ростислава, граждане Тмутаракани послали въ Черниговъ просить Святослава, чтобы онъ снова отпустилъ къ нимъ на княженіе своего сына Глѣба; очевидно, что родъ черниговскихъ князей пользовался ихъ расположеніемъ. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу. Памятникомъ Глѣбова управленія здѣсь служитъ извѣстный тмутараканскій камень, на боковой сторонѣ котораго высѣчена надпись: „въ лѣто 6576 индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутараканя до Крѣчева 8054 саж. [2])“.

Сначала всѣ три брата (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ) жили мирно: вмѣстѣ ходили на полоцкаго князя въ 1067 году, взяли Минскъ, побѣдили на Немизѣ самого Всеслава и затѣмъ хитростью, преступивши крестное цѣлованіе, взяли его въ плѣнъ и засадили въ „порубъ“.

Во время нашествія Половцевъ въ 1068 г. [3]), Кіевляне изгнали Изяслава; Святославъ и Всеволодъ явились примирителями Кіевлянъ съ Изяславомъ; вдругъ въ 1073 г. Святославъ и Всеволодъ выгоняютъ Изяслава изъ Кіева. Мотивы этого изгнанія не ясны. „Въздвиже дьяволъ котору вь братьи сей Ярославличихъ. И бывши распре межи ими быста сь себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; и изниде Изяславъ ись Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ мѣсяца марта вь 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти; Всеволода бо прельсти, и глаголя: яко Изяславъ

[1]) Ип. лѣт., стр. 117; П. С. Р. Л. т. I, стр. 71.

[2]) Мус. Пушкина „О мѣст. др. тм. кн.“, см. рисунокъ.

[3]) Ип. лѣт., 121 стр.

вьстасть съ Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не впредимъ, имать насъ прогнати, и тако взострі Всеволода на Изяслава [1])“. И такъ, виновникомъ распри лѣтопись выставляетъ Святослава; очевидно, возникъ между братьями споръ о волостяхъ, а поводомъ къ нему послужилъ все тотъ же Всеславъ, который вступилъ въ переговоры съ В. княземъ, возбудившіе неудовольствіе Святослава и Всеволода. Вѣроятно, помощь Святославу оказали Кіевляне, питавшіе неудовольствіе къ Изяславу за его мщеніе и небрежность при защитѣ отъ Половцевъ, и наоборотъ расположенные къ Святославу, какъ къ побѣдителю Половцевъ при Сновскѣ. Изяславъ искалъ внѣшней помощи, но напрасно; сначала у Поляковъ, потомъ у германскаго императора Генриха IV, и, наконецъ, у его знаменитаго противника Григорія VII. Генрихъ ограничился только отправленіемъ посольства въ Кіевъ съ требованіемъ, чтобы этотъ городъ былъ возвращенъ старшему брату. Святославъ почтительно принялъ это посольство и отпустилъ его съ богатѣйшими дарами, какихъ никогда не видѣлъ нѣмецкій дворъ [2]); при этомъ лѣтописецъ вложилъ въ уста пословъ слѣдующія слова: „се нивочто же есть, се бо лежить мертво, сего суть смѣтье лучьше, мужи бо доищуть и больша сего [3])“. Къ папѣ Изяславъ отправилъ своего сына просить о заступничествѣ и принести жалобу на вѣроломство польскаго короля. Папа прислалъ двѣ грамоты; одну милостивую Изяславу, а другую укоритеньную Болеславу, котораго упрекалъ за неправильно присвоенное имущество Русскаго князя [4]). Но письма не произвели ожидаемаго дѣйствія: Болеславъ былъ въ союзѣ съ Святославомъ и въ 1076 г. молодые князья Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ ходили на помощь Полякамъ и воевали Чеховъ [5]). Но въ томъ же году умеръ Святославъ и Изяславъ явился въ предѣлахъ Руси съ вспомогательнымъ польскимъ войскомъ; какъ это Поляки рѣшились оказать помощь Изяславу? Одно только извѣстіе, находящееся у Татищева, проливаетъ нѣсколько свѣта на это событіе: здѣсь разсказывается, что Олегъ и Владиміръ во время похода своего

[1]) Ип. лѣт., 128 стр.; П. С. Р. Л. т. I, стр. 78.

[2]) Ип. лѣт., стр. 139.

[3]) Ibidem.

[4]) Hist. Rus. Mon. т I, стр. 2—3.

на помощь Болеславу, узнавъ, что послѣдній помирился съ Чехами и идетъ на пруссовъ и Поморянъ, не захотѣли туда за нимъ слѣдовать, но пошли одни на Вратислава чешскаго и заключили съ нимъ выгодный миръ, что оскорбило Поляковъ [1]). Вѣроятно, этотъ поступокъ раздражилъ Болеслава, и онъ рѣшился помочь Изяславу противъ братьевъ.

Изъ кочевниковъ Святославу, равно какъ и Всеволоду приходилось имѣть дѣло съ Торками и Половцами.

Торки жили за Печенѣгами, около нынѣшняго Славянска и сообщили тамъ свое названіе нѣсколькимъ мѣстностямъ: двѣ рѣки теперь называются Торъ и Торецъ, соляныя озера—Торскими, и самый городъ Славянскъ носилъ имя Тора; деревня Торская лежитъ въ 90 в. отъ г. Купянска при р. Жеребцѣ. Около Славянска находится Торское городище, вблизи котораго въ XVII в. былъ татарскій перелазъ и тутъ поставленъ острожекъ въ 1646 г. для оберeганья соляныхъ промысловъ. Торская дорога шла около р. Тетлѣги, подлѣ дачъ Чугуевцевъ за Сѣверскимъ Донцомъ недалеко отъ рѣчки Гнилицы [2]). Подъ 1060 годомъ 3 южно-русскіе князя, собравъ безчисленное множество воиновъ, на копяхъ и въ лодкахъ пошли на Торковъ. Торки устрашились, побѣжали и пропали, иные отъ зимы, другіе отъ голода, третьи отъ мора, и съ тѣхъ поръ уже не тревожили Русь [3]). Подъ 1061 г. мы имѣемъ извѣстіе о первомъ нападеніи Половцевъ. Противъ нихъ вышелъ Всеволодъ, но былъ побѣжденъ. Но это было только первое ихъ появленіе; дальше столкновенія дѣлаются чаще и чаще; то южно русскіе князья одерживаютъ побѣду надъ Половцами, то наоборотъ. Половцы оказываютъ громадное вліяніе на жизнь Сѣверской земли; князья главною своею задачею ставятъ ходить на „поганыхъ"; кромѣ того Половцы, равно какъ и другіе кочевники (Черные клобуки) принимаютъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Сѣверской земли, помогая однимъ князьямъ противъ другихъ; при томъ—часть, осѣвшая на сѣверянской территоріи, оказала значительное вліяніе на племенной типъ. Не даромъ лѣтописецъ разсказываетъ о различныхъ знаме-

---

[1]) Татищ. „Ист. Рос.", т. II, стр. 130.

[2]) Ак. Эксп. т. IV, стр. 273; Опис. Харьк. епархіи, т. I, стр. 314, т. III, 249—250, т. IV, стр. 62, т. V—115—118, 127, 132,

[3]) Ип. лѣт., стр. 114—115.

ніяхъ, бывшихъ въ это время: показалась на западѣ „звѣзда превелика, лучѣ имуще аки кровавѣ, всходящи съ вечера по заходѣ сольнечнемъ, и бысть за 7 дней; се же бысть не на добро. Посемъ же быша усобицѣ многы и нашествія поганыхъ на Руською землю“; не даромъ изъ рѣки Сѣтомли выволокли неводомъ дѣтище, у котораго „бяше на лицѣ сице срамнии удове, а иного нѣльзѣ казати срама ради“. Дѣйствительно, подъ 1068 г. мы находимъ извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ Половцами Святославу, Изяславу и Всеволоду. Битва произошла на р. Альтѣ и окончилась пораженіемъ русскихъ князей [1]). Послѣ побѣды Половцы разсѣялись по Русской землѣ; воевали они въ Кіевской землѣ, какъ это видно изъ требованія Кіевлянъ дать имъ оружіе противъ поганыхъ [2]), воевали, вѣроятно, и въ Переяславскомъ княжествѣ (хотя на это нѣтъ точныхъ указаній), воевали и въ Черниговскомъ возлѣ самого Чернигова [3]); въ это время Кіевляне изгнали Изяслава изъ Кіева; поэтому братья не могли дружно выйти на враговъ; вышелъ одинъ только Святославъ къ г. Сновску [4]); Святославъ одолѣлъ, хотя, по лѣтописному разсказу, у Половцевъ было 12000, а у него только 3000. Побѣда была полная: одни были избиты, другіе потонули въ рѣкѣ Снови; самъ князь половецкій былъ взятъ въ плѣнъ [5]).

Кто же былъ въ Черниговѣ въ то время, какъ Святославъ перешелъ въ Кіевъ? Можетъ быть, его сынъ Олегъ. Хотя Татищевъ и говоритъ [6]), что въ это время черниговскій столъ занималъ Всеволодъ, но извѣстіе его мы не можемъ признать достовѣрнымъ въ виду того, что оно не подтверждается ни лѣтописью,—ни какими либо другими документальными свидѣтельствами. Между тѣмъ трудно предположить, чтобы Святославъ позволилъ Всеволоду владѣть двумя уже значительными сами по себѣ княжествами; если бы это случилось, то Всеволодъ не игралъ-бы по отношенію къ нему зависимой роли. Если же

---

1) Ип. лѣт., стр. 118.
2) Ibidem, стр. 120.
3) Ibidem, стр. 121.
4) Ibidem, id.
5) Ibidem, id.
6) Тат. „Ист. Рос.“, т. II, стр. 127.

предположить, что Всеволодъ сидѣлъ только на черниговскомъ столѣ, то кто въ такомъ случаѣ былъ въ Переяславлѣ? Его сынъ? Но этого не могъ допустить болѣе сильный Святославъ. Наконецъ, мы знаемъ, что по смерти Святослава въ Черниговѣ былъ Олегъ Святославичъ, который впрочемъ очень скоро убѣжалъ оттуда въ Тмутаракань [1]).

По смерти Святослава, черниговскій столъ занимаетъ Всеволодъ, изгнавши оттуда изгоя Бориса, просидѣвшаго тамъ всего 8 дней и теперь бѣжавшаго въ Тмутаракань.

Но сыновья умершаго Святослава объявляютъ притязанія на свою вотчину. Въ Сѣверской землѣ наступаютъ усобицы. Старшій сынъ Святослава Глѣбъ княжилъ при жизни отца въ Тмутаракани; затѣмъ мы его видимъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ усмиряетъ мятежъ, поднятый какимъ-то волхвомъ [2]), и наконецъ по смерти отца погибаетъ въ какомъ-то походѣ на Заволочье [3]). Олегъ былъ посаженъ отцомъ во Владимірѣ-Волынскомъ, а Романъ въ Тмутаракани. Но по смерти Святослава, дядья вывели Олега изъ Владиміра-Волынскаго и рѣшились лишить Святославичей вотчины—Чернигова, предоставивъ только отдаленную Муромо-Рязанскую землю и Тмутаракань; но Святославичи не хотѣли примириться съ этимъ: Олегъ не ѣдетъ въ свой Муромскій удѣлъ, а бѣжитъ къ брату въ Тмутаракань; тамъ кромѣ Романа былъ еще одинъ обдѣленный князь—извѣстный уже намъ Борисъ Вячеславичъ; тутъ они надѣялись найти средство для борьбы со своими противниками—и не ошиблись въ своихъ разсчетахъ: наняли Половцевъ и пошли къ Чернигову на Всеволода. Битва произошла на р. Сожицѣ; Всеволодъ былъ разбитъ, при чемъ пали многіе знатные бояре: Иванъ Жирославичъ, Тукы, братъ Чудиновъ, Порѣй и мн. др.; это было въ 1078 году [4]). Олегъ и Романъ вошли въ Черниговъ, а Всеволодъ удалился къ Изяславу за помощью въ Кіевъ. Изяславъ утѣшалъ его въ бѣдствіи, напоминалъ про собственное свое изгнаніе и обѣщалъ ему сложить за него голову [5]). Дѣйствительно вскорѣ онъ велѣлъ собирать

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 140; П. С. Р. Л. т. I, стр. 85.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 77—78.

[3]) Ibidem, стр. 85.

[4]) Ип. лѣт., стр. 140.

[5]) Аще будеть нама причастье въ Русской землѣ, то обѣма, аще лишена будевѣ, то обѣма; аз сложу главу свою за тя; Ип. лѣт., стр. 140.

воиновъ отъ мала до велика и вмѣстѣ съ сыномъ Ярополкомъ, Всеволодомъ и его сыномъ Владиміромъ Мономахомъ осадилъ Черниговъ, граждане котораго, очевидно, были преданы своей княжеской линіи Святославичей, ибо мужественно оборонялись, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ. Владиміръ Мономахъ взялъ ворота, а за тѣмъ *„окольный“* городъ; но, услышавъ о приближеніи Олега и Бориса, Изяславъ и Всеволодъ вышли къ нимъ на встрѣчу. Въ виду неравныхъ силъ Олегъ хотѣлъ было уклониться отъ битвы, но пылкій Борисъ рѣшился выйти даже съ одною своею дружиною; тогда и Олегъ присоединился къ нему; битва произошла на Нежатиной Нивѣ; Борисъ и Изяславъ пали въ этой битвѣ; Олегъ съ остатками своей дружины бѣжалъ въ Тмутаракань [1]); Всеволодъ сѣлъ на кіевскомъ столѣ „переемъ, какъ говоритъ лѣтопись, всю землю Русскую [2])“.

Такъ неудачно кончилась для Святославичей первая попытка добыть себѣ свою вотчину. Теперь Всеволодъ остался старшимъ княземъ на Руси; въ Черниговѣ былъ посаженъ его сынъ Владиміръ Мономахъ; Переяславское княжество, конечно, тоже находилось во владѣніи его самого или его рода. Щедро были награждены также и сыновья Изяслава: Ярополку Изяславичу была отдана область Волынская, а Святополку—Новгородская [3]). Но оставались обдѣленными еще многіе князья: прежде всего Святославичи, Олегъ и Романъ, за тѣмъ Давидъ Игоревичъ и три сына умершаго Ростислава Тмутараканскаго: Рюрикъ, Василько и Володарь.

Не смотря на свою неудачу, Святославичи снова дѣлаютъ попытку добыть себѣ свою вотчину; такъ, въ слѣдующемъ 1079 г. Романъ Святославичъ изъ Тмутаракани съ вспомогательными половецкими отрядами ходилъ на Всеволода къ Войню; но Всеволодъ, ставъ у Переяславля, заключилъ съ Половцами миръ, такъ что Романъ долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ; на дорогѣ Половцы, вѣроятно, подговоренные Всеволодомъ, убили его. Тогда же Всеволодъ избавился, хотя и не навсегда, отъ другого опаснаго соперника, отъ Олега Святославича, котораго Хозаре заточили за море къ Царьграду [4]); лѣтопись

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 140—141; П. С. Р. Л. т. I, стр. 86.

[2]) Ип. лѣт., стр. 143.

[3]) Ibidem, id.

[4]) Ibidem, id.

не говоритъ точно, куда его заточили; но этотъ пропускъ восполняетъ намъ Даніилъ Паломникъ, который въ своемъ „Хожденіи", говоритъ, что Олега заточили на островъ Родосъ. Результатомъ побѣды Всеволода Ярославича надъ Святославичами явилось то, что въ Тмутаракани, которая принадлежала, какъ извѣстно, Черниговскому княжеству (тамъ въ послѣднее время княжилъ сынъ Святослава Романъ), былъ теперь посаженъ посадникъ Всеволода Ратиборъ [1]). Но власть Всеволода въ отдаленной Тмутаракани не могла долго продержаться. Изгои Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ пришли къ Тмутаракани и свергнули Всеволодова посадника и сами усѣлись въ ней, но не надолго, потому что туда пришелъ князь, имѣвшій право на Тмутаракань, какъ на свою отчину; это былъ Олегъ Святославичъ, воротившійся изъ своего плѣна, изгнавшій Давида и Володаря и наказавшій Хозаръ („изсѣче"), которые совѣтовали убить его брата и заточить его самого [2]).

Итакъ, мы видимъ, что при Всеволодѣ Черниговское княжество было ареною княжескихъ междуусобій; Переяславское же испытывало нападенія со стороны кочевниковъ. Такъ въ 1080 г. „заратишася" переяславскіе Торки; Всеволодъ на нихъ послалъ своего сына Владиміра, который и побѣдилъ ихъ [3]). Подъ 1092 г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что „рать велика бяше отъ Половецъ отъ всюду", что они взяли три города, Посѣченъ, Прилукъ, Переволокъ и много селъ повоевали [4])". Много помощи оказывалъ Всеволоду въ борьбѣ съ кочевниками его сынъ Владиміръ Мономахъ; но все таки мы видимъ, что Половцы въ это время берутъ русскіе города. Муромская земля подвергалась опасности отъ другихъ сосѣдей: въ 1088 году Муромъ взяли Болгаре [5]). Изъ внутренней дѣятельности Всеволода обращаетъ на себя главнымъ образомъ наше вниманіе постройка и освященіе храмовъ. Такъ въ Переяславлѣ была освящена церковь св. Михаила переяславскимъ епископомъ Ефремомъ, который сдѣлалъ къ ней большую пристройку и снабдилъ всевозможными украшеніями и церковными сосудами.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 143; П. С. Р. Л. т. I, стр. 87.

[2]) Ип. лѣт., стр. 143—144; П. С. Р. Л. т. I, стр. 88.

[3]) Ип. лѣт., стр. 143.

[4]) Ibidem, стр. 150; П. С. Р. Л. т. I, стр. 92.

[5]) Ип. лѣт., стр. 145.

Что же дѣлалъ Владиміръ Мономахъ въ Черниговѣ при жизни и по смерти отца? Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ своемъ „Завѣщаніи дѣтямъ". „А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь, говоритъ онъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Рови ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣже кони дикіѣ. Тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже... Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь силнымъ обидѣти и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ [1]". Итакъ Владиміръ въ Черниговѣ занимался войною, охотою и защитою слабыхъ, т. е. всѣмъ тѣмъ, чѣмъ, по понятіямъ тогдашнихъ людей, долженъ былъ заниматься князь. Война, конечно, была главнымъ занятіемъ. Больше всего приходилось бороться съ Половцами. „А на ту зиму, говоритъ Мономахъ, повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъимахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша; и назаутреѣ за Новымъ-Городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь отяхомъ [2]". За тѣмъ двѣ зимы спустя „томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша [3]". „И на весну, разсказываетъ дальше Мономахъ, посади мя отець въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; толко Семзю яша единого живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ болѣ избиша и изъимаша,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 104—105.

[2]) Ibidem, стр. 103.

[3]) Ibidem.

и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи и заутра, на Госпожинъ день, идохомъ къ Бѣлѣ вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица; избиша 900 Половець, и два князя яша: Багубарсова брата Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста; и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ [1])". Изъ Чернигова въ Переяславль Мономаху пришлось ѣхать „сквозѣ полкы Половьчскіѣ не въ 100 дружинѣ и съ дѣтми и съ женами"; Половцы же въ это время „облизахутся акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ [2])". Вмѣстѣ съ тѣмъ были постоянныя столкновенія съ сосѣдями. То Мономахъ съ отцемъ дѣлаютъ нападенія на полоцкаго князя Всеслава, то, наоборотъ, этотъ послѣдній производитъ опустошительный набѣгъ на владѣнія Всеволодичей.

Еще и по смерти отца Мономахъ нѣкоторое время сидѣлъ въ Черниговѣ (съ 1093—1094 г.); но въ 1094 г. Олегъ Святославичъ изъ Тмутаракани съ Половцами подступилъ къ Чернигову. Мономахъ сначала было затворился въ городѣ, но когда Олегъ сталъ жечь вокругъ города монастыри и села, ушелъ въ свою отчину Переяславль. „И потомъ, говоритъ Мономахъ въ своемъ „Завѣщаніи", Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу греблю, и не вдадуче имъ въ острогъ; сжаливъ си хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и манастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ"; и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю". Олегъ Святославичъ занялъ черниговскій столъ. Курскомъ теперь владѣетъ Изяславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. Очевидно въ это время Курскъ *былъ захваченъ* Мономаховичами, потому что, по своему географическому положенію, въ качествѣ украиннаго города Посемья, онъ тянулъ къ Черниговской области. Но, не довольствуясь захватомъ Курска, Изяславъ Владиміровичъ Мономашичъ попытался овладѣть и другою волостью черниговскихъ князей—Муромомъ, выгнавши оттуда Олеговыхъ намѣстниковъ [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 103.

[2]) Ibidem, стр. 104.

[3]) Ibidem, стр. 98; Ип. лѣт.. стр. 160.

Это, конечно, должно было поселить между Ольговичами и Мономаховичами вражду, которую еще больше усилило нежеланіе Олега идти противъ Половцевъ. Это нежеланіе представляется намъ вполнѣ естественнымъ; Олегъ былъ уже наученъ горькимъ опытомъ: безъ всякаго повода съ своей стороны лишенъ вотчины. Сколько усилій онъ долженъ былъ употребить, прежде чѣмъ возвратилъ ее! Даже—посидѣть въ заключеніи на островѣ Родосѣ! Всеволодъ, безъ всякаго сомнѣнія, игралъ въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль; по крайней мѣрѣ, его участіе въ убійствѣ брата Олегова, Романа, несомнѣнно. Кто же лишилъ Олега удѣла? Его родственники—русскіе князья, главнымъ образомъ, Всеволодъ съ сыномъ Мономахомъ. Кто помогъ ему вернуть свою отчину? Половцы. Теперь ему предлагаютъ люди, которымъ онъ не вѣритъ, которые готовы при первой возможности оттягать у него часть или даже всю волость, пойти противъ его друзей—Половцевъ. Отъ кого же тогда ждать ему помощи? И онъ хитритъ, не хочетъ раздразнить ни одной, ни другой стороны, не хочетъ вмѣстѣ съ Святополкомъ и Мономахомъ идти на Половцевъ (послѣ убіенія Итларя и Китона). Конечно, это должно было ухудшить и безъ того недружелюбныя отношенія. „Начаста гнѣватися на Олга, яко не шедшю ему на поганыя съ ними [1]“. Святополкъ и Владиміръ потребовали у него или выдачи сына убитаго Итларя или его смерти; Олегъ и въ этомъ отказалъ. Непріязненныя отношенія усилились еще болѣе [2]). Но князья все таки не оставляютъ его въ покоѣ; они зовутъ его на съѣздъ изъ епископовъ, игумновъ, горожанъ, который долженъ былъ указать средство защиты противъ „поганыхъ“ [3]). Олегъ, конечно, видѣлъ въ этомъ приглашеніи только ковы, думалъ, что въ Кіевѣ произведутъ надъ нимъ судъ; особенно непріятно должно было подѣйствовать на него присутствіе на этомъ съѣздѣ епископовъ и гражданъ, ибо онъ зналъ, что и первые, и вторые неособенно его любятъ за опустошеніе страны; вотъ почему онъ такъ гордо и рѣзко отвѣчаетъ князьямъ: „не пристало меня судить ни епископамъ, ни чернецамъ, ни смердамъ [4]“. Тогда

---

[1]) „Святополкъ же и Володимеръ посласта ко Олгови, веляча ему ити съ нима, и пошедъ, не иде съ нима въ путь единъ“. (Ип. лѣт. 159 стр.).

[2]) „Олегъ же сего не послуша и бысть межи ими ненависть“. Ibidem.

[3]) Ibidem, стр. 160.

[4]) Ibidem.

Святополкъ и Мономахъ, видя его нежеланіе дѣйствовать съ ними за одно противъ „поганыхъ", рѣшаются выгнать его изъ Чернигова [1]). Такъ представляетъ дѣло лѣтописецъ; но не слѣдуетъ забывать, что это пишетъ кіевлянинъ, который не любитъ Святославичей вообще, а наиболѣе Олега Гориславича, при которомъ начали сѣяться и рости усобицы; не слѣдуетъ забывать, что за годъ (или даже меньше) передъ этимъ у Олега одинъ изъ сыновей Мономаха, Изяславъ, отнялъ Муромъ; не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что главная характеристическая черта Мономаха—это желаніе набрать какъ можно больше волостей въ пользу своего рода; если мы примемъ все это во вниманіе, то увидимъ, что Мономахомъ въ этомъ случаѣ руководили не одни только возвышенныя цѣли, но и цѣли болѣе низменныя, эгоистическія. Олегъ, узнавъ о приближеніи Святополка и Мономаха, бѣжалъ изъ Чернигова; но Святополкъ и Мономахъ пошли за нимъ дальше. Олегъ добѣжалъ до Стародуба [2]) и тамъ затворился. Братья обложили городъ и стали его осаждать; Стародубцы храбро защищались; съ обѣихъ сторонъ многіе были ранены; наконецъ, послѣ тридцатитрехдневной осады Олегъ попросилъ мира [3]); съ нимъ помирились съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ пошелъ къ своему брату Давиду къ Смоленску и за тѣмъ оба они явились въ Кіевъ на съѣздъ. Олегъ вышелъ изъ Стародуба и пошелъ къ Смоленску [4]), гдѣ взялъ у своего брата вспомога-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 160

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, стр. 160—161.

[4]) Смолняне, по извѣстію лѣтописи, *его не приняли*; какъ понимать это извѣстіе? Значитъ Олегъ хотѣлъ захватить Смоленскъ? Но тамъ тогда княжилъ его братъ. Вслѣдъ за этимъ въ лѣтописи помѣщены два вставочные эпизода: о нашествіи на Русь половецкаго хана Тугоркана и о людяхъ, заклепленныхъ Александромъ Македонскимъ; и только послѣ нихъ разсказъ объ Олегѣ снова продолжается; но начало его есть какъ бы повтореніе конца предъидущаго отрывка. Приведемъ для ясности оба мѣста: 1) „Олегъ же выде исо Стародуба вонъ и прииде къ Смоленску, и не прияша его Смоляне и иде къ Рязаню". 2) „Ольговѣ обѣщавшуся ити къ брату своему Давыдови къ Смоленьску, и приити съ братомъ Киеву и обрядъ положити, и не восхотѣ сего Олегъ сътворити; онъ пришедъ къ Смоленьску и поемъ воя, и поиде Мурому, у Муромѣ тогда сущю Изя-

тельный отрядъ и пошелъ противъ сына Мономахова Изяслава, захватившаго волость Олега—Муромъ. Изяславъ, узнавъ о приближеніи Олега, сталъ въ свою очередь собирать дружину въ Ростовѣ, Суздалѣ, Бѣлоозерѣ. Олегъ, подойдя къ Мурому, послалъ сказать Изяславу: „иди въ волость своего отца—Ростовъ; Муромъ же—моя вотчина; въ немъ я хочу „порядъ положити“ съ твоимъ отцемъ, такъ-какъ изъ Чернигова онъ меня выгналъ“. Но Изяславъ, надѣясь на многочисленность своихъ воевъ, не послушалъ его; „Олегъ же, говоритъ лѣтописецъ, надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ въ семъ, и поиде къ городу съ вои“; дружина Изяслава была разбита и разбѣжалась, самъ онъ былъ убитъ [1]). Отвоевавъ Муромъ, Олегъ не остановился на этомъ и сталъ воевать Ростово-Суздальскую землю; Суздальцы сдались ему; однихъ изъ нихъ онъ забралъ въ плѣнъ, другихъ расточилъ и забралъ себѣ ихъ имѣніе; такъ же поступилъ и съ Ростовцами; вся Муромская и Ростовская земля очутилась въ его власти; здѣсь онъ посажалъ своихъ посадниковъ и началъ брать дани. Мстиславъ Владиміровичъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, послалъ сказать ему: „иди въ свой Муромъ, а въ чужой волости не сиди; я помирю тебя со своимъ отцемъ“; но Олегъ не хотѣлъ и слушать о мирѣ, разсчитывая овладѣть теперь и Новгородомъ. Тогда Мстиславъ рѣшился пойти противъ своего дяди, и напередъ послалъ Добрыню Рагуиловича, который перехваталъ Ольговыхъ посадниковъ; объ этомъ увѣдомилъ Олега его младшій братъ Ярославъ, стоявшій на сторожѣ. Узнавъ объ этомъ, Олегъ отступилъ къ Ростову; Мстиславъ все таки шелъ за нимъ; тогда Олегъ перешелъ изъ Ростова въ Суздаль и, узнавъ, что Мстиславъ идетъ за нимъ и къ Суздалю, велѣлъ сжечь городъ, а самъ удалился въ Муромъ. Отнимать чужой волости Мстиславъ не хотѣлъ и послалъ къ Олегу съ мирными предложеніями; „я моложе тебя, говорилъ онъ Олегу: поэтому ты ссылайся съ моимъ отцемъ, а теперь только возврати захваченную дружину“. Олегъ не отклонилъ мирныхъ предложеній, но сдѣлалъ это „лестью“ (притворно), ожидая того момента, когда Мстиславъ

славу“. Сравнивши оба извѣстія, мы видимъ, что они представляютъ собою варіантъ одного и того же событія; но авторъ лѣтописи счелъ ихъ за событія разныя и поставилъ въ хронологической послѣдовательности.

[1]) Ип. лѣт., стр. 164—165.

распуститъ свою дружину; дѣйствительно, дождавшись этого, онъ появился внезапно на Клязьмѣ, думая, что Мстиславъ, застигнутый врасплохъ, обратится въ бѣгство, но ошибся въ разсчетѣ; ко Мстиславу въ теченіи перваго и второго дня собралась новгородская, суздальская и бѣлозерская дружина; 4 дня оба ополченія стояли другъ противъ друга, не рѣшаясь сдѣлать перваго нападенія. Въ это время къ Мстиславу пришелъ на помощь его братъ Вячеславъ туровскій; произошла битва, въ которой побѣдителемъ остался Мстиславъ; Олегъ съ Ярославомъ убѣжали въ Муромъ, затворилъ въ Муромѣ Ярослава, а самъ побѣжалъ въ Рязань; на этотъ разъ Мстиславъ рѣшился пойти въ волость своего противника; подошелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ муромцами, забралъ здѣсь своихъ ростовцевъ и суздальцевъ, выведенныхъ Олегомъ; направился къ Рязани, заключилъ съ рязанцами и Олегомъ миръ и удалился добровольно изъ Муромо-Рязанской земли сначала въ Суздальскую, а потомъ въ Новгородъ [1]).

Это первое столкновеніе Ольговичей съ Мономаховичами интересно, между прочимъ, еще и потому, что вызвало литературный памятникъ: „Письмо Мономаха къ Олегу“. Приведемъ его въ очень краснорѣчивомъ переложеніи на русскій языкъ Карамзина. „Долго печальное сердце мое боролось съ закономъ христіанина, обязаннаго прощать и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга; но самые умные дѣды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ христовымъ, возставали на кровныхъ. Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ, который молитъ меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ-ли въ самомъ дѣлѣ отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, мы, тлѣнныя созданія? Нынѣ въ чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство! Вспомнимъ, братъ мой, отцовъ своихъ: что они взяли съ собою кромѣ добродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ о немъ; не пожалѣлъ о слезахъ отца и матери, не хотѣлъ написать ко мнѣ письма утѣшительнаго, не хотѣлъ прислать бѣдной невинной

---

1) Ип. лѣт., стр. 166—167.

снохи, чтобы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не видавъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней..... Ради Бога, отпусти несчастную, да сѣтуетъ, какъ горлица въ домѣ моемъ, а меня утѣшитъ Отецъ Небесный. Не укоряю тебя безвременною кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ, онъ искалъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и въ печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова, и тогда же примирился со мною. Разсуди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому, или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если захочешь успокоить мое сердце, и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ всякого лукавства: то возмешь добрымъ порядкомъ область свою, обратишь къ себѣ наше сердце и будемъ жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хотѣлъ крови твоей у Стародуба (гдѣ Святополкъ и Мономахъ осаждали сего князя): но дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка). Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли умертвить ихъ? твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра отечеству и братьямъ. Да лишится навѣки мира душевнаго, кто не желаетъ изъ васъ мира христіанамъ! Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такимъ образомъ, но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе [1])". Письмо это не произвело ожидаемаго результата, такъ какъ Олегъ, хотя и помирился съ Мстиславомъ, но сдѣлалъ это „лестью" (притворно); онъ прекрасно понималъ, что все письмо есть наборъ краснорѣчивыхъ фразъ—и только; не могъ, напримѣръ, онъ никоимъ образомъ повѣрить, чтобы Мономахъ выгналъ его изъ Чернигова по совѣту Святополка, а не по собственному желанію.

На этомъ междуусобія пока прекратились: князья въ слѣдующемъ 1097 г. съѣхались на съѣздъ въ черниговскій городъ Любечъ. Сюда собрались главные русскіе князья: Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Святославичи, Давидъ и

---

[1]) Карамзинъ „Ист. гос Рос.", т. II, стр. 132—134; подлинникъ въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 105—106.

Олегъ, и порѣшили, чтобы каждый держалъ свою отчину; такимъ образомъ, по постановленію Любецкаго съѣзда, Святополкъ получилъ Кіевскую землю, Мономахъ—Переяславское княжество и Ростово-Суздальскую землю, *Святославичи (Давидъ, Олегъ и Ярославъ)*—Сѣверскую землю въ полномъ ея объемѣ, т. е. съ владѣніями муромо-рязанскими: Давидъ получилъ Черниговское княжество въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]), Олегъ—Новгородъ-Сѣверское и Ярославъ—Муромо-Рязанское. Еще раньше Сѣверская земля раздѣлилась на 2 княжества: Переяславское и Черниговское. Къ этому послѣднему тянетъ и земля Муромо-Рязанская; теперь Черниговское княжество раздѣлилось на Черниговское въ собственномъ смыслѣ съ главнымъ городомъ Черниговомъ, и Новгородъ-Сѣверское съ главнымъ городомъ Новгородъ-Сѣверскомъ. Муромо-Рязанское также обособляется въ семействѣ Ярослава Святославича. На дальнѣйшую судьбу этихъ княжествъ будутъ имѣть значительное вліяніе географическіе и этнографическіе моменты. Переяславское княжество, въ силу своего близкаго сосѣдства съ степняками-кочевниками, никогда не достигнетъ той особности, земельной самостоятельности, какой достигло даже Черниговское княжество; близкое сосѣдство съ кіевскими землями обратитъ его въ ступень къ Кіевскому княжеству: выработается обычай, по которому всякій домогающійся кіевскаго стола, долженъ будетъ непосредственно передъ тѣмъ княжить въ Переяславлѣ. Однимъ словомъ, съ этого времени судьбы Переяславскаго княжества тѣсно связаны съ судьбами Кіевскаго; связь его съ остальною Сѣверскою землею прекращается; поэтому намъ теперь придется гораздо меньше останавливаться на его судьбахъ, чѣмъ прежде. Муромо-Рязанскія земли тоже, какъ мы сказали выше, обособляются, не теряя впрочемъ своей связи съ Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ княжествами; но потомъ, въ силу смѣшаннаго этнографическаго элемента, вошедшаго въ ихъ составъ (Кривицкаго и Вятицкаго) и въ силу своего близкаго сосѣдства съ землею Ростово-Суздальской, они входятъ въ болѣе тѣсную связь съ Русью сѣверо-восточною, чѣмъ Русью южною; остается такимъ образомъ неизмѣннымъ ядро сѣверянскаго племени—Сѣверяне Подесенскіе, которые никогда не теряютъ крѣпкой постоянной связи между собою.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 179. „И изиде Сьятоша изъ города и прииде къ отцю своему Чернигову“.

Будучи княземъ черниговскимъ, Давидъ по своему кроткому характеру находился въ послушаніи у своихъ двоюродныхъ братьевъ Святополка и Владиміра: посылалъ сына своего Святошу на Давида Игоревича, ослѣпившаго Василька [1]), принималъ участіе на съѣздѣ князей въ *Увѣтичахъ* [2]) (1100 г.), ходилъ съ братьями на Половцевъ въ 1103, 1110 и 1111 годахъ [3]), ходилъ по порученію Мономаха на Глѣба полоцкаго, который сталъ воевать Дреговичей, на Ярослава Святополчича (въ 1117 г.); въ 1115 году участвовалъ въ перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба [4]).

О нравственныхъ кочествахъ Давида Святославича сохранилось слѣдующее извѣстіе въ одномъ духовномъ словѣ, сказанномъ въ день св. Бориса и Глѣба: „Скажю вы притчю... не въ чюжѣ странѣ бывшю: Давидъ Святославичъ ни съ кѣмъ не имѣаше вражды; аще кто нань рать воздвигнеть, онъ же покореніемъ своимъ рать уставляше; княжаше въ Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старѣй братьи своей. Аще кто кривду створяше къ нему отъ братьи, онъ же все на себѣ примиряше; кому крестъ цѣловаше, въ весь животъ свой неотступаше; аще кто къ нему неисправляше цѣлованія, онъ однако исправи, никого приобидѣ, ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княженіе его [5])".

О дѣятельности Олега въ Новгородъ-Сѣверскѣ мы имѣемъ еще меньше свѣдѣній. Можно только сказать, что Олегъ вслѣдствіе своего независимаго характера обнаружилъ болѣе самостоятельности по отношенію къ своимъ двоюроднымъ братьямъ. Такъ онъ иногда уклоняется

---

[1]) Ип. лѣт. подъ 1097 г. стр. 177.

[2]) Ibidem, стр. 180.

[3]) При чемъ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ 1111 г. находимъ любопытное выраженіе: „посласта (Святополкъ и Владиміръ) по Давида *велячи* ему съ собою".

[4]) Съвъкупишася братья Русции князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославлиць, и Олегъ братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну на похвалу и честь телесема ею и на положеніе". Ип. лѣт., стр. 201.

[5]) Отрывокъ этотъ приведенъ въ „Древ. Рус. Ист.", Погодина. стр. 363, I.

отъ походовъ на Половцевъ. Въ походѣ 1103 г., которому придавали большое значеніе, онъ не принялъ участія. „Посласта къ Давидови и къ Олгови, глаголюща: „поидита на Половцї, а любо будемъ живы, любо мертви“; Давидъ же послуша сего, а Олегъ не послуша сего, вину река, я не здоровлю“. Обративши вниманіе, въ какихъ походахъ онъ принималъ участіе, можно сдѣлать такой выводъ, что онъ велъ противъ Половцевъ только оборонительную войну, но не наступательную: принявъ участіе въ оборонительныхъ войнахъ съ Половцами 1107 и 1113 год., онъ отказался отъ участія въ наступательныхъ походахъ 1103 и 1111 гг. Вообще отношенія Олега къ Половцамъ крайне интересны: ему повидимому удалось войти въ тѣсную дружбу съ нѣкоторыми половецкими ханами; необходимость союза съ кочевниками вытекала для него изъ недружелюбныхъ отношеній къ братьямъ; на союзъ же съ Половцами указываютъ многія лѣтописныя извѣстія. Разсказывая объ отнятіи Олегомъ Чернигова у Мономаха, лѣтописецъ говоритъ [1]): „Се уже третіе наведе Олегъ поганыя на Русскую землю; его же грѣха, дабы и Богъ простилъ, понеже много христіанъ изъгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землямъ“. Въ 1107 г. Олегъ беретъ въ жены сыну своему невѣсту изъ земли Половецкой, дочь Акаспида, внуку Яневу. Впрочемъ, во внутреннихъ дѣлахъ Олегъ принималъ послѣ Любецкаго съѣзда довольно дѣятельное участіе: въ дѣлѣ объ ослѣпленіи Василька [2]), въ Увѣтицкомъ съѣздѣ, гдѣ Давидъ и Олегъ даютъ Давиду Игоревичу вдвоемъ 200 гривенъ, между тѣмъ, какъ Мономахъ самъ даетъ 200 гривенъ [3]), въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба [4]). Умеръ Олегъ Святославичъ въ 1115 году и погребенъ въ Черниговѣ у гроба своего отца [5]). Вотъ и всѣ скудныя извѣстія, которыя мы можемъ извлечь изъ лѣтописи о княженіи Олега Святославича въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

О Муромо-Рязанской землѣ, гдѣ княжилъ самый младшій Святославичъ, мы не имѣемъ даже и такихъ извѣстій; тамъ въ это время финскій элементъ проникается мало-помалу славянскимъ; Ярославъ

[1]) Ип. лѣт., стр. 158.
[2]) Ibidem, стр. 179.
[3]) Ibidem, стр. 180.
[4]) Ibidem, стр. 202.
[5]) Ibidem, стр. 203.

Святославичъ интенсивно распространяетъ христіанство и строитъ города для защиты славянскихъ поселеній. Вообще, княженіе трехъ Святославичей послѣ Любецкаго съѣзда не богато событіями.

Больше всего имѣютъ значенія походы на Половцевъ. Въ это время началась интенсивная борьба между русскими князьями и Половцами; роль иниціатора въ ней играетъ Мономахъ; теперь князья уже не довольствуются отраженіемъ „поганыхъ", но предпринимаютъ самые отдаленные походы вглубь ихъ страны. Наступательные походы русскихъ на Половцевъ въ XI в. не отличались смѣлостію и ограничивались защитою собственныхъ пограничныхъ укрѣпленій; только въ это время, именно въ 1103 г. князья первый разъ „умыслиша дерзнути пойти въ землю ихъ". Въ этомъ походѣ принимало участіе большинство русскихъ князей: Мономахъ, Святополкъ, Давидъ Святославичъ, Давидъ Всеславичъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володиміричъ; Олегъ Святославичъ уклонился. Войска пошли внизъ по Днѣпру—одни берегомъ, а другія въ лодкахъ—прошли пороги и „сташа въ протолчехъ въ Хортичемъ островѣ", затѣмъ прошли пѣшкомъ въ полѣ 4 дня и встрѣтили тамъ Половцевъ, надъ которыми одержали побѣду, о которой краснорѣчиво разсказываетъ лѣтописецъ. „И поидоша полци Половецстии аки борове и не бѣ перезрити; и Русь поидоша противъ имъ. И великій Богъ вложи въ жалость велику и Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русьскихъ вой, и дрѣмаху самѣ и конемъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ, Русь же съ весельемъ на конихъ и пѣши потекоша къ нимъ. Половци же видѣвше устремленье Руское на ся, не доступивше побѣгоша передъ Рускими князи; наши же погнаша, сѣкуще я въ 4 мѣсяца апрѣля". Въ этой битвѣ погибло 20 половецкихъ хановъ; русскіе князья взяли большую добычу: овецъ, коней, верблюдовъ, палатки съ имуществомъ и невольниками [1]). Въ этомъ разсказѣ обращаетъ на себя наше вниманіе религіозный оттѣнокъ, который въ разсказѣ о походѣ 1111 года дѣлается еще замѣтнѣе; очевидно, что начинаютъ смотрѣть на борьбу съ Половцами, какъ на религіозную задачу; начало XII в., какъ извѣстно, совпадаетъ съ эпохой крестовыхъ походовъ въ западной Европѣ; такимъ образомъ, походы на Половцевъ могутъ быть такими же крестовыми походами на

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 183—185; П. С. Р. Л. т. I, стр. 118—119.

невѣрныхъ или, какъ еще сильнѣе говоритъ наша лѣтопись „поганыхъ“, какъ походы для освобожденія гроба Господня. Обратимся теперь къ походу 1111 года, въ которомъ еще болѣе религіознаго элемента, и который, кромѣ того, представляетъ нѣкоторыя данныя для славянско-сѣверянскихъ разселеній. Этотъ походъ, окончившійся такъ удачно для русскихъ князей, былъ предпринятъ благодаря энергіи Мономаха, который убѣдилъ в. к. кіевскаго Святополка предпринять весенній походъ, не смотря на противодѣйствіе дружины и своей собственной, и Святополковой, говорившей что онъ „хощеть погубити смерды и ролью смердомъ [1])“. Ему хотѣлось, вѣроятно, застать рано и врасплохъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи, на Калміусъ, Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли *лѣтовища*, а на зиму шли обратно [2]). Князья отправились изъ Переяславля во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26 февраля; шли они обыкновенною дорогой, которой ходили тогда Половцы на Переяславль. Такимъ образомъ, они прежде всего подошли къ рѣкѣ Супою черезъ Воинъ [3]), который составляетъ первую станцію по пути половецкому [4]); переправившись черезъ Супой, князья 3-го марта въ пятницу на 3-й недѣлѣ пришли на Сулу; слѣдовательно въ 5 дней сдѣлали 138 верстъ (отъ Супоя до Сулы около 108 вер.); въ субботу 4 марта пришли на р. Хоролъ и, такъ-какъ снѣгъ сталъ таять, побросали сани. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи („въ субботу же быша на Хоролѣ, а въ недѣлю крестную выидоша на поле и сташа на р. Голтѣ [5])“, можно думать, что

---

[1]) На это онъ сдѣлалъ такое возраженіе: „се дивно мий брате, оже смердовъ жалуете и коней, а сего не помышляюще оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхав Половченъ ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадь ту, и жену его, и дѣти его, и гумно его зажжеть, то о семъ чему не мыслите?“ Ип. лѣт., стр. 191.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 174.

[3]) Теперь село Войницы въ 11 вер. отъ Переяслава.

[4]) Въ походѣ 1110 г. князья, дойдя до Воина, вернулись назадъ, потому что путь былъ плохой. П. С. Р. Л. т. I, стр. 121; Ип. лѣт., стр. 188.

[5]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 21.

здѣсь была въ то время граница Переяславскаго княжества; въ воскресенье, 5-го марта, они пришли на Пселъ, а оттуда на Голту; здѣсь они подождали остальную дружину, и затѣмъ во вторникъ на 4-й недѣлѣ поста, 7-го марта, подошли къ Ворсклѣ. Такимъ образомъ, отъ Переяслава до Полтавы на р. Ворсклѣ шли 10 дней и прошли по разсчету, сдѣланному г. Аристовымъ, 264 версты, т е., въ день по 26 верстъ. Въ среду 4-ой недѣли великаго поста князья вышли съ Ворсклы и прошли много рѣкъ; затѣмъ до Шаруканя, который лѣтопись помѣщаетъ на Дону, они шли 7 дней и прибыли туда во вторникъ на 5-ой недѣлѣ поста, 14-го марта [1]). Походъ въ степи, конечно, долженъ былъ совершаться медленнѣе, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ, пѣшему войску необходимы были остановки; очевидно, слѣдовательно, что князья не могли сдѣлать болѣе 150 вер.; но если они прошли только такое разстояніе, то они никоимъ образомъ не могли достигнуть Дона, который въ своемъ нижнемъ теченіи отклоняется слишкомъ далеко на востокъ; итакъ, подъ лѣтописнымъ Дономъ мы должны разумѣть Сѣверскій Донецъ. Обыкновенно принимаютъ, что г. Шарукань лежалъ на Донцѣ; но нужно думать, что онъ лежалъ въ недалекомъ отъ него разстояніи, такъ какъ въ Воскр. лѣт. прямо сказано: „во вторникъ же оболкшеся во брани, подоша съ Донови, полки изрядивше ко граду Шаруканю [2])“. Гдѣ же находился Шарукань? Опредѣлить его положеніе очень трудно. Вообще отгадывать положеніе городовъ по географическимъ названіямъ довольно трудно; но эта трудность усугубляется, когда идетъ дѣло о Половецкой землѣ, гдѣ племена постоянно смѣняли другъ друга; мало того: у самихъ Половцевъ одно и то же мѣсто носило въ разныя времена различныя названія, потому что мѣстности получили свои названія отъ именъ хановъ—князей или

---

[1]) Насчетъ этого факта существуетъ въ лѣтописяхъ разногласіе; въ нѣкоторыхъ спискахъ князья приходятъ во вторникъ на 5 недѣлѣ поста (Воскр. лѣт., стр. 22), въ другихъ—во вторникъ на 6-й недѣлѣ поста (Ип. лѣт., стр. 192). Нужно принять первую редакцію, потому что вторая сама себѣ противорѣчитъ: вторникъ 6-й недѣли приходится на 21 марта; къ Шаруканю подошли въ воскресеніе, слѣдовательно 26 марта, между тѣмъ какъ 24 марта произошла битва съ Половцами, послѣ взятія Шаруканя и Сугрова.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 22.

родоначальниковъ; и это понятно: у Половцевъ господствовалъ родовой бытъ; племена назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каспичи, Бастѣева Чадь, Чоргова Чадь; поэтому и имена городовъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ. Городъ *Шаруканъ* тоже носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ назывался градомъ *Осеневымъ* или *Асеневымъ* отъ половецкаго хана Асана (Асеня, Осеня, Асина), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ и потомъ женилъ на его внучкѣ своего сына Георгія; за тѣмъ, по смерди Асана (1082 г.), его городъ сталъ называться *Шаруканемъ*, по имени хана Шарука, который едва не попалъ въ плѣнъ къ русскимъ въ 1107 г. на р. Хоролѣ; наконецъ, по смерти Шарука, онъ сталъ называться *Чешуевымъ*, по имени хана Чешуя; всѣ эти названія служатъ для обозначенія одного и того же города: въ одномъ спискѣ онъ называется Шаруканемъ, въ другомъ— Чешуевымъ, въ третьемъ—Осеневымъ [1]). Судя по названію Шаруканъ, можно думать, что онъ былъ нынѣшній Харьковъ; и онъ дѣйствительно могъ быть на мѣстѣ нынѣшняго Харькова. Въ 1185 г. Игорь Святославичъ перебрелъ Донецъ, шелъ по лѣвой его сторонѣ къ р. Осколу и миновалъ города Шаруканъ и Сугровъ; слѣдовательно, они лежали по правую сторону Донца и выше устьевъ р. Оскола, иначе Игорь встрѣтилъ бы ихъ, когда перешелъ на другую сторону; русскіе князья въ 1111 году тоже направлялись къ р. Сальницѣ, но шли по правой сторонѣ Донца и потому должны были встрѣтить на своемъ пути эти города. Не нужно забывать кромѣ того, что и Харьковъ, какъ Шаруканъ, былъ не на самомъ Донцѣ, а недалеко отъ него. Производство Харькова отъ имени казака Харька опровергалось еще пр. Филаретомъ [2]). Но этому выводу противорѣчитъ названіе Шаруканя Чешуевымъ, тоже, очевидно, по имени какого нибудь хана; хана Чешуя мы не имѣемъ; встрѣчаемъ только нѣсколько съ именемъ *Чугай*; слѣдовательно, названіе города *Чешуевъ* переиначено русскими изъ Чугаева или тоже Чугуева; итакъ, подъ Шаруканемъ можно разумѣть или нынѣшній Харьковъ или нынѣшній Чугуевъ. Гдѣ же находился *Сугровъ?* Судя по нѣкоторымъ лѣтописнымъ спискамъ, можно думать, что лежалъ онъ на разстояніи одного дня пути отъ Шаруканя;

---

[1]) См. П. С. Р. Л. т. I, стр. 128, подъ 1116 г.; Ип. лѣт. подъ 1116 г., стр. 204 и П. С. Р. Л. т. I, подъ 1162 г., стр. 127.

[2]) Опис. Харьк. епарх. II, 5.

въ нихъ говорится [1]), что князья подошли къ Сугрову „завтра“ т. е., на другой день. Но это просто недомолвка; въ иныхъ лѣтописныхъ спискахъ прямо говорится, что князья пришли къ Сугрову *заутра въ среду* (въ среду утромъ), т. е., не черезъ день, а черезъ три дня. Такимъ образомъ, если Чешуевъ есть нынѣшній Чугуевъ, то Сугрова нужно искать возлѣ Изюма, судя по времени перехода войска (Чугуевъ отъ Изюма находится на разстояніи 88 верстъ), и при этомъ непремѣнно на Донцѣ, потому что, по взятіи его, князья 23 марта „въ четвергъ поидоша съ Дона“. Въ пятницу, 24 марта, Половцы вышли на бой; на потокѣ *Дегѣя* произошла битва, въ которой русскіе князья одержали побѣду; затѣмъ въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ, 27 марта, на р. *Сальницѣ* произошла новая битва, очень картинно изображенная лѣтописцемъ. „Наставшу же понедѣльнику страсныя недѣли паки иноплеменнецы собраша полки своя многое множество и выступиша, яко борове велицыи и тмами тмы и оступиша полки Русскыи. И посла Господь Богъ ангела въ помощь Русскимъ князямъ; и поидоша Половецьстіи полъци и полъцѣ Русьстѣи и сразишася съ полкомъ и тресну, аки громъ сразившимися челома, и брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володиміръ съ полки своими и Давыдъ и возрѣвше Половци вдаша плещи свои на бѣгъ; и падаху Половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣцы, и главы летяху невидимо стинаеми на землю [2])“. Что такое р. Сальница и потокъ Дегѣя? Карамзинъ считалъ р. Сальницу за р. Салъ, впадающую въ Донъ. Но это мнѣніе давно опровергнуто, какъ несостоятельное, Татищевымъ [3]), Бутковымъ [4]), Арцыбашевымъ [5]) и другими писателями. Нужно принять правописаніе этого слова въ Хлѣбниковскомъ спискѣ [6]), гдѣ мы имѣемъ р. *Сольницу*—и тогда дѣло совершенно разъяснится. Рѣка Сольница дѣйствительно лежитъ въ 45 верстахъ ниже Изюма,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 22.

[2]) Ип. лѣт., стр. 192—193.

[3]) „Исторія Рос.“, II, 204.

[4]) „Вѣст. Европы“, 1821 год. №№ 21—22, стр. 52.

[5]) „Игорь или Война Половецкая“, въ „Вѣст. Евр.“, 1826 г. № 11, стр. 177; № 12, стр. 241.

[6]) Ип. лѣт., стр. 193 примѣч. 4.

считая по берегу Донца и называется такъ въ старинныхъ памятникахъ отъ многихъ соляныхъ озеръ, которыя находятся отъ нея въ полуверстѣ, еще раньше она называлась *Торомъ*, вѣроятно потому, что на ней кочевали Торки; на р. *Торъ—Сольницѣ* стоялъ г. *Торскій—Соляный городъ* (теперь Славянскъ); Соляныя же озера назывались Торскими озерами; но если подъ Сольницей мы будемъ разумѣть р. Торъ, впадающую въ Донецъ на разстояніи 15 верстномъ Святыхъ горъ, то Дегѣя будетъ притокъ Тора, *Тореџъ Кривой* [1]) или иначе р. Сольня; дѣйствительно, въ Воскресенской лѣтописи (стр. 22) надъ словами „потоцѣ Дегѣя“ сдѣланы значки и отмѣчено на полѣ „Салнѣ рѣцѣ“; битва произошла, вѣроятно, у устьевъ Тора, при впаденіи его въ Донецъ; сюда, какъ извѣстно, шелъ, такъ называемый *Солоный путь*, по которому ѣздили русскіе торговцы къ Торскимъ или Славянскимъ озерамъ, имѣвшимъ очень большое значеніе и для русскихъ и для кочевниковъ, на что указываетъ борьба изъ за него между русскими князьями и Половцами въ 1170 г. [2]).

Въ этомъ разсказѣ религіознаго элемента еще больше, чѣмъ въ предыдущемъ: здѣсь ангелы прямо помогали Русскимъ противъ Половцевъ. „Како можемъ бітися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ“ говорятъ половецкіе плѣнники русскимъ князьямъ [3]); лѣтописецъ говоритъ, что мысль пойти на Половцевъ, вложилъ Мономаху ангелъ; въ Печерскомъ монастырѣ даже видѣли видѣніе: огненной столпъ, который стоялъ сначала въ трапезницѣ, потомъ перешелъ на церковь и, наконецъ, къ Городцю, гдѣ тогда былъ Владиміръ [4]).

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію одного загадочнаго мѣста въ этомъ разсказѣ. Когда подошли къ Шаруканю, то „князь Володимеръ приставі попы своя ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдаки Хреста Честнаго и канонъ св. Богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущу, и въ недѣлю выидоша изъ города и поклонишася княземъ Рускымъ, и вынесоша рыбы и вино; и прилежаша нощь ту. И завътра,

[1]) Кн. глаг. „Большой чертежъ“, стр. 38 и 220 прим. 17.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 82—84. Ип. лѣт., стр. 368—369.

[3]) Ип. лѣт., стр. 193.

[4]) Ип. лѣт., стр. 193—194.

въ среду, поидоша къ Сугрову, и пришедше зажьгоша и [1])". Это извѣстіе, очевидно, указываетъ, что въ городѣ Шаруканѣ было населеніе, близкое къ русскимъ воинамъ, по крайней мѣрѣ, по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію. Иначе, зачѣмъ было Мономаху ставить поповъ и пѣть тропари и кондаки? Какимъ образомъ население оставшееся въ Шарукани, могло вынести русскимъ князьямъ вино и рыбу, если бы оно не было родственнымъ, когда Половцы и не думали еще мириться съ Русскими? При томъ самый этотъ выходъ къ русскимъ князьямъ на встрѣчу и принесеніе имъ даровъ очень гармонируетъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ: русскіе жители Шаруканя, запертые, окруженные со всѣхъ сторонъ кочевниками, видятъ, наконецъ, своихъ единоплеменниковъ у себя передъ городомъ, слышатъ родное церковное пѣніе—и выходятъ къ нимъ на встрѣчу, угощаютъ ихъ. Съ другой стороны мы знаемъ, что Половцы не были устроителями городовъ и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; мы не имѣемъ ни одного случая, гдѣ бы Русскіе сняли осаду съ какого нибудь половецкаго города, что между тѣмъ очень часто случалось съ самими Половцами. Почему же и въ данномъ случаѣ половецкое населеніе (если бы оно тамъ было одно) не бросило Шаруканя въ виду приближенія значительныхъ русскихъ силъ? Какой разсчетъ для русскихъ князей былъ—щадить половецкій городъ, если предположить, что половецкіе жители Шаруканя умилостивили русскихъ князей? Зачѣмъ было въ такомъ случаѣ пѣть кондаки? Почему же иная судьба постигла Сугровъ? Нѣтъ, всѣ соображенія говорятъ въ пользу того мнѣнія, что въ началѣ XII в. русское населеніе, вѣроятнѣе всего его сѣверянской вѣтви, (на что указываетъ ея географическое положеніе) исчезаетъ на юго-восточной украинѣ и его крайніе слѣды замѣчаются только на Донѣ, т. е., собственно теперешнемъ Сѣверскомъ Донцѣ, но уже среди господствующаго инородческаго элемента.

Кромѣ этихъ наступательныхъ войнъ были еще и оборонительныя. Такъ было, напримѣръ, въ 1107 г., когда нѣсколько половецкихъ хановъ подошли къ Лубну (Бонякъ, *Шаруканъ Старый*); русскіе князья, Святополкъ, Мономахъ, Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ,

---

[1]) Ibidem, стр. 192.

Ярополкъ перешли черезъ Сулу и возлѣ Лубна разбили Половцевъ, гнали до Хорома и забрали много добычи; въ числѣ плѣнныхъ былъ и ханъ Сугръ [1]) и его братья, а старый Шаруканъ едва убѣжалъ; затѣмъ въ 1110 г. князья, Святополкъ, Владиміръ и Давидъ дошли до Воиня и затѣмъ воротились назадъ; немного позже, но все таки въ томъ же году, Половцы повоевали много селъ по дорогѣ къ Переяславлю и на возвратномъ пути [2]). Изъ этихъ лѣтописныхъ извѣстій мы видимъ, что Воинь былъ украиннымъ городомъ Переяславскаго княжества на его южной границѣ. Въ 1113 г., когда умеръ Святополкъ, Половцы пришли къ Вырю; противъ нихъ выступилъ Мономахъ съ сыновьями и племянниками, соединившись съ Олегомъ Святославичемъ. Вырь находился на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ уѣздѣ [3]). Очевидно, слѣдовательно, что городъ Вырь долженъ былъ тянуть къ Посемью, т. е., къ Черниговскому княжеству, не смотря на то, что въ это время онъ принадлежалъ къ *Переяславскому*. Дѣйствительно, черниговскіе князья постоянно стараются овладѣть этою областью и, наконецъ, достигаютъ этого въ половинѣ XII в. Такая борьба изъ-за Посемья совершенно понятна: оно было одинаково важно и для Чернигова, и для Переяславля, потому что служило обычнымъ путемъ изъ поля въ Сѣверскую землю для Половцевъ, въ которыхъ черниговскіе князья находили себѣ постоянныхъ союзниковъ. Владиміръ Мономахъ, желая затруднить сношенія черниговскихъ князей съ Половцами, овладѣлъ въ Посемьи Выремъ, который найближе находился къ его переяславской волости.

У Олега было 3 сына: Всеволодъ, Святославъ и Игорь; изъ нихъ самымъ энергичнымъ и дѣятельнымъ былъ Всеволодъ; всѣ они до смерти Давида (до 1123 г.) оставались въ княжествѣ Новгородъ-Сѣверскомъ, т. е. въ удѣлѣ своего отца; о дѣятельности ихъ въ это время мы не имѣемъ въ лѣтописи никакихъ извѣстій.

---

[1]) По имени котораго и городъ называется Сугровомъ; Ип. лѣт., стр. 186—187; П. С. Р. Л. I, стр. 120.

[2]) Ип. лѣт., стр. 264.

[3]) Теперь тамъ 3 (три) поселенія: Виры, слободка Вирки, оба въ Сумскомъ уѣздѣ и Вирь въ Путивльскомъ на границѣ съ Сумскимъ. Къ какому изъ нихъ пріурочить лѣтописный Вырь, опредѣлить нельзя.

По смерти Давида Святославича, въ 1123 г., черниговскій столъ занялъ самый старшій между Святославичами Ярославъ Святославичъ [1]). Кто въ это время остался въ Муромо-Рязанскомъ удѣлѣ, трудно рѣшить; быть можетъ, сыновья умершаго Давида.

Въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, дѣйствовалъ принципъ родоваго старѣйшинства; хотя, впрочемъ, не надолго; въ 1128 г., т. е. черезъ 5 лѣтъ, Всеволодъ Ольговичъ выгналъ своего дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова, побилъ и пограбилъ его дружину [2]); Ярославъ удалился въ Муромъ и оттуда упрашивалъ В. К. кіевскаго Мстислава помочь ему; Мстиславъ изъявилъ намѣреніе помочь дядѣ и наказать племянника, хотя этотъ послѣдній былъ женатъ на его родной дочери; Всеволодъ обратился между тѣмъ за помощью къ обычнымъ союзникамъ черниговскихъ князей Половцамъ; Половцы, дѣйствительно, пришли въ количествѣ 7000 ч. со своимъ ханомъ Селукомъ и стали у *Ратъмировой дубровы за Вырем*ъ; но на этотъ разъ они не оказали еще существенной услуги, потому что удалились восвояси, когда ихъ послы были перехвачены на Локнѣ [3]) посадниками Ярополка. (Посадники Ярополка, какъ извѣстно, были по всему Сейму, а въ Курскѣ сидѣлъ Изяславъ Мстиславичъ [4]). Тогда Всеволодъ Ольговичъ, не получивши помощи у Половцевъ, прибѣгнулъ къ переговорамъ и дѣйствовалъ очень искусно; началъ упрашивать Мстислава и склонилъ на свою сторону его совѣтниковъ—знатнѣйшихъ кіевскихъ бояръ; конечно и просьбы дочери Мстислава, жены Всеволода, имѣли здѣсь значеніе; Мстиславъ, не зная на что рѣшиться, обратился къ собору священниковъ; (къ собору священниковъ онъ, вѣроятно, обратился потому, что митрополитъ Никита скончался, а новый еще не былъ назначенъ), между духовными лицами найбольшимъ значеніемъ пользовался игуменъ Андреевской церкви Григорій. Этотъ Григорій принялъ сторону Всеволода, равно какъ и большинство собора, такъ какъ древнерусское духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязаностей отвращать князей отъ междуусобной брани и пролитія

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 206.

[2]) Ип. лѣт., стр. 209.

[3]) Локна рѣка впадающая въ Пселъ въ Харьковской губ.; очевидно мѣстность, лежащая на ней, принадлежала Переяславскому князю.

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 130.

крови. Соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія; Мстиславъ послушалъ мнѣнія собора и оставилъ Всеволода въ покоѣ. Ярославъ удалился въ свою Муромо-Рязанскую волость, гдѣ вскорѣ и умеръ [1]). Всеволодъ Ольговичъ, чувствовавшій свою зависимость отъ В. К. Мстислава кіевскаго, долженъ былъ помогать ему въ его личныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что Мстиславъ былъ послѣдній изъ великихъ князей кіевскихъ, умѣвшихъ строго охранять свое верховное значеніе между родичами и тѣмъ поддерживать единство русскихъ земель. Этимъ только и можно объяснить участіе Всеволода Олеговича въ походѣ Мстислава на Кривскую или Полоцкую землю съ цѣлью окончательнаго завоеванія, такъ какъ часть ея (Минскъ) была уже завоевана его отцомъ Мономахомъ. Это сборное Мстиславово ополченіе разгромило нѣкоторые полоцкіе города; Всеславичи смирились, но не надолго. Въ слѣдующемъ году они не захотѣли идти противъ Половцевъ, и Мстиславъ, неизвѣстно какимъ образомъ, захватилъ большинство полоцкихъ князей съ ихъ женами и отправилъ къ Грекамъ [2]). Этими же подручническими отношеніями объясняется и участіе Ольговичей въ походѣ Мстислава на Литовцевъ въ 1132 г. [3]); самимъ Ольговичамъ не было никакого интереса предпринимать походъ на Литовцевъ; Мстиславу другое дѣло: волости пинско-туровскаго полѣсья и вновь завоеванная Полоцкая земля приводили кіевскаго князя въ непосредственное столкновеніе съ Литовцами Такую зависимую роль играли Ольговичи до смерти Мстислава; со смертію Мстислава эта зависимость прекращается. Заявить свои притензіи оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что начались междуусобія въ самой семьѣ Мономаховичей; источникомъ для нихъ послужилъ переяславскій столъ, который былъ какъ бы переходнымъ къ кіевскому; онъ былъ сначала отданъ Ярополкомъ Всеволоду, сыну умершаго Мстислава; но едва Всеволодъ вступилъ въ Переяславль, какъ его оттуда выгналъ Ярополкъ и отдалъ Переяславль другому сыну Мстислава—Изяславу, но затѣмъ перемѣнилъ рѣшеніе и передалъ своему брату Вячеславу туровскому, который впрочемъ вскорѣ удалился въ свой Туровъ, и Пе-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 209—210; П. С. Р. Л. стр. 130.

[2]) Ип. лѣт., стр. 210—211.

[3]) Ип. лѣт., стр. 212.

реяславль достался Юрію. Тогда два брата—Всеволодъ и Изяславъ Мстиславичи подняли оружіе противъ дяди [1]). Всѐволодъ Ольговичъ вступилъ въ союзъ съ племянниками [2]) противъ дядей и нанялъ кромѣ того Половцевъ [3]); надѣясь, конечно, воротить Курскъ и другіе города по рѣкѣ Сейму. Прежде всего Ярополкъ со своею братіею, Юрій и Андрей пошли на Всеволода Ольговича и пограбили села около Чернигова, Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ [4]), потому что не пришли Половцы. Ярополкъ, простоявъ нѣсколько дней подъ Черниговомъ, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войска, не уладившись со Всеволодомъ. Всеволодъ же, когда пришли къ нему Половцы, съ Изяславомъ и Святополкомъ Мстиславичемъ сталъ воевать села и города переяславской волости, гдѣ, по извѣстію Лаврентьевской лѣт. [5]), взялъ Городокъ, Нѣжатинъ Баручъ, и много селъ, убивалъ жителей и такимъ образомъ дошелъ до Кіева, плѣнивши много людей и награбивши безчисленное множества скота; затѣмъ вернулся обратно въ Черниговъ и сталъ переговариваться о мирѣ. Ольговичи выставили такія требованія: „что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ, аже не вдасть, то вы виновати, то на васъ буди кровь [6])". Племянниковъ успокоилъ Ярополкъ тѣмъ, что Андрею отдалъ Переяславъ, а Изяславу Мстиславичу—Владиміръ-Волынскій, гдѣ прежде былъ Андрей. Но Ольговичи не успокоились: стали воевать села и города на р. Сулѣ, пожгли устье (вѣроятно, р. Трубежа [7]), подошли къ Переяславлю стояли тамъ 3 дня, сражаясь въ это время у епископскихъ и княжескихъ воротъ; заслышавъ же о приближеніи Ярополка, они пошли на верхъ Супоя и стали тамъ его ожидать. Ярополкъ, не приготовившись какъ слѣдуетъ, поспѣшилъ на битву; Половцы,—союзники Ольговичей, не выдержали было перваго натиска и побѣжали, а за ними погналась часть дружины Мономаховичей; но потомъ Мономахо-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 212.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 122.

[3]) Съ нимъ за одно кромѣ Ольговичей были и Давидовичи; см. П. С. Р. Л. т. I, стр. 132.

[4]) По извѣстію Воскрес. лѣт. черниг. князья удалились въ это время къ Половцамъ; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 30.

[5]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 132.

[6]) Ип. лѣт., стр. 213.

[7]) П С. Р. Л. т. I, стр. 132.

вичи были разбиты; цѣлый отрядъ ихъ погнавшійся за Половцами, былъ взятъ въ плѣнъ, было убито множество бояръ и внукъ Владиміра Василько Леоновичъ; Ярополкъ воротился въ Кіевъ; Андрей—въ Переяславль; Всеволодъ, перейдя Десну, простоялъ 7 дней съ дружиною противъ Вышгорода и затѣмъ воротился въ Черниговъ. Снова начаты были мирные переговоры, но окончились ничѣмъ. Снова Ольговичи съ Половцами перешли Днѣпръ и стали воевать возлѣ Красна [1]) Васильева [2]), Бѣлгорода [3]), Кіева, Желани до Вышгорода и земли Древлянской. Ярополкъ рѣшился не дѣлать кровопролитія и окончить дѣло миромъ; по этому миру Ольговичи получили „отчину свою, чего хотѣли". Точныхъ указаній въ лѣтописи, какая то была отчина, мы не находимъ; но можно думать, что это было Посемье съ Курскомъ; по крайней мѣрѣ на это мы имѣемъ указаніе въ Никон. лѣт.; разсказывая о походѣ Святослава Ольговича, княжившаго тогда въ Новгородѣ, на Всеволода Мстиславича, выгнаннаго передъ тѣмъ Новгородцами и принятаго теперь Псковичами, Ник. лѣт., между прочимъ, говоритъ, что онъ взялъ въ походъ своего брата Глѣба Святославича, Половцевъ и *воинство града Курска* [4]); изъ этого ясно видно, что Курскъ не принадлежалъ Мономаховичамъ. Но Всеволодъ, вѣроятно, не былъ доволенъ мирными условіями [5]), потому, что призвавши снова

---

[1]) *Красно*—мѣсто въ Кіевск. губ. на р. Краснѣ, впадающей въ Днѣпръ близь Триполья.

[2]) Теперь *Васильковъ*, уѣздный городъ Кіевск. губ. на р. Стугнѣ

[3]) Бѣлгородъ или Бѣлгородка въ 21 в. отъ Кіева по дорогѣ въ Житомиръ на р. Ирпени.

[4]) Ник. лѣт., II, стр. 92.

[5]) „Сюда присоединилось то обстоятельство, что Мономаховичи взяли въ плѣнъ Святослава Ольговича, бѣжавшаго изъ Новгорода", см. П. С. Р. Л. т. VII, стр. 31: „Олговичь же тогда Святославъ бѣжа изъ Новагорода и емше его приведоша ко Ярополку. Олговичи же слышавше, яко ятъ бысть братъ ихъ Святославъ, оттолѣ болша начаша воевати"; кромѣ Воскресенской лѣт. извѣстіе объ этомъ фактѣ мы находимъ еще во Лавр. лѣт. (П С. Р. Л. т. I, стр. 133): „Того же лѣта яша Ольговичи Святослава, бѣжаща изъ Новагорода, и приде вѣсть Ярополку; и оттолѣ больша почаша воевати Олговичи", въ Ип. лѣт. этотъ фактъ переданъ совсѣмъ невѣрно: „въ се же лѣто выгнаша Новгородьци Святослава Ольговича, и прияша и (я) Смолняне": очевидно здѣсь вмѣсто „яша" поставлено „прияша".

Половцевъ, пошелъ въ 1139 году на Прилуку и взялъ на Посулью много городовъ, такъ что Андрей Владиміровичъ хотѣлъ было уже бѣжать изъ Переяславля. Тогда Ярополкъ рѣшился окончательно смирить Ольговичей и съ этой цѣлью призвалъ къ себѣ на помощь Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ, Смольнянъ, Угровъ, Берендѣевъ; Ольговичи увидѣли, что не въ состояніи противиться ему и потому, по извѣстію Ник. лѣт., рѣшились было бѣжать къ Половцамъ, но ихъ остановилъ епископъ черниговскій и черниговское вѣче, которые совѣтовали имъ отбросить гордость и просить мира у Ярополка, ибо если они уйдутъ къ Половцамъ, то потеряютъ свою волость и не могутъ уже возвратиться назадъ [1]). Ярополкъ, дѣйствительно, по своему миролюбію, заключилъ съ нимъ миръ у Моровійска [2]). Какія были мирныя условія, лѣтопись не говоритъ; вѣроятно впрочемъ, не очень выгодныя для Ольговичей, такъ какъ они должны были выпрашивать себѣ миръ у Ярополка.

Въ томъ же самомъ 1139 г. Ярополкъ умеръ; ему наслѣдовалъ братъ его Вячеславъ; но энергическій черниговскій князь задумалъ теперь воспользоваться нерѣшительностью В. князя и съ небольшою дружиною, роднымъ братомъ Игоремъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ пришелъ къ Вышгороду и занялъ его; затѣмъ изъ Вышгорода пошелъ къ Кіеву, подошелъ къ Копыреву Концу и сталъ зажигать дворы, лежавшіе въ этой части города. Вячеславъ не захотѣлъ выступить противъ него, а ушелъ въ свою прежнюю волость Туровъ; Всеволодъ съ честью занялъ кіевскій столъ. Это восшествіе Всеволода на В. княжескій кіевскій столъ дополняется въ подробностяхъ Ник. лѣтописью. Всеволодъ въ тотъ же день сдѣлалъ торжественный пиръ митрополиту Михаилу, своимъ братьямъ князьямъ и боярамъ; по улицамъ для гражданъ были поставлены вино, медъ, переворъ, всяческая пища, овощи; по церквамъ и монастырямъ была роздана милостыня [3]). Эти подробности очень характерны; они показываютъ, что черниговскій князь, занявъ кіевскій столъ, желалъ опереться на народное расположеніе, войти въ милость и къ духовенству, которое пользовалось

---

1) Ип. лѣт., стр. 27.

2) Ип. лѣт., стр. 216—217.

3) Ник. лѣт., II, стр. 78.

тогда большимъ значеніемъ въ княжескихъ междуусобіяхъ [1]), и къ высшему сословію—боярскому, и къ низшему—простымъ горожанамъ.

Занятіе кіевскаго стола однимъ изъ Святославичей могло усилить значеніе всего рода; но для этого нужно было сохранить миръ и спокойствіе въ собственномъ семействѣ. Мы уже видѣли, какъ это трудно было сдѣлать Мономаховичамъ; видѣли, какъ, благодаря личнымъ качествамъ Мономаха и его сына Мстислава, Мономаховичи раздѣлили между собою почти всю землю Русскую; но потомъ, когда наступили междоусобицы въ ихъ собственномъ семействѣ, потеряли даже стольный городъ—Кіевъ. Почти тоже самое намъ придется увидѣть теперь у Святославичей. Уже первое распоряженіе Всеволода Ольговича произвело нѣкоторый разладъ въ семействѣ Святославичей; въ немъ теперь, какъ извѣстно, было 2 отрасли (не считая потомковъ Ярослава Святославича): Ольговичи и Давидовичи: Ольговичи надѣялись (собственно Игорь Ольговичъ, потому что Святославъ былъ занятъ дѣлами новгородскими), при новомъ раздѣлѣ земель, захватить въ свои руки самую лучшую часть, т. е. столъ черниговскій, потому что раздѣленіе земель въ значительной степени зависѣло теперь отъ ихъ роднаго брата; но Всеволодъ, уступилъ черниговскій столъ своему двоюродному брату Владиміру Давидовичу [2]), хотя уже давно обѣщалъ Игорю. Впрочемъ, Всеволоду до конца жизни удалось удержаться на кіевскомъ столѣ, благодаря политикѣ разъединенія. Его братья, какъ родные, такъ и двоюродные—князья Сѣверской земли, ждали отъ него, конечно, себѣ волостей. Самъ Всеволодъ на первыхъ порахъ желалъ захватить нѣкоторыя волости Мономаховичей: главнымъ образомъ Переяславскую, которою владѣлъ тогда самый младшій изъ сыновей Мономаха, Андрей, затѣмъ Волынскую, которою владѣлъ Изяславъ Мстиславичъ, Смоленскую, которою владѣлъ Ростиславъ и Туровскую, которою владѣлъ Вячеславъ. Князья черниговскіе и новгородъ-сѣверскіе ему помогаютъ въ этомъ; противъ Андрея переяславскаго пошелъ самъ Всеволодъ со своимъ роднымъ братомъ Святославомъ; на Вячеслава же и Изяслава послалъ своего двоюроднаго брата Изяслава Давидовича съ Половцами,

---

[1]) Митроп. Михаилъ, очевидно, былъ на сторонѣ Всеволода Ольговича.

[2]) Ип. лѣт., стр. 217.

Иваномъ Васильковичемъ, Володимiркомъ Володаревичемъ. „Иди къ Курску", сказалъ онъ Андрею, дойдя до Переяславля. Андрей, сдумавъ съ дружиною отвѣтилъ ему: „лучше мнѣ погибнуть съ дружиною за свою отчину, чѣмъ взять Курское княженiе; отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславлѣ, и я поэтому хочу умереть въ своей отчинѣ; лучше убей меня, если ты, владѣя почти всею землею Русскою, хочешь и этой волости". Но Всеволодъ не смутился этимъ и послалъ къ Переяславлю Святослава съ дружиною, такъ какъ самъ стоялъ на берегу Днѣпра. Въ происшедшей вслѣдъ за тѣмъ битвѣ одержалъ верхъ Андрей; начались мирные переговоры; переяславскiй князь уже поцѣловалъ крестъ; а Всеволодъ пока еще нѣтъ; между тѣмъ ночью вспыхнулъ пожаръ въ Переяславлѣ, и Всеволодъ могъ-бы, воспользовавшись имъ, завладѣть городомъ и изгнать Андрея; но этого не сдѣлалъ „исполнився страха Божiя". На другой день они заключили миръ [1]). Въ этомъ разсказѣ очень интересна фраза Андрея: „лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти нежели Курьское княженiе", которая показываетъ, какъ низко ставили въ числѣ другихъ волостей Курскую волость; происходило это вѣроятно, оттого, что изъ за нея происходили постоянныя ссоры между черниговскими и переяславскими князьями; притомъ только въ прошломъ году она была страшно опустошена Половцами. Отсюда мы также можемъ заключить, что Курскъ въ это время принадлежалъ черниговскимъ князьямъ, потому что Андрей Владимiровичъ не признаетъ его своимъ. Дѣйствительно, въ Никоновской лѣт. мы имѣемъ прямое указанiе, что Курскъ принадлежалъ Святославу Ольговичу: „того же (1119 г.) лѣта князь великiй Всеволодъ Ольговичь киевскiй приведе брата своего князя Святослава Олговича изъ *Курска* и иде съ нимъ къ Переяславлю, хотя его посадити на великомъ княженiи въ Переяславли, а великаго князя переяславскаго Андрея Володимiрича Мономаша вывести, и послати его въ Курскъ, сице же на великое княженiе [2])". Также, если не болѣе, неудаченъ былъ походъ на Изяслава и Вячеслава. Галицкая дружина, шедшая на Изяслава,

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 218—219.

[2]) Ник. лѣт., II, стр. 79; см. также П. С. Р. Л. т. VII, стр. 32 и П. С. Р. Л. т. I, стр. 134.

воротилась по неизвѣстной причинѣ; Изяславъ Давидовичъ съ сыновьями только опустошилъ волость Вячеславову, Ляхи—волость Изяславову. Вячеславъ и Изяславъ послали ко Всеволоду пословъ переговариваться о мирѣ; Всеволодъ сначала не хотѣлъ мириться, но потомъ, принявъ въ соображеніе, что безъ нихъ ему нельзя обойтись, согласился на миръ [1]).

Итакъ, Ольговичи и Давидовичи не добились для себя новыхъ волостей; наоборотъ, они убѣдились, что Всеволодъ старался жить въ мирѣ съ Мономаховичами и Мстиславичами; естественно, что въ силу этого они (главнымъ образомъ Ольговичи) были недовольны дѣйствіями Всеволода. Кромѣ этого происходитъ „котора" между Игоремъ и Святославомъ. Святославу сдѣлалось не вмоготу сидѣть на новгородскомъ столѣ; „тягота, брате, говоритъ онъ Всеволоду, въ людѣхъ сихъ, а не хочу въ нихъ быти, а кого тобѣ любо, того посли въ онь";—и онъ пошелъ къ брату въ Русь изъ Стародуба, но не уладившись о волостяхъ, возвратился къ Курску, въ свое Новгородъ-Сѣверское княжество [2]). Но послѣ этого онъ все таки пріѣхалъ въ Кіевъ, потому что далѣе въ лѣтописи мы находимъ извѣстіе, что Всеволодъ, разлучаясь съ нимъ, далъ ему Бѣлгородъ [3]). Итакъ, Курскъ въ это время принадлежалъ Новгородъ-Сѣверскому княжеству, къ которому сверхъ того тянулъ и Стародубъ.

Между тѣмъ, не надѣляя своихъ братьевъ, Всеволодъ не забывалъ о себѣ. Въ Переяславлѣ умеръ Андрей Владиміровичъ, и его удѣломъ владѣли, вѣроятно, его дѣти; прямо присоединить къ своимъ владѣніямъ Переяславское княжество значило окончательно вооружить противъ себя братьевъ; поэтому Всеволодъ придумываетъ такую комбинацію: велитъ Вячеславу изъ Турова идти въ древнюю отчину Мономаховичей—Переяславль, а Туровъ передаетъ своему сыну Святославу, на томъ основаніи, что Туровъ принадлежалъ къ Кіевской области; братья, конечно, должны были остаться недовольны такою комбинацію; и дѣйствительно: „бысть братьи [4]) его тяжко сердце Игореви и Святославу: волости бо дасть сынови, а братьи не надѣли ни-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 219.

[2]) Ип. лѣт., стр. 220—221.

[3]) Ип. лѣт., стр. 221.

[4]) Ип. лѣт., стр. 221.

чимъ же“. Всеволодъ позвалъ своихъ братьевъ рядиться о волостяхъ. Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи стали въ Ольжичахъ, а Игорь Ольговичъ у Городьца; Святославъ пріѣхалъ къ Игорю съ вопросомъ, что имъ даетъ Всеволодъ; „даетъ намъ по два города“—отвѣтилъ тотъ; тогда всѣ 4 брата заключили между собою союзъ, не поѣхали на обѣдъ ко Всеволоду и послали ему сказать: „мы не просили у тебя твоей Кіевской волости, а дай намъ нашу Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую; но Всеволодъ не хотѣлъ соглашаться на ихъ требованія: не давалъ Вятичей, а предлагалъ прежніе 4 города. Тогда братья разсердившись пошли ратью на Переяславль, гдѣ тогда княжилъ Вячеславъ. Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу Лазаря Саковскаго съ Печенѣгами; съ другой стороны и Изяславъ, услышавъ, что пошли войною на его дядю, пошелъ къ нему на помощь, разбилъ Святославичей и принудилъ ихъ удалиться въ свои города; Ростиславъ смоленскій пошелъ на Ольговичей и взялъ часть ихъ волости возлѣ Гомеля. Ип. лѣт. не говоритъ, какому изъ братьевъ принадлежала эта волость; Ник. же и Воскр. прямо говорятъ, что Ростиславъ Мстиславичъ пришелъ изъ Смоленска и взялъ 4 города, принадлежащихъ Игорю [1]); слѣдовательно, Гомель, вѣроятно, съ землей Радимичей принадлежалъ къ удѣлу Игоря Ольговича. Тогда и Изяславъ, услышавъ объ успѣхахъ брата, пошелъ въ землю Черниговскую и, повоевавъ села возлѣ Десны и Чернигова, съ честью возвратился назадъ. Игорь вздумалъ было отомстить Мономаховичамъ и снова пошелъ на волость Переяславскую, но послѣ упорной трехдневной битвы воротился ни съ чѣмъ. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ новому средству: вызвалъ изъ глубины кіевскихъ пещеръ брата Николу Святошу, который давно уже, промѣнявъ броню на монашескій клобукъ, спасался въ своей келіи, исполняя строго всѣ монашескія послушанія; ему поручилъ онъ быть посредникомъ и сказать братьямъ: „братья, возмите у меня съ любовію, что я вамъ даю, Городецъ, Рогачевъ, Берестій, Дрогичинъ, Клеческъ и перестаньте воевать съ Мстиславичами“. Это средство помогло: братья пріѣхали въ Кіевъ; но Всеволодъ и не думалъ дѣйствовать съ ними открыто, а сталъ держаться своей обыкновенной политики разъединенія: обратился къ Да-

---

[1]) Ник. лѣт., II, стр. 83; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 33.

видовичамъ, чтобы они отдѣлились отъ его братьевъ и за это обѣщалъ надѣлить ихъ волостями; тѣ дѣйствительно отступили отъ Игоря и Святослава, и Всеволодъ остался, конечно, въ выигрышѣ; съ этихъ поръ братья ему уже не были опасны; онъ далъ двоюроднымъ братьямъ Берестій, Дорогичинъ, Вщижъ и Ормину, а роднымъ, Игорю—Городецъ, Гюрговъ и Рогачевъ, и Святославу—Клеческъ и Черторыескъ [1]. Но Всеволодъ все болѣе и болѣе желалъ повидимому заслужить расположеніе Мономаховичей, а въ особенности Изяслава Мстиславича. Въ томъ же году Вячеславъ, сговорившись со Всеволодомъ, передалъ Переяславскій столъ своему племяннику Изяславу, самъ же пошелъ въ свой прежній удѣлъ Туровскій, изъ котораго сынъ Всеволода Святославъ удалился въ оставшійся свободнымъ Владиміръ-Волынскій. Ольговичи еще больше озлобились на брата за его дружбу съ Мономаховичами. „Осажался ими около, говорили они, а намъ на безголовие и безъмѣстье и собѣ [2]". Давидовичи въ это время у Всеволода дѣлаются простыми подручниками, Изяславъ Давидовичъ идетъ со Святославомъ Всеволодичемъ и Володимиркомъ Галицкимъ на помощь Польскому королю Владиславу, по желанію Всеволода; за другого Давидовича Владиміра Всеволодъ выдаетъ внуку Мономаха [3]. Впрочемъ даже и Ольговичи во всемъ слушаются великаго князя кіевскаго; участвуютъ, напримѣръ, въ двухъ походахъ Всеволода на галицкаго князя Володимірка. По смерти Всеволода, Кіевляне поцѣловали крестъ брату его—Игорю, за тѣмъ принудили его поцѣловать имъ крестъ на всей ихъ волѣ и при этомъ разграбили дома нелюбимаго тіуна Ратьши и мечниковъ. Но и этого оказалось недостаточнымъ, ибо былъ другой кандидатъ на кіевскій столъ—Изяславъ Мстиславичъ, угодный и Кіевлянамъ. Игорь обращается къ своимъ родственникамъ, обѣщая имъ дать все, что они просили, лишь бы только они оказали помощь и вмѣстѣ съ тѣмъ старается также задобрить главнѣйшихъ кіевскихъ бояръ: призываетъ къ себѣ тысяцкаго Улеба, Ивана Войтишица, Лазаря Саковскаго и обѣщаетъ оставить за ними тѣ должности, которыя они занимали прежде. Но эти бояре, хотя и обѣщали стоять за него,

---

[1]) Ип. лѣт.. стр. 223.
[2]) Ип. лѣт., стр. 223—224.
[3]) Ibidem, стр. 227.

первые ему измѣнили, побуждая Изяслава идти въ Кіевъ какъ можно скорѣе, чтобы предупредить Изяслава Давидовича. Наконецъ, Изяславъ Мстиславичъ подошелъ къ Кіеву. Множество Кіевлянъ стояло особо у Ольговой могилы. Игорь съ братомъ и племянникомъ сталъ готовиться къ битвѣ. Улебъ и Иванъ, пріѣхавъ въ свои полки, бросили стяги и повернули къ Жидовскимъ воротамъ; Берендѣи переправились черезъ Лыбедь и захватили Игоревы товары. Игорь увидѣлъ измѣну, но рѣшился всетаки попытать счастья и пошелъ со своими полками на Изяслава, который стоялъ за озеромъ; нужно было обойти его, тогда какъ другіе полки двигались отъ Сухой Лыбеди; вслѣдствіе этого произошла сумятица; Берендѣи очутились въ тылу и стали избивать его воиновъ; Изяславъ, напавъ сбоку, раздѣлилъ братьевъ, такъ что они побѣжали черезъ Дорогожицкія болота. Игорь отсталъ отъ другихъ; конь его увязъ въ болото и онъ тамъ былъ отысканъ только черезъ 4 дня, окованъ и посаженъ въ „порубъ"; братъ его Святославъ достигъ устья Десны; племянникъ Святославъ Всеволодовичъ прибѣжалъ въ монастырь св. Ирины, гдѣ и былъ захваченъ; преслѣдовали побѣжденныхъ до устья Десны, до перевоза Кіевскаго „сѣкуще ихъ, а другихъ побивая въ водѣ и многимъ паденіе бысть [1])".

Такимъ образомъ, попытка одного изъ Ольговичей сдѣлаться кіевскимъ княземъ окончилась неудачно и самъ онъ попалъ въ плѣнъ; другой Ольговичъ, очевидно очень расположенный къ брату, употребляетъ всевозможныя усилія для его освобожденія; между тѣмъ его двоюродные братья Давидовичи входятъ въ сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, чтобы съ его помощью завладѣть Новгородъ-Сѣверскимъ княжествомъ, принадлежавшимъ, какъ извѣстно, Ольговичамъ. Прежде всего Святославъ Ольговичъ обратился съ вопросомъ къ Давидовичамъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи, и когда тѣ отвѣтили утвердительно, оставилъ въ Черниговѣ своего мужа для дальнѣйшихъ переговоровъ; самъ же отправился сначала въ Курскъ набирать и устраивать дружину, а потомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ; между тѣмъ Давидовичи стали переговариваться между собою тайно отъ Святославова мужа и, наконецъ, рѣшили отступить отъ Святослава и вступить въ сношенія съ Изяславомъ. Лѣтопись въ этомъ случаѣ очень ясно выражаетъ свое

[1]) Ип. лѣт., стр. 229—232.

сочувствіе Святославу и его стремленіямъ освободить брата и сохранить свою вотчину. „Лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло къ злу, и вложи има мысль не взискати брата Игоря, ни помянути отецьства и о хрестѣ утвержепія, ни божественыя любве, яко же бѣ лѣпо жити братьи единомыслено укупѣ, блюдучи отецьства своего; но переступивша крестьное утверждение и забыша страха Божия, и посластася къ Изяславу: „Игорь како то тобѣ золъ былъ, тако и нама, а держи твердо [1])“. Очень можетъ быть, что это—отрывокъ какой нибудь черниговской лѣтописи, потому что авторъ его какъ бы хочетъ, чтобы Ольговичи и Давидовичи, соединившись вмѣстѣ, пошли на Изяслава освободить изъ плѣна Игоря и охраняли соединенными силами свои отчины; вспомнимъ, что, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, нашелся у сѣверскаго князя Игоря свой поэтъ, чтобы воспѣть его *несчастный* походъ на Половцевъ, создавшій знаменитое „Слово о Полку Игоревѣ“. Къ Святославу Давидовичи послали сказать: „иди изъ Новгородъ-Сѣверска къ Путивлю и не принимай никакихъ мѣръ для освобожденія Игоря“. Но Святославъ обнаружилъ такое братолюбіе, равнаго которому не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ русской исторіи. „Ни волости не хочу, ни чего либо другого; только отпустите мнѣ брата [2])“. Но братья на это не согласились: „цѣлуй намъ крестъ, говорили они, что ты не будешь искать брата, а волость свою держи попрежнему“; но Святославъ на это не согласился и сталъ искать себѣ другихъ союзниковъ. Вопервыхъ, онъ обратился за помощью къ своимъ половецкимъ сватамъ; хотя самъ ханъ уже умеръ, но два его брата привели къ нему немедленно по просьбѣ 300 всадниковъ; кромѣ того, къ нему пришло нѣсколько младшихъ князей: Владиміръ Святославичъ, сынъ великаго князя рязанскаго, Святослава Ярославича, убѣжавшій отъ своего дяди и племянникъ Владимірка Галицкаго, Иванъ, прозванный Берладникомъ по имени Заднѣпровскаго города Берлады; служившаго убѣжищемъ для русскихъ бѣглецовъ, набиравшихъ себѣ здѣсь вольную дружину [3]); но главнаго союзника онъ нашелъ въ лицѣ Юрія Владиміровича Долго-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 233—234.

[2]) Ип. лѣт., стр. 233—234.

[3]) Ип. лѣт., стр. 234.

рукаго, князя суздальскаго. Святославъ, вѣроятно, звалъ его на великое княженіе кіевское и обѣщалъ свою помощь, лишь бы только онъ освободилъ изъ плѣна Игоря. Юрій, дѣйствительно, заключилъ союзъ съ Святославомъ и выступилъ къ нему на помощь, но не принесъ много пользы, потому что Изяславъ Мстиславичъ убѣдилъ Ростислава Ярославича рязанскаго напасть на владѣнія Юрія; этотъ послѣдній, узнавъ объ этомъ, воротился съ пути отъ Козельска, а послалъ только своего сына Ивана. Этому Ивану Юрьевичу Святославъ далъ Курскъ съ Посемьемъ, чтобы задобрить отца и показать свою готовность на всяческія жертвы [1]). Между тѣмъ Давидовичи, послѣ совѣщанія съ Изяславомъ, вмѣстѣ съ его сыномъ Мстиславомъ, съ вспомагательнымъ отрядомъ Переяславцевъ и Берендѣевъ пошли на Новгородъ-Сѣверскъ; нѣсколько разъ приступали къ городу; сначала къ Черниговскимъ воротамъ, потомъ къ Курскимъ; но когда усилія ихъ оказались напрасны, стали близь города, ожидая самаго Изяслава, но при этомъ еще разъ попробовали взять городъ приступомъ: пустили напередъ стрѣлковъ—христіанъ и Берендѣевъ, а потомъ сами вступили въ бой; битва продолжалась до самого вечера и окончилась все таки ничѣмъ; тогда Давидовичи и Мстиславъ Изяславичъ, не бывъ въ состояніи взять города, съ досады принялись грабить и жечь тѣ села, гдѣ находились скотъ, хлѣбные запасы, вино и всякое вообще имущество Ольговичей. На р. Рахнѣ [2]), недалеко отъ Новгорода, они захватили княжескіе табуны въ 1000 коней и 3000 кобылъ, а хлѣбъ и дома пожгли. За тѣмъ пошли на какое то Игорево сельцо, гдѣ было заготовлено въ погребахъ множество вина и меду, а въ кладовыхъ тяжелаго товара: желѣза и мѣди; его было такъ много, что невозможно было даже вывезти всего. Давидовичи все это забрали, а дворъ, церковь св. Георгія и гумно, гдѣ было 900 стоговъ, зажгли; за тѣмъ соскучась, видно, стоять безъ дѣла подъ Новгородомъ въ ожиданіи Изяслава Мстиславича, они отошли къ Путивлю, о чемъ и дали ему знать. Путивльцы бились крѣпко и не хотѣли сдаваться князьямъ, хотя эти послѣдніе и обѣщали не отдавать ихъ въ плѣнъ ратнымъ людямъ; наконецъ пришелъ самъ Изяславъ съ кіевскою ратью. Путивльцы сдались ему

---

1) Ип. лѣт., стр. 236.

2) Ип. лѣт., стр. 235.

немедленно, объявивъ, что только его и ждали, и просили, чтобы онъ цѣловалъ имъ крестъ. Изяславъ исполнилъ ихъ желаніе, вывелъ посадника, а на мѣсто его посадилъ своего, раздѣливъ тамошній дворъ Святославовъ на 4 части (себѣ, сыну и 2-мъ Давидовичамъ). Въ княжескихъ погребахъ нашли 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина; одной челяди было взято 700 человѣкъ; не пощадили даже храма Вознесенія: изъ него забрали серебряные сосуды, кадильницы, шитые золотомъ покровы, евангеліе въ кованномъ переплетѣ и другія богослужебныя книги; на колокольнѣ же сняли колокола [1]). Эти извѣстія, какъ мы видимъ, очень интересны для характеристики внутренняго быта сѣверскаго княжества: они указываютъ на домовитость князей и зажиточность самыхъ областей. Вслѣдъ за тѣмъ Изяславъ съ сыномъ и Давидовичами пошелъ къ Новгородъ-Сѣверску. Святославу Ольговичу о взятіи и разграбленіи Путивля далъ знать его мужъ, служившій теперь у Владиміра Давидовича; узнавъ объ этомъ Святославъ сталъ спрашивать совѣта у своихъ союзниковъ: Ивана Берладника и предводителей половецкихъ, что ему дѣлать; тѣ посовѣтовали бѣжать въ лѣсную сторону, потому что здѣсь нѣтъ ни людей, ни хлѣбныхъ запасовъ; тамъ же онъ будетъ вблизи отъ своего дяди Юрія, который ему окажетъ помощь. Святославъ послѣдовалъ ихъ совѣту и бѣжалъ, взявъ съ собою жену, дѣтей и свою ятровь, жену Игоря; часть дружины послѣдовала за нимъ, а часть осталась [2]). О бѣгствѣ Святослава Ольговича въ Карачевъ дала знать его противникамъ новгородъ-сѣверская дружина, вѣроятно, та, которая не послѣдовала за княземъ [3]). Изяславъ Давидовичъ, разсердившись, что Святославъ ускользнулъ отъ нихъ, отпросился у братьевъ пуститься въ погоню, чтобы захватить его или по крайней мѣрѣ жену, дѣтей и имѣніе; братья отпустили съ нимъ воеводу Шварна съ 3000 конницы. Изяславъ изъ Путивля поѣхалъ на *Сѣвскъ и Болдыжъ*. Въ *Карачевѣ* Святославъ услыхалъ о погонѣ отъ Берендѣевъ, взятыхъ въ плѣнъ посланными имъ дикими

[1]) Ип. лѣт., стр. 236—237.

[2]) Ип. лѣт., стр. 236—237; см. также Лавр., Воскр. и Ник., которыя впрочемъ вкратцѣ повторяютъ разсказъ Ипатьевской; П. С. Р. Л. т. I, стр. 136; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 36—37; Ник. лѣт., II, стр. 91.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ въ Ип. лѣт. пропускъ въ $6\frac{1}{2}$ строкъ; но его намъ возстановляетъ Воскресенская лѣт., см. П. С. Р. Л. т. VII, стр. 37.

Половцами, и узнавъ, что у Давида только 3000 легкаго коннаго войска, рѣшился сразиться съ нимъ. Битва окончилась въ его пользу. Братья узнали объ этомъ, пройдя Болдыжъ лѣсъ и остановившись для отдыха и обѣда. У Изяслава Мстиславича еще болѣе „разжглось" сердце на Святослава, ибо онъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, „бѣ храборъ, крѣпокъ на рать"; приготовивъ своихъ воиновъ, онъ поспѣшилъ съ братьями на Святослава къ Карачеву; цѣлый день до самой ночи шелъ онъ туда, опустошая окружающія мѣстности [1]); по дорогѣ собиралась къ нему разбитая Изяславова дружина; самого Изяслава онъ встрѣтилъ только къ полудню. Не дошедши нѣсколько до Карачева, союзная рать остановилась на ночлегъ и здѣсь услышала, чло Святославъ, не надѣясь выдержать втораго соединеннаго нападенія князей, бѣжалъ ночью за лѣсъ въ землю Вятичей. Теперь и великій князь Изяславъ не хотѣлъ уже дальше преслѣдовать Святослава; „я вамъ добылъ всѣ тѣ волости, которыя вы хотѣли: вотъ вамъ Новгородъ и всѣ владѣнія Святослава; челядь и товаръ изъ его владѣній мы раздѣлили на части; а все, что принадлежало Игорю въ той волости, пусть будетъ мое". Такъ и было исполнено [2]). По удаленіи В. князя, Давидовичи пошли къ Брянску; Святославъ же Ольговичъ—къ *Козельску,* гдѣ Святославъ Всеволодичъ изъ *Карачева* увѣдомилъ его о намѣреніи Давидовичей съ Ростиславомъ Смоленскимъ преслѣдовать его далѣе; Святославъ Ольговичъ послѣ этого пошелъ къ *Дѣдославлю,* а потомъ къ *Осетру* [3]), гдѣ оставилъ его Берладникъ, взявъ за службу 200 грив. сер. и 12 грив. золота. Давидовичи между тѣмъ стали въ Брянскѣ; Святославъ подвинулся еще дальше *въ глубь* земли Вятичей и остановился *въ Колтескѣ;* Давидовичи пошли вслѣдъ за нимъ и заняли Дѣдославль; въ Колтескѣ Святославъ получилъ въ помощь отъ Юрія 1000 бѣлозерцевъ, съ которыми разсчитывалъ пойти на братьевъ къ Дѣдославлю; но въ это время опасно заболѣлъ Иванъ Юрьевичъ; это заставило Святослава отложить свой походъ; въ свою очередь и

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 136.

[2]) Ип. лѣт., стр. 238—239.

[3]) Въ Ник. лѣт. говорится, что изъ Дѣдославля Святославъ пошелъ въ *Рязань,* а оттуда въ *Мценскъ, Тулу, Дубокъ* на Дону, *Елецъ, Пронскъ* и *Осетръ.* (Ник. лѣт., II, стр. 93).

Давидовичи, услышавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія, не рѣшились далѣе его преслѣдовать, поручивъ докончить дѣло Вятичамъ: „а есть ворогъ намъ и вамъ, а ловите его убити лестью и дружину его избити и имѣніе его на полонъ вамъ [1]". Святославъ теперь отпустилъ богато одаривъ своихъ союзниковъ—Половцевъ; въ это время Иванъ Юрьевичъ умеръ [2]; за нимъ пріѣхали два брата его и повезли въ Суздаль къ отцу. Святославъ былъ опечаленъ, думая, что это событіе можетъ ослабить къ нему расположеніе Юрія; но этого не случилось: Юрій прислалъ ему, женѣ и дружинѣ *въ г. Лобыньскъ*, на устье *Поротвы*, куда тотъ пришелъ изъ Колтеска, поднявшись по Окѣ, много подарковъ: шелковыхъ тканей и кожъ [3]. Юрій вообще, можно сказать, дорожилъ своимъ энергическимъ союзникомъ, надѣясь съ его помощью добиться кіевскаго стола. Пославъ своихъ сыновей, Ростислава и Андрея, къ Рязани, самъ Юрій въ 1147 г. пошелъ на Новгородскую область и завоевалъ здѣсь Новый Торгъ и мѣста, лежащія по р. Мстѣ, такъ какъ Новгородцы были въ союзѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ; Святославу же повелѣлъ воевать Смоленскую волость, гдѣ княжилъ, какъ извѣстно, Ростиславъ Мстиславичъ—родной братъ и союзникъ кіевскаго князя. Святославъ пошелъ на р. Протву и взялъ тамъ въ плѣнъ много *Голяди*, послѣ чего по извѣстію Ник. лѣт. [4] возвратился въ Рязань. За тѣмъ, по приглашенію Юрія, пришелъ къ нему на свиданіе въ *Москву*. Святославъ въѣхалъ туда съ небольшою дружиною, пославъ напередъ сына своего Олега, который привезъ въ подарокъ суздальскому князю паруса или барса (вѣроятно, только шкуру этого животнаго). Свиданіе сопровождалось веселыми пирами, при чемъ Юрій щедро одарилъ самого Святослава, сына его Олега, Владиміра-Святославича рязанскаго, пообѣщавъ также отпустить къ Святославу другого сына. Это свиданіе замѣчательно тѣмъ, что по этому поводу лѣтописецъ первый разъ упоминаетъ имя *Москвы*, бывшей тогда незначительнымъ городомъ, расположеннымъ среди глу-

---

1) Ип. лѣт., стр. 240.

2) Въ Ник. лѣт. говорится, что Иванъ Юрьевичъ умеръ на *устьѣ р. Протвы, въ Любимце Анносови* (Ник. II, стр. 94).

3) Ип. лѣт., стр. 240.

4) Ник. лѣт., II, стр. 94.

хихъ лѣсовъ на берегу р. *Москвы* на границѣ суздальскихъ владѣній съ черниговскими и рязанскими [1]). Святославъ теперь рѣшился отвоевать обратно себѣ землю Вятичей [2]), съ этою цѣлью воротился въ *Лобынскъ* и *Неринскъ* и перешелъ Оку; тамъ пришли къ нему послы изъ Половецкой земли (60 чел.) отъ его сватовъ спросить, когда онъ велитъ прислать къ себѣ помощь; Святославъ не останавливаясь пошелъ дальше къ Дѣдославлю, гдѣ къ нему примкнула еще ватага Половцевъ-Токсобичей, которыхъ, подъ предводительствомъ Судимира Кучебича и Горѣна, онъ послалъ вверхъ Угры воевать Смоленскую землю; самъ же подвигался впередъ. Посадники Давидовичей бѣжали передъ нимъ изъ земли Вятичей, *Брянска, Мценска, Облова*, а онъ пошелъ къ *Девягорску* и занялъ всю землю Вятичей до *Брянска* и *Воробейны*, а за тѣмъ *Подесенье* [3]), *Домагощъ* и *Мценскъ* [4]). Такой быстрый успѣхъ Святослава объясняется тѣмъ, что кромѣ Половцевъ къ нему явились еще новые союзники: Суздальская рать подъ предводительствомъ сына Юрія Глѣба; южно русская дружина, извѣстная подъ именемъ *Бродниковъ*, которые при этомъ впервые упоминаются въ лѣтописи; это были вольные дружинники, которые за деньги нанимались на службу къ различнымъ князьямъ подъ предводительство князей-изгоевъ, въ родѣ, напримѣръ, Ивана Берладника (нѣкоторые изслѣдователи готовы въ нихъ видѣть предшественниковъ казацкихъ дружинъ); пришли также на помощь сваты Святослава съ новыми толпами Половцевъ. Давидовичи вступили въ переговоры со своимъ двоюроднымъ братомъ, когда онъ уже подошелъ къ Крому на Изяслава Давидовича, вѣроятно при посредствѣ Святослава Всеволодича, который еще раньше, какъ мы видѣли, принялъ сторону Святослава Ольговича и извѣщалъ его о движеніяхъ Давидовичей и Изяслава Мстиславича [5]); рѣшено было со-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 240—241.

[2]) При этомъ лѣтопись передаетъ любопытное извѣстіе, что въ этомъ походѣ у него умеръ бояринъ Петръ Ильичъ, который служилъ еще его отцу Олегу; отъ старости онъ уже не могъ сѣсть на коня, такъ какъ ему было 90 л. Ип. лѣт,, стр. 240—241.

[3]) По Деснѣ, по извѣстіямъ Ник. лѣт. (II, стр. 96) онъ взялъ *Брянскъ, Обловескъ, Девягорскъ, Доробинескъ.*

[4]) Ип. лѣт., стр. 242.

[5]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 38.

хранить переговоры втайнѣ, Изяслава Мстиславича заманить на лѣвый берегъ Днѣпра, здѣсь схватить, а Игоря, который теперь не былъ опасенъ Давидовичамъ, такъ-какъ принялъ схиму въ Кіевѣ, въ монастырѣ св. Ѳеодора, освободить [1]). Согласно такому рѣшенію Давидовичи послали къ В. князю звать его къ себѣ на помощь. Изяславъ собралъ бояръ, дружину и Кіевлянъ и объявилъ имъ свое намѣреніе пойти на своего дядю Юрія вмѣстѣ съ черниговскими князьями и Ростиславомъ смоленскимъ за то, что тотъ пріютилъ и помогаетъ его врагу Святославу Ольговичу. Кіевляне отговорили его отъ этого похода и совѣтовали не довѣряться Ольговичамъ; Изяславъ на это замѣтилъ, что Давидовичи стоятъ съ нимъ въ крестномъ цѣлованіи. На это Кіевляне дали отвѣтъ, наглядно показывающій нерасположеніе ихъ къ Ольговичамъ: „князь! ты на насъ не гнѣвайся; на племя Владиміра мы не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ хотя бы и съ дѣтьми [2])“. Изяславъ остался, однако, при своемъ и выступилъ въ походъ со своею дружиною и кіевскими охотниками; остальныхъ не принуждалъ. (Тутъ кстати замѣтимъ, что немного раньше отъ него ушелъ Святославъ Всеволодичъ, сказавъ, что идетъ къ своимъ дядямъ выпросить у нихъ себѣ волость въ Сѣверской землѣ). Переправившись черезъ Днѣпръ и подойдя сначала къ *Нѣжатину*, а потомъ къ *Русотинѣ*, Изяславъ послалъ боярина Улеба въ Черниговъ извѣстить о своемъ походѣ. Здѣсь Улебъ узналъ, что сѣверскіе князья измѣнили Изяславу—цѣловали на него крестъ Святославу Ольговичу и Юрію и рѣшили убить его, и поспѣшно воротился съ этимъ извѣстіемъ въ Кіевъ. Желая уличить Давидовичей, Изяславъ снова посылаетъ къ нимъ посла съ просьбой, чтобы они передъ началомъ общаго похода снова поцѣловали ему крестъ; Давидовичи отказались, говоря, что уже сдѣлали это; тогда посолъ, которому было напередъ сказано, что говорить и какъ дѣйствовать, указалъ на ихъ планы и спросилъ, правдали это. Давидовичи были этимъ до такой степени поражены, что не нашлись сразу, что отвѣчать, долго молчали и, наконецъ сказали, чтобы онъ удалился, пока его позовутъ. Долго думали они, наконецъ позвали его и велѣли сказать В. князю, что, дѣйствительно, они пре-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 242.

[2]) Ип. лѣт., стр. 243.

ступили крестное цѣлованіе, потому что имъ жаль своего брата, лишеннаго свободы; если князь освободитъ Игоря—теперь уже схимника, то они будутъ вѣрно ему служить. Изяславъ въ отвѣтъ на ихъ признаніе возвратилъ имъ крестныя грамоты съ упрекомъ въ неблагодарности и сталъ готовиться къ походу противъ нихъ: послалъ гонцовъ съ извѣстіемъ объ ихъ измѣнѣ къ брату Ростиславу въ Смоленскъ и въ Кіевъ, который на время своего отсутствія поручилъ младшему брату Владиміру.

Когда въ Кіевѣ было получено извѣстіе объ измѣнѣ Давидовичей, тамъ произошло страшное смятеніе [1]). Несчастный Игорь Ольговичъ, принявшій схиму въ монастырѣ, былъ убитъ разъяренною толпою, не смотря на всѣ усилія князя и митрополита спасти его.

Война продолжалась; Святославъ Ольговичъ въ союзѣ съ Глѣбомъ Юрьевичемъ дѣйствовалъ очень успѣшно: приступилъ къ Курску. Сынъ Изяслава Мстиславъ долженъ былъ его оставить, при чемъ жители обьявили и ему, какъ Кіевляне его отцу, что не могутъ поднять руки на племя Мономаха (на Глѣба Юрьевича, внука Мономаха), хотя противъ Ольговичей готовы биться за него и съ дѣтьми. Почти все Курское княжество было занято, за исключеніемъ отбившихся городовъ, и тамъ Глѣбъ Юрьевичъ посажалъ посадниковъ) равно какъ и по Посемью за полемъ и у *Вьиря*; Выревцы на требованіе князей сдаться отвѣтили отказомъ, сказавъ, что у нихъ князь Изяславъ, не смотря на угрозу князей отдать ихъ въ полонъ Половцамъ; *Вьяханя* тоже взять не могли; но за то взяли *Попашъ*, можетъ быть, потому что въ это время къ нимъ присоединился и Изяславъ Давидовичъ [2]). Но на этомъ и окончились успѣхи сѣверскихъ князей. Изяславъ, получивъ помощь отъ Вячеслава и изъ Владиміра, направился въ Переяславль, поджидая своего брата Ростислава со Смольнянами; тутъ пришла ему вѣсть, что Ростиславъ уже идетъ къ нему, причинивъ много вреда Ольговичамъ; услышавъ объ этомъ, Изяславъ медленно пошелъ на встрѣчу брату и встрѣтился съ нимъ на мѣстѣ, называемомъ *Черною Могилой*; соединившись и подумавши между собою и съ Черными Клобуками, братья рѣшили пойти на Сулу. Между тѣмъ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 244—246.

[2]) Ип. лѣт., стр. 250—251.

большая часть Половцевъ, находившихся въ дружинѣ Святослава Ольговича, узнавъ о соединеніи Изяслава Мстиславича съ Ростиславомъ, ушли домой [1]). Изяславъ же и Ростиславъ, „сдумавши" съ дружиною и Черными Клобуками, рѣшили пойти къ г. *Всеволожу*; но когда они подошли къ нему, сѣверскіе князья уже прошли мимо Всеволожа; Мстиславичи не пошли вслѣдъ за ними, а взяли городъ Всеволожь на щитъ; здѣсь лѣтопись прибавляетъ очень любопытное извѣстіе, что во Всеволожь скрылось другихъ два города: „и ина въ нѣмъ бяста два города вошла [2])"; тогда другіе города: *Уненѣжъ*, *Бѣловѣжа*, *Бохмачъ*, услышавши, что Всеволожь взятъ, побѣжали къ Чернигову и „инии гради мнози бѣжаша". Изяславъ же и Ростиславъ, узнавъ объ этомъ, погнались за ними, настигли на полѣ и здѣсь взяли эти три города, а остальные ушли. „Глѣбльцы" же (жители Глѣбля), услышавъ, что *Уненѣжъ*, *Бѣловѣжа* и *Бохмачъ* были сожжены, сначала хотѣли было убѣжать, но не успѣли: къ городу подошли Мстиславичи; тогда они рѣшились мужественно защищаться; битва продолжалась съ утра до вечера; Изяславъ и Ростиславъ должны были уйти отъ города, ничего не сдѣлавши, и воротились въ Кіевъ [3]). Теперь постановили, чтобы Ростиславъ напалъ по сосѣдству на Юрія Суздальскаго со Смольнянами и Новгородцами, а самъ Изяславъ—на Ольговичей и Давидовичей. Въ то время Ольговичи и Давидовичи, пославъ свою дружину и присоединивъ къ ней Половцевъ, воевали *Брягинь*. 1147-й г. закончился незначительнымъ столкновеніемъ Глѣба Юрьевича съ Изяславомъ; первый занялъ у послѣдняго „отцовскій Городокъ"; Изяславъ звалъ его къ себѣ въ Кіевъ, вѣроятно, для объясненій по этому поводу; Глѣбъ обѣщалъ, но не пришелъ; наоборотъ, послушавъ Жирослава, который говорилъ ему, что „его хотятъ Переяславцы", быстро двинулся на Переяславль (онъ княжилъ въ Посемьи, возлѣ *Выря* и въ Курскѣ [4]); но расчетъ на Переяславцевъ оказался невѣренъ; простоявъ передъ городомъ до утра, Глѣбъ повернулъ назадъ; Мстиславъ Изяславичъ, княжившій тогда въ Переяславлѣ, узнавъ о приходѣ Глѣба,

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 250—251.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 43.

[3]) Ип. лѣт., стр. 252—253.

[4]) Тамъ онъ, какъ мы видѣли, посажалъ своихъ посадниковъ; см. Ип. лѣт., стр. 25.

собралъ дружину, погнался за нимъ и, нагнавъ у *Носова на Рудѣ*, взялъ въ плѣнъ часть его дружины, и затѣмъ воротился назадъ [1]). Изяславъ, услышавъ обо всемъ происшедшемъ, пошелъ съ дружиною на Глѣба къ Городку. Глѣбъ обратился за помощью къ сѣверскимъ князьямъ; но тѣ не могли оказать ему никакой помощи; поэтому онъ долженъ былъ помириться съ Изяславомъ, подошедшимъ къ Городку; но этотъ миръ былъ вынужденный. Когда Изяславъ воротился въ Кіевъ, то Глѣбъ послалъ къ Владиміру Давидовичу сказать, что онъ поневолѣ цѣловалъ крестъ Изяславу, такъ какъ его Изяславъ „оступилъ" въ городѣ, а помощи отъ нихъ ему не было, но что онъ попрежнему остается ихъ союзникомъ [2]).

Въ слѣдующемъ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ снова предпринялъ опустошительный походъ на Сѣверскую землю. Получивъ помощь отъ дяди Вячеслава, отъ Угровъ, изъ Владиміра, взявъ всѣ свои полки, составленные изъ Берендѣевъ, онъ направился къ Чернигову и сталъ на *Ольговомъ полѣ*, гдѣ простоялъ 3 дня, поджидая Святослава Ольговича, Давидовичей—Изяслава и Владиміра и Святослава Всеволодича, которые между тѣмъ заперлись въ Черниговѣ и не рѣшались выходить оттуда; тогда Изяславъ пожегъ всѣ ихъ села до *Боловоса*, надѣясь этимъ заставить ихъ выйти изъ города; когда же и это не помогло, то онъ рѣшился пойти къ Любечу, гдѣ была „вся жизнь" сѣверскихъ князей; это оказало нужное дѣйствіе. Сѣверскіе князья съ рязанскими и Половцами тоже подошли къ Любечу и стали на той сторонѣ рѣки, протекающей возлѣ города [3]); Любеча кіевскій князь не могъ взять, потому что необходимо было ему переправиться на правую сторону Днѣпра въ виду того, что ледъ на Днѣпрѣ долженъ былъ скоро тронуться [4]). Сѣверскіе князья убѣдились, что собственными силами не могутъ противиться Изяславу и поэтому обратились за помощью къ Юрію; „ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изяслава, но не пошелъ, а Изяславъ пожегъ за Десною наши города и повоевалъ всю нашу землю; мало того, что не пришелъ къ намъ на помощь; ты даже не выступилъ противъ Ростислава; теперь опять

---

1) Ип. лѣт., стр. 253; П. С. Р. Л. т. I, стр. 138.

2) Ип. лѣт., стр. 253—254.

3) Притокъ Днѣпра—*Болгачи*.

4) Ип. лѣт. стр. 254.

Изяславъ, ставъ на Ольговѣ полѣ, повоевалъ наши села до Любеча; поэтому хоть теперь пойди на Изяслава, и мы тоже пойдемъ вмѣстѣ съ тобою [1])". Но послы воротились отъ Юрія безъ успѣха; къ этому присоединилась вторичная неудача Глѣба Юрьевича въ его желаніи овладѣть Переяславлемъ: и на этотъ разъ его „прельстили" Переяславцы; много его дружины похваталъ Мстиславъ Изяславичъ; самъ онъ изъ „Городца" долженъ былъ бѣжать въ Черниговъ [2]). Этотъ эпизодъ въ Ник. лѣт. расцвѣченъ поэтическимъ элементомъ; тамъ разсказывается, что, когда Глѣбъ подошелъ къ Переяславлю, у Мстислава Изяславича не было на готовѣ дружины; поэтому онъ обратился къ переяславскому богатырю *Демьяну Куденевичу*: „теперь, человѣкъ Божій, сказалъ онъ ему, пришло время помощи Божіей, Пречистой Богородицы и твоего мужества". Демьянъ Куденевичъ немедленно садится на коня со своимъ слугою Тарасомъ и съ 5-ью отроками, встрѣчаетъ князя Глѣба на полѣ близь посада, нападаетъ на него и многихъ его воевъ нещадно убиваетъ. Князь Глѣбъ очень испугался и послалъ сказать Демьяну Куденевичу, что онъ пріѣхалъ не на рать, а на миръ. Этотъ богатырь погибъ, по извѣстію той же лѣтописи, въ битвѣ съ Половцами, которые въ томъ же году сдѣлали нападеніе на Переяславль; онъ вышелъ противъ нихъ одинъ безъ всякого ратнаго доспѣха а былъ прострѣленъ стрѣлою, когда онъ умеръ отъ ранъ, то по немъ былъ въ городѣ великій плачъ [3]). Очевидно, въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи мы имѣемъ отрывокъ народнаго эпоса, но не кіевскаго, и переяславскаго; происхожденіе его намъ станетъ понятно, если мы вспомнимъ, что для него была благодарная почва: борьба съ кочевниками.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ, и Святославъ Всеволодичъ рѣшили обратиться къ В. К. Изяславу и попросить у него мира. „Прежде мы желали, чтобъ ты освободилъ брата нашего Игоря, говорили они; но теперь уже его нѣтъ; до какихъ же поръ намъ губить Русскую землю; лучше уладимся"! Изяславъ на это имъ отвѣтилъ, что сошлется съ братомъ своимъ и

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 255.

[2]) Ibidem, стр. 255—256.

[3]) Ник. лѣт., II, стр. 105—106.

затѣмъ пошлетъ къ нимъ своихъ пословъ. Ростиславъ совѣтовалъ брату мириться, лишь бы только Святославичи отложили вражду за Игоря. Поэтому Изяславъ послалъ въ Черниговъ бѣлгородскаго епископа Ѳеодора и печерскаго игумена Ѳеодосія со своими мужьями для заключенія мира. У Святаго Спаса цѣловали крестъ—отложить вражду изъ-за Игоря и „быти всѣмъ за одинъ братъ [1])".

Въ томъ же году Изяславъ Мстиславичъ, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи сходились кромѣ того еще на „снемъ" у „Городка Востерскаго"; Святослава Ольговича и Святослава Всеволодича на немъ не было; но за то присутствовалъ самый старшій сынъ Юрія Ростиславъ, который, поссорившись съ отцемъ, пришелъ къ Изяславу съ просьбою дать какую нибудь волость. Этотъ Ростиславъ, по извѣстію Ник. лѣт., захватилъ, по уходѣ брата своего Глѣба къ отцу, Городецъ и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ [2]). Изяславъ далъ ему 5 городовъ [3]); тутъ же Изяславъ просилъ Давидовичей идти съ нимъ походомъ на Юрія, который обижалъ Новгородцевъ. Рѣшено было Давидовичамъ и Святославу Ольговичу отправиться къ Ростову черезъ землю Вятичей, Изяславу же Мстиславичу пойти къ брату въ Смоленскъ и затѣмъ всѣмъ соединиться на Волгѣ. „Снемъ" закончился веселымъ пиромъ, послѣ котораго всѣ разъѣхались въ свои волости [4]). Святослава Ольговича не было на снемѣ, вѣроятно, чтобъ задобрить его, Ростиславъ Смоленскій посваталъ его дочь за своего сына Романа, и она „ведена бысть изъ Новагорода (Сѣверскаго) въ недѣлю по Водохрещахъ, мѣсяца генваря 9-й день [5])". Отсюда мы заключаемъ, что Святославъ Ольговичъ снова, помирившись съ братьями, получилъ свой Новгородъ Сѣверскій удѣлъ. Посемьемъ съ Курскомъ теперь уже владѣлъ не Глѣбъ Юрьевичъ, а Владиміръ Давидовичъ, какъ это видно изъ словъ Святослава Ольговича брату Владиміру, когда Юрій Суздальскій-Долгорукій въ первый разъ завладѣлъ Кіевомъ: „а Святославъ Ольговичъ поча ему молвити: „держиши отчину мою" и тогда взя

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 256—257.

[2]) Ник. лѣт., II, стр. 107.

[3]) Ип. лѣт., стр. 257.

[4]) Ibidem, стр. 257—258.

[5]) Ibidem, стр. 258.

Курскъ и съ Посемьемъ, и Сновьскую тысячу у Изяслава [1])"... Дѣйствительно, въ Воскресенской лѣтописи мы находимъ извѣстіе, что Глѣбъ удалился къ отцу [2]). Собственно Черниговское княжество было раздѣлено между двумя братьями: Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами, при чемъ Черниговъ принадлежалъ первому изъ нихъ. Имъ же принадлежали и Вятичи. Такъ Давидовичи, когда Юрій пошелъ походомъ на Изяслава, и занялъ Вятичей, говорятъ: „се Гюрги—стрый твой идеть на тя и уже есть вшелъ въ нашѣ Вятичи [3])". Когда стали рѣки, Изяславъ дѣйствительно, какъ было рѣшено, предпринялъ походъ на Юрія; но Давидовичи, не говоря уже о Святославѣ Ольговичѣ, уклонились отъ него, простоявъ въ Вятичахъ, „ожидаючи и зряча, по выраженію лѣтописи, что ся тамо учинитъ межю Гюргемъ и Изяславомъ [4])".

Наконецъ, въ 1149 г. самъ Юрій рѣшился предпринять походъ на своего племянника, побуждаемый къ этому съ одной стороны опустошеніемъ своей области Изяславомъ, а съ другой; несправедливостью, оказанной его сыну; мы уже говорили выше, что къ Изяславу въ Кіевъ, поссорившись съ отцомъ, пришелъ самый старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, и Изяславъ далъ ему у себя волость; но по возвращеніи изъ своего похода на Юрія, кіевскій князь, по наговору злыхъ людей, прогналъ отъ себя Ростислава [5]). Давидовичи въ этой войнѣ оставались на сторонѣ Изяслава Мстиславича, а Святославъ Ольговичъ сначала было колебался, а потомъ открыто перешелъ на сторону Юрія. Посламъ, присланнымъ отъ братьевъ, онъ не далъ никакого рѣшительнаго отвѣта до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что Юрій въ правду идетъ на Изяслава. Узнавши же это, онъ потребовалъ за свою помощь у Изяслава Мстиславича возвращенія Игоревыхъ товаровъ [6]); Изяславъ, конечно, но такое требованіе не согласился, и тогда Святославъ прямо примкнулъ къ Юрію: поѣхалъ къ Ярышеву, гдѣ оста-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 268.
[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 44.
[3]) Ип. лѣт., стр. 264.
[4]) Ibidem, стр. 260.
[5]) Ibidem, стр. 260—261.
[6]) Ibidem, стр. 262—263.

новился, Юрій [1]) и тамъ задалъ ему пиръ въ знакъ союза и дружбы [2]). Попытка Юрія и Святослава привлечь на свою сторону Давидовичей не удалась; немного спустя Изяславъ Давидовичъ привезъ на помощь кіевскому князю свою рать, которая принимала участіе въ рѣшительной битвѣ между обоими противниками. Мы не будемъ подробно разсказывать хода этой войны, потому что если она имѣетъ какой нибудь интересъ, то чисто географическій и то для географіи Переяславскаго княжества. Произошла у Переяславля битва, въ которой остался побѣдителемъ Юрій; результаты этой битвы для Юрія были тѣ, что онъ занялъ теперь велик. княж. столъ кіевскій, посадивъ въ Кіевской и Переяславской землѣ своихъ сыновей [3]). Благодаря побѣдѣ Юрія, и союзникъ его Святославъ Ольговичъ могъ теперь разсчитывать получить побольше волостей; дѣйствительно, онъ отобралъ у двоюроднаго брата своего Владиміра Давидовича Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давидовича Сновьскую тысячу [4]) Случескъ, Клеческъ и всѣхъ Дреговичей. Но, какъ извѣстно, Юрію не долго удалось посидѣть въ Кіевѣ: въ 1150 г. онъ былъ выгнанъ племянникомъ Изяславомъ и, усѣвшись въ Остерскомъ городкѣ, просилъ оттуда себѣ помощи у сѣверскихъ князей и посылалъ помощь сыну своему Ростиславу противъ Турпѣевъ [5]); но въ томъ же году онъ снова воротилъ себѣ Кіевъ при помощи галицкаго князя Володимірка и всѣхъ сѣверскихъ князей, двухъ Давидовичей и двухъ Ольговичей [6]). Въ 1151 г. братья, дотолѣ дружные, раздѣлились. Владиміръ былъ на сторонѣ Юрія, Изяславъ по неизвѣстнымъ причинамъ перешелъ опять къ Изяславу Мстиславичу. Побѣду одержалъ на этотъ разъ Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ Давидовичъ черниговскій палъ въ этой битвѣ. Явился такимъ образомъ вопросъ, кому быть черниговскимъ княземъ: Изяславу Дави-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 264.

[2]) Въ Лав. лѣт. находимъ извѣстіе, что Юрій оставался въ Рязани. П. С. Р. Л. т. I-й, 139.

[3]) Ип. лѣт., стр. 268.

[4]) „А Святославъ Ольговичъ поча ему (Владиміру Давид.) молвити: „держиши отчину мою „и тогда“ взя Курскъ и съ Посемьемъ и Сьновьскую тысячу у Изяслава, и Случьскъ и Клеческъ и вси Дрегвичѣ“. Ип. лѣт. стр. 268.

[5]) Ип. лѣт., стр. 277.

[6]) Ibidem, стр. 280.

довичу или Святославу Ольговичу. Права ихъ были почти равныя; все дѣло, слѣдовательно, заключалось въ томъ, кто первой его захватитъ. Долго плакалъ Изяславъ Мстиславичъ и Изяславъ Давидовичъ надъ убитымъ Владиміромъ; наконецъ Мстиславичъ сказалъ Давидовичу: „его уже намъ не воскресить, Богъ же и Святая Богородица помогли намъ побѣдить враговъ, которые теперь все таки близко отъ Чернигова: поэтому ты не медля, взявъ съ собою тѣло брата, поѣзжай въ Черниговъ; я тебѣ дамъ помощь, а ты къ вечеру долженъ уже поспѣть въ Вышгородъ [1]). Давидовичъ послѣдовалъ этому совѣту; вечеромъ былъ уже въ Вышгородѣ, въ ту же ночь переправился на другую сторону Днѣпра, а утромъ уже былъ въ Черниговѣ и занялъ столъ; между тѣмъ Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ переправились черезъ Днѣпръ выше Заруба и прибѣжали въ Городокъ Остерскій. Тутъ Святославъ Ольговичъ, утомленный быстрою ѣздой, остановился отдохнуть, а въ Черниговъ послалъ своего племянника; тотъ, добѣжавъ до перевоза на Деснѣ и узнавъ тамъ о занятіи Чернигова Изяславомъ, воротился назадъ и сообщилъ объ этомъ Святославу. Тогда Святославъ отправился на столъ Новгородъ-Сѣверскій.

Положеніе его, какъ союзника Юрія, было теперь незавидное; самъ Юрій долженъ былъ уходить въ свои суздальскія владѣнія; въ виду этого онъ со своимъ племянникомъ послалъ въ Черниговъ къ брату Изяславу сказать: братъ! миръ, стоитъ до рати, а рать до мира; но мы все таки братья, поэтому пріими насъ къ себѣ; у насъ двѣ отчины: одна моего отца, Олега; другая твоего, Давида; ты Давидовичъ, а я Ольговичъ, поэтому возьми себѣ то, что принадлежитъ Давиду, а я возьму то, что принадлежитъ Олегу. Изяславъ поступилъ по христіански: воротилъ отчину своимъ братьямъ, а себѣ взялъ свою [2]).

Примирился съ братомъ Святославъ во время, потому что немедленно вслѣдъ за этимъ Изяславъ Мстиславичъ пошелъ на Юрія къ Городку и принудилъ его дать обѣщаніе уйти къ Суздалю. Но и на этомъ не успокоился Изяславъ: соединившись съ Изяславомъ Давидовичемъ и Святославомъ Всеволодичемъ, онъ развелъ и сжегъ Осторскій Городокъ Этотъ Остерскій Городокъ, иначе Городецъ, находился въ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 304.

[2]) Ibidem, стр. 306—307.

Черниговскомъ княжествѣ; при впаденіи р. Остра въ Десну и игралъ роль украиннаго города Сѣверской земли на ея границѣ съ Кіевскимъ княжествомъ; онъ былъ какъ бы притокомъ для князей, желавшихъ отсюда сдѣлать нападеніе на Южную Русь, особенно Кіевскую, иногда Переяславскую. Отсюда Глѣбъ Юрьевичъ два раза дѣлалъ нападеніе на Переяславль; сюда онъ убѣгалъ послѣ неудачъ, сюда прибѣжалъ Святославъ Ольговичъ послѣ неудачной битвы въ 1151 г.; сюда, наконецъ, прибѣжалъ и Юрій Владиміровичъ. Отсюда становится понятнымъ, почему Мстиславичъ разрушилъ Городокъ: онъ хотѣлъ чтобы у Юрія не было пристанища въ Южной Руси. И такъ, какъ мы видимъ, все княженіе Владиміра Давидовича въ Черниговѣ наполнено войнами; Черниговское княжество въ это время нѣсколько разъ было опустошаемо, но не Половцами, что было бы понятно, а русскими воями Изяслава.

Не успѣла оправиться земля отъ предъидущихъ опустошеній, какъ ей предстояли новыя. Юрій Суздальскій рѣшился отомстить за сожженіе его Городка (Остерскаго) и предпринялъ походъ на Южную Русь. На этотъ разъ на его сторону перешелъ только одинъ Святославъ Ольговичъ; Изяславъ же Давидовичъ, и даже Святославъ Всеволодовичъ приняли сторону Изявлава Мстиславича. Трудно было впрочемъ Святославу и не пристать къ Юрію, когда его владѣнія находились по пути къ суздальскому князю и когда съ нимъ было столько союзниковъ: Владимірко галицкій, рязанскій князь Ростиславъ Ярославичъ съ рязанцами и муромцами и вся Половецкая земля. Прежде всего Юрій началъ опустошать волость Изяслава Давидовича: Вятичей [1]), за тѣмъ *Мценскъ*, *Спашь* и *Глуховъ*; возлѣ Глухова онъ остановился и затѣмъ отправился къ Березому и сталъ у *Свини*, и у *Гюричева*. Тогда въ Черниговъ на помощь Изяславу Давидовичу вошли Ростиславъ Мстиславичъ и Святославъ Всеволодичъ. Юрій же изъ *Гюричева* пустилъ къ Чернигову Половцевъ, которые повоевали многія мѣста подлѣ города и сожгли *Семынь*. Въ ту же самую ночь Изяславъ Давидовичъ съ Ростиславомъ и Святославомъ, велѣли всѣмъ жителямъ бѣжать изъ острога въ дѣтинецъ. На утро и Юрій и Свя-

---

[1]) Вятичи принадлежали Изяславу Давидовичу, потому что, если бы они принадлежали Святославу Олеговичу, Юрій ихъ бы не тронулъ.

тославъ „исполчившись“ пошли къ городу и остановились, не дойдя до Семыня; вся масса Половцевъ пошла на приступъ и, отнявъ острогъ, зажгла все прегородье и облегла городъ. Но Половцы все таки дѣйствовали нерѣшительно, потому что съ ними не было князей; поэтому Андрей Юрьевичъ, сказавъ себѣ, „почну азъ день свой“, взялъ свою дружину и избилъ или прогналъ пѣшихъ, вышедшихъ на битву изъ города; тогда за нимъ и другіе князья стали ѣздить на битву подъ городъ; этимъ они такъ напугали осаждаемыхъ, что тѣ не осмѣливались вовсе выходить; такъ дѣло продолжалось 12 дней, пока Вячеславъ и Изяславъ, стоявшіе доселѣ на правой сторонѣ Днѣпра у Ольжичъ, не двинулись на помощь со всѣми полками; суздальская рать узнала о движеніи кіевскаго князя, на помощь Чернигову, когда Изяславъ былъ у Моровійска; первымъ слѣдствіемъ было то, что Половцы, испугавшись приближающейся рати, ушли изъ отряда Юрія; вслѣдствіе этого и самъ Юрій удалился изъ подъ Чернигова, по направленію къ Новгородъ-Сѣверску за Свинь, а потомъ за Сновь; Вячеславъ же и Изяславъ остановились на *Боловесѣ*; сюда къ нимъ пріѣхали Ростиславъ, Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Всеволодичъ и сначала было хотѣли преслѣдовать отступившихъ, а потомъ рѣшили разойтись по домамъ до тѣхъ поръ, пока не установятся рѣки. При этомъ обратномъ отступленіи пострадало снова Сѣверское княжество. Половцы пошли въ свою землю черезъ Путивль и причинили тамъ большія опустошенія; кромѣ этого ей угрожало въ самомъ недалекомъ будущемъ опустошеніе со стороны Изяслава и его союзниковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Святославъ Ольговичъ обратился къ Юрію. „Ты хочешь прочь уйти, а меня оставить, говоритъ онъ ему, погубивъ мою волость и опустошивъ жита вокругъ моего города“. Но Юрій оставилъ ему только сына своего Василька съ 50 воинами. Земля Вятичей теперь снова была опустошена [1]). Когда же установились рѣки, то кіевскій князь со своими союзниками дѣйствительно предпринялъ походъ на Святослава Ольговича за его союзъ съ Юріемъ. Изъ *Альты* подошли ко Всеволожу, гдѣ Изяславъ отрядилъ сына своего Мстислава со всѣми его полками и Черными Клобуками на Половцевъ; а самъ пошелъ на Новгородъ-Сѣверскъ; тутъ на дорогѣ

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 314—316.

къ нему присоединились Святославъ Всеволодичъ, Романъ Ростиславичъ и Изяславъ Давидовичъ; все это ополченіе подступило къ городу и стало биться у Острожныхъ воротъ, вогнавъ своихъ противниковъ въ самый городъ; Острогъ былъ взятъ, и осажденные отступили въ свои „товары". На третій день послѣ взятія Острога, Святославъ Ольговичъ послалъ къ Изяславу Мстиславичу, кланяясь и прося мира; Изяславъ сначала было не хотѣлъ мириться, но такъ-какъ дѣло было къ веснѣ, то наконецъ согласился [1]).

Въ 1154 г. умеръ В. князь кіевскій Изяславъ, и это событіе послужило источникомъ новыхъ междуусобій для Сѣверской земли; оказалось много претендентовъ на кіевскій столъ: дядя и соправитель Изяслава, Вячеславъ, Изяславъ Давидовичъ черниговскій и Юрій суздальскій. Вячеславъ, совершенно недѣятельный и нерѣшительный, былъ по смерти Изяслава номинально В. княземъ кіевскимъ; но всѣ Кіевляне и Черные Клобуки прекрасно понимали, что онъ самъ собою не удержится въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что немедленно по смерти Изяслава къ кіевскому перевозу (при впаденіи Десны) подъѣхалъ Изяславъ Давидовичъ черниговскій съ тѣмъ, конечно, чтобы воспользовавшись слабостью Вячеслава, и овладѣть кіевскимъ столомъ; но на этотъ разъ его попытка не имѣла успѣха; Вячеславъ „сдумавъ" съ Мстиславомъ, не пустилъ его, не смотря на то, что Изяславъ далъ успокоительный отвѣтъ: „пріѣхалъ есмь брата своего, плакать аче есмь тогда не былъ надъ братомъ своимъ, а повели ми нынѣ, ать оплачю гробъ его шедъ [2])". Что бы такъ или иначе обезопасить себя до прихода изъ Смоленска Ростислава Мстиславича, Вячеславъ пригласилъ въ Кіевъ Святослава Всеволодича, какъ „любимаго сына Ростислава; Всеволодичъ, не „повѣдавея" Изяславу Давидовичу, ни своему дядѣ Святославу Ольговичу, поѣхалъ къ Вячеславу въ Кіевъ"; Изяславъ же Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ послали по Юрія въ Суздаль. Когда Ростиславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, то его избрали В. княземъ кіевскимъ

---

[1]) Въ Лавр. лѣт. говорится напротивъ, что Изяславъ, не успѣвъ ничего сдѣлать подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, началъ „слаться о мирѣ": „самъ (Изяславъ) приде къ Нову-городу и не успѣвъ ничтоже, и нача слатися мира прося и умирився възвратися Киеву"; П. С. Р. Л. т. I, стр. 146.

[2]) Ип. лѣт., стр. 323.

съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ почиталъ своего дядю Вячеслава также, какъ его братъ Изяславъ; въ награду за вѣрность и усердіе Святославу Всеволодичу дали Туровъ и Пинскъ [1]).

Сѣверскіе князья, какъ мы видѣли, послали за Юріемъ, надѣясь, вѣроятно, посадить его на велико-княжескій столъ кіевскій или по крайней мѣрѣ добыть себѣ волостей. Юрій, дѣйствительно, послалъ въ Южную Русь сына своего Глѣба, который со множествомъ Половцевъ подступилъ къ Переяславлю, на помощь Мстиславу Изяславичу, бывшему въ Переяславлѣ, Ростиславъ послалъ сына своего Святослава. Половцы, узнавъ, что къ Переяславлю пришла помощь, отступили отъ города и даже пошли за Сулу, боясь Ростислава и Святослава. Узнавъ объ удаленіи Половцевъ, Ростиславъ рѣшился пойти къ Чернигову на Изяслава Давидовича. Взявъ съ собою Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича, Торковъ и Кіянъ, онъ перешелъ Днѣпръ у Вышгорода и тутъ остановился, собирая дружину, желая „упередить" Юрія. На другой день къ Ростиславу пришла изъ Кіева вѣсть, что умеръ его дядя Вячеславъ; поэтому онъ оставилъ дружину и поѣхалъ въ Кіевъ позаботиться о его погребеніи. Воротившись оттуда, онъ, не смотря на совѣты своихъ мужей, прежде всего „утвердиться" съ Кіевлянами, рѣшился таки идти походомъ на Изяслава Давидовича. А Изяславъ Давидовичъ, узнавъ о движеніи противъ него Ростислава, послалъ за Глѣбомъ и Половцами. Ставъ на Боловесѣ, Ростиславъ послалъ къ Изяславу Давидовичу съ мирными предложеніями: „цѣлуй намъ крестъ, говорилъ онъ ему, что ты будешь сидѣть въ своей отчинѣ—Черниговѣ, а я въ Кіевѣ". Изяславъ на это отвѣтилъ, что онъ и теперь имъ ничего не сдѣлалъ, а они на него пришли; поэтому пусть война рѣшитъ дѣло. Утромъ, соединившись съ Глѣбомъ и Половцами, вышелъ онъ къ *Боловесу* противъ кіевской рати. Ростиславъ же, увидѣвъ множество Половцевъ, (самъ же онъ пришелъ „въ малѣ"), сталъ „слаться" о мирѣ и давалъ Изяславу подъ собою Кіевъ, а подъ Мстиславомъ—Переяславль; Мстиславъ, услышавъ, что Ростиславъ даетъ подъ нимъ Переяславль, сказалъ: „пусть же не будетъ ни мнѣ, ни тебѣ Кіева" и съ этими словами удалился отъ него со всѣмъ своимъ полкомъ. Тогда дружина Ростислава, Святослава и Мсти-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 324.

слава была частью избита, частью взята въ плѣнъ, а сами они принуждены были спасаться бѣгствомъ. Ростиславъ, перебѣжавши Днѣпръ ниже Любеча, пошелъ къ Смоленску, а Мстиславъ Изяславичъ убѣжалъ въ Переяславль и взявъ тамъ жену, пошелъ въ Луцкъ; Святослава Всеволодича взяли въ плѣнъ Половцы, такъ что его, равно какъ и многихъ другихъ, выкупилъ изъ плѣна самъ Изяславъ Давидовичъ [1]). Такимъ образомъ, черниговскій князь одержалъ тутъ полную побѣду и рѣшился воспользоваться этимъ: послалъ къ Кіевлянамъ сказать, что хочетъ къ нимъ пріѣхать на княженіе. Тѣ, боясь Половцевъ, „зане тогды тяжко бяше кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ", послали къ нему епископа сказать: „поѣзжай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы; будь нашимъ княземъ!" Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, а Глѣба Юрьевича послалъ на княженіе въ Переяславль [2]).

Черниговскій столъ получилъ Святославъ Ольговичъ; но усидѣть Изяславу въ Кіевѣ было очень трудно: Юрій, заслышавъ о происшедшемъ, шелъ въ Южную Русь. Святославъ Ольговичъ встрѣтилъ своего свата у *Синина Моста, у Радоща.* Святославъ Всеволодичъ также встрѣтилъ съ почетомъ Юрія у *Стародуба* и принесъ ему повинную, сказавъ: „избезумѣлся есмь". Юрій съ нимъ помирился, и тотъ цѣловалъ крестъ „на всей его волѣ". Теперь всѣ вмѣстѣ они пошли къ *Стародубу* и *Чернигову.* Оттуда Святославъ послалъ къ своему брату Давидовичу сказать: „поѣзжай, братъ, изъ Кіева, ибо туда идетъ Юрій". Но Изяславу не хотѣлось уходить изъ Кіева; поэтому Святославъ снова отправилъ къ брату пословъ и обѣщалъ отдать ему Черниговъ, а самому удалиться въ Новгородъ-Сѣверскъ. Не смотря на это, Изяславъ все таки не хотѣлъ уходить изъ Кіева, „зане, прибавляетъ лѣтописецъ, улюбилъ бы Кіевъ ему". Юрій между тѣмъ остановился у Моровейска, откуда самъ уже послалъ къ Изяславу сказать: „Кіевъ—моя отчина, а не твоя". Въ отвѣтъ на это Изяславъ сталъ оправдываться, что онъ не самъ поѣхалъ въ Кіевъ, а посадили его Кіяне, упрашивать Юрія не дѣлать ему „никакой пакости"—и наконецъ вышелъ изъ Кіева въ Черниговъ. Святославъ, по своему обѣща-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 325—326.

[2]) Ibidem, стр. 327.

нію, перешелъ изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ; Кіевъ занялъ Юрій [1]).

Но сѣверскіе князья еще не уладились другъ съ другомъ въ волостяхъ. Къ Святославу Ольговичу пріѣхалъ его племянникъ, которому онъ къ прежней его волости прибавилъ 3 города, но отнялъ за то 3 другіе:—*Сновскъ*, *Карачевъ* и *Воротинескъ* за то, что тотъ прежде было отступилъ отъ него. Съ другой стороны и Изяславъ собирался предпринять походъ на Юрія, но его отъ этого намѣренія отклонилъ Святославъ [2]); въ виду этого Юрій, воспользовавшись тѣмъ, что собравъ дружину на Половцевъ, послалъ къ черниговскому князю сказать: хочешь ли ты мира или войны съ нами; тотъ, видя, что Юрій собралъ сильную рать, поцѣловалъ ему крестъ. Послѣ этого Юрій, Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ сошлись на „снемъ" въ *Лутавѣ*; тутъ Изяславу Юрій далъ *Корческъ*, а Святославу *Мозырь* [3]). Чтобы скрѣпить свой союзъ съ Изяславомъ Давидовичемъ, Юрій посваталъ у него дочь за своего сына Глѣба [4]).

Въ 1156 г. снова вспыхнуло междуусобіе въ Сѣверской землѣ изъ за волостей. Святославъ Владиміровичъ, племянникъ Изяслава Давидовича, недовольный своимъ удѣломъ—Березоемъ, бѣжалъ во *Вщижъ* и занялъ всѣ города Подесенскіе, положившись на помощь Ростислава смоленскаго. На Святослава Владиміровича пошелъ Изяславъ Давидовичъ, взявъ съ собою множество Половцевъ собравшихся на „снемъ" съ южно-русскими князьями къ *Зарубу* [5]). Но окончательный миръ Изяславъ заключилъ со своимъ племянникомъ въ концѣ 1156 года, когда двое дядей, Изяславъ и Святославъ, сошлись на „снемъ" съ двумя племянниками Святославомъ Всеволодичемъ и Святославомъ Владиміровичемъ—у *Мстиславля* [6]). Примирившись со своими родичами, Изяславъ сталъ замышлять рать на Юрія и съ этою цѣлью привлекъ на свою сторону Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича; это было тѣмъ легче сдѣлать, что передъ тѣмъ Юрій ходилъ на Мсти-

---

1) Ип. лѣт., стр. 328—329.
2) Ibidem, стр. 329.
3) Ibidem, стр. 330—331.
4) Ibidem, стр. 331.
5) Ibidem, стр. 333.
6) Ibidem, стр. 334.

слава Изяславича ко Владиміру; но Святослава Ольговича нельзя было уговорить: онъ ни за что не хотѣлъ преступить крестнаго цѣлованія по отношенію къ Юрію; надѣялся также Изяславъ воспользоваться помощью Ивана Берладника, котораго онъ пріютилъ у себя, освободивъ изъ плѣна. Но когда онъ хотѣлъ выступить изъ Чернигова на Юрія, пришли послы отъ Кіевлянъ съ просьбой пріѣхать къ нимъ въ Кіевъ на княженіе, такъ какъ Юрій умеръ [1]).

Занятіе кіевскаго стола черниговскимъ княземъ произвело по обыкновенію перемѣны и въ Сѣверской землѣ. Въ Черниговѣ Изяславъ Давидовичъ оставилъ своего племянника Святослава Владиміровича со всѣмъ своимъ полкомъ; но Святославъ Ольговичъ, имѣвшій по своемъ братѣ Изяславѣ и болѣе правъ, и болѣе силы и значенія, не могъ допустить этого; соединившись со своимъ племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ, онъ подступилъ къ Чернигову; Святославъ Владиміровичъ не пустилъ его въ городъ, такъ что дядя съ племянникомъ должны были отступить отъ города и стать за р. *Свинью*; между тѣмъ къ Святославу Владиміровичу на помощь пришелъ самъ Изяславъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ; обѣ рати стояли нѣкоторое время по обѣимъ сторонамъ рѣки, но потомъ мирно разошлись, порѣшивъ, что Черниговъ долженъ достаться Святославу Ольговичу, а Новгородъ-Сѣверскъ—Святославу Всеволодичу [2]).

Такимъ образомъ, прокняживши въ Новгородъ-Сѣверскѣ почти безпрерывно болѣе 40 лѣтъ [3]), Святославъ занялъ черниговскій столъ; а Святославъ Всеволодичъ, такъ долго скитавшійся изъ страны въ страну, служившій то Мстиславичамъ, то братьямъ Давидовичамъ, то дядѣ Святославу Ольговичу, получилъ, наконецъ, себѣ отцовскій городъ.

Въ это время выступаютъ на первый планъ отношенія галицкія. Сильный галицкій князь Ярославъ поссорился съ Изяславомъ и заставилъ его бѣжать изъ Кіева. Причиною вражды къ Изяславу Давидо-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 336.

[2]) Ibidem, стр. 336—337.

[3]) Его отецъ Олегъ умеръ въ 1115 году, и съ этого времени въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ княжили его 3 сына: Всеволодъ, Святославъ и Игорь.

вичу послужилъ двоюродный братъ Ярослава Иванъ Ростиславичъ Берладникъ. Мы видѣли, что онъ нашелъ пріютъ въ Черниговѣ у Изяслава Давидовича. Когда Изяславъ сѣлъ на кіевскомъ столѣ, Ярославъ галицкій подговорилъ многихъ русскихъ князей прислать пословъ въ Кіевъ къ Изяславу съ просьбою выдать Берладника галицкому князю; къ Изяславу Давидовичу прибыло посольство отъ Ярослава галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича и Святослава Всеволодича; въ виду такого давленія Изяславъ Давидовичъ не рѣшился удержать при себѣ Ростиславича, но и не выдалъ его Ярославу, а отпустилъ на всѣ 4 стороны. Иванъ ушелъ къ Половцамъ, набралъ у нихъ дружину и съ нею сталъ грабить въ дунайскихъ городахъ товары и „пакостить“ галицкимъ рыболовамъ; вслѣдъ за тѣмъ къ нему пришло еще больше Половцевъ и 6000 берладниковъ; съ ними онъ сталъ воевать галицкіе города и удалился снова къ Изяславу въ Кіевъ только тогда, когда отъ него ушли Половцы. Между тѣмъ, Ярославъ и другіе князья собирались пойти на Изяслава ратью за Ивана; въ виду этого онъ (Изяславъ) обратился къ своему брату Святославу съ просьбою о помощи, уступая ему при этомъ 2 города: *Мозырь* и *Чичерескъ*. Святославъ хотя и былъ въ ссорѣ съ братомъ за то, что тотъ не „исправилъ ему черниговской волости“, но, въ виду внѣшней опасности, соглалился оказать ему помощь; для укрѣпленія союза всѣ сѣверскіе князья съѣхались съ Изяславомъ Давидовичемъ на „снемъ“ въ *Лутаву*: (Святославъ Ольговичъ съ двумя сыновьями, Олегомъ и Игоремъ, Святославъ Всеволодичъ и Святославъ Владиміровичъ); галицкій же князь, испугавшись единодушія Святославичей, не осмѣлился идти на Кіевъ. Теперь самъ Изяславъ рѣшился предпринять походъ на Галичъ, чтобы добыть волость Ивану Берладнику. Святославъ всячески отговаривалъ его отъ этого похода, даже не отпустилъ съ нимъ племянниковъ; но Изяславъ не послушалъ брата и дошелъ уже до Васильева, когда его догналъ новый посолъ отъ брата съ порученіемъ вновь настаивать, чтобы онъ воротился назадъ и не ходилъ на галицкаго князя. Изяславъ на это съ яростью отвѣчалъ: „пусть знаетъ братъ, что если я уже пошелъ, то назадъ не ворочусь; а ты скажи брату Святославу, чтобы онъ не жаловался, если ему придется уходить изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ за то, что теперь не идетъ ни самъ, ни сынъ его“. Святославъ очень огорчился такими

жестокими словами брата и сказалъ: „Господи, ты видишь мое смиреніе; не желая проливать христіанской крови, я взялъ Черниговъ съ 7 пустыми городами [1]), въ которыхъ сидятъ псари да Половцы: *Моровійскомъ, Любескомъ, Оргощемъ, Всеволожемъ*; всю же черниговскую волость держитъ Изяславъ со своимъ племянникомъ; но и этого ему еще не достаточно, и онъ велитъ мнѣ уходить изъ Чернигова, между тѣмъ, какъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать подо мною Чернигова; если я не совѣтую идти на Галичъ, то только потому, что хочу добра и тишины Русской землѣ". Походъ Изяслава Давидовича оказался для него гибельнымъ: благодаря измѣнѣ Берендичей, онъ проигралъ сраженіе у Бѣлгорода [2]) и убѣжалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Владиміровичемъ и Владиміромъ Мстиславичемъ сначала въ *Вышгородъ* а оттуда въ *Гомьи*, гдѣ сталъ поджидать свою жену, которая убѣжала сначала въ Переяславль къ Глѣбу Юрьевичу, а оттуда въ *Городокъ*, *Глѣбль*, *Хороборъ* и *Ропескъ*; гдѣ ее радушно принялъ Ярославъ Всеволодичъ и съ честью довелъ до *Гомья* къ Изяславу. Отсюда Изяславъ, мстя Святославу, взялъ на щитъ городъ княгини Святославовой и занялъ всю землю Вятичей. Святославъ, въ свою очередь началъ грабить товары бояръ Изяслава и брать ихъ женъ [3]). Братья окончательно разсорились тѣмъ болѣе, что Святославъ не хотѣлъ возвратить Изяславу обратно черниговскаго стола.

Чтобы обезпечить за собою черниговскій столъ, Святославъ сдѣлался вѣрнымъ союзникомъ Ростислава. Въ маѣ 1160 г. они съѣхались на берегу Десны въ черниговскомъ городѣ *Моравійскѣ*. Этотъ

---

[1]) Такимъ образомъ Святославъ Ольговичъ владѣлъ не всею черниговскою волостью, а только Черниговомъ и 7 пустыми городами; всю остальную область Изяславъ оставилъ за собою и за своимъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; такія именно условія, очевидно, предложилъ Изяславъ Святославу, когда тотъ посадилъ Святослава Владиміровича въ Черниговѣ; и Святославъ долженъ былъ согласиться на нихъ, потому что ничего не могъ сдѣлать противъ соединенныхъ силъ Изяслава, Мстислава Изяславича и Святослава Владиміровича. Вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ въ черн. княжествѣ сидѣлъ и Святославъ Владиміровичъ; за тѣмъ тутъ же мы видѣли и волость Изяслава (Гомьи).

[2]) Ип. лѣт., стр. 341—344.

[3]) Ibidem, стр. 344.

съѣздъ по своему характеру напоминаетъ свиданіе того же Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ въ Москвѣ. Ростиславъ позвалъ къ себѣ Святослава на обѣдъ, гдѣ подарилъ ему соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, бѣлыхъ волковъ, рыбьи зубы; въ свою очередь и Святославъ на слѣдующій день пригласилъ на обѣдъ Ростислава и подарилъ ему пардуса, двухъ коней и окованное сѣдло [1]).

Дѣйствительно, помощь Ростислава Святославу понадобилась очень скоро. Изяславъ, нанялъ Половцевъ, пришедшихъ къ нему къ Вырю, пошелъ къ Чернигову на Святослава и остановился подлѣ Десны. У Святослава тогда былъ племянникъ Святославъ Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ; они то не пустили Давидовича черезъ р. Десну; тотъ же, не успѣвши въ этомъ, пожогъ села и пограбилъ жителей; тогда оба Святослава послали за помощью къ Ростиславу. Ростиславъ пустилъ къ нимъ Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича и галичанъ; Изяславъ, узнавъ объ этомъ, отошелъ въ поле; тогда оба Святослава и Рюрикъ отправились за нимъ въ погоню, но не нагнавши, воротились домой. Изяславъ же Давидовичъ, дойдя *до Игорева Броду* и получивъ отъ своихъ черниговскихъ пріятелей вѣсть, что самъ Святославъ боленъ и что племянникъ его ушелъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а дружину свою распустилъ по домамъ, рѣшился снова напасть врасплохъ на Черниговъ. Святославъ тогда только узналъ о вторженіи Изяслава въ свои предѣлы, когда тотъ переправился уже черезъ Десну [2]) и сталъ воевать окрестныя села; тѣмъ не менѣе онъ не палъ духомъ: тотчасъ снарядилъ свои полки и призвалъ Владиміра Андреевича и Рюрика Ростиславича. Получивъ подкрѣпленіе, Святославъ снарядилъ свои полки къ бою, а противъ Половцевъ отрядилъ „молодь", которая побѣдила и полонила Половцевъ; Изяславъ, узнавъ объ этомъ, переѣхалъ Десну и за тѣмъ отступилъ къ *Вырю.* Владиміръ отпросился у Святослава преслѣдовать его; Святославъ отпустилъ его, но и самъ шелъ вслѣдъ за нимъ; пріидя къ Вырю, онъ пожегъ острога около города; въ самомъ же городѣ затворился Иванъ Ростиславичъ съ княгинею. Изяславъ пошелъ отъ Выря въ поле; черниговская рать двинулась къ *Зарытому* и произвела вокругъ него много опустошеній.

---

1) Ип. лѣт., стр. 345—346.

2) Противъ Свѣнковичей.

Къ Изяславу въ это время пришло много Половцевъ, и онъ пошелъ съ ними къ *Воробейнѣ* и *Росусъ*, а оттуда къ племяннику своему Святославу Владиміровичу во Вщижъ [1]).

Въ ту же зиму Изяславъ ходилъ на Смоленскую область, которой его союзники-Половцы причинили много вреда, взявъ „душь болѣ тмы, а иныя изсѣкоша". Не довольствуясь этимъ, онъ сталъ искать себѣ новыхъ союзниковъ: послалъ къ Андрею Юрьевичу и сосваталъ у него дочь для своего племянника Святослава Владиміровича, прося вмѣстѣ съ тѣмъ помощи для себя. Тотъ прислалъ своему будущему зятю на помощь сына своего Изяслава. Князья русскіе (Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ, Рюрикъ и др.), осадившіе было Вщижъ, услышавъ о приближеніи Изяслава Андреевича съ ростовскою дружиною, заключили съ нимъ миръ и воротились домой. Изяславъ Давидовичъ воротился въ землю Вятичей, а Изяславъ Андреевичъ—къ своему отцу Ардрею въ Ростовъ; между Андреемъ Юрьевичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ произошло свиданіе, и тогда же дочь Андрея пошла во *Вщижъ* къ Святославу [2]).

Но въ томъ же году Святославъ Ольговичъ снова предпринималъ походъ на Святослава Владиміровича ко *Вщижу*; вмѣстѣ съ нимъ ходили оба Всеволодича (Святославъ и Ярославъ), Рюрикъ съ кіевскимъ полкомъ, Олегъ Святославичъ, Романъ изъ Смоленска, Всеславъ изъ Полоцка, Внятинъ Сѣрославичъ съ галичанами; простояли тамъ 5 недѣль и заключили миръ, по которому Святославъ Владиміровичъ долженъ былъ „ходить во всей волѣ Святослава и имѣть его въ отца мѣсто". Очевидно, что Святославъ Ольговичъ старается смирить всѣхъ непокорныхъ князей въ своей Сѣверской землѣ; племянники ходятъ во всей его волѣ; Изяславъ Давидовичъ повидимому вовсе не имѣетъ теперь удѣла, ибо долженъ идти во Вщижъ къ своему племяннику. У самого Святослава теперь уже не семь пустыхъ городовъ, какъ прежде, а почти вся волость черниговская.

До сихъ поръ мы видѣли тѣсный союзъ Святослова Ольговича съ Ростиславомъ; теперь обстоятельства измѣняются: Святославъ вступаетъ въ союзъ со своимъ братомъ Изяславомъ Давидовичемъ; можно

---

1) Ип. лѣт., стр. 346—348.

2) Ibidem, стр. 348—349.

думать, что въ Кіевѣ была партія Изяслава Давидовича, желавшая поссорить Святослава съ Ростиславомъ. Чтобы скрѣпить еще больше дружбу съ Святославомъ, Ростиславъ попросилъ къ себѣ въ Кіевъ его сына Олега, котораго два дня угощалъ обѣдомъ; на третій день его встрѣтилъ на дорогѣ мужъ Ростислава, который сказалъ: „князь, у меня есть къ тебѣ важное дѣло; но только дай слово, что ты не выдашь меня“; когда же тотъ далъ слово, то онъ сказалъ: „князь, остерегайся—тебя хотятъ схватить!“ Услышавъ это, Олегъ сослался на болѣзнь матери и отпросился къ отцу въ Черниговъ. Ростиславъ не охотно отпустилъ его, потому что въ самомъ дѣлѣ былъ расположенъ къ нему; наговорили же это злые люди, не желая видѣть мира между братьями. Воротившись въ Черниговъ, Олегъ не сказалъ ничего отцу, но втайнѣ на него сердился и сталъ проситься къ *Курску*. Святославъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ его туда; тамъ его настигли послы отъ Изяслава „съ любовной рѣчью“; онъ эту рѣчь передалъ своей дружинѣ, добавивъ, что и оба Всеволодича уже „сложились любовью съ Изяславомъ“; мужи ему на это сказали: „князь! развѣ хорошо, что тебя хотѣли взять въ Кіевѣ, а подъ твоимъ отцемъ отдаютъ Черниговъ; такимъ образомъ, и отецъ твой, и ты правы въ крестномъ цѣлованіи“. Результатомъ этихъ совѣщаній было то, что Олегъ безъ „отня“ совѣта вступилъ въ союзъ съ Изяславомъ. Святославъ же Ольговичъ, узнавъ о союзѣ Всеволодичей и Олега съ Изяславомъ, очень опечалился. Напротивъ мужи Святослава одобрили образъ дѣйствій племянниковъ и сына: „удивительно, что ты жалуешься на племянниковъ и на сына, а о своемъ животѣ не заботишься; вѣдь это правда, что Романъ Ростиславичъ изъ Смоленска посылалъ попа къ Изяславу Давидовичу сказать: „отдаетъ тебѣ отецъ Черниговъ, только живи со мною въ любви; самъ же онъ хотѣлъ у тебя въ Кіевѣ схватить сына; ты, князь, уже и волость свою погубилъ, держась Ростислава, а онъ тебѣ помогаетъ не очень усердно“. Результатомъ такого ловко задуманнаго плана было то, что и Святославъ „нужею поведеся отъ Ростиславли любви къ Изяславу [1])“. Заключивъ союзъ съ братьями, Изяславъ Давидовичъ дѣлаетъ попытку изгнать Ростислава изъ Кіева. Въ томъ же 1161 году, призвавъ къ себѣ большое количество Половцевъ, равно

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 351—352.

какъ и своихъ родичей: Всеволодичей, Олега Святославича (самъ Святославъ остался въ Черниговѣ), поѣхалъ въ Переяславль къ зятю своему Глѣбу Юрьевичу, веля и ему ѣхать съ собою за Днѣпръ на Ростислава: но тотъ не послушался и долженъ былъ выдержать двухнедѣльную осаду, окончившуюся, впрочемъ, ничѣмъ: Изяславъ, услыхавъ, что противъ него къ Триполью вышелъ В. К. кіевскій Ростиславъ, побѣжалъ отъ Переяславля вмѣстѣ съ Половцами [1]); но не палъ духомъ отъ этой неудачи: въ томъ же году, но уже зимою соединившись снова съ Олегомъ Святославичемъ и Половцами, пошелъ за Вышгородъ къ Божницѣ, ибо только въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ уже сталъ, а въ другихъ еще нѣтъ; переправившись тутъ черезъ Днѣпръ, направился съ полками къ Кіеву и сталъ на *Болоньи*, въ лозахъ, противъ *Дорогожища*; утромъ онъ подошелъ къ *Подолью*, „изрядивъ“ свои полки; Ростиславъ же стоялъ подлѣ *Столпья*, ибо тогда пространство между горою и Днѣпромъ было загорожено „*столпьемъ*“: страшно было смотрѣть на сѣчу: казалось, что наступило второе пришествіе. Изяславъ сталъ одолѣвать: Половцы, „просѣкая *столпье*“, въѣхали въ городъ и зажгли тамъ нѣсколько дворовъ, такъ что Берендичи побѣжали, одни къ Угорскому, другіе къ Золотымъ воротамъ; Ростиславъ, по совѣту дружины, удалился въ Бѣлгородъ, а Изяславъ вошелъ въ Кіевъ 12 февраля 1161 г. [2]), а оттуда пошелъ подъ Бѣлгородъ, гдѣ стоялъ четыре недѣли, желая взять дѣтинецъ; тутъ прислалъ къ нему Святославъ пословъ, совѣтуя помириться во чтобы то ни стало: „аще будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будеть“. Но Изяславъ не хотѣлъ возвращаться за Днѣпръ и далъ характерный отвѣтъ: „братья мои возвратившись пойдутъ въ свою волость, а мнѣ придется или возвращаться къ Половцамъ, или же умирать съ голода у Выря; лучше хочу здѣсь умереть [3])“. На помощь Ростиславу къ Бѣлгороду подходили между тѣмъ: Мстиславъ изъ Владиміра съ галицкою помощью, Рюрикъ изъ Торческа съ Владиміромъ Андреевичемъ и съ Василькомъ Юрьевичемъ, съ Берендѣями, Коуями, Торками и Печенѣгами. Изя-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 352

[2]) Вслѣдъ за тѣмъ лѣтопись подробно разсказываетъ о лунномъ затменіи, которое тогда было; и дѣйствительно: 12 февраля 1161 года было лунное затменіе (см. примѣчаніе *** въ Ип. лѣт., стр. 353).

[3]) Ип. лѣт., стр. 353—354.

славъ, услышавъ о приближеніи сильной рати, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; но его настигли Торки и стали побивать и забирать въ плѣнъ его дружину; самъ Изяславъ былъ тяжело раненъ (одинъ дружинникъ ударилъ его саблею по головѣ, а другой копьемъ въ стегно), привезенъ въ монастырь св. Семеона въ Копыревомъ концѣ и здѣсь скончался; отсюда тѣло его было перевезено въ Черниговъ и положено въ церквѣ, построенной его отцемъ, въ память св. мучениковъ Бориса и Глѣба [1]).

Такъ погибъ старѣйшій представитель рода Давида Святославича жертвою своего безпокойнаго характера, не желая примириться съ необходимостью княжить въ Выри и, по его собственнымъ словамъ, умирать тамъ съ голоду. Единственнымъ потомкомъ Давида остался племянникъ Изяслава, Святославъ Владиміровичъ; понятно, что преобладающее значеніе теперь получили Ольговичи, съ Святославомъ Ольговичемъ во главѣ. Теперь, всѣ они цѣлуютъ другъ другу крестъ; междоусобія, со смертію Изяслава, прекращаются. За это время лѣтопись намъ разсказываетъ только о походѣ Святослава Всеволодича съ Ярославомъ и Олегомъ Святославичами, Святославомъ Владиміровичемъ, Рюрикомъ и Святополкомъ Юрьевичемъ туровскимъ къ Слуцку на Владиміра Мстиславича. Владиміръ, не будучи въ состояніи противиться такой рати, помирился съ ними и пошелъ къ Кіеву къ Ростиславу; Ростиславъ же далъ ему Треполь и 4 др. города [2]).

Въ 1164 г. Святославъ Ольговичъ умеръ. Дружина совѣтовала Олегу Святославичу какъ можно скорѣе ѣхать въ Черниговъ, чтобы его не предупредилъ Святославъ Всеволодичъ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Олегъ уже не засталъ своего отца въ живыхъ. Мать же, по совѣту бояръ, хотѣла скрыть смерть своего мужа до пріѣзда сына; но епископъ оказался измѣнникомъ—ложно присягнулъ, „бяше бо родомъ Гречинъ". Написавъ грамоту, онъ послалъ сказать Святославу Всеволодичу: „дядя у тебя умеръ, за Ольгомъ только что еще послали; дружина сидитъ далеко; въ городѣ одна княгиня съ дѣтьми, и съ нею множество товара; поѣзжай поскорѣе, пока еще нѣтъ Олега, и ты по своей волѣ возьмешь съ нимъ рядъ". Святославъ, прочитавъ грамоту,

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 354—355.

[2]) Ип. лѣт., стр. 356.

послалъ сына въ *Гомій*[1]); самъ же собирался ѣхать къ Чернигову, но здѣсь же услышалъ, что Олегъ уже въ Черниговѣ и сталъ „ладиться“ съ нимъ о волостяхъ: цѣловали крестъ на томъ, что Святославъ возьметъ Черниговъ, Олегъ—Новгородъ-Сѣверскъ; но Святославъ не „управилъ“ крестнаго цѣлованія: обѣщалъ надѣлить братьевъ, Олега, Игоря и Всеволода—и не надѣлилъ[2]). Въ 1167 г. умеръ во Вщижѣ Святославъ Владиміровичъ, внукъ Давидовъ. Удѣлъ во Вщижѣ освободился. Олегъ Святославичъ потребовалъ теперь у Святослава надѣленія „въ правду“—вѣроятно, Вщижа для своихъ обдѣленныхъ братьевъ; но Святославъ и на этотъ разъ не выполнилъ справедливаго требованія двоюроднаго брата: отдалъ Вщижъ своему сыну, а лучшую часть волости своимъ братьямъ[3]); Ростиславъ, видя, что правота въ этомъ случаѣ на сторонѣ Олега, сталъ всячески убѣждать Святослава надѣлить Олега „въ правду“; но Святославъ не послушалъ и увѣщаній Ростислава: тогда Олегъ рѣшился занять Стародубъ куда его приглашали сами граждане, но не имѣлъ успѣха, потому что въ городъ вошла вспомогательная рать Ярослава Всеволодича; „Олегъ же воротяся опять гнѣвы, много взя въ полонъ“. Въ отмщеніе за это Святославъ послалъ брата своего Ярослава съ Половцами къ Новгороду-Сѣверскому, но ополченіе дошло только до р. *Молочной* и оттуда воротилось, не дойдя 15 в. до города. Олегъ въ то время былъ такъ боленъ, что не могъ сѣсть на коня. Ростиславъ же, узнавъ о болѣзни Олега, совѣтовалъ ему смириться; тотъ послушался его и заключилъ съ братомъ миръ, по условіямъ котораго получилъ 4 города[4]).

Этотъ разсказъ о борьбѣ изъ за волостей интересенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ постепенно Сѣверская земля раздробляется на все большее и большее количество маленькихъ земель; трудно указать моментъ возникновенія каждой изъ нихъ; лѣтопись разсказываетъ намъ о княжескихъ междоусобіяхъ—и тутъ то при случаѣ мы

---

[1]) Въ Воскр. лѣт. говорится, что послалъ *по сына* въ Гомій (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 77).

[2]) Ип. лѣт., стр. 357—358.

[3]) „Святославъ вда брату своему лѣпшюю волость, и сына посади въ Вщижѣ“. Ип. лѣт., стр. 360.

[4]) Ип. лѣт., стр. 359—360.

видимъ, что извѣстный городъ, о которомъ лѣтопись прежде вовсе не упоминала дѣлается центромъ своей волости и получаетъ своего отдѣльнаго князя. Такъ прежде *Вырь* изъ пригорода обратился въ городъ и сдѣлался резиденціей Изяслава Давидовича. Теперь такую же самую роль началъ играть Вщижъ; онъ, какъ извѣстно, сдѣлался удѣломъ Святослава Владиміровича, по смерти котораго тамъ садится сынъ Святослава. Дальше мы увидимъ такихъ мелкихъ волостей еще болѣе. Это явленіе стоитъ въ прямой непосредственной связи съ размноженіемъ рода Святослава [1]).

Олегъ заключилъ, какъ мы видѣли, съ Святославомъ миръ по совѣту Ростислава Мстиславича, своего тестя. Въ слѣдующемъ году состоялась между Олегомъ и Ростиславомъ очень дружелюбная встрѣча; Ростиславъ пошелъ къ Новгороду-Великому, потому что Новгородцы были недовольны его сыномъ Святославомъ, и по дорогѣ посѣтилъ Олега Святославича, который былъ тогда въ Чичерскѣ вмѣстѣ съ женою (1168 г.). Тутъ Олегъ позвалъ къ себѣ Ростислава на обѣдъ и щедро его одарилъ. Ростиславъ въ свою очередь отплатилъ ему тѣмъ же [2]). Но по смерти Ростислава отношенія Олега Святославича къ преемнику Ростислава Мстиславу Изяславичу не были такъ дружелюбны: въ 1170 г. Олега и Игоря Святославичей мы видимъ въ числѣ сборной дружины, посланной Андреемъ Боголюбскимъ на Кіевъ; въ 1174 г. Ольговичи сами возбудили нападеніе Андрея на Ростиславичей. Узнавъ, что Андрей Юрьевичъ разгнѣвался на Ростиславичей за Григорія Хотовича, они послали своихъ мужей сказать: „кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы съ тобой готовы пойти на твоихъ враговъ". На Ростиславичей отправилась многочисленная рать въ количествѣ 50000 человѣкъ подъ начальствомъ Юрія Андреевича и воеводы Бориса Жидиславича; по дорогѣ присоединились: Смольняне, Полочане, черниговскіе князья, Переяславцы; всѣхъ князей, подошедшихъ къ Вышгороду, гдѣ затворился Мстиславъ, было 20; старѣйшимъ же между ними былъ Святославъ Всеволодичъ черниговскій; сперва къ Вышгороду подошла передняя рать, которую туда послалъ Святославъ Всеволодовичъ съ

[1]) Не включая сюда, конечно, совершенно обособившагося потомства Ярослава Святославича.

[2]) Ип. лѣт., стр. 361—362.

младшими князьями; но первая битва окончилась ничѣмъ; за тѣмъ подошло и остальное ополченіе и въ теченіи 9-ти недѣль безуспѣшно осаждало городъ; въ это время на помощь пришелъ Ярославъ Изяславичъ луцкій со всею Волынскою землею, домогаясь себѣ старѣйшинства надъ Ольговичами; но Ольговичи не желали уступать ему первенства; тогда онъ сталъ сноситься съ Ростиславичами, отступилъ отъ своихъ прежнихъ союзниковъ и пошелъ на помощь къ Рюрику въ Бѣлгородъ; союзное ополченіе, увидѣвъ это, побѣжало черезъ Днѣпръ [1]), предоставивъ Кіевъ Ярославу. Лишь только Ярославъ Изяславичъ усѣлся въ Кіевѣ, къ нему сталъ слать Святославъ Всеволодичъ съ жалобою, говоря: „вспомни, на чемъ ты цѣловалъ крестъ въ первый „рядъ“; ты тогда говорилъ: „если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, а если ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣли“; теперь ты сидишь въ Кіевѣ, поэтому надѣли меня“. Тотъ ему на это отвѣтилъ: „къ чему тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна“. Святославъ на это далъ очень характеристическій отвѣтъ: „я не Угринъ, ни Ляхъ, но единаго дѣда есмы внуци, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ; аще не стоишь въ первомъ ряду, а воленъ еси [2])“.

Встрѣтивъ нежеланіе у Ярослава Изяславича дать ему надѣлъ, Святославъ, соединившись съ братьями, поѣхалъ „изъѣздомъ“ на Кіевъ; Ярославъ же не могъ запереться въ Кіевѣ и отправился къ Луцку. Тогда Святославъ вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ на столѣ отца своего, взявъ въ плѣнъ жену Ярослава съ меньшимъ сыномъ, а также безчисленное множество имѣнія; впрочемъ онъ не остался въ Кіевѣ, не надѣясь его удержать за собою. Ярославъ снова вошелъ въ Кіевъ, но „на гнѣвѣхъ замысли тяготу Кыяномъ: вы есте подвели на мя Святослава; промышляйте чимъ выкупити княгиню и дѣтя. Онемъ же не умѣющимъ, что отвѣчати и попрода весь Кіевъ, игумены, и попы, и черньцѣ и черницѣ латину и затворы и гость и вєѣ Кыяны [3])“. Управившись съ Кіевлянами, Ярославъ пошелъ къ Чернигову; въ это время Черниговскую волость воевалъ Олегъ Святославичъ новгородъ-сѣвер-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 389—390; П. С. Р. Л. т. I, стр. 155—156.

[2]) Ип. лѣт., стр. 393.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 156; Ип. лѣт., стр. 393; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 89.

скій; вслѣдствіе этого Ярославу Изяславичу было теперь легче заключить миръ съ Святославомъ находившимся между двухъ огней. Святославъ дѣйствительно заключилъ съ кіевскимъ княземъ миръ и обратилъ всѣ свои силы на Олега: пошелъ на его волость, пожогъ ее и воротился въ Черниговъ [1]). Въ слѣдующемъ году междоусобіе въ Сѣверской землѣ продолжалось: Олегъ Святославичъ попросилъ къ себѣ въ помощь Ростиславичей, которые сожгли *Лутаву* и *Моровіескъ*, а самъ пришелъ къ Стародубу и пограбилъ близъ него всѣ села. Тогда Святославъ Всеволодичъ съ братомъ Ярославомъ пришелъ къ Новгородъ-Сѣверску; Олегъ вышелъ было изъ города и устроилъ свою дружину; но лишь только началась битва, самъ князь убѣжалъ въ городъ, а дружину его частію забрали въ плѣнъ, а частію побили, острогъ сожгли; конечно, послѣ этого Олегъ долженъ былъ просить мира и получилъ его [2]). Святославъ Всеволодичъ принялъ также въ это время участіе въ дѣлахъ сѣверо-восточной Руси и, по убіеніи Андрея Боголюбскаго, помогалъ младшимъ его братьямъ, Михаилу и Всеволоду Юрьевичамъ добыть отчину. Онъ отпустилъ къ нимъ сына своего Владиміра съ полкомъ; другой его сынъ Олегъ проводилъ ихъ женъ. При этомъ лѣтопись разсказываетъ, что Олегъ, проводивъ женъ суздальскихъ князей, воротился въ свою волость, а оттуда занялъ *Свърилескъ*, который былъ захваченъ у сѣверскихъ князей рязанскими. Теперь со стороны князей сѣверо-восточной Руси не было никакой опасности; поэтому Святославъ Всеволодичъ опять стремится овладѣть Кіевомъ. Дѣйствительно, въ 1177 году онъ, призвавъ на помощь брата Ярослава, пошелъ къ Треполю; туда какъ бы въ помощь Ярополку Романовичу вошелъ Мстиславъ Владиміровичъ, который по заранѣе составленному плану передалъ городъ Святославу; Ярополкъ долженъ былъ уйти къ отцу. Святославъ подошелъ къ Витичеву, куда къ нему пріѣхали Черные Клобуки и Кіяне и сказали: „Романъ уже пошелъ къ Бѣлгороду“. Святославъ вошелъ въ Кіевъ, а братьевъ послалъ къ Бѣлгороду; но тѣ воротились оттуда безуспѣшно; самъ онъ удержаться въ Кіевѣ впрочемъ не могъ: услышавъ о намѣреніи Ростиславичей напасть на Кіевъ, онъ немедленно переправился на ту сторону Днѣпра.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 156: Ип. лѣт., стр. 393—394.

[2]) Ип. лѣт., стр. 406.

Половцы, узнавъ о бѣгствѣ его изъ Кіева, пріѣхали къ *Торческу* и тамъ забрали въ плѣнъ много людей; Ростиславичи же, не желая губить Русской земли и проливать христіанской крови, отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ къ Смоленску [1]). Неизвѣстно какимъ образомъ, но только въ 1178 г. мы видимъ Святослава Всеволодича снова въ Черниговѣ [2]). Въ это время отношенія его къ суздальскимъ князьямъ были очень дружелюбныя: Всеволодъ Юрьевичъ призвалъ къ себѣ во Владиміръ Святославича и выдалъ за него свою племянницу, дочь Михаила Юрьевича; тогда же сына своего Всеволода Святославъ женилъ на дочери польскаго короля [3]).

Въ этомъ же 1178 г. умеръ Олегъ Святославичъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и преемникомъ его сдѣлался братъ его Игорь; въ Черниговѣ сѣлъ братъ Святослава Всеволодича Ярославъ. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Святославъ не хотѣлъ передавать черниговскаго стола Ярославу, не надѣясь, вѣроятно, совершенно укрѣпиться въ Кіевѣ; но теперь, заручившись союзомъ польскаго короля, суздальскаго князя и брата Ярослава, онъ могъ быть болѣе спокоенъ [4]); но надежда спокойно усидѣть въ Кіевѣ на этотъ разъ не сбылась. Святославъ послалъ сына своего Глѣба въ Рязанскую волость—Коломну на помощь рязанскимъ князьямъ и своему зятю Роману Глѣбовичу, которые тогда воевали со Всеволодомъ Юрьевичемъ. Всеволодъ, услышавъ объ этомъ, позвалъ къ себѣ Глѣба; Глѣбъ волею—неволею долженъ былъ поѣхать, потому что находился въ его рукахъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить и заковать, а дружину забрать въ плѣнъ. Святославъ, узнавъ о плѣненіи сына, „распалися гнѣвомъ и ражжеся яростью“ и рѣшился отомстить Всеволоду; но пойти теперь на Всеволода было опасно; поэтому онъ рѣшился изгнать изъ Кіевской земли своихъ враговъ Ростиславичей; случай къ этому вскорѣ представился. Однажды Давидъ Ростиславичъ вышегородскій ѣздилъ по Днѣпру, „ловы дѣя“, а Святославъ охотился на другой черниговской

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 409—410.

[2]) „Іде Володимеръ съ женою къ Чернигову къ отцю; ту бо живяше Святославъ пришедъ исъ Киева“. Ип. лѣт., стр. 414.

[3]) Ип. лѣт., стр. 414.

[4]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелъ къ братьямъ въ Любечъ, чтобы окончательно условиться съ ними относительно волостей.

ской сторонѣ; „сдумавъ“ съ княгинею и съ любимцемъ своимъ—какимъ-то Кочкаремъ, не сказавъ ни слова боярамъ, онъ переѣхалъ чрезъ Днѣпръ со своими людьми и внезапно ударилъ на „товары“ Давидовы; ему удалось дѣйствительно завладѣть таборомъ Давида и перехватать его дружину; но самъ Давидъ успѣлъ броситься съ княгинею въ лодку, уплыть подъ градомъ стрѣлъ, которыя въ него бросали съ берега, и прибѣжать въ Бѣлгородъ къ брату. Святославъ, не нашедши Давида, поѣхалъ за Днѣпръ къ своимъ братьямъ и сказалъ имъ: „уже объявихомся Ростиславичемь, а не мочно ми быти въ Кіевѣ“, затѣмъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ и младшихъ братьевъ, присоединивъ такимъ образомъ къ своей дружинѣ всю „черниговскую сторону“. Рюрикъ же Ростиславичъ, услышавъ, что Святославъ бѣжалъ за Днѣпръ, занялъ кіевскій столъ, поджидая на помощь къ себѣ Всеволода Ингваря Ярославича и галицкую рать, а Давида Ростиславича послалъ на помощь брату своему Роману, князю смоленскому; но на дорогѣ онъ узналъ о смерти Романа и, поворотивъ къ Смоленску, занялъ тамъ столъ [1]).

Между тѣмъ Святославъ рѣшился выручить сына своего изъ рукъ Всеволода Юрьевича. „Теперь я—старѣе всѣхъ, говорилъ онъ своимъ братьямъ; поэтому тебѣ, Игорь, я велю вмѣстѣ съ Ярославомъ остаться здѣсь—стеречь волость, а я пойду со Всеволодомъ выручать своего сына“. Вспомогательную половецкую рать онъ раздѣлилъ на двѣ половины, изъ которыхъ одну оставилъ братьямъ, а другую взялъ съ собою; на пути онъ соединился съ сыномъ Владиміромъ, который, будучи княземъ въ Новгородѣ, привелъ оттуда полкъ на помощь отцу. На р. *Вленѣ* произошла встрѣча Святослава со Всеволодомъ суздальскимъ; двѣ недѣли обѣ рати стояли другъ противъ друга; дружина Всеволода очень хотѣла переправиться на ту сторону и вступить въ бой со Святославомъ, но Всеволодъ на это не соглашался, а только послалъ рязанскихъ князей, которые избили и взяли въ плѣнъ часть дружины Святославовой; но до рѣшительнаго сраженія дѣло не дошло, такъ какъ Святославъ, испугавшись теплаго времени года, рѣшился отступить и на обратномъ пути сжегъ городъ Дмитровъ [2]). Вышедши

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 415—417.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 164.

изъ Суздальской земли, Святославъ съ сыномъ Владиміромъ пошелъ къ Новгороду, а брата Всеволода и сына Олега отпустилъ въ Русь. Между тѣмъ Ярославъ и Игорь, взявши съ собою Половцевъ и оставивши въ Черниговѣ брата своего Всеволода Святославича и Олега Святославича, пошли къ Друтску. Полоцкіе князья вышли имъ на встрѣчу, какъ союзники Святослава: два Васильковича, Брячиславъ изъ Витебска и братъ его Всеславъ съ Полочанами, Ливью и Литвою; но къ Друтску подошелъ въ это время Давидъ, желая сразиться съ Ярославомъ и Игоремъ до прихода Святослава; когда же Святославъ прибылъ къ братьямъ, Давидъ бѣжалъ къ Смоленску. Святославъ сжогъ острогъ въ *Друтскѣ*, отпустилъ Новгородцевъ, а самъ пошелъ къ Рогачеву, а оттуда по Днѣпру къ Кіеву. Рюрикъ, услышавъ обо всемъ этомъ, уѣхалъ въ Бѣлгородъ; Святославъ же съ братьями вошелъ въ Кіевъ [1]).

Но по сосѣдству жилъ энергическій Рюрикъ, который ожидалъ только удобнаго случая изгнать Святослава изъ Кіева. Дѣйствительно, узнавъ, что Святославъ пригласилъ въ помощь себѣ Половцевъ, Рюрикъ послалъ противъ него сильную рать. Половцы Святославовы, надѣясь на свою многочисленность и на полкъ Игоря, не приняли даже особыхъ мѣръ предосторожности противъ внезапнаго нападенія; поэтому Черные Клобуки могли бы сдѣлать на нихъ внезапное нападеніе и сами одержать побѣду, если бы не бросились грабить „товары" Святослава; но битва все таки окончилась въ пользу Рюриковой рати, благодаря стойкости его воеводъ; тутъ погибло множество Половцевъ: одни были избиты, другіе взяты въ плѣнъ а третьи потонули въ *Черторыѣ*; самъ Игорь, увидѣвъ пораженіе Половцевъ, вмѣстѣ съ ханомъ Концакомъ бѣжалъ на Городецъ къ Чернигову. Рюрикъ одержалъ побѣду, но не захотѣлъ вполнѣ воспользоваться ею, ибо уступилъ Кіевъ Святославу, „бѣ бо Святославъ старѣй лѣты", себѣ же взялъ всю землю Русскую. Примиреніе между ними было скрѣплено бракомъ ихъ дѣтей; въ теченіи всей остальной жизни Святослава два бывшіе соперника пребывали въ мирѣ и союзѣ другъ съ другомъ. Теперь Святославъ окончательно утвердился въ Кіевѣ, а Черниговъ уступилъ своему брату Ярославу Всеволодичу.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 418—420

Мы видѣли, что еще въ 1178 г. Ярославъ Всеволодичъ сѣлъ на черниговскомъ столѣ; но положеніе его въ Черниговѣ было непрочно, потому что не могъ окончательно утвердиться въ Кіевѣ его братъ Святославъ. Черниговъ въ это время игралъ роль какъ бы общественнаго города всѣхъ сѣверскихъ князей: въ Черниговъ ѣдетъ на совѣщаніе съ братьями Святославъ Всеволодичъ; въ Черниговѣ должны по приказу того же Святослава остаться Ярославъ и Игорь Святославичи. Теперь вся семья сѣверскихъ князей размѣстилась по своимъ удѣламъ. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ сидѣлъ Игорь Святославичъ, который былъ, какъ мы видѣли, постояннымъ помощникомъ Святослава Всеволодича въ теченіи всего 1180 года.

Обратимся теперь къ другимъ сторонамъ жизни Сѣверской земли въ княженіе Святослава Всеволодича и Олега Святославича. Главными изъ такихъ событій будутъ походы на Половцевъ. Въ 1170 г. Святославъ и Ярославъ Всеволодичи и Олегъ и Всеволодъ Святославичи принимаютъ участіе въ походѣ на Половцевъ, предпринятомъ по инициативѣ кіевскаго князя Мстислава Изяславича. Цѣль похода была защитить Греческій, Соляный и Залозный пути. Ополченіе спустилось по Днѣпру и шло 9 дней отъ Кіева. Половцы, узнавъ о движеніи русскихъ князей, побросали женъ и имущество и убѣжали далѣе въ глубь степей. Князья, оставивъ свои возы съ Ярославомъ Всеволодичемъ, пустились за ними въ погоню и взяли вежи ихъ на р. *Углѣ* [1]), *Снопородѣ* [2]), а самихъ настигли у *Чернаго Лѣса* и разбили; Бастій же и другіе гнались за ними даже за Осколъ рѣку; однимъ словомъ, князья одержали полную побѣду и съ громадной добычей воротились назадъ. Путь по Днѣпру въ землю Половецкую избирали обыкновенно кіевскіе князья; за тѣмъ отъ Днѣпра они углублялись на востокъ въ поле Половецкое; прямо же въ область Донца ходили князья черниговскіе и переяславскіе; но вообще и въ первомъ и во второмъ случаѣ русскіе князья ходили за предѣлы теперешнихъ губерній—Полтавской и Харьковской въ губернію Екатеринославскую, на р. Орель, Самару

---

[1]) Угла—Орель впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ворсклы; беретъ начало въ Зміевскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, течетъ по границамъ Полтавской губерніи съ Харьковской и Екатеринославской.

[2]) Снопородъ, по словарю Щекатова, одна и таже рѣка, что и Самара.

и Кальміусъ. Теперь, какъ мы видимъ (въ 1170 г.), князья проникли вглубь Половецкихъ степей отъ Днѣпра до Донца по направленію Орели и Торца. Что князья дѣйствительно такъ далеко зашли, видно изъ времени, которое они должны были употребить; выступили они 2 марта, по Днѣпру шли 9 дней, а возвратились только на Свѣтлое Воскресенье, которое приходилось въ 1170 г.[1]) 5 апрѣля. Это былъ отдаленный походъ; но чаще они выходили къ Каневу, иногда на цѣлое лѣто, „стрегучи русскіѣ земли", ожидая здѣсь, пока „взыдетъ гречникъ и залозникъ [2])"; иногда нападали отсюда „вборзѣ изъѣздомъ", доѣзжая до *Протолочи* или *Хортицы*. Путь по Днѣпру былъ очень удобенъ въ этомъ случаѣ, потому что Половцы часто переходили въ бродъ черезъ Днѣпръ съ лѣваго берега на правый; дѣлать это имъ было тѣмъ удобнѣе, что часть ихъ земляковъ жила на правой сторонѣ Днѣпра и была извѣстна подъ именемъ каневскихъ или русскихъ Половцевъ; по Роси, какъ извѣстно, были торческія и черноклобуцкія поселенія—города, которые еще началъ строить Ярославъ въ 1032 г. въ огражденіе отъ печенѣжскихъ набѣговъ; за Росью же по Бугу шли уже кочевья половецкія.

Сѣверскій князь Олегъ Святославичъ энергически воевалъ съ Половцами: въ 1167 году онъ разбилъ Боняка, а въ 1168 году взялъ вежи Козины, его жену, дѣтей и много золота и серебра [3]); Ярославъ взялъ Беглюковы вежи [4]). Въ 1174 г. противъ Половцевъ отправился будущій герой „Слова о полку Игоревѣ", Игорь Святославичъ. Выѣхавъ въ поле за Ворсклу и узнавъ, что Кобякъ и Кончакъ пошли къ Переяславлю, Игорь поѣхалъ противъ Половцевъ и переѣхалъ Ворсклу у *Лтавы* по направленію къ Переяславлю; Половцевъ было мало и потому они, бросивши всю ту добычу, которую награбили воюя у *Серебрянаго* и *Баруча*, обратились въ бѣгство; дружина Игорева иныхъ

---

[1]) Можно думать, что походъ былъ совершенъ въ 1168 году, потому что 2 марта на средохрестной недѣлѣ приходилось въ 1168 г.; Пасха же въ 1168 г. приходилась 31 марта; слѣдовательно, князья находились въ походѣ со 2 по 31-е марта.

[2]) Ип. лѣт., стр. 453.

[3]) Ibidem, стр. 361.

[4]) Ibidem, стр. 364.

настигла и побила, а другихъ забрала въ плѣнъ [1]); это былъ, конечно, незначительный походъ, вѣрнѣе сказать, наѣздъ и потому не могъ имѣть важныхъ послѣдствій; Половцы могли въ слѣдующемъ году снова подступить къ тому же самому Переяславлю; существенное значеніе имѣли только такіе походы (въ родѣ похода 1170 года), когда нѣсколько русскихъ областей соединялись вмѣстѣ и ходили вглубь Половецкой земли.

Начиная съ 1180 г. князья русскіе предпринимаютъ болѣе частые и рѣшительные походы на Половцевъ вслѣдствіе соглашенія великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодича съ Рюрикомъ съ одной стороны и Всеволодомъ суздальскимъ съ другой; но сѣверскіе князья въ этихъ походахъ не принимаютъ живаго участія. Такъ въ 1183 году, когда Половцы стали воевать около *Дмитрова*, и Святославъ Всеволодичъ приглашалъ своего брата—черниговскаго князя въ походъ на нихъ, этотъ послѣдній отвѣтилъ: „теперь, братья, не ходите, но, назначивши время, пойдемъ на лѣто“. Святославъ Всеволодичъ послушался совѣта и послалъ вмѣсто себя Игоря Святославича. Игорь, взявъ съ собою Черныхъ Клобуковъ и нѣкоторыхъ князей, пришелъ къ р. *Хиріи* и забралъ здѣсь много половецкихъ вежъ, которыя не могли спастись бѣгствомъ; много вежъ и коней погибло также въ разлившейся тогда широко рѣкѣ. Но одержавъ побѣду надъ Половцами, Игорь подвергся опустошительному набѣгу со стороны своего бывшаго союзника Владиміра Глѣбовича, который разсердился на него за нежеланіе уступить первенство въ походѣ [2]). Затѣмъ, когда немного позже Святославъ снова предпринялъ походъ на Половцевъ, и съ нимъ соединилось много чужихъ князей, „своя братья“ отказалась съ нимъ идти, говоря, „далеко намъ идти внизъ по Днѣпру; не можемъ оставить своей земли пустою; но если ты пойдешь къ Переяславлю, то мы соединимся съ тобою на Сулѣ“; но на Сулу они не пришли, что не помѣшало впрочемъ Святославу одержать блистательную побѣду и дойти до *Орели*, т. е. Угла [3]). Но въ тоже самое время Игорь Свято-

[1]) Ип. лѣт., стр. 387.

[2]) Ibidem, стр. 424—425.

[3]) Ibidem, стр. 426—427; по Ник. лѣт. передній полкъ Владиміра перешелъ р. Бугъ и искалъ Половцевъ 5 дней.

славичъ, отказавшійся отъ соединеннаго похода съ другими князьями, призвавъ брата Всеволода, племянника Святослава и сына Владиміра, предложилъ имъ ударить на половецкія вежи, которыя теперь остались безъ защиты, такъ какъ Половцы выступили противъ русскихъ князей; за *Мерломъ* сѣверская Русь встрѣтила Половцевъ, разбила ихъ и благополучно вернулась назадъ [1]). Въ этомъ случаѣ снова проявилась обычная черта Святославичей: неумѣнье или нежеланіе возвыситься до идеи единства Русской земли и принесеніе въ жертву интересовъ обще-русскихъ интересамъ своей волости.

Славнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ того времени былъ Кончакъ. О происхожденіи Кончака Русская лѣтопись сохранила любопытное преданіе. Когда Владиміръ Мономахъ громилъ Половцевъ въ степяхъ Задонскихъ, то одинъ изъ хановъ—Отрокъ бѣжалъ къ Обезамъ за Желѣзныя ворота, т. е. на Кавказъ, а другой ханъ, повидимому братъ его, Сырчанъ остался на Дону. Когда же Владиміръ скончался, Сырчанъ послалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Обезамъ „гудца", велѣлъ пѣть половецкія пѣсни брату и уговаривать его къ возвращенію на родину, а если не послушаетъ, то дать ему понюхать какое-то зелье или траву; „гудецъ" такъ и сдѣлалъ. Понюхавъ зелья, изгнанникъ заплакалъ и сказалъ: „да лучше въ своей землѣ лечь костьми, нежели въ чужой быть славну", пришелъ на родину, и отъ него то родился Кончакъ, „иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву". Въ 1184 г. пришелъ этотъ самый Кончакъ въ Русь со множествомъ Половцевъ и сталъ на Хоролѣ, пославши къ Ярославу Всеволодичу „съ лестью" просить мира. Ярославъ отправилъ къ нему для переговоровъ своего мужа Ольстина Олексича, не смотря на совѣты Святослава Всеволодича не дѣлать этого; затѣмъ на предложеніе брата пойти вмѣстѣ съ нимъ на Кончака отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что уже послалъ къ нему для переговоровъ своего мужа. Впослѣдствіи Игорь хотѣлъ идти на помощь брату, но было уже поздно: „княже! говорила ему дружина, потьскы [2]) не можемъ перелетѣти; се пріѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ идеть въ недѣлю исъ Кыева, то како можеши княже постигнути [3])"? Игорь Святославичъ дѣйстви-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 427—428.

[2]) По птичьи.

[3]) Ип. лѣт., стр. 429—430.

тельно отличался въ битвахъ съ Половцами: еще въ 1183 году онъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, сыномъ Владиміромъ и племянникомъ Святославомъ предпринималъ удачный набѣгъ на Половцевъ въ степи; это же самое онъ задумалъ повторить и теперь въ 1185 г.

Объ этомъ походѣ съ одной стороны существуетъ очень подробный разсказъ въ лѣтописи, а съ другой стороны онъ сдѣлался предметомъ замѣчательнаго поэтическаго произведенія древней Руси, „Слова о полку Игоревѣ". Игорь Святославичъ въ „Словѣ" выставляется борцомъ за землю Русскую. „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго *Игоря*, иже истягну умъ крѣпостію своего и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую"; или дальше: „Братіе и дружино! говоритъ Игорь, луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону". Спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго: „хощу бо,—рече,—копіе приломити конець поля Половецкого; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону". Не увѣдомивъ главы своего рода, кіевскаго князя Святослава Всеволодича, Игорь съ одними сѣверскими дружинами рѣшился идти въ степи и 23 апрѣля выступилъ изъ своего стольнаго города Новгорода-Сѣверскаго. Съ нимъ соединился сынъ его Владиміръ, княжившій въ *Путивлѣ*, и племянникъ Святославъ Ольговичъ, княжившій въ *Рыльскѣ*. Двоюродный братъ его Ярославъ Всеволодичъ черниговскій прислалъ ему на помощь боярина Ольстина Олексича съ отрядомъ черниговскихъ *Коуевъ*: это былъ полукочевой народъ, поселенный на южныхъ предѣлахъ Черниговскаго княжества и служившій какъ бы оплотомъ противъ „дикихъ" Половцевъ. Приготовленіе къ походу авторъ „Слова" изображаетъ такъ: „комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода". А Всеволодъ трубчевскій отправился другой дорогой изъ Курска; Игорь же перешелъ Донецъ и подошелъ къ Осколу, гдѣ два дня ожидалъ брата. При самомъ началѣ похода уже являются недобрыя зна-

---

[1]) Чтобы не увеличивать количества ссылокъ, скажемъ, что мы пользовались изданіемъ „Слова" Тихонравова.

менія, которыя предрекаютъ ему печальный исходъ. „Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ вста; зви дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню и тебѣ тьмутораканьскый блъванъ... Уже бо бѣды его пасеть;... птиць по добію; вльци грозу въсрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты“. Такъ изображаетъ недобрыя знаменія „Слово“. Лѣтопись же подробно описываетъ солнечное затменіе. „Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ па небо и видѣ солнце, стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: „видите ли что есть знаменіе се“. Игорь же рече: „братья и дружино! тайны божія никто же не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити [1])“. Отъ *Оскола* Игорь съ братіею пошелъ къ *Сальницѣ*; тутъ къ нимъ пріѣхали развѣдчики, посланные напередъ „ловить языка“, и донесли, что Половцы собираются въ большомъ числѣ и готовятся къ битвѣ; „да или поѣдѣте борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя“. Игорь отвѣчалъ, что если они воротятся домой безъ битвы, то имъ будетъ срамъ „пуще смерти“; „но како ны Богъ дасть“. Порѣшивши такимъ образомъ, какъ совѣтовалъ Игорь, братья шли цѣлую ночь и рано утромъ въ пятницу встрѣтили половецкіе полки; Половцы отправили назадъ свои вежи, а сами отъ мала до велика поджидали Русскихъ на той сторонѣ р. *Сюурлія*. Русь изрядила свои полки: по серединѣ—Игоря полкъ, по правую сторону—его брата Всеволода, по лѣвую—племянника Святослава; впереди три полка: сына Игоря—Владиміра, Ярослава Всеволодича черниговскаго подъ предводительствомъ Ольстина Олексича и стрѣльцы отъ всѣхъ князей. Передніе отряды устремились на непріятеля, а Игорь и Всеволодъ тихо слѣдовали за ними, „не распуская своего полка“. Половцы не выдержали натиска однихъ переднихъ дружинъ и побѣжали [2]). Русь погналась за ними и захватила большой полонъ. „Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя и рассушася стрѣлами по полю, помчаша красныя

[1]) Ип. лѣт., стр. 431.
[2]) Ibidem, стр. 431—432.

дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мостомъ и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю"!

Послѣ этой побѣды Игорь совѣтовалъ воротиться домой пока къ этимъ ордамъ половецкимъ не присоединились еще другія. Но Святославъ Ольговичъ возразилъ на это, что онъ далеко гнался за Половцами, а потому его утомленные кони все равно отстанутъ на дорогѣ; Всеволодъ поддержалъ своего племянника—и рѣшено было не спѣшить возвращеніемъ. Молодые князья веселились своею побѣдою и легкомысленно хвалились: „братья наша ходила съ Святославомъ великимъ княземъ, и билися съ ними зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а нонѣ поидемъ на нихъ и до конца избьемъ ихъ, оже не будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ къ Луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь [1]". Можно думать, что поощренные успѣхомъ сѣверскіе князья надѣялись отвоевать утраченную ими Тмутаракань. Одержавъ блестящую побѣду, сѣверское ополченіе могло спокойно отдохнуть. „Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо далече залѣтѣло... Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти д̃ солнца; а въ нихъ трепещуть синіи млъніи: быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого; ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ, на Каялѣ у Дону великого". Между тѣмъ предсказаніе Игоря сбылось: Половцы собрались еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. „Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 167—168; нужно впрочемъ замѣтить, что сѣверно-русскія лѣтописи, какъ напр. Лавр., относятся непріязненно къ походу сѣверскихъ князей; такъ сейчасъ за приведенными словами мы читаемъ: „а не вѣдуще Божья строенья"; въ Ип. лѣт. приведеннаго мѣста нѣтъ.

вею: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица, и Етебича, и Терьтробича [1])". „Слово" поэтически изображаетъ это такъ: „Половци идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы оступиша дѣти бѣсови, кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты". Но не смотря на это, князья рѣшились вступить въ битву съ Половцами. „И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: „оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше: пойдемъ, но или умремъ, или живи будемъ не единомъ мѣстѣ [2])". Началась битва на р. Каялѣ. „Слово" очень картинно изображаетъ намъ храбрость брата Игорева Всеволода. „Яръ—туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными: камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, яръ—туре Всеволоде! Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая". Вождю соотвѣтствовала и дружина. „А мои ти Куряни, свѣдоми къмети, говоритъ Всеволодъ о своей дружинѣ, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копія въскрьмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы". Битва была упорная. „Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишася. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уедіе. То было *въ ты рати и въ ты плъкы; а сицеи рати не слышано*: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрелы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна,—тугою взыдоша по руской земли". Русскія дружины были отрѣзаны отъ воды;

[1]) Ип. лѣт., стр. 432.

[2]) Ип. лѣт., стр. 432.

люди и кони изнемогали отъ жажды. На третій день битвы, въ воскресенье, Коуи не выдержали и обратились въ бѣгство. Игорь, уже раненый передъ тѣмъ въ руку, поскакалъ за ними, стараясь ихъ остановить, и снялъ шлемъ, чтобъ показать свое лицо; но напрасно: Коуи не воротились. Тутъ на обратномъ пути онъ былъ взятъ въ плѣнъ Половцами на одинъ „перестрѣлъ" отъ его полка; Всеволодъ, не смотря на храброе сопротивленіе, также былъ взятъ. Князей разобрали половецкіе ханы: Игоря—Чилбукъ, Всеволода—Романъ Кзичь, Святослава Ольговича—Елдечюкъ и Владиміра—Копти. Спастись не удалось почти никому, потому что рать русская какъ бы стѣною была окружена половецкими полками.

Наказаніемъ Божіимъ объясняетъ лѣтопись пораженіе Игоря. „Помянухъ азъ, говоритъ Игорь, грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьяни, отлучаеми отецъ отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ, и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бываютъ, жены же оскверняеми; и та вся створивъ азъ, рече Игорь, не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? но Владыко Господи Боже мой! неотрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ [1]").

[1]) Ип. лѣт., стр. 433—434.

Трогательно уныніе, которое распространилось по всей Русской землѣ послѣ пораженія Игоря. Сама природа какъ бы сочувствуетъ несчастному князю. „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полсгоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось". Жены русскія тоже заплакали говоря: „уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати". „Ярославнынъ гласъ слышить, зегзицею незнаемь, рано кычеть: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ". Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?" Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О Днепре, словутицю, ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: взлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на морѣ рано". Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.?" Святославъ видѣлъ сонъ, какъ бы предвѣщавшій это несчастье. „Съ вечера, разсказывалъ онъ, одѣвахъте мя чръною паполомою на кроватѣ тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгь на лоно и нѣгують мя; уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсемъ; всю нощь съ вечера босуви врани възграяху... И ркоша бояре князю: Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону; уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны". Печаль звучитъ въ рѣчахъ автора „Слова", когда онъ припоминаетъ, что усобицы губятъ Русскую землю: наводятъ на нее поганыхъ. „Уже бо, братіе, невеселая година въстала: уже пустыни

силу прикрыла; встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синѣмъ море, у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе: рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же. И начяша князи про малое: „се великое“ млъвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья—къ морю“! А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна утече средѣ земли Рускыи, а князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“.

Ничего не зная о предпріятіи сѣверскихъ князей, Святославъ кіевскій отправился въ свою наслѣдственную область—землю Вятичей, собирать тамъ ратниковъ и припасы, имѣя намѣреніе вмѣстѣ съ Ростиславичами идти на все лѣто къ Дону и воевать Половцевъ. На обратномъ пути возлѣ Новгородъ-Сѣверска великій князь съ неудовольствіемъ узналъ, что двоюродные братья, не увѣдомивъ его, предприняли походъ въ степи. Изъ Новгородъ-Сѣверска онъ на лодкахъ по Деснѣ приплылъ въ Черниговъ, а тутъ достигла до него вѣсть о пораженіи и плѣнѣ его родственниковъ. „Тогда великый князь Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестно одолѣсте; нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы и съ Олбѣры: тіи бо бес щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „мужаемъся сами, преднюю славу сами похытимъ а заднюю си сами подѣлимъ“.

На защиту Русской земли, на отмщеніе поганымъ, за Игоря, пѣвецъ „Слова“ призываетъ знаменитѣйшихъ князей: суздальскаго Всеволода, Ростиславичей—Рюрика и Давида, галицкаго Ярослава, Романа и Мстислава. „Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; аже бы ты

былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ; ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша, не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная: грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кіеву врата; стреляеши съ отня злата стола Салътани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! А ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскыми: тѣми треспу земля и многы страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи".

Дѣйствительно Сѣверская земля, особенно Посемье, была беззащитна, лишившись своихъ князей. Святославъ Всеволодичъ немедленно принялъ энергическія мѣры: послалъ своихъ сыновей—Олега и Владиміра въ Посемье, гдѣ „бысть скорбь и туга люта, яко же николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ-Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви, городи востагахуть и не мило бяшеть тогда комуждо ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе но князихъ своихъ". За тѣмъ Святославъ послалъ къ Давиду съ увѣдомленіемъ о плѣнѣ сѣверскихъ князей и съ просьбой „постеречь землѣ Рускоѣ". Давидъ пришелъ изъ своего Смоленска и сталъ у Треполя; тутъ же стали и другіе князья, пришедшіе на помощь; въ Черниговѣ же былъ въ это время Ярославъ Всеволодичъ. Приготовленія русскихъ князей оказались не напрасны: Половцы не заставили себя долго ждать; къ счастью между ихъ ханами произошла вражда; Кончакъ желалъ пойти въ Кіевскую землю отомстить за смерть своихъ братьевъ и хана Боняка, а Кза совѣтовалъ идти въ Посемье, гдѣ можно было бы взять большой полонъ; не придя ни къ какому сог-

лашенію, они раздѣлились: Кончакъ пошелъ къ Переяславлю, а Кза—къ Путивлю. Въ Переяславлѣ тогда княжилъ Владиміръ Глѣбовичъ, который вышелъ на встрѣчу врагамъ и храбро съ ними сразился, такъ что получилъ тутъ три раны; но видя, что собственными силами нельзя защитить города, онъ послалъ къ Святославу, Рюрику и Давиду съ просьбою о помощи. Смоляне не желали идти къ нему на помощь: сдѣлали шумное вѣче и объявили, что шли уже до Кіева и теперь изнемогли въ походѣ. На эту распрю намекаетъ „Слово" говоря: „стяги Владиміра Мон. достались Рюрику и Давиду, но знамена ихъ вѣютъ въ разныя стороны [1]". Святославъ же съ Рюрикомъ и другими князьями выступилъ на Половцевъ къ Переяславлю; тогда эти послѣдніе отступили отъ Переяславля и по дорогѣ осадили городъ *Римовъ*. Римовичи затворились въ городѣ; но въ силу несчастной случайности упали двѣ „городницы" съ людьми; на остальныхъ гражданъ напалъ страхъ, и городъ былъ взятъ; тутъ Половцамъ досталась большая добыча. Между тѣмъ другой ханъ Кза со своими Половцами опустошилъ Путивльскую волость сжегъ въ ней много селъ и даже острогъ въ Путивлѣ, но самого Путивля взять не могъ и возвратился домой. Такія печальныя послѣдствія имѣлъ несчастный походъ сѣверскихъ князей на Половцевъ.

Пѣвецъ „Слова" ясно понимаетъ причину зла, причину успѣховъ „поганыхъ"; эта причина кроется въ усобицахъ князей. Желая какъ бы укорить сѣверскихъ князей за ихъ усобицы, мѣшающія имъ соединиться вмѣстѣ и дружно пойти на общаго врага, пѣвецъ „Слова" вспоминаетъ походъ 1184 г., который былъ предпринятъ по иниціативѣ Святослава Всеволодича кіевскаго, и въ которомъ приняли участіе почти всѣ русскіе князья, а своей братіи не было; въ этомъ отрывкѣ ясно проводится сравненіе между Игоремъ и Всеволодомъ съ одной стороны и Святославомъ Всеволодичемъ съ другой, и, конечно, не въ пользу первыхъ. „Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже Жлу убудиша которою; того бяше успилъ отець ихъ Святъславь грозный великый кіевскый грозою; бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными

---

[1]) „Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ розно ся имъ хоботы пашуть".

мечи, наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потокы и болота; а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ Половецкыхъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя; рускаго злата насыпаша ту; Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево: уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче".

Половцы относились къ плѣнному Игорю съ большимъ уваженіемъ; хотя къ нему и было приставлено 20 сторожей, но онъ могъ съ ними ѣздить, куда угодно, отдавать имъ приказанія; при немъ даже былъ русскій священникъ, приведенный изъ Руси, такъ какъ Игорь расчитывалъ долго томиться въ землѣ Половецкой; но къ счастью среди Половцевъ нашелся человѣкъ—Лаворъ, который совѣтовалъ Игорю бѣжать и предложилъ свое содѣйствіе; Игорь сначала было не соглашался „неславнымъ путемъ"—бѣгствомъ спасаться, но потомъ послушался своихъ „думцевъ" и рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ, пока не воротились изъ подъ Переяславля Половцы, имѣвшіе намѣреніе, по слухамъ, избить всѣхъ плѣнныхъ князей. Однажды вечеромъ, когда Половцы напились кумысу, Игорь выслалъ напередъ на другую сторону р. *Тора* Лавора, а самъ тихо пробрался сквозь вежи и перебрелъ рѣку; сначала ѣхали на коняхъ, а когда кони пали, то шли пѣшкомъ 11 дней до г. Донца, а оттуда уже пришли въ Новгородъ-Сѣверскъ. Это бѣгство Игоря изъ плѣна очень поэтически изображено въ „Словѣ о полку Игоревѣ" .„Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами: Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ *великого Дону* до малаго Донца. Овлуръ свиспу за рѣкою, велить князю разумѣти, „князю Игорю не быть" кликну: стукну земля, въсшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизошася. А Игорь князь поскачи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръ

госта бо своя бръзая комоня. Донець рече: „Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія“. Игорь рече: „О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ“. „Не тако-ли,— рече,—рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь? Темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князя Ростиславѣ, уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось“. Не догнавши Игоря, ханъ Кза совѣтовалъ умертвить его сына и племянника, но Кончакъ воспротивился этому и совѣтовалъ женить ихъ на Половчанкахъ. „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею“. Игорь же изъ своего Новгородъ-Сѣверска сначала отправился къ брату Ярославу въ Черниговъ, прося у него помощи для защиты Посемья, затѣмъ—въ Кіевъ къ Святославу, который ему очень обрадовался, равно какъ и сватъ его Рюрикъ. „Слово“ очень поэтически изображаетъ радость въ Русской землѣ по случаю благополучнаго возвращенія Игоря. „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева,—Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей; страны ради, гради весели“. „Пѣвши пѣснь старымъ княземъ“, такъ заканчиваетъ пѣвецъ „Слова“, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоде, Владиміру Игоревичу: „Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!“

Постараемся теперь опредѣлить мѣстности, упоминаемыя лѣтописью и „Словомъ“ при разсказѣ объ Игоревомъ походѣ. Во вторникъ на Пасху 23 апрѣля Игорь отправился изъ Новгородъ-Сѣверска въ Переяславль [1]); изъ Переяславля къ Донцу онъ пришелъ 1-го мая, т. е. менѣе чѣмъ въ недѣлю [2]); переправившись черезъ Донецъ въ тотъ же вечеръ, онъ пошелъ по лѣвой сторонѣ рѣки къ Осколу, гдѣ два дня ожидалъ брата своего изъ Курска. Бутковъ полагаетъ, что

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 430.

[2]) Т. е. тогда, когда было солнечное затменіе; см. П. С. Р. Л. т. I, стр. 167.

дорога, по которой шелъ Игорь, лежитъ на возвышеніи между рѣками Донцомъ и Осколомъ и приводитъ на Донецкій перевозъ--на 12 верстъ ниже Изюмскаго кургана; поэтому пѣвецъ и восклицаетъ: „О руская земле! уже за шеломянемъ еси“. Переправившись черезъ Донецъ, Игорь направился къ р. *Сальницѣ*, т. е. *Тору* (отъ впаденія Оскола до устьевъ Тора по теченію Донца 60 верстъ); тутъ они встрѣтили своихъ сторожей, которыхъ послали раньше „языка ловить“; на Сальницу Игорь пришелъ въ четвергъ Мироносицкой недѣли 9 мая [1]); цѣлую недѣлю онъ долженъ былъ употребить на дорогу отъ Донца. Оттуда ѣхали цѣлую ночь и рано утромъ въ пятницу „потопташа поганые полки Половецкіе“. Битва съ Половцами произошла на р. *Сююрліи*. Положеніе этой рѣки не было опредѣлено [2]); только въ послѣднее время г. Аристовъ въ своей статьѣ „О землѣ Половецкой“ дѣлаетъ, кажется, вполнѣ удачную попытку рѣшить этотъ вопросъ. „Если принять за несомнѣнное, говоритъ онъ, что Сальница означаетъ Сольницу или Торъ, то и рѣку Сююрлій опредѣлить не трудно. Отъ истоковъ Тора (Казеннаго Торца) въ верстахъ 30 впадаетъ рѣчка *Орелька* въ р. Орель и образуется уголъ на границѣ Харьковской съ Екатеринославской губ.; вотъ эта рѣка и называется *Сюурліей* (*Суерель*, *Суорель*, *Сюурель*), гдѣ сливаются двѣ Орели; а такъ какъ въ лѣтописи Орель называется по-русски Углой, Угломъ, то вѣрно будетъ и чтеніе Татищева, который эту рѣку назвалъ *Суугли* вмѣсто *Суюрлій* („Истор. Рос. т. III, стр. 263—265). Отъ Сальницы до Сюрлія русскіе князья ѣхали цѣлую ночь и день до обѣда, и время это вполнѣ отвѣчаетъ разстоянію двухъ рѣкъ. Это тѣмъ болѣе достовѣрно, что и ранѣе Русскіе не разъ побѣждали Половцевъ на р. *Орели* и на *Самарѣ* [3])“. Послѣ одержанной побѣды русскіе передовые

[1]) Ип. лѣт., стр. 356.

[2]) Бутковъ думалъ, что Сюурлія—Торъ; Арцыбашевъ объ этой рѣкѣ пишетъ: „намъ она не извѣстна; но очевидно, что сія рѣка была въ разстояніи одного перехода отъ Сальницы. Не Ольховой ли колодезь, падающій въ Донецъ ниже Боровой 20 вер. Сcу—по татарски—рѣчка“. (Вѣст. Евр. 1821 года № 21—22, стр. 152; 1826 г. № 12, стр. 241). Карамзинъ не дѣлалъ попытокъ опредѣлить, гдѣ былъ Сюурлій.

[3]) Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородка въ Нѣжинѣ за 1877 г. стр. 225 (ст. Аристова „О землѣ Половецкой“).

полки до вечера гнались за Половцами; между тѣмъ какъ старшіе князья, Игорь и Всеволодъ шли потихоньку, „не распуская“ своихъ полковъ; передніе отряды такъ далеко при этомъ ушли отъ заднихъ, что совершенно притомили своихъ коней; очевидно, что они уклонились далеко отъ Сюурліи, гдѣ и ночевали: „дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло“; очевидно, что и Игорь со Всеволодомъ въ это время подвинулись дальше къ Лукоморью Азовскому. Въ Лавр. спискѣ послѣ этого прибавлено: „и стояше на вѣжахъ три дни веселяся“; но врядъ-ли можно принять это извѣстіе, потому что ему противорѣчитъ извѣстіе Ипат. списка, который сообщаетъ болѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о походѣ Игоря Святославича. Въ Ип. лѣт. мы читаемъ, что князья послѣ битвы въ пятницу ночевали въ полѣ, а за тѣмъ въ субботу на разсвѣтѣ были окружены Половцами; и въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ князьямъ попусту было тратить цѣлыхъ 3 дня, когда они такъ дорожили временемъ, что хотѣли немедленно возвращаться домой, узнавъ о приближеніи значительныхъ половецкихъ силъ, и остались только потому, что лошади были потомлены и все равно пристали-бъ на обратномъ пути; при томъ нужно помнить, что Лавр. лѣт. очень недружелюбно относится къ Игорю Святославичу и къ походу 1185 г. вообще; мы уже выше говорили, что врядъ-ли можно придавать значеніе ея разсказу о томъ, какъ сѣверскіе князья хвалились послѣ своей побѣды при Орели предъ Святославомъ Всеволодичемъ, тѣмъ болѣе, что Святославъ одержалъ блистательную побѣду надъ Половцами за Орелью. Два дня—субботу и воскресенье (11-го и 12-го мая) бились Русскіе на рѣкѣ Каялѣ. Существуетъ много мнѣній о положеніи этой рѣки. Карамзинъ думалъ, что это—р. Кагальникъ въ землѣ Донскаго войска; но нужно, кажется, согласиться съ мнѣніемъ Буткова, который указалъ на р. Калміусъ [1]). Все говоритъ въ пользу того, что Игорь былъ недалеко отъ Азовскаго моря, имѣлъ дѣло съ Половцами Лукоморскими [2]). Остатокъ бѣжавшихъ Коуевъ, преслѣдуемый Половцами, не вернулся на родину: „прочіи въ морѣ истопоша“; князья послѣ первой своей побѣды хвалятся, что они пой-

---

[1]) Вѣст. Евр. 1821 г. № 20, стр. 53; 1830 г. № 19.

[2]) Что Лукоморье—Азовское море, см. Ист. Гос. Рос. т. II, прим. 64; т. III, пр. 2.

дутъ за ними (Половцами) и въ Лукоморье, куда не ходили ихъ дѣды; пѣвецъ „Слова“ восклицаетъ: „О! далече зайде соколъ птицъ бья,—къ морю!“ Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и прежде иногда русскіе князья доходили почти туда же, какъ, напримѣръ, Святославъ кіевскій, который „поганого Кобяка изъ *луку моря* отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ Половецкыхъ, яко вихръ, выторже“. Въ два съ половиною дня Игорь и Всеволодъ дошли отъ р. Орели до Калміуса, которыя отстоятъ другъ отъ друга верстъ на 75.[1]). Слѣдовательно, Каяла—Калміусъ будетъ тоже, что Калка, на которой произошла несчастная битва Русскихъ съ Татарами въ 1224 г. Бутковъ объясняетъ дѣло такъ. Въ субботу рано, Русскіе стали отступать, желая приблизиться къ Донцу; но Половцы, окруживъ ихъ, принудили удалиться во глубину безводной степи, къ сторонѣ Азовскаго моря. Томясь жаждою въ тогдашній чрезмѣрный зной, Русскіе дрались на походѣ весь тотъ день и слѣдующую ночь; наконецъ, стѣсненные у береговъ быстрой Каялы (*Калміуса*), истощились въ своихъ силахъ. Въ воскресенье въ полдень 5-го мая [2]) въ третій день сраженія пали стяги Игоревы; многіе воины побиты, многіе и самъ Игорь взяты въ плѣнъ, нѣкоторые же изъ ушедшихъ потоплены въ морѣ Азовскомъ. Игорь сносилъ неволю у Дона на правой сторонѣ Донца, ибо, бѣжавши оттуда въ Россію, переправился на луговой и слѣдственно на лѣвый Донецкій берегъ.

Неудачный походъ Игоря Святославича въ значительной степени усилилъ половецкіе набѣги на южную Русь; „посемь (съ 1187 года) же почаша Половцы часто воевати по Рси, въ Черниговской волости [3])“. Но Ярославъ черниговскій по прежнему обнаруживалъ нежеланіе ходить на Половцевъ; такъ въ 1187 г. Святославъ съ Рюрикомъ задумали предпринять обширный походъ на Половцевъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ соединиться со своею братіею; дѣйствительно, всѣ князья соединились и по Днѣпру пошли къ *Снопороду*; тамъ они узнали, что Половцы со своими вежами и стадами находятся у Голубаго лѣса. Но идти такъ далеко Ярославъ не соглашался: „не могу,

---

[1]) Между тѣмъ отъ Оскола до Кагальника 350 в., которыя невозможно пройти въ промежутокъ времени съ вечера среды до субботы.

[2]) 12 мая?

[3]) Ип. лѣт., стр. 439—440.

говорилъ онъ, ити далѣ отъ Днѣпра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася". Рюрикъ между тѣмъ убѣждалъ Святослава идти даже безъ Ярослава, говоря, что Половцы отстоятъ отъ нихъ всего на полдня пути; Святославъ отвѣтилъ, что онъ лично всегда готовъ пойти, но попросилъ, чтобы Рюрикъ понудилъ пойти его брата. Рюрикъ послалъ къ Ярославу съ такими словами: „братъ! мы имѣемъ вѣрное извѣстіе, что Половцы отъ насъ отстоятъ на полдня пути; прошу тебя, братъ, пройди еще для меня полдня, а я для тебя пройду 10 дней". Но Ярославу, очевидно, вовсе не хотѣлось ѣхать. „Не могу я идти одинъ, а полкъ мой пѣшъ; вы бы мнѣ дома сказали, что нужно такъ далеко идти", отвѣтилъ онъ братьямъ; долго князья спорили, но не могли убѣдить Ярослава и потому всѣ возвратились домой. Въ 1191 г. одни только сѣверскіе князья, съ Игоремъ во главѣ, ходили 2 раза на Половцевъ; первый разъ предприняли на нихъ быстрый наѣздъ, а второй разъ—болѣе отдаленный походъ, въ которомъ приняло участіе много князей: Игорь съ братомъ Всеволодомъ, три (3) сына Святослава Всеволодовича (Всеволодъ, Володиміръ, Мстиславъ), Ростиславъ, сынъ Ярослава черниговскаго, и Давидъ, сынъ Олега Святославича; когда князья доѣхали до Оскола, то Половцы, узнавъ объ этомъ, отослали свои вежи назадъ, а сами стали ждать ихъ; Ольговичи, увидѣвъ, что Половцевъ собралось очень много, поворотили домой; Половцы бросились было ихъ преслѣдовать, но не нагнали [1]).

Кромѣ походовъ мы не можемъ привести никакихъ другихъ фактовъ изъ жизни Сѣверской земли за это время; только, по предложенію самаго старшаго изъ Ольговичей—кіевскаго князя Святослава Всеволодича, всѣ они съѣхались на „снемъ" въ *Карачевъ*, чтобы вмѣстѣ предпринять походъ на рязанскихъ князей, споривших съ Святославомъ изъ за волостей [2]). Возвратившись изъ Карачевскаго „снема", Святославъ Всеволодичъ разболѣлся и умеръ въ Кіевѣ [3]). На этотъ разъ слѣдующій за нимъ Святославичъ—Ярославъ черниговскій не объявилъ претензіи на кіевскій столъ, конечно, потому что не отличался энергіею и предпріимчивостью; кромѣ того былъ другой кандидатъ—Рю-

[1]) Ип. лѣт., стр. 452—453.

[2]) Ibidem, стр. 456

[3]) Ibidem, стр. 457.

рикъ, который раньше не владѣлъ кіевскимъ столомъ, только благодаря соглашенію съ Святославомъ Всеволодичемъ; но отказаться въ принципѣ отъ Кіева и правой стороны Днѣпра Ольговичи ни за что не соглашались. Въ 1195 г. Рюрикъ со Всеволодомъ, своимъ сватомъ, и Давидомъ, своимъ братомъ, послали къ Ярославу черниговскому и вообще къ Ольговичамъ сказать: „цѣлуй намъ всѣмъ крестъ со своею братіею, что вы не будете искать надъ нами и надъ нашими дѣтьми и надъ всѣмъ Владиміровымъ родомъ нашей отчины—Кіева и Смоленска; пусть будетъ такъ, какъ насъ раздѣлилъ нашъ дѣдъ Ярославъ, а Кіева вамъ не нужно". Ольговичи на это отвѣтили: „если ты требуешь не искать Кіева надъ тобою и надъ Рюрикомъ, мы на это согласны. Если же ты хочешь, чтобы мы отказались отъ него навсегда, то отвѣчаемъ: мы не Угры и не Ляхи, но внуки одного дѣда; при вашемъ животѣ мы не ищемъ, а „послѣ вы—что Богъ дасть". Всеволодъ грозилъ подвинуть на нихъ все „Володимерово племя"; они испугались и послали архимандрита Діонисія „кланяючися и емлючися ему по всей воли его", и Всеволодъ помирился съ ними. Другихъ пословъ отправили они къ Рюрику говоря: „братъ! мы съ тобой жили постоянно въ мирѣ. Нынѣшнею зимою мы не окончили договора съ тобою и Всеволодомъ, но ты намъ близокъ: цѣлуй къ намъ крестъ, что не будешь съ нами воевать до тѣхъ поръ, пока мы такъ или иначе не уладимся со Всеволодомъ и Давидомъ". Рюрикъ согласился „не возставать на рать до ряду", распустилъ дружину и отослалъ дикихъ Половцевъ [1]). Но Ярославъ, сдумавъ съ братіею преступилъ крестное цѣлованіе: послалъ къ Витебску на Давида Ростиславича племянника своего, который, не доѣхавъ до Витебска, сталъ воевать Смоленскую область; Давидъ послалъ противъ Ольговичей своего племянника Мстислава Романовича; сначала Мстиславъ „потопталъ стяги" Олеговы и дружину его сына Давида; но участь битвы рѣшили Полочане, которые были на сторонѣ Олега; на нихъ сначала напали Смольняне, но безуспѣшно, и тогда они ударили въ тылъ Мстиславова полка и разбили его; самого Мстислава тогда тамъ не было; онъ погнался за разбитымъ полкомъ Олега; возвращаясь назадъ, онъ прямо въѣхалъ въ ряды враговъ, которые его тутъ и взяли; остальные князья побѣ-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 462—463; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 104—105.

жали къ Смоленску; Олегъ же Святославичъ, узнавъ о побѣдѣ Полочанъ, возвратился назадъ, выпросилъ себѣ взятаго въ плѣнъ Мстислава Романовича и далъ знать о побѣдѣ братьямъ. „Мстислава я взялъ въ плѣнъ, говорилъ онъ брату, и полки его побѣдилъ. Смоленскіе плѣнники говорятъ, что братья ихъ въ ссорѣ съ Давидомъ. Пріѣзжай скорѣе сюда со своими: не слѣдуетъ упускать благопріятнаго времени, теперь мы возьмемъ „часть“ своего“. Услышавъ объ этомъ, Ярославичъ и всѣ Ольговичи обрадовались и поѣхали „изъѣздомъ“ къ Смоленску. Рюрикъ же послалъ крестныя грамоты и грозилъ пойти на Черниговъ, если Ярославъ пойдетъ на Смоленскъ. Ярославъ не поѣхалъ и старался оправдаться, складывая всю вину на Давида; Рюрикъ ему отвѣтилъ, что еслибы онъ ничего не злоумышлялъ, то получилъ бы Витебскъ [1]). Вслѣдъ за этимъ, Рюрикъ послалъ ко Всеволоду суздальскому сказать, что онъ еще въ прошлую зиму обѣщалъ помощь противъ Ольговичей, но за тѣмъ помирился съ ними; между тѣмъ Ольговичи нарушили сами крестное цѣлованіе и первые напали на Смоленскую область; отъ Всеволода сначала не было никакого извѣстія, а потомъ онъ сказалъ, чтобы Рюрикъ первый начиналъ, а потомъ и онъ самъ выступитъ. Ярославъ же черниговскій началъ посылать пословъ своихъ къ Рюрику, говоря: „за что, братъ, началъ ты воевать мою волость. Я съ тобою ни въ чемъ не разошелся: Кіева подъ тобою не ищу. Давидъ посылалъ Мстислава на моихъ племянниковъ, и Богъ ихъ разсудилъ; но я отдамъ тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй же мнѣ крестъ и введи меня въ любовь съ Давидомъ. Если Всеволодъ хочетъ съ нами уладиться, то уладится самъ“.

Рюрикъ охотно соглашался помирить его со Всеволодомъ и Давидомъ: пусть только онъ пропуститъ его (Рюрика) пословъ къ этимъ послѣднимъ; но Ярославъ на это не соглашался, ибо видѣлъ въ этомъ со стороны Рюрика хитрость; вслѣдствіе этого военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались все лѣто до осени [2]).

Ольговичи въ это время понесли значительную утрату: лишились своего брата Всеволода Святославича, котораго всѣ въ полномъ сборѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 105; Ип. лѣт., стр. 464—466.

[2]) Ип. лѣт., стр. 466—467.

[3]) Ibidem, стр. 467.

торжественно похоронили въ Черниговѣ въ церкви св. Богородицы. Лѣтописецъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ объ этомъ князѣ и даетъ ему прекрасную характеристику, хотя вообще почти никогда не удостоиваетъ характеристики сѣверскихъ князей; приведемъ буквально это мѣсто изъ лѣтописи. „Того же (1196 г.) лѣта во Ольговичехъ преставися князь Всеволодъ Святославичь, братъ Игоревъ, мѣсяца мая, и тако спрятавше тѣло его вся братья во Ольговичехъ племени, с великою честью и с плачемь великым и рыданиемь; понеже бо во Ольговичехъ всѣхъ удалѣе ражаемь и воспитаемь, и возрастомъ, и всею добротою, и можьственою доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ; епископъ же черниговьской и вси игумени и попове проводиша его до гроба, со обычными пѣсними, и положиша его во церкви святоѣ Богородици в Черниговѣ; и приложися ко отцемь своимъ и дѣдомъ, давъ общий долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому [1])“. Интересна тутъ связь между всѣми Ольговичами: на похоронахъ одного Ольговича присутствуетъ вся семья; одна причина вражды между потомками Святослава теперь исчезла: послѣдній изъ Давидовичей, Святославъ Владиміровичъ, умеръ; остались одни Ольговичи; это единодушіе между сѣверскими князьями должно было отразиться и на судьбахъ самой земли: еще больше укрѣпилось сознаніе земельнаго единства и вмѣстѣ съ тѣмъ особности; не даромъ вѣдь въ это именно время возстаетъ предъ нами образъ *поэтическаго* Игоря Святославича и этого самого Святослава Всеволодича, котораго теперь братья хоронятъ; нашелся свой пѣвецъ—Сѣверянинъ, который воспѣлъ своего сѣверскаго князя, когда тотъ предпринялъ отдѣльный походъ на Половцевъ.

На помощь Ольговичамъ теперь выступилъ Романъ Мстиславичъ, зять Рюрика, который сталъ воевать волости Рюрика и Давида. Рюрикъ въ виду этого обратился за помощью къ галицкому князю, который дѣйствительно вмѣстѣ съ Мстиславомъ сталъ воевать и жечь волость Романову; а вслѣдъ затѣмъ Ростиславъ Рюриковичъ вмѣстѣ съ Володимеричами и Черными Клобуками стали жечь его же волость возлѣ *Каменца*; воротились князья, набравъ много челяди и скота [2]).

---

1) Ип. лѣт., стр. 467.

2) Ibidem, стр. 467—468.

Между тѣмъ Ярославъ, услышавъ, что Всеволодъ суздальскій и Давидъ смоленскій вошли въ его землю и пожгли города Вятичей, собралъ своихъ братьевъ, затворилъ двухъ Святославичей (Олега и Глѣба) въ Черниговѣ, укрѣпилъ также остальные города; опасаясь Рюрика; самъ же, соединившись съ братьями и племянниками и дикими Половцами, сталъ подъ лѣсомъ, окруживши себя засѣками отъ противниковъ, а ко Всеволоду и Давиду послалъ своего мужа сказать: „братъ и сватъ! ты взялъ нашу отчину и нашъ хлѣбъ; если хочешь съ нами быть въ любви, то мы станемъ на всей твоей волѣ; но если ты опять что-либо замыслишь, то мы не побѣжимъ отъ тебя, а пусть насъ разсудитъ Богъ". Всеволодъ и рязанскіе князья хотѣли мириться, но Давидъ не желалъ мира, а совѣтовалъ пойти на Черниговъ, доказывая, что если Всеволодъ помирится съ Ярославомъ, не снесшись съ Рюрикомъ, то причинитъ этому послѣднему большое неудовольствіе; но, не смотря на эти совѣты, Всеволодъ все таки сталъ сноситься съ Ольговичами, требуя освобожденія Мстислава, изгнанія Ярополка и разрыва союза съ Романомъ Мстиславичемъ; Ярославъ соглашался только на первыя два требованія; Всеволодъ послалъ пословъ къ Ярославу для окончательныхъ переговоровъ; сначала Ольговичи были приведены къ крестному цѣлованію, а потомъ поцѣловалъ крестъ Всеволодъ съ Давидомъ и его союзниками—рязанскими князьями. Помирившись съ Ярославомъ, Всеволодъ съ извѣстіемъ объ этомъ послалъ къ Рюрику своего мужа; Рюрикъ былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и велѣлъ сказать Всеволоду: „сватъ! ты ко мнѣ цѣловалъ крестъ, что, кто будетъ мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ, и за это я тебѣ далъ въ Русской землѣ лучшую волость, не отъ изобилія, а отнявъ у братьевъ своихъ и у зятя своего Романа; теперь Ярославъ оказывается моимъ врагомъ; а ты прошлую зиму не оказалъ мнѣ вовсе помощи, а нынѣшнюю не „исправилъ" всего того, на чемъ цѣловалъ крестъ, потому что виновникъ междоусобія Романъ остался безнаказаннымъ; выставивъ эти жалобы, Рюрикъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ у Всеволода тѣ города, которые далъ ему, и раздалъ ихъ снова своимъ братьямъ [1]).

Въ 1198 г. Ярославъ Всеволодичъ, князь черниговскій, умеръ; епископъ, игумены и племянники положили тѣло его въ церкви св. Спаса во *епископьи*.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 468—470.

Игорь Святославичъ, наслѣдовавшій Ярославу, княжилъ въ Черниговѣ не долго: всего только 4 года (съ 1198 по 1202); о его княженіи мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

По смерти его самымъ старшимъ въ родѣ Ольговичей остался Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава Всеволодовича, который и занялъ безпрепятственно черниговскій столъ; въ родѣ Ольговичей строже чѣмъ гдѣ либо соблюдался порядокъ старшинства при занятіи главнаго стола. Прежнія усобицы и теперь продолжаются въ разныхъ концахъ Руси. Временно воюющія стороны заключали миръ, утверждали его присягою и крестными грамотами, но только для того, чтобы, отдохнувъ немного, при первомъ удобномъ случаѣ, вновь начать междоусобную брань; взаимныя отношенія между князьями мѣнялись: прежде Романъ былъ союзникомъ Ольговичей, теперь Ольговичи переходятъ на сторону Рюрика, потому что Романъ, присоединившій къ своимъ волынскимъ владѣніямъ Галичъ, становился опаснымъ. Вообще можно сказать, что перемѣны въ союзахъ имѣли тотъ смыслъ, что направлялись къ развитію и поддержанію нѣкотораго политическаго равновѣсія: если какой либо князь усиливался настолько, что становился опасенъ для другихъ, союзники немедленно спѣшили его оставить и переходили на сторону его противниковъ. Въ 1202 г. вслѣдъ за смертью Игоря Святославича Ольговичи вступаютъ въ союзъ съ Рюрикомъ съ цѣлью всѣмъ вмѣстѣ отправиться на Галичъ противъ Романа; но Романъ предупредилъ ихъ замыслы: самъ поѣхалъ съ галицкими и владимірскими полками къ Кіеву: Кіевляне отворили ему ворота, но онъ самъ не занялъ кіевскаго стола, заботясь только о расширеніи и усиленіи своей собственной земли, въ которой онъ былъ наслѣдственнымъ и полнымъ хозяиномъ, а посадилъ своего двоюроднаго брата, Ингваря луцкаго; Рюрикъ принужденъ былъ удалиться въ Овручъ, а Ольговичи въ свою волость за Днѣпръ [1]). Но Рюрикъ не желалъ уступить Кіева; въ слѣдующемъ году онъ, соединившись съ Половцами и Ольговичами, взялъ его приступомъ и отдалъ на разграбленіе.

Это было второе разграбленіе матери городовъ русскихъ; понятно, что вслѣдствіе этого значеніе Кіева упало еще болѣе. Романъ приходилъ въ концѣ этого же года на Рюрика и Ольговичей, но по-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 175—176; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 107.

мирился и съ первымъ, и со вторыми [1]). Въ Русской землѣ настала тишина, но не на долго; въ 1205 г. князья ходили на Половцевъ; тутъ на обратномъ уже пути въ Трипольи Романъ велѣлъ схватить Рюрика и постричь вмѣстѣ съ женою и съ дочерью; но въ томъ же году самъ онъ погибъ въ битвѣ съ Поляками.

Рюрикъ немедленно послѣ этого сбросилъ съ себя чернецкую одежду и цѣловалъ крестъ съ Ольговичами, которые подошли къ Днѣпру, чтобы идти вмѣстѣ съ Рюрикомъ на Галичъ, въ которомъ по смерти Романа тоже происходили усобицы; но Галичане крѣпко оборонялись, и Ольговичи принуждены были воротиться „съ срамомъ великимъ восвояси". Но немного времени спустя, въ томъ же году, галицкіе бояре призвали къ себѣ двухъ Игоревичей: въ Галичѣ посадили Владиміра, а въ Звѣнигородѣ—Романа. Владиміръ усѣвшись въ Галичѣ, задумалъ искоренить родъ Романа галицкаго и съ этой цѣлью послалъ во Владиміръ съ требованіемъ выдать двухъ Романовичей и принять къ себѣ княземъ Святослава Игоревича [2]). Романовичи принуждены были спасаться бѣгствомъ, а во Владимирѣ сѣлъ Святославъ; затѣмъ Игоревичи поссорились. Романъ съ угорскою помощью выгналъ брата своего Владиміра изъ Галича и самъ занялъ его мѣсто; Владиміръ убѣжалъ въ свой Путивль [3]); но недолго и Святославъ высидѣлъ во Владимірѣ: въ слѣдующемъ году на Владиміръ пришли Поляки, взяли городъ и увели въ плѣнъ Святослава [4]); годъ спустя и Романа взяли въ плѣнъ Угры [5]); но ему удалось впрочемъ убѣжать.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I. стр. 176—177; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 108; Ник. лѣт., II, стр. 276. „Князь великій Володимерскій Всеволодъ Юрьевичъ сынъ Долгорукаго и князь великій галичскій Романъ Мстиславичъ со Ольговичи съ черниговскими князи ссылахуся и миръ и любовь межъ собою взяша, и крестнымъ цѣлованіемъ укрепишася во единствѣ быти: князь великій же Всеволодъ Юрьевичъ посылалъ своего боярина Михаила Борисовича и водиша Ольговичевъ ко крестному цѣлованію, тако же и Ольговичи посылаша своихъ бояръ къ великому князю Всеволоду Юрьеву сыну Долгорукаго, и приведоша его къ крестному цѣлованію"......

[2]) Ип. лѣт., стр. 481.

[3]) Ibidem, стр. 482.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, стр. 483.

За тѣмъ, по просьбѣ Галичанъ, онъ вмѣ тѣ съ братьями пошелъ на *Бенедикта*, венгерскаго воеводу, дѣлавшаго всяческія насилія Галичанамъ; по изгнаніи этого послѣдняго, Игоревичи усѣлись въ Галицкомъ княжествѣ: Владиміръ въ Галичѣ, Романъ въ Звѣнигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ, сынъ Владиміра Изяславъ—въ Теребовлѣ; сына своего Всеволода Владиміръ послалъ съ дарами къ Угорскому королю [1]). Но Игоревичамъ пришлось выдерживать борьбу со своевольными галицкими боярами, и эта борьба носила очень упорный характеръ; такъ однажды Игоревичи избили большое количество галицкихъ бояръ (500 душъ), а другіе принуждены были спасаться бѣгствомъ; эта оставшаяся часть убѣжала къ Угорскому королю и стала просить у него Даніила, съ цѣлью посадить его на галицкомъ столѣ вмѣсто Игоревичей. Король дѣйствительно послалъ съ ними свое войско. Города галицкіе постепенно сдавались боярскому ополченію: сдался Перемышль, и сидѣвшій тамъ Игоревичъ Святославъ былъ взятъ въ плѣнъ; взятъ приступомъ Звѣнигородъ, и князь Романъ Игоревичъ тоже былъ взятъ въ плѣнъ, наконецъ,—Галичъ, а князья Владиміръ и сынъ его Изяславъ спаслись бѣгствомъ. Послѣ этого бояре галицкіе и владимірскіе выпросили себѣ у Угровъ троихъ Игоревичей: Романа, Святослава и Ростислава и повѣсили [2]).

На ряду съ этимъ стремленіемъ Игоревичей овладѣть галицкими волостями, Всеволодъ Святославичъ Чермный пытается съ помощью братьевъ овладѣть Кіевомъ. Нѣсколько разъ онъ овладѣвалъ имъ, но былъ изгоняемъ оттуда Рюрикомъ [3]). Наконецъ, въ это дѣло вмѣшался Всеволодъ суздальскій, рѣшившійся вооруженною рукою напомнить Ольговичамъ, что кіевскимъ столомъ нельзя распоряжаться безъ его соизволенія. На помощь къ нему пришелъ сынъ его Константинъ новгородскій и рязанскіе князья; но до великаго князя дошелъ слухъ, будто бы послѣдніе замышляютъ измѣну и пересылаются съ Ольговичами; тогда онъ велѣлъ всѣхъ ихъ схватить, отправить во Владиміръ, а самъ повернулъ вмѣсто Черниговской въ Рязанскую область. Рюрикъ же, услыхавъ объ этомъ, поѣхалъ „изъѣздомъ“ на Кіевъ и выг-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 484.

[2]) Ibidem, стр. 484.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 181.

налъ оттуда Всеволода Святославича Чермнаго; Ольговичи снова подходили къ Кіеву, но безъ успѣха воротились назадъ [1]); только въ 1210 г. Ольговичи изъявили покорность Всеволоду Юрьевичу, съ согласія котораго Чермный получилъ Кіевъ, а Рюрикъ Черниговъ [2]). Конечно, такое необычайное явленіе, какъ занятіе черниговскаго стола княземъ не изъ рода Святослава Ярославича, не могло долго продолжаться: Рюрикъ прожилъ въ Черниговѣ около 5 лѣтъ.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на отношеніи Ольговичей къ Галичу. Только съ самаго начала XIII вѣка Ольговичи начинают принимать участіе въ судьбахъ Галича и играть тутъ не последнюю роль. Объясняется это тѣмъ, что въ Галичѣ со смертью Романа, въ малолѣтство его сыновей, начались усобицы; тогда и на Галичъ сосѣдніе князья стали смотрѣть, какъ на Кіевъ, т. е. какъ на лакомый кусочекъ. Съ другой стороны семья Ольговичей размножилась еще больше: отъ одного Игоря Святославича осталось 6 сыновей, которые принуждены были довольствоваться однимъ Новгородъ-Сѣверскимъ княжествомъ—удѣломъ отца; тѣсно имъ стало въ своей землѣ, и вотъ они стараются сѣсть въ Галичѣ; соединенными силами предпринимаютъ походы на Галичъ, пока, наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ не удается занять столовъ въ главныхъ галицкихъ городахъ; но судьба этихъ Игоревичей оказалась очень плачевною: нѣсколько ихъ было повѣшено въ Галичѣ—фактъ единственный во весь древній періодъ русской исторіи. Между тѣмъ самый предпріимчивый изъ братьевъ, Всеволодъ Святославичъ постоянно дѣлаетъ попытки утвердиться въ Кіевѣ, пока это ему не удается въ 1210 году.

Въ 1215 г. въ Черниговѣ умеръ Рюрикъ и на его мѣсто сѣлъ Глѣбъ Святославичъ [3]). Въ 1217 г. (а по Ник. лѣт. 1218 г.) воротился изъ половецкаго плѣна Владиміръ Всеволодичъ, и братья дали ему Стародубъ и „ину властцу [4])". Въ 1224 г., какъ извѣстно, пришли первый разъ на

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 181—183.

[2]) Ibidem, стр. 184.

[3]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 119: „Того же лѣта преставися князь Рюрикъ Ростиславичъ кіевскій, княжа въ Черниговѣ. Князь Володиміръ Всеволодичъ поя за ся Глѣбову дщерь Святославича черъниговьского".

[4]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 125; Ник. лѣт., II, стр. 337.

Русскую землю Татаре[1]) и стали воевать Половцевъ, которые тогда обратились за помощью къ южно-русскимъ князьямъ; эти послѣдніе собрались на совѣтъ въ Кіевъ; въ числѣ собравшихся старшихъ князей упоминается изъ сѣверскихъ между прочимъ Мстиславъ Святославичъ Козельскій, княжившій въ это время въ Черниговѣ[2]), а въ числѣ младшихъ—Михаилъ Всеволодичъ; затѣмъ приняли участіе въ походѣ на Калку князья курскіе, трубчевскіе, путивльскіе[3]); опредѣленно называется по имени только Олегъ курскій; въ битвѣ на Калкѣ погибъ черниговскій Мстиславъ со своимъ сыномъ; послѣ пораженія русскихъ князей, Татаре двинулись дальше къ границѣ Русской земли и стали грабить и жечь русскіе города; значительнымъ опустошеніямъ въ этомъ случаѣ должна была подвергнуться и Сѣверская земля; на это мы имѣемъ и лѣтописное указаніе: Половцы, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, дошли до Новгородъ-Сѣверска[4]).

По смерти Мстислава Всеволодича, черниговскій столъ занялъ Михаилъ Всеволодичъ. Въ княженіе Михаила обращаютъ на себя наше вниманіе отношенія къ Новгороду Великому и суздальскимъ князьямъ. Въ 1225 г. Михаилъ пришелъ въ Новгородъ, а оттуда ходилъ къ своему шурину Юрію, у котораго взялъ обратно новгородскіе товары, нѣкогда имъ захваченные. Воротившись въ Новгородъ, онъ сказалъ Новгородцамъ: „я у васъ княжить не хочу, но вы пускайте ко мнѣ своихъ купцовъ для торговли, такъ чтобъ наши двѣ страны представляли какъ бы одну". Новгородцы долго упрашивали его остаться у нихъ княжить, но онъ остался непреклоненъ; тогда они проводили его обратно съ большою честью[5]). Зачѣмъ Михаилъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, ст. 189. Ип. лѣт., стр. 495—497.

[2]) Ип. лѣт., стр. 495.

[3]) „Слышавше же то князи Рустіи, поидоша вси вкупѣ за Днѣпръ на множество лодій, а Галичане и Волынцы кіиждо со своими князи, а Куряне, и Трупчане и Путивльцы пріидоша кіиждо со своими князи". П. С. Р. Л. т. VII, стр. 130.

[4]) Въ Ипат. лѣт., точно также какъ и въ Воскр. сказано, что Татаре дошли до Новгорода *Святопольчьскаго* (смотр. Ип. лѣт., стр. 497; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 132); въ Ник. же лѣт.—до Новгорода-*Сѣверскаго*. (Ник. лѣт., II, стр. 354).

[5]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 133; Ник. лѣт., II, стр. 354—355.

пріѣзжалъ въ Новгородъ? Можетъ быть, его принудилъ удалиться изъ Чернигова Олегъ Святославичъ курскій, сынъ Святослава Игоревича, такъ какъ подъ слѣдующимъ годомъ лѣтопись разсказываетъ намъ о борьбѣ Михаила съ Олегомъ. На помощь къ себѣ Михаилъ призвалъ своего зятя Юрія Всеволодича, но до войны дѣло не дошло; противниковъ примирилъ митрополитъ Кириллъ, бывшій тогда въ Черниговѣ [1]); чтобы укрѣпить родственныя и союзныя отношенія, Юрій Всеволодичъ женилъ своего племянника Василька Константиновича на дочери своего шурина, а другого племянника Всеволода на дочери Олега Святославича [2]). Въ 1228 г. Михаилъ, по просьбѣ Новгородцевъ, снова пріѣхалъ въ Новгородъ; утвердился съ Новгородцами „на всѣхъ воляхъ Новгородскихъ и на всѣхъ грамотахъ прежнихъ Ярославскихъ и даде всѣмъ людемъ бѣднымъ и должнымъ лготы на пять лѣтъ дани не платить, а которые изъ земли бѣжали въ долзехъ, тѣмъ платить дань, какъ уставили прежніе князья или безъ лихвъ полѣтня [3])“. Но въ томъ же году Михаилъ удалился изъ Новгорода къ братьямъ въ Черниговъ, а въ Новгородѣ оставилъ сына своего Ростислава, говоря: „аще Богъ восхощетъ, да исправиться вся правда Новгородцкая, и тогда подобаетъ ми взяти отъ васъ сына своего“; тогда же онъ посовѣтовалъ Новгородцамъ выбрать кандидата въ епископы и послать его на утвержденіе въ Кіевъ [4]) и кромѣ того послалъ къ Ярославу Всеволодичу переяславскому съ просьбой возвратить Новгородцамъ волокъ. Ярославъ не исполнилъ требованія и, вѣроятно, вслѣдствіе этого Михаилъ замышлялъ на него рать; но на этотъ разъ до войны дѣло не дошло: примирителемъ и теперь явился митрополитъ Кириллъ; впрочемъ въ слѣдующемъ году Ярославъ Всеволодичъ ходилъ походомъ на Михаила, сжогъ *Ршенескъ* (иначе Шернескъ) и, постоявъ нѣкоторое время подъ Можайскомъ, возвратился назадъ, пожогши волости и села. Новгородцы въ это время выгнали отъ себя сына Михаила Ростислава [5]), и вслѣдъ за тѣмъ, въ походѣ на Кіевъ, съ Новгородцами

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 133; Ник. лѣт., II, стр. 356.

[2]) Ник. лѣт., II, стр. 357; П. С. Р. Л. т. I, стр. 191.

[3]) Ник. лѣт., II, стр. 361.

[4]) Ibidem, II, стр. 367.

[5]) Ibidem, II, стр. 366.

уже идетъ Ярославъ Всеволодичъ, который прямо называется новгородскимъ княземъ [1]).

Но не успѣлъ Михаилъ помириться съ Ярославомъ Всеволодичемъ, какъ вступилъ въ очень упорную борьбу съ Владиміромъ Рюриковичемъ кіевскимъ. Владиміръ обратился за помощью къ Даніилу галицкому, который быстро собрался и пошелъ къ Кіеву; Михаилъ удалился изъ Кіева; Даніилъ же, соединившись съ Владиміромъ и двоюроднымъ братомъ Михаила Мстиславомъ, пошелъ на Черниговъ; тутъ по Деснѣ они взяли много городовъ (и въ числѣ ихъ *Хороборъ*, *Сосницу* и *Сновескъ*), за тѣмъ опять воротились къ Чернигову; Михаилъ и Черниговцы принуждены были заключить съ Даніиломъ и Владиміромъ миръ, послѣ чего эти послѣдніе удалились къ Кіеву; но на помощь своему двоюродному брату (Михаилу) Изяславъ Владиміровичъ привелъ Половцевъ. У Торческа произошла лютая битва, которая окончилась полнымъ пораженіемъ галицкой и кіевской рати: Владиміръ былъ взятъ въ плѣнъ; граждане должны были откупаться деньгами отъ плѣна; а Изяславъ и Михаилъ обложили данью всѣхъ иноземцевъ, жившихъ тамъ; первый взялъ себѣ Кіевъ, а второй вступилъ въ область Галицкую и занялъ ея столицу, откуда Даніилъ вслѣдствіе новыхъ замысловъ бояръ долженъ былъ уѣхать [2]). Изяславу не долго удалось прожить въ Кіевѣ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, но потомъ уступилъ Кіевъ Ярославу Всеволодичу [3]); Михаилъ же въ Галичѣ долженъ былъ выдерживать постоянную борьбу съ Даніиломъ. Напрасно Даніилъ искалъ помощи у венгерскаго короля Белы IV: тотъ, равно какъ и Конрадъ, польскій герцогъ, поддерживалъ Михаила, желая, чтобы юго-западная Русь принадлежала нѣсколькимъ,

---

[1]) Ник. лѣт., II, стр. 369.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 514—516; въ Вос. и Ник. лѣт. Изяславъ, союзникъ Михаила, названъ Мстиславичемъ (внукомъ Романа Ростиславича смоленскаго); но это, вѣроятно, ошибка: не Мстиславичъ, а Владиміровичъ, т. е. сынъ Владиміра Игоревича, господствовавшаго вмѣстѣ съ братьями въ Галичѣ, но избѣжавшаго ихъ жалкой участи, вмѣстѣ съ сыномъ Изяславомъ; въ новгородскихъ лѣтописяхъ онъ прямо называется Изяславомъ. (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 138; Ник. лѣт., II, стр. 369; П. С. Р. Л. т. I, стр. 221).

[3]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 138.

слѣдовательно, слабымъ владѣльцомъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галичъ: хотя иногда онъ и побѣждалъ враговъ и плѣнилъ болоховскихъ князей, однако не могъ окончательно изгнать Михаила и, наконецъ, помирился съ нимъ взявъ Перемышльскую волость [1]); только въ 1235 г. Даніилъ подошелъ къ Галичу и занялъ его [2]).

Въ этой борьбѣ есть одинъ интересный эпизодъ о *болоховскихъ князьяхъ*. Въ 1235 г. Галичане вмѣстѣ съ болоховскими князьями пришли на Каменецъ и стали воевать по рѣкѣ *Хомору*; Владиміръ (Рюриковичъ) прислалъ къ Даніилу на помощь Торковъ, и Даніилъ съ помощью ихъ разбилъ галицкую и болоховскую рать и побралъ въ плѣнъ всѣхъ болоховскихъ князей. Когда же настало лѣто, то Михаилъ и Изяславъ стали посылать къ Даніилу съ угрозами: „освободи *нашу братью* или пріѣдемъ на тебя войною". Это выраженіе подало поводъ считать болоховскихъ князей Ольговичами; къ такому выводу приходилъ цѣлый рядъ историковъ [3]). По мнѣнію г. Соловьева, „если это дѣйствительно были Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича, которому удалось удержаться въ части галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 г. (когда повѣсили 3-хъ Игоревичей)". Г. Квашнинъ-Самаринъ указываетъ, когда Игоревичи могли получить въ надѣлъ Болоховскую землю; это могло быть, когда Всеволодъ Чермный княжилъ въ Кіевѣ въ первыхъ годахъ XIII в. Понятно, что онъ (Всеволодъ) помѣстилъ своихъ родственниковъ въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе.

Но въ послѣднее время появилась спеціальная монографія о Болоховской землѣ г. Дашкевича, въ которой высказанъ совершенно новый взглядъ [4]). „Названіе болоховскихъ князей братьею со стороны Михаила и Изяслава, говоритъ г. Дашкевичъ, еще ничего не значитъ:

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 516—517.

[2]) Ibidem, стр. 517—518.

[3]) Карамзинъ (Ист. гос. Рос., т. III, стр. 346); Соловьевъ (Ист. Рос., т. III, прим. 261); Забѣлинъ (Оп. изуч. р. др. ист., ч. I, стр. 252—262); Квашнинъ-Самаринъ (По поводу любецкаго синодика, стр. 216).

[4]) „Труд. 3-го арх. съѣзда", т. II, стр. 69 и слѣд.

нужно доказать, что оно должно быть принимаемо въ смыслѣ ихъ родства [1])". Если болоховскіе князья были Ольговичи, то чѣмъ объяснить, что они не всегда были на сторонѣ черниговскихъ въ ихъ борьбѣ съ Даніиломъ, состояли въ неразрывномъ союзѣ съ галицкими боярами, погубившими Игоревичей, и вовсе не добивались Галича? Если бы это были Игоревичи, то галицкіе бояре, восторжествовавши надъ ними въ самомъ Галичѣ, не позволили бы имъ утвердиться въ Болоховѣ, смежномъ съ Галичемъ. Вообще изъ извѣстныхъ намъ внуковъ Игоря, упомянутыхъ въ любецкомъ синодикѣ и лѣтописяхъ, нельзя никого помѣстить въ Болоховѣ.

Тѣсная связь болоховскихъ князей съ черниговскими объясняется, быть можетъ, родственными союзами. Скорѣе всего можно думать, что это была совсѣмъ особенная княжеская вѣтвь. Въ лѣтописи болоховскіе князья обозначаются не такъ, какъ другіе князья Владимірова дома: не по именамъ и отчествамъ, а прямо и исключительно съ именемъ своей земли. Можно думать, слѣдовательно, что въ Болоховской землѣ явились свои собственные князья изъ самой же общины, „лучшіе мужи" мѣстнаго населенія, провозгласившаго ихъ князьями для того, чтобы имѣть кого выставить въ противовѣсъ дому Владиміра Св.

Таковы судьбы Сѣверской земли до татарскаго нашествія, т. е. до второй четверти XIII в. Теперь—лѣтописныя извѣстія о Сѣверской землѣ почти прекращаются: мы не можемъ указать мѣстъ княженія всѣхъ сѣверскихъ князей; можно только констатировать тотъ фактъ, что теперь возникло еще болѣе маленькихъ, почти самостоятельныхъ удѣловъ, которые вслѣдствіе своей слабости не могли имѣть и не имѣли никакого почти вліянія на судьбу южной Руси; такой порядокъ вещей, т. е. чрезвычайное раздробленіе земли заставлялъ обращать вниманіе Ольговичей на чужія земли и искать въ нихъ себѣ волостей.

Въ 1237 г. на Русь пришли Татаре; единодушнаго отпора князья не дали; но за то защита прославлена была нѣкоторыми героическими эпизодами; такою геройскою защитою прославился между прочимъ въ Сѣверской землѣ городъ Козельскъ; въ немъ тогда княжилъ очень молодой князь Василій; поэтому граждане сдѣлали вѣче и рѣшили „по-

---

[1]) „Труд. 3-го арх. съѣзда", т. II, стр. 96 и слѣд.

ложить животъ за своего князя". Татаре пошли на приступъ, разбили городскую стѣну и взошли на валъ; начался бой рукопашный; граждане сдѣлали внезапную вылазку, съ ожесточеніемъ напали на татарскіе полки и убили 4000 чел., хотя впрочемъ и сами потомъ почти всѣ были перебиты; Батый взялъ городъ и за такую отчаянную защиту не пощадилъ никого—даже грудныхъ младенцевъ; князь пропалъ безъ вѣсти: иные говорили, что онъ утонулъ въ крови. Съ тѣхъ поръ Татаре не называли этого города Козельскомъ, а „злымъ городомъ". Отъ Козельска Батый повернулъ въ землю Половецкую, а оттуда уже „сталъ посылати на грады Русьскіе": взялъ копьемъ Переяславль; затѣмъ татарская рать подступила къ Чернигову и облегла его въ „силѣ тяжцѣ"; Мстиславъ Глѣбовичъ, услышавъ о нападеніи на городъ иноплеменниковъ, пришелъ на нихъ со всею своею дружиною; произошла битва, въ которой Мстиславъ былъ побѣжденъ и потерялъ множество воиновъ, городъ былъ взятъ и зажженъ; но епископа Татаре оставили въ живыхъ и отвели въ *Глуховъ* [1]). Мстиславъ Глѣбовичъ спасся бѣгствомъ къ Уграмъ [2]). Михаилъ Всеволодичъ, послѣ взятія Кіева Татарами, не рѣшился сѣсть въ самомъ Кіевѣ, а поселился на островѣ подъ Кіевомъ, а сына своего Ростислава послалъ въ Черниговъ [3]); но Ростиславу не сидѣлось въ разоренномъ Черниговѣ; вмѣстѣ съ болоховскими князьями онъ нападалъ на владѣнія Даніила галицкаго: хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьи [4]); наоборотъ Михаилъ, его отецъ, долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ одного мѣста въ другое, возвратился, наконецъ, въ свою исконную отчину Черниговъ, гдѣ ханскіе сановники переписывали тогда остатки скуднаго населенія и налагали на всѣхъ людей поголовную дань. Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду; покоряясь необходимости, тотъ отправился съ бояриномъ Ѳеодоромъ и внукомъ Борисомъ Васильевичемъ [5]); тутъ жрецы отъ него потребовали, чтобы онъ прошелъ сквозь разложенный передъ ставкой священный огонь и поклонился ихъ кумирамъ; „нѣтъ, сказалъ Михаилъ, я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу го-

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 519—520.

[2]) Ник. лѣт., III, стр. 5; П. С. Р. Л. т. I, стр. 200.

[3]) Ип. лѣт., стр. 524.

[4]) Ibidem, стр. 526.

[5]) Это былъ сынъ его дочери.

сударствѣ земныхъ; но христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ". Михаилъ, равно какъ и его бояринъ были умерщвлены [1]). Борисъ Васильевичъ получилъ позволеніе возвратиться въ свой удѣлъ [2]).

Съ этого времени о князьяхъ черниговскихъ почти вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ: знаемъ только, что тамъ около 1261 г. княжилъ Андрей Всеволодичъ, зять Даніилова брата Василька [3]).

VI-я ГЛАВА.

Очеркъ внутренней исторіи Сѣверской земли съ пол. XI до пол. XIII в.

Князь; вѣче. Іерархія; церкви и монастыри. Промыслы и занятія; монетная система. Литтературные памятники.

Первымъ самостоятельнымъ княземъ Сѣверской земли, положившимъ начало ея обособленія, былъ Святославъ, сынъ Ярослава Мудраго. Потомство Святослава Ярославича признается ея законнымъ наслѣдникомъ. Сѣверская земля, какъ и мн. др., получивъ собственную княжескую вѣтвь, стремится замкнуться отъ посторонняго вліянія, отъ вліянія другихъ князей, другихъ областей, готова бороться за свою княжескую вѣтвь до послѣдней возможности. Это стремленіе не согласно съ семейными отношеніями князей, по которымъ младшіе повинуются старшимъ въ родѣ; оно не согласно и съ стремленіемъ Кіевской земли, подчинившей себѣ прежде всѣ остальныя и желавшей удержать надъ ними власть. Изъ этихъ противоположныхъ стремленій возникаютъ ссоры и войны. Мысль о государствѣ, мысль о единствѣ всѣхъ областей существуетъ только, какъ мысль о единствѣ княжескаго дома; во внутреннюю жизнь русскаго общества она еще не проникла. Русь представляетъ еще рядъ отдѣльныхъ областей, изъ коихъ каждая

---

[1]) Какимъ-то Андреемъ написано вошедшее во многіе лѣтописные сборники „Слово новосвятую мученику Михаила князя и Өеодора воеводы его"; см. П. С. Р. Л. т. V, 182—186; т. VII, 152—156; т. XV, 386—393; Ник. лѣт., III, 19—26; Степ. кн. I, 340—353; Вел. Минеи, сент. (дни 14—24), 1298—1304; о „Словѣ" Андрея см. И. И. Срезневскаго „Пам. яз. и письма", 195 и Ключевскаго „Др. рус. житіи св.".

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 201.

[3]) Ип. лѣт., стр. 562.

стремится замкнуться въ себѣ. Кіевъ представляетъ изъ себя центръ (по крайней мѣрѣ для южной Руси), но въ свою очередь, какъ отдѣльная область, стремится имѣть свою собственную вѣтвь; вслѣдствіе этого онъ отталкиваетъ отъ себя другихъ князей-искателей.

Но рядомъ со стремленіемъ къ обособленію мы замѣчаемъ у Святославичей совершенно обратное стремленіе—овладѣть кіевскимъ княжествомъ; одно ослабляло, парализовало другое. Святославъ, первый князь, положившій начало обособленія своей земли, первый занимаетъ кіевскій столъ, изгнавши Изяслава. Объясняется это нерасположеніемъ къ Изяславу кіевскаго населенія: онъ плохо исполнялъ главную свою обязанность—защиту страны отъ поганыхъ; между тѣмъ Святослава должна была сдѣлать очень популярнымъ его Сновская побѣда надъ Половцами, благодаря которой все Поднѣпровье спаслось отъ дальнѣйшихъ грабежей и опустошеній. Впрочемъ бояре и вообще дружина кіевская врядъ-ли дружелюбно относились къ Святославу; недоброжелательство ясно сказалось въ словахъ, которыя лѣтописецъ влагаетъ въ уста посламъ нѣмецкимъ: „се (т. е. богатство, которое имъ показывалъ Святославъ) ни во чтоже есть; се бо лежитъ мертво; сего суть кметье луче: мужи бо ся доищють и болше сего"; не даромъ также прахъ Святослава былъ перенесенъ въ Черниговъ—этого не случилось бы, если бы онъ былъ желаннымъ княземъ и кіевской дружины; сдѣлала это по всей вѣроятности черниговская дружина князя, ибо самъ онъ, выросшій и воспитанный въ Кіевѣ, могъ и не желать погребенія своего въ Черниговѣ.

По смерти Святослава, оставшіеся въ живыхъ Ярославичи (Изяславъ и Всеволодъ) стараются поколебать вотчинное начало, которое только что установилось въ Сѣверской землѣ. Черниговскій столъ занимаетъ сначала Всеволодъ, потомъ сынъ его Мономахъ. Но Святославичи употребляютъ всю энергію, всѣ свои силы, что бы вернуть отцовское достояніе. Главную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе способный, рѣшительный изъ Святославичей—Олегъ Гориславичъ. Онъ съ изумительною энергіею дѣлаетъ одну попытку за другою къ возвращенію отцовскаго стола; въ 1094 г. онъ усаживается въ Черниговѣ, изгнавъ оттуда Мономаха, хотя не надолго: въ 1097 г. снова принужденъ бѣжать на сѣверо-востокъ—въ Муромъ; оттуда опять выгоняетъ его сынъ Мономаха—Изяславъ; начинается война, прекращенная только Любецкимъ съѣздомъ.

Любецкій съѣздъ имѣетъ очень важное значеніе для урегулированія междукняжескихъ отношеній, ибо на немъ ясно высказалось стремленіе Руси къ раздробленію на отдѣльныя земли, къ созданію отчинъ, т. е. закрѣпленію ихъ за извѣстными вѣтвями русскаго княжескаго дома, а, слѣдовательно, къ ихъ обособленію. Дѣйствительно, постановленіе Любецкаго съѣзда легло теперь окончательно въ основу почти всѣхъ послѣдующихъ княжескихъ отношеній. Родъ Святослава Ярославича безъ перерыва княжитъ теперь въ Сѣверской землѣ до половины XIV вѣка. Нельзя такимъ образомъ подобно Соловьеву видѣть въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всею Русскою землею, въ противоположность Мономаховичамъ (собственно Мстиславичамъ), которые хотятъ удержать Кіевскую землю въ своемъ семействѣ. Основаніемъ такому мнѣнію послужила между прочимъ фраза, сказанная Святославомъ Всеволодичемъ черниговскимъ (конецъ XII в.) Ярославу Изяславичу кіевскому. На вопросъ Ярослава: „къ чему тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна!“ Святославъ отвѣтилъ: „Я—не Угринъ, не Ляхъ, но единаго дѣда есмы внуци, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ“. „Въ то время, говоритъ Соловьевъ, когда Мстиславичи боролись съ новыми понятіями, явившимися на сѣверѣ, *когда такъ геройски отстаивали родовыя отношенія между* старшимъ княземъ и младшими—въ то самое время съ другой стороны они должны были вести борьбу съ княземъ (Святославомъ Всеволодичемъ), для котораго Мстиславичи являются уже нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между великимъ княземъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, ратуетъ за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Такимъ образомъ въ одно и тоже время, въ разныхъ концахъ Руси, идетъ борьба за три разные порядка вещей, которыхъ представителями являются три линіи Ярослава: мы всѣ внуки одного дѣда, говорятъ Ольговичи. Мстиславичи хотятъ исключить Ольговичей изъ старшинства и владѣнія Кіевомъ, но хотятъ поддержать родственныя отношенія между старшими и младшими въ Мономаховичахъ: „не хотимъ слушаться тебя, говорятъ они Андрею, потому что ты обходишься съ нами не какъ съ князьями, но какъ съ подручниками“. Наконецъ Юрьевичи стараются замѣнить родственныя отношенія государственными, смотрятъ на млад-

шихъ князей, не какъ на младшихъ братьевъ, но какъ на подчиненныхъ правителей. Вы не слушаетесь меня, такъ ступайте вонъ изъ Русской земли, говоритъ Андрей Ростиславичамъ [1])". Нельзя согласиться съ этимъ: Святославичей никоимъ образомъ нельзя назвать борцами за единство Русской земли уже потому, что въ свою Сѣверщину они никогда не пускали ни одного князя изъ чужой княжеской вѣтви [2]). Можно даже сказать, что Святославичи въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другія княжескія вѣтви, были способны на такую миссію.

Вспомнимъ только обычную политику сѣверскихъ князей приглашать къ себѣ въ союзники цѣлыя орды кочевниковъ—Половцевъ; это была такая политика, по которой интересы всей Русской земли приносились въ жертву интересамъ *своей* волости, *своей* области; припомнимъ Олега Святославича-Гориславича и Владиміра Мономаха; кто изъ нихъ болѣе заботится о всей Русской землѣ? Конечно, послѣдній.

Но фактъ занятія кіевскаго великокняжескаго стола тѣмъ или другимъ изъ Святославичей существуетъ; чѣмъ онъ объясняется? Географическимъ положеніемъ (вблизи Кіева) Сѣверской земли съ одной стороны и размноженіемъ рода Святослава съ другой. Кіевъ, какъ центральный городъ южной Руси, служилъ для всѣхъ князей значительною приманкою; родовыя права кандидатовъ очень часто были спорныя: приходилось отыскивать князя не среди какой нибудь обособившейся княжеской вѣтви, ибо такой не было въ Кіевской землѣ, а среди всего Ярославова рода; кто былъ ближе или сильнѣе, или симпатичнѣе Кіевлянамъ, тотъ и занималъ великокняжескій столъ; а изъ Кіева въ Черниговъ (слѣдовательно, и наоборотъ) Изяславъ Давидовичъ ѣхалъ сутки съ небольшимъ. Доказательствомъ того, какое большое значеніе въ кандидатурѣ на кіевскій столъ играла близость разстоянія, служатъ переяславскій и вышегородскій столы, которые служили какъ бы преддверіемъ къ кіевскому. Въ Муромо-Рязанской землѣ княжила младшая отрасль тѣхъ же Святославичей—потомство Ярослава Святославича; но она никогда не изъявляла притязаній на

[1]) Ист. отн. между рус. князьями Рюрикова дома, Соловьева, стр. 229— 230.

[2]) Единственное исключеніе представляетъ Глѣбъ Юрьевичъ, который получилъ волость въ Сѣверской землѣ, но и то впрочемъ не по праву, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, а изъ рукъ Святослава Ольговича.

кіевскій столъ потому между прочимъ, что Муромъ отъ Кіева отдѣляло громадное разстояніе.

Такъ было вначалѣ. Необходимости искать себѣ волостей въ чужой землѣ у Святославичей не было: князей было мало, а волостей много. Но чѣмъ дальше, тѣмъ княжескій родъ размножался все больше и больше; у каждаго князя волость дѣлалась меньше и меньше; явился такимъ образомъ новый импульсъ у сѣверскихъ князей къ добыванію кіевскаго стола. Слабость кіевскаго княжества, явившаяся результатомъ княжескихъ междоусобій, помогала осуществлять подобныя желанія. Только на Кіевскую землю смотрѣли, какъ на общественное достояніе, въ которомъ не было, такъ сказать, постояннаго хозяина, ибо въ ней не было своей собственной княжеской вѣтви. Такъ смотрѣли на Кіевскую землю Святославичи, такъ смотрѣли, и другіе князья обособившихся земель, напр. Суздальской и др. Яснѣе всѣхъ выразилъ такой взглядъ Юрій Долгорукій, когда говорилъ по поводу изгнанія изъ Кіевской Руси своего сына Ростислава: „тако ли мнѣ части нѣту въ Русской земли и моимъ дѣтемъ?“ Почему же въ такомъ случаѣ Соловьевъ, основываясь на этой фразѣ Юрія Долгорукаго, и на суздальскихъ князей не смотритъ какъ на князей, ратующихъ за общность владѣнія всею русскою землею, тѣмъ болѣе, что и младшіе, и старшіе суздальскіе князья сидѣли въ Кіевской землѣ?

Мы сказали, что попытки Святославичей овладѣть кіевскимъ столомъ находятся въ прямомъ соотношеніи съ увеличивавшейся слабостью Кіевской земли. Мономаху и его сыну Мстиславу удается на нѣкоторое время возвысить значеніе Кіева на счетъ областной самостоятельности. Но далѣе такой порядокъ не могъ продолжаться. Положеніе кіевскихъ князей становилось все труднѣе и труднѣе, если они хотѣли удержать въ единеніи какъ развѣтвлившееся потомство Владиміра Св., такъ и русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ и стремившіяся къ отдѣльной политической жизни. То теченіе русской исторической жизни, которое мы замѣтили со времени Любецкаго съѣзда и которое было на время пріостановлено, теперь появляется снова. Хотя семьѣ Мономаховичей и удалось захватить въ свои руки большую часть Руси, но и самая эта семья въ свою очередь раздѣлилась на разныя поколѣнія, соперничавшія другъ съ другомъ. Русскія области все болѣе и болѣе обособляются подъ управленіемъ вѣтвей княжескаго дома, которыя принимаютъ характеръ мѣст-

ныхъ самостоятельныхъ династій, при чемъ въ основаніе этого обособленія легло дѣленіе, утвержденное Любецкимъ съѣздомъ. Понятіе о старшинствѣ въ цѣломъ потомствѣ Ярославичей запутывается вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго размноженія; возникаетъ соперничество между дядями и племянниками; Кіевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки, при чемъ въ сущности дѣйствуетъ уже не родовое право, а право сильнаго или наиболѣе отважнаго и искуснаго. Кіевъ мало по малу перестаетъ быть политическимъ центромъ Русской земли, хотя и остается еще центромъ образованности и сохраняетъ въ себѣ настолько притягательной силы, чтобъ служить яблокомъ раздора для наиболѣе близкихъ сосѣдей. Такими наиболѣе близкими сосѣдями являются князья Сѣверской земли, которые въ силу родовыхъ счетовъ, въ силу своей энергіи, географической близости къ Кіеву, очень часто успѣваютъ захватывать кіевскій столъ. Мстиславу наслѣдовалъ его братъ Ярополкъ; при немъ уже начинается борьба Ольговичей за Посемье, которымъ во время своего могущества овладѣли Мономаховичи и присоединили къ Переяславскому княжеству. Въ этомъ фактѣ, конечно, нельзя не видѣть стремленія Сѣверской земли войти въ свои естественныя границы; заявить свои притязанія оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что начались междоусобія въ самой семьѣ Мономаховичей.

Вскорѣ послѣ смерти Мстислава, кіевскій столъ занимаетъ черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ. Это занятіе объясняется личною энергіею Всеволода и отсутствіемъ таковой у Вячеслава; населеніе кіевское относилось къ нему по всей вѣроятности недружелюбно, и Всеволодъ старался задобрить его: устроилъ пиръ митрополиту, князьямъ и боярамъ, а по улицамъ для гражданъ велѣлъ развозить вино, медъ, пищу, овощи. Но еще рѣзче высказалась нелюбовь Кіевлянъ къ Святославичамъ въ лицѣ роднаго брата Всеволода Игоря. По смерти Всеволода долженъ былъ сдѣлаться великимъ княземъ кіевскимъ Игорь. Не довольствуясь тѣмъ, что Кіевляне и Вышгородцы уже разъ цѣловали ему крестъ, онъ сзываетъ Кіевлянъ въ верхній городъ и беретъ съ нихъ вторичную присягу; но и эта двукратная клятва, не подкрѣпленная народнымъ расположеніемъ, оказалась недѣйствительною. Кіевляне давали присягу Игорю—и въ тоже время сносились съ Изяславомъ. „И не угоденъ бысть Кіяномъ Игорь и послашася къ Переяславлю къ Изяславу рекуче: поиди, княже, къ намъ; хощемъ тебе". Изяславъ собралъ дружину съ намѣреніемъ подступить къ городу; но прежде

нежели онъ вступилъ въ Кіевъ, его встрѣтили четыре новыя посольства съ изъявленіемъ любви къ нему,—нерасположенія къ Ольговичамъ: отъ жителей Поросья, Васильева, Бѣлгорода, Кіевлянъ и кіевскаго тысяцкаго, Улеба и Ивана Войтишича. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ Изяслава, чтобы поднять открытое возстаніе противъ Ольговичей. Лишь только явился Изяславъ подъ стѣнами города, кіевская дружина, стоявшая въ рядахъ Игоря и Святослава, немедленно переходитъ на его сторону, Ольговичи остаются со своими черниговскими дружинами и въ виду неравенства силъ начинаютъ отступать; мѣстныя дружины съ Изяславомъ во главѣ преслѣдуютъ ихъ, берутъ въ плѣнъ самого Игоря, бояръ его и расхищаютъ дома, села и все имѣніе дружинъ черниговскихъ. Тутъ нельзя видѣть племенной вражды Полянъ къ Сѣверянамъ: она къ этому времени должна была изгладиться. Ненависть обращена на князей Ольговичей за то, что тѣ занимаютъ кіевскій столъ помимо Мономаховичей, на которыхъ Кіевляне смотрятъ, какъ на свою наслѣдственную вѣтвь. Эта ненависть рѣзче всего проявилась въ убіеніи Игоря кіевскимъ вѣчемъ, послѣ того какъ стало извѣстно о замыслѣ Давидовичей заманить Изяслава и убить его. „Торжественное обращеніе великаго князя къ народу, говоритъ г. Иловайскій [1]), да еще такому впечатлительному, какъ Кіевляне, обращеніе, долженствовавшее возбудить его усердіе, оказалось политической ошибкой, излишнею заботою Изяслава о своемъ самосохраненіи". У Кіевлянъ, по смерти Всеволода Ольговича, было два кандидата: одинъ, котораго имъ навязывали, Игорь, родной братъ того самаго Всеволода, который оставилъ по себѣ дурную память вслѣдствіе грабежа своихъ тіуновъ, другой—Изяславъ, сынъ Мстислава, внукъ Мономаха; а мы знаемъ, съ какою любовью относились Кіевляне не только къ самому Мономаху, но и его потомству. „На племя Владиміра", говорили они Изяславу, когда тотъ просилъ ихъ участвовать въ походѣ на Юрія Владиміровича Долгорукаго, „мы не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ, хотя и съ дѣтьми". Колебаній быть не могло: ихъ выборъ палъ на Изяслава. Теперь для освобожденія этого же самаго Игоря братья его составляютъ заговоръ и рѣшаются убить Изяслава; впереди представляются новые претенденты на Кіевъ изъ Ольговичей—слѣдовательно, новые смуты. Подъ такими впечатлѣніями было совершено

---

[1]) Иловайскій. „Исторія Россіи", часть I, стр. 223—224.

мрачное дѣло—убійство монаха, удалившагося совершенно отъ всего мірскаго. Много значило тутъ, конечно, и безсиліе княжеской власти, явившееся результатомъ соперничества князей изъ-за Кіева; это соперничество заставляло ихъ поступаться своею властью въ пользу власти вѣча. Черниговскіе князья играли не послѣднюю роль въ этомъ усиленіи власти кіевскаго вѣча, ибо имъ больше всѣхъ другихъ приходилось заискивать его расположенія; дружественныхъ отношеній тѣмъ не менѣе установиться не могло, потому что на Святославича, занявшаго кіевскій столъ, смотрѣли какъ на чуждаго князя, интересы котораго клонятся къ его родной Сѣверщинѣ; и въ этомъ Кіевляне были отчасти правы: сѣверская отрасль князей, не уступая никому своихъ отчинъ, распоряжалась кромѣ того и въ Кіевской землѣ; повидимому вся семья въ совокупности отъ этого выигрывала: Святославичи, соединивъ въ своихъ рукахъ такое значительное количество удѣловъ, дѣлались хозяевами всей Русской земли, позволяя себѣ отнимать волости у младшихъ, слабѣйшихъ князей; но это только повидимому: часто Святославичъ, сидящій на кіевскомъ столѣ, находилъ необходимымъ опираться на Мономаховичей, заключать съ ними извѣстные „ряды"; такъ именно поступалъ Всеволодъ Ольговичъ; кромѣ того занятіе кіевскаго стола однимъ изъ Ольговичей никогда почти не обходилось безъ цѣлаго ряда очень раззорительныхъ столкновеній и походовъ; въ силу этого тутъ не могло выработаться такое земельное единство и обособленность, какъ, напримѣръ, въ землѣ Муромо-Рязанской. Еще болѣе ослабили Сѣверскую землю неудачныя попытки утвердиться въ Галичѣ.

Справедливость однако требуетъ сказать, что почти во всѣхъ такихъ случаяхъ (т. е. занятіи Кіева однимъ изъ Святославичей) князья сѣверскіе обнаруживаютъ замѣчательное единодушіе и даже уваженіе къ семейнымъ родовымъ счетамъ. Это съ особенною силою проявилось при Святославѣ Всеволодичѣ, много разъ занимавшемъ и терявшемъ Кіевъ. „Святославъ же совокупився съ братьею своею и съ Половци, и рече Святославъ братьи своей: „се азъ старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я замъ во отця мѣсто остался; а велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати съ Ярославомъ блюсти Чернигова и всеѣ волости своей, а я пойду съ Всеволодомъ къ Суждалю и възищю сына своего Глѣба, да како намъ Богъ разсудить со Всеволодомъ [1])".

[1]) Ип. лѣт., стр. 418.

Черниговъ въ это время является какъ бы общеродовымъ городомъ всѣхъ сѣверскихъ князей: въ Черниговъ ѣдетъ на совѣщаніе съ братьями Святославъ Всеволодичъ; въ Черниговѣ должны оставаться Ярославъ и Игорь Святославичи. Мало того: въ семьѣ Святославичей соблюдается даже очень строго лѣствичное восхожденіе. Новгородъ-сѣверскій столъ считается младшимъ и какъ бы переходнымъ къ черниговскому; если старшему изъ сѣверскихъ князей удается захватить кіевскій столъ, то черниговскій занимаетъ слѣдующій за нимъ по старшинству князь. Приведемъ въ доказательство этого факты. На Любецкомъ съѣздѣ Черниговъ былъ отданъ Давиду, а Новгородъ-Сѣверскъ—Олегу Святославичу. По смерти Давида въ Черниговѣ садится единственный оставшійся теперь въ живыхъ дядя Ярославъ Святославичъ; энергическій племянникъ Всеволодъ Ольговичъ изгоняетъ его изъ Кіева, но чувствуетъ, что нарушилъ право дяди. Кіевскій князь Мстиславъ считаетъ своимъ долгомъ возстановить нарушенныя права Ярослава, хотя Всеволодъ Ольговичъ женатъ на его родной дочери. Выйти изъ затруднительнаго положенія Всеволоду удалось только благодаря тому обстоятельству, что онъ склонилъ на свою сторону знатнѣйшихъ Мстиславовыхъ бояръ и игумена Андреевской церкви Григорія. Соборъ священниковъ, подъ предсѣдательствомъ Григорія, принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія; просьбы дочери также, конечно, имѣли тутъ свое вліяніе Этотъ самый Всеволодъ Ольговичъ занимаетъ въ 1139 г. Кіевъ; родные братья его (Игорь и Святославъ) надѣялись при новомъ раздѣлѣ земель захватить въ свои руки Черниговъ; но Всеволодъ отдалъ его двоюродному брату Владиміру Давидовичу; мотивомъ для такого рѣшенія, очевидно, служило желаніе исполнить традиціонный обычай—отдать черниговскій столъ слѣдующему по старшинству князю. По смерти Владиміра Давидовича осталось двое претендентовъ на черниговскій столъ почти съ равными правами, но сила была на сторонѣ Изяслава Давидовича; поэтому онъ и остается въ Черниговѣ; Святославъ Ольговичъ беретъ свою отчину—Новгородъ Сѣверскъ. Занявъ Кіевъ, Изяславъ Давидовичъ уступаетъ Черниговъ Святославу Ольговичу; такимъ образомъ, прокняживши въ Новгородъ-Сѣверскѣ почти безпрерывно болѣе 40 лѣтъ, Святославъ наконецъ усѣлся на великокняжескомъ столѣ. По смерти Святослава дѣлается попытка передать черниговскій столъ не старшему въ семьѣ сыну Всеволода—Святославу, а сыну самого Святослава Ольговича—Олегу; жена

умершаго князя по совѣту бояръ рѣшается скрыть смерть мужа до пріѣзда сына—Олега въ Черниговъ; но мѣстный епископъ оказался измѣнникомъ, „бяше бо родомъ Гречинъ"; онъ посылаетъ сказать Святославу Всеволодичу: „дядя у тебя умеръ; за Олегомъ только что послали; дружина далеко; въ городѣ—одна княгиня съ дѣтьми, а съ нею множество товара; поѣзжай скорѣе, пока еще нѣтъ Олега, чтобы по своей волѣ взять съ нимъ „рядъ". Но не смотря на то, что Олегъ поспѣлъ раньше Святослава, онъ все таки уступилъ ему, какъ старшему Черниговъ, а самъ отправился въ Новгородъ-Сѣверскъ. Когда Святославъ Всеволодичъ занялъ кіевскій столъ, то черниговскій занимаетъ его родной братъ Ярославъ, потому что Олега уже не было въ живыхъ. По смерти Ярослава въ Черниговѣ садится слѣдовавшій за нимъ по старшинству Игорь Святославичъ, княжившій до тѣхъ поръ въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Послѣ Игоря самымъ старшимъ въ родѣ остается Всеволодъ Святославичъ, который и занимаетъ безпрепятственно черниговскій столъ.

Обращаемся къ характеристикѣ сѣверскаго вѣча въ домонгольскій періодъ. Вѣчевая жизнь въ Сѣверской землѣ въ домонгольскую эпоху не достигла значительнаго развитія; но за то въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣчу приходилось защищать своихъ князей противъ другихъ княжескихъ вѣтвей, оно обнаруживало замѣчательную энергію; такими „своими" князьями въ Сѣверской землѣ были Святославичи. Изяславъ и Всеволодъ Ярославичи рѣшаются отнять у Святославичей ихъ отчину; но черниговская община поддерживаетъ дѣтей Святослава и не желаетъ признать свою зависимость отъ кіевскаго князя. Всеволодъ занялъ Черниговъ, но граждане послѣ пораженія, нанесеннаго ему Олегомъ и Борисомъ, не только не поддержали его, но даже впустили въ городъ его противниковъ; вслѣдъ за тѣмъ къ городу подошли соединенныя дружины Изяслава и Всеволода; хотя Олега и Бориса въ это время не было въ городѣ, тѣмъ не менѣе Черниговцы храбро защищались. На этотъ разъ впрочемъ старанія Черниговцевъ были напрасны: Борисъ былъ убитъ въ происшедшей битвѣ, а Олегъ съ остатками дружины бѣжалъ въ Тмутаракань. Лишившись своего князя (Олега), во имя котораго сопротивлялись, Черниговцы по необходимости признаютъ теперь свою зависимость отъ Всеволода, сѣвшаго въ Кіевѣ и назначившаго къ нимъ своего сына Мономаха. И чтоже? Не смотря на то, что стремленіе Черниговцевъ имѣть свою собственную

княжескую вѣтвь не успѣли еще пустить глубокихъ корней, не смотря на личныя достоинства Мономаха, граждане стольнаго города Сѣверской земли не могли проникнуться къ нему уваженіемъ и ждали только появленія кого нибудь изъ Святославичей;—и явился наиболѣе энергическій изъ Святославичей, Олегъ Гориславичъ; въ лицѣ его для Мономаха сосредоточилась такая опасность, какъ нѣкогда въ лицѣ Мстислава противъ Ярослава. „Владиміръ по вся утра закладаше уши", чтобы не слышать того, что раздавалось вокругъ него и готовилось грянуть изъ Тмутаракани, гдѣ Олегъ ковалъ крамолу. Въ 1094 г. Олегъ, воспользовавшись полнымъ пораженіемъ нанесеннымъ Всеволоду Половцами, явился въ Русь и занялъ Черниговъ, *добровольно* оставленный Мономахомъ. Но странно звучатъ слова самого Мономаха въ его завѣщаніи дѣтямъ: „Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову и бишася дружина моя съ нимъ восемь дній о малу греблю и не вдадуче имъ въ острогъ. Очевидно, Мономахъ недобровольно удалился изъ Чернигова, особенно если припомнимъ, что еще прежде онъ „по вся утра уши закладаше Черниговѣ"—видѣлъ стремленіе Черниговцевъ *освободиться отъ чуждаго князя*, видѣлъ полную невозможность задержать это стремленіе въ виду пораженія, нанесеннаго Половцами, и появленія съ новыми толпами Половцевъ самого Олега Святославича. Кіевъ два раза обнаруживалъ желаніе сдѣлать Святославичей изгоями, не признавалъ ихъ правъ на Сѣверскую землю, не давалъ имъ отцевскаго достоянія; слѣдовательно, не права или по крайней мѣрѣ не одни права вернули имъ ихъ отчину; сила Святославичей заключалось въ той поддержкѣ, которую имъ оказывала община, земля. Нельзя объяснять успѣховъ ихъ единственно только помощью со стороны Половцевъ, если бы ихъ не поддерживали Черниговцы, то по удаленіи Половцевъ, нелюбимые населеніемъ князья должны были бы встрѣтить отпоръ въ самой Сѣверской землѣ; образовавшаяся здѣсь партія недовольныхъ не преминула бы обратиться за помощью къ кіевскимъ князьямъ—и претенденты должны были бы отказаться отъ своихъ притязаній. Одинъ только фактъ повидимому противорѣчитъ нашему утвержденію—это то, что Олегъ (при вторичномъ своемъ движеніи къ Чернигову) отдалъ *окрестности* черниговскія на разграбленіе Половцамъ; но сдѣлалъ это Олегъ, разгнѣвавшись на Черниговцевъ, что они, боясь кіевскихъ князей, не поддержали его теперь съ такою энергіею, какъ въ первый разъ. Аналогическій слу-

чай имѣлъ мѣсто и немного позже. Стародубская община пригласила къ себѣ на княженіе внука Олега Святославича—Олега, но не могла поддержать его, потому что въ городъ вошла непріятельская дружина. Разгнѣванный неудачей, Олегъ „много взя въ полонъ", но сдѣлалъ это не за измѣну, которой не было, а за бездѣйствіе, ибо лѣтопись прямо говоритъ: „упереди помочь Ярославля въ городъ, и горожаномъ нѣльзѣ бѣ мысли своея створити".

Впрочемъ нужно сознаться, что вѣче черниговское поддерживало, защищало своихъ князей только въ войнахъ оборонительныхъ; это особенно замѣтно въ отношеніяхъ къ Кіеву. Черниговская область всѣми силами защищаетъ своихъ князей противъ Кіева, ибо тутъ сталкиваются двѣ племенныя или областныя личности, взаимно отталкивающія другъ друга; но попытки овладѣть Кіевомъ Святославичи предпринимаютъ на собственный страхъ; не Черниговцы стремятся овладѣть Кіевомъ, а князья черниговскіе; потому то ихъ борьба за Кіевъ носитъ случайный характеръ. Всеволодъ Ольговичъ безъ битвы захватываетъ Кіевъ у слабаго, невоинственнаго Вячеслава; но за то почти безъ битвы братья его, Игорь и Святославъ, и теряютъ его. Изяславъ Давидовичъ нѣсколько разъ занимаетъ Кіевъ и нѣсколько разъ теряетъ его.

Подчасъ вѣче даже выражаетъ свое неудовольствіе по поводу наступательныхъ походовъ своихъ князей. Это съ особенною силою и ясностью сказалось въ княженіе Всеволода Ольговича. Всеволодъ велъ упорную и продолжительную войну съ Ярополкомъ; въ 1136 г. они, наконецъ, помирились; но въ 1139 г. Всеволодъ снова дѣлаетъ нападеніе на Посулье; Ярополкъ собралъ огромное ополченіе и хотѣлъ двинуться на Черниговъ. Всеволодъ хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, но былъ остановленъ своими гражданами и принужденъ покориться ихъ совѣту—требованію. „Ты надѣешися, говорили ему Черниговцы, бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубиши: то къ чему ся опять воротишь? Луче того останися высокоумья своего, и проси си мира; мы бо вѣдаемъ милосердие Ярополче, яко не радуется кровипролитью, но Бога ради въсхощеть мира, то бо соблюдаеть землю Руськую". Всеволодъ, услышавъ это, сталъ просить у Ярополка мира—и тотъ по кротости своей помирился съ нимъ.

И такъ, въ домонгольскій періодъ вѣче въ Сѣверской землѣ не пользовалось большимъ значеніемъ; антагонизма между княземъ и вѣ-

чемъ нѣтъ, потому что княжитъ своя излюбленная княжеская вѣтвь; претендентовъ изъ другихъ линій почти никогда не бываетъ, а когда они были (по смерти Святослава Ярославича), то вѣче употребляло всѣ усилія оттолкнуть ихъ отъ себя и доставить столы своимъ князьямъ.

Обращаемся теперь къ исторіи черниговской епархіи.

Епархія въ Черниговѣ была основана, какъ мы знаемъ, въ 922 г. Первымъ епископомъ былъ Неоѳитъ, вторымъ—Мартирій, третьимъ—Ѳеодулъ [1]).

4. Неоѳитъ II-й присутствовалъ при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 г. [2]). 3 южные князя (Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ) съ митрополитомъ, епископами и игумнами переносили мощи св. мучениковъ и положили ихъ въ новой церквѣ, построенной Изяславомъ. Церемонія была очень торжественная: сами князья на раменахъ несли мощи св. мучениковъ. Этотъ фактъ указываетъ намъ на то, что христіанство къ этому времени прочно утвердилось въ южной Руси, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и князья являются его покровителями.

Совершенно иное мы видимъ на Бѣлоозерѣ, входившемъ тогда въ составъ Сѣверской земли; тамъ языческій элементъ былъ еще довольно значителенъ. Въ Ростовской землѣ появились волхвы, обвинявшіе въ свирѣпствовавшемъ тогда голодѣ женщинъ, которыя, по ихъ словамъ, попрятали хлѣбъ за свою кожу. Легковѣрные отцы и мужья приводили своихъ дочерей и женъ къ волхвамъ, и эти послѣдніе вынимали якобы у нихъ изъ подъ кожи всякіе припасы. Изъ Ростова волхвы перешли и на Бѣлоозеро; но здѣсь воевода Святослава Янъ Вышатичъ потребовалъ выдачи ихъ, въ противномъ случаѣ грозилъ остаться здѣсь цѣлое лѣто; угроза подѣйствовала: волхвы были выданы и умерщвлены [3]).

5. Іоаннъ посвященъ не позже 1087 г., такъ какъ въ Ип. лѣт. сказано, что по болѣзни Іоанна въ Черниговѣ 25 л. не видѣли архіе-

---

[1]) Въ прибавленіи къ Ник. лѣт.: „епископи черниговскіе: Неоѳитъ, Мартирій, Ѳеодулъ“.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 78.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 75—77.

рейскаго служенія, пока въ 1113 г. не пріѣхалъ Θеоктистъ [1]); въ силу своей болѣзни Іоаннъ не могъ быть особенно дѣятельнымъ: знаемъ только, что онъ вмѣстѣ съ митр. Іоанномъ освящалъ церковь св. Михаила [2]), за тѣмъ въ присутствіи В. К. Всеволода и сыновей его участвовалъ въ освященіи Кіево-Печерской церкви Успенія Богородицы [3]), а немного позже—въ перенесеніи мощей пр. Θеодосія изъ пещеры въ новый храмъ [4]).

6. Θеоктистъ до поставленія на епископію черниговскую жилъ въ Кіево-Печерской обители и тамъ много успѣлъ въ богоугодной жизни [5]). Въ 1103 г., будучи избранъ игуменомъ Печерской обители, онъ построилъ трапезницу [6]); подъ вліяніемъ глубокаго уваженія къ Θеодосію, онъ упросилъ В. К. Святополка вписать имя его въ синодики всѣхъ епархій [7]); въ январѣ 1113 г. онъ былъ поставленъ епископомъ черниговскимъ къ большому удовольствію горожанъ, которые давно уже не слыхали архіерейскаго служенія; въ особенности же радовалась

---

[1]) Исходящу сему (1112) лѣту, и поставиша Феоктіста епископомъ Чернѣгову... вси людье радовахуся, бѣ бо предъ німъ епископъ боленъ и не моглъ служити и лежа въ болѣсти лѣтъ 25. Ип. лѣт., стр. 197.

[2]) Въ Радзив. и Тр. спискахъ читаемъ: „священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, и епископы Лукою, Исаемь, Іоанномъ. П. С. Р. Л. т. I, пр. 6.

[3]) Священа бысть церкви Печерьская святыя Богородица монастыря Θеодосьева, Іоаномъ митрополитомъ, и Лукою Бѣлгородьскымъ епископомъ, и Исаіемъ епископомъ Ростовьскимъ, и Иваномъ Черниговьскимъ епископомъ. П. С. Р. Л. т. I, стр. 89; Ип. лѣт., стр. 145—146

[4]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 90.

[5]) Въ сказ. о Никитѣ—затворникѣ говорится, что пр. отцы: Никонъ, Исаакій, св., Григорій чудотворецъ, Никола, бывшій потомъ епископомъ въ Тмутаракани, Несторъ, Θеоктистъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ, освободили этого Никиту своими молитвами отъ бѣсовскаго навожденія. Пат. Печ. Викторовой, стр. 85.

[6]) Кончаша трапезницу Печерьскаго монастыря при Θеоктистѣ игуменѣ, юже заложи повелѣніемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа. П. С. Р. Л. т. I, стр. 120.

[7]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 120—121.

княгиня, у которой онъ былъ духовникомъ[1]); въ 1115 г. Ѳеоктистъ участвовалъ въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новый каменный храмъ, построенный сообща Мономахомъ, Давидомъ и Олегомъ Святославичами. Какъ близко къ сердцу принимали это дѣло Святославичи, доказываетъ споръ, возникшій между ними и Мономахомъ; этотъ послѣдній хотѣлъ поставить мощи св. мучениковъ посреди церкви, а надъ ними устроить серебряный теремъ; Давидъ же и Олегъ выражали настойчивое требованіе, чтобы онѣ стояли съ правой стороны, „идеже отець (Святославъ) назнаменовалъ"; митрополитъ и епископы посовѣтовали бросить жребій, который выпалъ въ пользу Святославичей. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ объединяющаго вліянія христіанства: черниговскіе князья оказываются глубоко заинтересованными религіознымъ торжествомъ Кіевской земли; освободившись очень скоро отъ политическаго вліянія Кіева, Сѣверская земля никогда не могла совершенно освободиться отъ церковно-религіознаго. Въ томъ же году епископъ черниговскій похоронилъ Олега Святославича въ усыпальницѣ Спасо-Преображенскаго собора, гдѣ еще раньше былъ погребенъ Святославъ Ярославичъ; немного спустя онъ освящалъ каменный храмъ въ честь князя Бориса и Глѣба, построенный благочестивымъ и кроткимъ княземъ Давидомъ. Въ рукописныхъ святцахъ и въ канонѣ кіевскимъ святымъ Ѳеоктистъ поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители[2]); умеръ онъ въ 1123 г.

7, Парѳеній, извѣстный по синодикамъ[3]), или Гераклидъ, какъ говоритъ Ник. лѣт.[4]).

---

[1]) По Лавр. (П. С. Р. Л т. I, стр. 127) и Ник. (II, стр. 43) Ѳеоктистъ посвященъ 12 января 1113 г., а по Ип. (стр. 197) въ исходѣ 1112 г. въ январѣ; очевидно, здѣсь годъ начинается съ марта.

[2]) Ркп. святцы въ опис. кіев. святыхъ: святый Ѳеоктистъ, епископъ черниговскій бысть въ лѣто 6597 (это годъ исцѣленія Никиты). Въ канонѣ кіевскимъ св. Мелетій Стригъ послѣ Ефрема молитъ іерарха Ѳеоктиста. Акаѳисты. К. 1674.

[3]) Въ син. Спас. чер. собора, писанномъ въ 1721 г.: помяни, Господи, боголюбивыхъ епископовъ черниговскихъ: Исаію, Неофита, Іоанна, Ѳеоктиста, Парѳенія, Пантелеймона, Онуфрія, Зосиму, Иродіона, Митрофана, Захарія, Арсенія, Іону, Амвросія.

[4]) Въ приб. къ Ник. лѣт.: Неофитъ, Мартирій, Ѳеодулъ, Иванъ, Ѳе-

8. Пантелеймонъ скончался по лѣтописи въ 1142 г.

9. Онуфрій посвященъ въ 1143 г. [1]); въ 1146 г. онъ бралъ клятву въ вѣрности къ Игорю Святославичу съ Давидовичей [2]); въ 1147 г. онъ игралъ первенствующую роль на соборѣ для выбора новаго митрополита. Еще въ 1145 г. митр. Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей удалился изъ Руси въ Царьградъ; тамъ въ это время происходили безпорядки и тревоги. Патріархъ Козьма за свое расположеніе къ уличенному богомилу Неофиту низведенъ былъ съ каѳедры, которая оставалась праздною до 1147 г. Такимъ неустройствомъ задумалъ воспользоваться Изяславъ тѣмъ болѣе, что уже давно тяготился зависимостью отъ Константинопольскаго патріарха. Первая попытка поставить русскую церковь въ болѣе независимыя отношенія къ греческой принадлежитъ, какъ извѣстно, Ярославу, который велѣлъ собору русскихъ епископовъ выбрать Иларіона. Но духовный соборъ не былъ на этотъ разъ такъ единодушенъ, какъ при Ярославѣ; образовалось двѣ партіи: русская и греческая; во главѣ первой стоялъ Онуфрій, а второй—смоленскій епископъ Мануилъ (родомъ грекъ) и новгородскій Нифонтъ. Великій князь предложилъ въ кандидаты Климента, извѣстнаго своею ученостью: онъ былъ, по выраженію лѣтописи, „книжник и философъ, такъ якоже въ Русской земли не бяшеть". По мнѣнію Онуфрія, соборъ могъ собственною властью выбирать и посвящать митрополита; Мануилъ же и Нифонтъ говорили: „не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархъ митрополита; а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою, зане не взялъ еси благословения у святоѣ Софьи, ни отъ патріарха; аще ли ся исправиши, благословишися отъ патріарха, и тогда ти ся поклонивѣ; вѣ взяла отъ Михаила отъ митрополита въ святѣй Софьи

октистъ, Ираклидъ, Онуфрій, Ѳеотекнъ, Аитоній, Порфирій, Захарій, Григорій, Исаакій.

[1]) Ип. лѣт., стр. 224.

[2]) Изяславъ же Давыдовичь ѣха вборзѣ, цѣловалъ бо бяше хрестъ у св. Спаса, съ братомъ, съ Володимиромъ къ Игореви и къ брату его Святославу. Епископъ же Онофрій прозвитеромъ своимъ рече: „аще кто сего крестьного цѣлования съступить, а проклятъ будеть господьскима 12 праздникома". Ibidem, стр. 231.

служити [1])". Тогда Онуфрій, чтобы придать рѣшенію собора больше значенія, предложилъ благословить новопоставленнаго митрополита главою св. Климента, папы Римскаго, которая была привезена Владиміромъ Св. изъ Корсуня и хранилась въ кіевской Десятинной церквѣ; Онуфрій въ этомъ случаѣ сослался на примѣръ самихъ Грековъ, которые ставятъ своихъ епископовъ рукою св. Ивана. Предложеніе было принято, и Климентъ поставленъ митрополитомъ.

10. Евѳимій (въ прибавленіи къ Ник. лѣт. Ѳеотекнъ). При немъ были перенесены изъ Кіева въ Черниговъ мощи инока—князя Игоря, убитаго Кіевлянами и погребеннаго въ монастырѣ св. Симеона; этотъ монастырь принадлежалъ черниговскимъ князьямъ и находился въ Копыревомъ концѣ, на Подолѣ, возлѣ западныхъ-подольскихъ воротъ; это было предмѣстье, тянувшееся по ручью Глубочицѣ; здѣсь то родоначальникомъ сѣверскихъ князей—Святославомъ Ярославичемъ и былъ построенъ монастырь св. Симеона [2]). Роду Святославичей въ Кіевѣ принадлежалъ и другой монастырь—Кирилловскій, находившійся далѣе за Подоломъ по дорогѣ въ Вышгородъ на лѣсистомъ взгорьи, носившемъ названіе „Дорогожичи" [3]). Онъ былъ основанъ женою Всеволода Олговича [4]). Недалеко отъ Кирилловскаго монастыря находился загородный теремъ Святославичей—Новый дворъ. Въ 1194 г. въ немъ скончался Святославъ Всеволодичъ и за тѣмъ погребенъ въ Кирилловскомъ „отнѣ" монастырѣ [5]). Всѣ сооруженія Святославичей въ Кіевѣ находились, какъ мы видимъ, на Подолѣ; объясняется это или большимъ расположеніемъ къ нимъ жителей нижняго города или удобствомъ переправы черезъ Днѣпръ именно въ этомъ мѣстѣ.

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 241.

[2]) Ibidem, стр. 250. „И отпѣ игуменъ надъ нимъ (Игоремъ) обычныя пѣсни, везе на конецъ града въ монастырь св. Симеона (бѣ бо монастырь отца его и дѣда Святослава), тамо положиша".

[3]) Ibidem, стр. 372. „Сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кириломъ".

[4]) Ibidem, стр. 414. „Того же лѣта (1178) преставися княгини Всеволожая, приемьши на ся черничьскую скиму, и положена бысть въ Киевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала".

[5]) Ibidem, стр. 457. „И не може (Святославъ Всеволодичъ) ѣхати съ Нового двора".

11. Антоній впервые упоминается въ лѣт. подъ 1159 г.; въ этомъ году въ Черниговѣ нашелъ пріютъ митрополитъ Константинъ; здѣсь онъ почувствовалъ приближеніе смерти и сдѣлалъ очень странное распоряженіе относительно своихъ похоронъ. Умирая онъ призвалъ черниговскаго епископа и подъ страхомъ клятвы поручилъ тѣло его вытащить за городъ и оставить на съѣденіе псамъ. Епископъ въ точности исполнилъ порученіе, но потомъ, по совѣту князя, похоронилъ въ Спасскомъ соборѣ [1]). Дружественныя отношенія черниговскаго епископа къ митрополиту объясняются тѣмъ, что оба они были греки. Лѣтопись приводитъ намъ любопытный фактъ, указывающій намъ, какъ вообще тогда смотрѣли на епископовъ—грековъ. Въ 1164 г. въ Черниговѣ умеръ Святославъ Ольговичъ. Княгиня, по совѣту епископа и бояръ, рѣшила скрыть смерть мужа до пріѣзда сына—Олега. Епископъ первый поцѣловалъ крестъ, что онъ не извѣститъ соперника Олегова—Святослава Всеволодича; нѣкоторые даже сожалѣли, что заставили присягать епископа; „неприлично было намъ, говорили они, сомнѣваться, ибо онъ, во первыхъ, святитель, а, во вторыхъ, любилъ своего князя“. Но клятву далъ епископъ ложную „лесть въ собѣ тая: *бяше бо родомъ грѣчинъ*“. Къ Святославу онъ тайно написалъ грамоту, гдѣ совѣтовалъ пріѣзжать какъ можно скорѣе, ибо „Олегъ еще не пріѣхалъ, дружина находится по дальнимъ мѣстамъ, а въ городѣ сидитъ одна княгиня“. Ужиться впрочемъ и съ новымъ „излюбленнымъ“ княземъ ему не удалось. Въ церквѣ русской поднялся вопросъ о постѣ въ среду и пятницу въ господскіе праздники. Антоній былъ на сторонѣ митрополита и рѣзко осуждалъ своего князя; Святославъ Всеволодичъ долго терпѣлъ его укоры и, наконецъ, выгналъ изъ епископіи.

12. Порфирій первый разъ упоминается подъ 1177 г., когда Святославъ черниговскій отправилъ его съ игуменомъ елецкимъ Ефремомъ ко Всеволоду Юрьевичу съ просьбою объ освобожденіи рязанскаго князя Глѣба. Всеволодъ два года продержалъ пословъ, и въ это время умеръ и Глѣбъ [2]). Въ 1187 г. Порфирій снова фигурируетъ въ качествѣ посла-ходатая за рязанскихъ князей, но роль его въ это время

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 149.

[2]) Ип. лѣт., стр. 411.

является какою-то двусмысленною. Рязань въ то время входила въ составъ черниговской епархіи, и потому посредничество, заступничество Порфирія является совершенно естественнымъ. Порфирій отправляется во Владиміръ и тамъ, при помощи мѣстнаго епископа Луки, убѣждаетъ Всеволода Юрьевича отложить свою вражду къ рязанскимъ князьямъ. Тотъ дѣйствительно отправляетъ въ Рязань съ мирными предложеніями самого Порфирія, приставивши къ нему своихъ мужей и отпустивши съ нимъ рязанскихъ плѣнниковъ. Посольство прибыло въ Рязань; здѣсь Порфирій вступилъ тайно въ переговоры и совершенно извратилъ смыслъ предложеній Всеволода—„инако рѣчь извороча къ нимъ, не яко святительскы, но яко перевѣтникъ и ложъ [1])". Его интрига вскорѣ разъяснилась, и онъ долженъ былъ удалиться „инѣмъ путемъ въ страну свою". Такъ передаетъ дѣло сѣверно-русская лѣтопись, но нельзя, какъ кажется, ей довѣрять. Прежде всего мы должны сознаться, что у черниговскаго епископа не было никакихъ мотивовъ желать ссоры князей. Если къ кому нибудь у Порфирія могло быть нерасположеніе, то только къ одному владимірскому князю, который его продержалъ 2 года въ плѣну. Естественно, что теперь, когда ему пришлось быть на стражѣ интересовъ владимірскаго князя въ ущербъ интересамъ рязанскихъ князей, онъ обманулъ ожиданія: выгоды своей епархіи—Рязани онъ поставилъ выше выгодъ Владиміра; вѣроятно, онъ просто смягчилъ тяжелыя условія, предложенныя Всеволодомъ. Не нужно забывать, что разсказа этого въ Ип. лѣт. нѣтъ, а сѣверно-русскій лѣтописецъ отнесся къ этому факту слишкомъ субъективно.

13. Порфирій II. Точныхъ указаній на существованіе этого епископа мы не имѣемъ, но приходимъ къ такому заключенію на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ соображеній.

Имя еп. Порфирія упоминается лѣтописью на протяженіи 62 лѣтъ: сначала подъ 1177, потомъ подъ 1187 г., 1230 и, наконецъ, 1239 г.; на самомъ дѣлѣ этотъ періодъ нужно признать еще болѣе продолжительнымъ, ибо предшественникъ Порфирія Антоній былъ изгнанъ изъ своей епархіи въ 1169 г., и нѣтъ никакого вѣроятія думать, чтобы онъ послѣ того былъ призванъ обратно; Порфирій, слѣдовательно, долженъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 170.

былъ занять его мѣсто между 1169 и 1177 г. И такъ, нужно полагать, что въ это время было два Порфирія. И этотъ Порфирій, подобно своему предшественнику, явился примирителемъ князей Въ 1230 г. между домомъ суздальскихъ и черниговскихъ князей готова была вспыхнуть война: черниговскій князь Михаилъ Всеволодичъ нарушилъ крестное цѣлованіе по отношенію къ брату суздальскаго князя Юрія Ярославу. Черниговскій епископъ Порфирій, съ кіевскимъ митрополитомъ Кирилломъ и игуменомъ кіевскаго Спаса на Берестовѣ, пришелъ къ Юрію и упросилъ его помирить брата своего Ярослава съ Михаиломъ Всеволодичемъ [1]). Въ 1239 г., когда Татаре опустошили черниговское княжество и самый г. Черниговъ, еп. Порфирій былъ отведенъ въ Глуховъ плѣнникомъ; но вскорѣ его освободили, и онъ, какъ кажется, скоро умеръ; по крайней мѣрѣ въ 1246 г. его не было въ Черниговѣ, ибо Михаилъ Всеволодичъ, идя на мученіе къ Татарамъ, беретъ благословеніе у своего духовника; очевидно, его уже не было тогда вживыхъ, а избрать другого въ такую тяжелую годину еще не успѣли тѣмъ болѣе, что и митрополита въ Кіевѣ тогда еще не было.

Скажемъ теперь о церквяхъ и монастыряхъ въ Сѣверской землѣ. Населеніе отличалось здѣсь большою религіозностью. Безъ сопротивленія, какъ мы видѣли, стало распространяться среди народныхъ массъ христіанство и въ скоромъ времени совершенно окрѣпло; ни насильственныхъ мѣръ при крещеніи, ни языческой реакціи послѣ него мы не видимъ; напротивъ того христіанская набожность, благочестіе, хотя чисто внѣшнее, проявляется въ разныхъ видахъ, въ томъ числѣ въ храмостроительствѣ.

Укажемъ на церкви и монастыри въ разныхъ городахъ Сѣверской земли. Начнемъ съ Чернигова.

Главную церковную святыню Чернигова составляетъ изящный Спасо-Преображенскій соборъ; это самый древній изъ русскихъ уцѣлѣвшихъ храмовъ: онъ старѣе и Кіевской, и Новгородской Софіи. Между тѣмъ какъ Кіево-Софійскій соборъ былъ основанъ въ 1036 г., а Новгородскій въ 1045 г., начало Черниговскому положено было Мстиславомъ Владиміровичемъ раньше 1034 г., ибо въ этомъ году

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 194.

стѣны его были выведены сажени на двѣ; вѣроятно, постройка началась въ 1031 г. послѣ счастливаго похода на Поляковъ, а окончилась уже при Святославѣ. Спасскій соборъ сохранилъ до настоящаго времени очень много древняго, не смотря на тѣ потрясенія, которыя онъ испыталъ отъ времени. Въ татарское нашествіе онъ былъ опустошенъ пожаромъ (1239 г.), такъ что въ продолженіе четырехъ вѣковъ оставался въ забвеніи, въ 1611 г. пострадалъ при взятіи Чернигова Поляками, въ 1675 г. былъ возобновленъ черниговскимъ полковникомъ Дунинымъ-Борковскимъ, въ 1750 г. снова пострадалъ отъ пожара, при чемъ обрушились его верхи, въ 1770 и 1792—1798 г. снова былъ исправленъ; колонны тогда были обложены кирпичемъ; южная и сѣверная часть сводовъ была сломана; оттого въ соборѣ стало свѣтлѣе, такъ какъ свѣтъ могъ проникать въ два ряда оконъ; полъ тогда настланъ былъ чугунный [1]). Стѣны собора поражаютъ насъ своею массивностью и прочностью; нѣсколько рядовъ тонкаго квадратнаго кирпича смѣняется рядами огромнаго кремнистаго камня; цементъ, связывающій камни, теперь съ трудомъ поддается желѣзному лому; пласты этого цемента не тоньше двухъ вершковъ.

Внутри храма восемь красноватыхъ мраморныхъ колоннъ, по четыре въ рядъ, на сѣверной и южной сторонѣ поддерживаютъ своды хоровъ—полатей; восемь другихъ меньшихъ также мраморныхъ колоннъ составляютъ верхній ярусъ и поддерживаютъ верхи храма. Съ лѣвой стороны помѣщалась круглая башня изъ дикаго камня и кирпичныхъ плитъ; въ этой вежѣ находилась каменная витая лѣстница, ведущая на хоры; хоры огибали три внутреннія стѣны; стѣнная живопись была фресковая; мозаики повидимому вовсе не было.

Въ Спасскомъ соборѣ кромѣ Мстислава и Святослава похоронены: Олегъ Святославичъ, Владиміръ Давидовичъ, Ярославъ Всеволодичъ; въ 1150 г. было перенесено въ Черниговъ изъ Кіева тѣло Игоря, убитаго Кіевлянами, и положено у „Святаго Спаса *въ теремъ*“; изъ этого нужно заключать, что при соборѣ была особая пристройка—теремъ; дѣйствительно, на южной сторонѣ собора открытъ фундаментъ зданія, стоявшаго параллельно къ собору; восточная часть его такая же

---

[1]) Маркова. Достопам. Чернигова. (Въ Чт. М. О. Ист. и Древ. 1847 г. № 1, 2, стр. 14—17).

полукруглая, какъ и алтари собора; очевидно, что тутъ былъ и храмъ; какое назначеніе имѣлъ теремъ, сказать трудно; быть можетъ, онъ служилъ мѣстомъ совѣщанія о важнѣйшихъ и секретнѣйшихъ дѣлахъ, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ; по крайней мѣрѣ въ Греціи γρύλλος (secretarium) была особая комната въ царскомъ дворцѣ, гдѣ происходили совѣщанія по самымъ важнымъ вопросамъ.

Возлѣ Спасскаго собора находился каменный храмъ во имя архангела Михаила, построенный Святославомъ Всеволодичемъ на княжескомъ дворѣ (въ 1174 г.) [1]).

Тотъ же князь построилъ и другую церковь на княжескомъ дворѣ въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы (въ 1186 г.) [2]). Въ ней съ большимъ торжествомъ былъ похороненъ Всеволодъ Святославичъ трубчевскій, извѣстный Буй-Туръ „Слова о полку Игоревѣ".

Почитаніе памяти Бориса и Глѣба на лѣвой сторонѣ Днѣпра было также велико, какъ и на правой. Олегъ и Давидъ Святославичи принимали участіе въ построеніи церкви въ память св. мучениковъ и въ перенесеніи ихъ мощей; вѣроятно, тогда уже Давидъ построилъ въ честь ихъ храмъ въ Черниговѣ. Прямаго свидѣтельства относительно этого мы не имѣемъ, но за то имѣемъ косвенныя. О сынѣ Давида—Изяславѣ сказано, что онъ былъ похороненъ въ отцевской Борисоглѣбской церквѣ [3]); по извѣстію Степенной книги самъ Давидъ былъ въ ней похороненъ, между тѣмъ какъ всѣ предшествующіе черниговскіе князья погребались въ Спасскомъ соборѣ; очевидно, Давидъ хотѣлъ быть похороненнымъ въ храмѣ, имъ самимъ построенномъ. Желаніе построить храмъ въ честь св. мучениковъ могло усиливаться тѣмъ, что христіанское имя князя Давида было Глѣбъ; не даромъ въ древнихъ памятникахъ храмъ этотъ называется не Борисоглѣбскимъ, а Глѣбоборисовскимъ (такъ онъ называется въ одномъ юридическомъ актѣ 1665 г.) [4]). Не забудемъ, что Давидъ вообще отличался большимъ благочестіемъ, кротостью, благотворительностью.

---

1) Ип. лѣт., стр. 388.

2) Ibidem, стр. 439.

3) И положиша тѣло его въ отни ему церкви, у святою мученику Бориса и Глѣба. Ип. лѣт., стр. 355.

4) Черн. вѣд. 1859 г. № 26.

Нынѣшній видъ этого храма указываетъ на сѣдую древность; стѣны его весьма толсты: если не толще, то и не тоньше, чѣмъ въ Спасскомъ соборѣ; архитектура въ немъ византійская; сложенъ изъ кирпича трехъ сортовъ; иные кирпичи до 8 вершковъ длины; другія плиты бѣловатаго цвѣта, какъ на кіевскихъ Золотыхъ воротахъ; цементъ и кирпичи необыкновенно тверды; окна храма длинны и узки; входъ въ него узкій.

Главнѣйшіе монастыри въ Черниговѣ: Елецкій и Ильинскій. Первый находится возлѣ самого города, а второй на разстояніи двухъ верстъ на крутомъ лѣсистомъ обрывѣ—Болдиныхъ горахъ.

Подъ 1074 г. лѣтопись разсказываетъ, что Изяславъ, вернувшись изъ похода на Поляковъ, сталъ гнѣваться на Антонія; тогда тотъ, по приглашенію Святослава, удалился въ Черниговъ и тамъ на Болдиныхъ горахъ выкопалъ себѣ пещеру, гдѣ и поселился; „есть ту манастырь святое Богородицы, прибавляетъ дальше лѣтописецъ, на Болдиныхъ горахъ и до сего мѣста“ [1]). Этотъ монастырь св. Богородицы на Болдиныхъ горахъ и есть нынѣшній Елецкій, ибо другого тамъ не было. Въ Елецкомъ синодикѣ мы читаемъ: „Помяни, Господи, въ царствіи своемъ небесномъ благочестиваго князя кіевскаго и чернѣговскаго Святослава Ярославича, создавшаго монастырь Пресвятой Богородицы Елецкой“.

О времени основанія Ильинскаго монастыря мы не имѣемъ ни одного древняго и точнаго свидѣтельства. Пр. Филаретъ очень точно пріурочиваетъ время построенія Ильинскаго монастыря къ 1069 г., ссылаясь на предисловіе къ книгѣ св. Димитрія „Руно орошенное“: но извѣстіе Димитрія основывается на томъ лѣтописномъ извѣстіи, которое относится къ Елецкому монастырю. Пр. Филаретъ находитъ также возможнымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ монастыря въ домонгольскій періодъ. „Въ 1072 г. пр. Антоній возвратился въ пещеру кіевскую (Собр. лѣт., т II, стр. 272), но число монашествующихъ въ Ильинскомъ монастырѣ не уменьшилось; напротивъ пещеры, выкопанныя пр. Антоніемъ, болѣе и болѣе распространялись въ разныхъ направленіяхъ: примѣръ великаго подвижника пещернаго одушевлялъ послѣдователей на подвиги, незримые для людей и видимые

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 83.

Господомъ. Такъ продолжалось до страшнаго погрома татарскаго [1])". Все это—личная догадка Филарета; фактическихъ данныхъ для подтвержденія этой мысли мы не найдемъ: цитата, на которую ссылается пр. Филаретъ, не даетъ права сказать, что Антоній вернулся обратно въ Кіевъ въ 1072 г. На 272-й стр. П. С. Р. Л. т. II (Густынская лѣтопись) говорится только, что „непомнозѣ", т. е. немного погодя Изяславъ упросилъ Антонія вернуться въ Кіевъ.

Впрочемъ нужно сознаться, что позднѣйшія свидѣтельства ставятъ въ связь основаніе Ильинскаго монастыря съ приходомъ на Болдины горы Антонія [2]).

Въ другомъ центрѣ Сѣверской земли—Новгородъ-Сѣверскѣ мы видимъ Успенскій соборный храмъ и Спасопреображенскій монастырь.

Спасопреображенскій монастырь расположенъ на разстояніи $^1/_4$ в. отъ города на высокой горѣ, подошва которой омывается р. Десною. Окруженный вѣковыми деревьями—липами, онъ представляетъ величественный видъ, особенно со стороны Десны. Изъ монастыря въ свою очередь видѣнъ городъ, прибрежныя горы, обширный лугъ Десны, покрытый озерами. Основаніе монастыря положено было сыновьями Давида Святославича—Владиміромъ и Изяславомъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ камень, открытый въ 1787 г., когда разбиралась древняя каменная стѣна для постройки новой [3]). Въ Преображенскомъ монастырѣ, по всей вѣроятности, похороненъ въ 1180 г. новгородъ-сѣверскій князь Олегъ Святославичъ, старшій братъ знаменитаго героя „Слова о полку Игоревѣ" [4]).

Въ Путивлѣ былъ храмъ Вознесенія съ богатою церковною утварью: серебряными сосудами, шитыми золотомъ покровами, богослужебными книгами и колоколами [5]).

---

[1]) Пр. Филарета. Ист. стат. опис. Черн. епар. т. II, стр. 4.

[2]) Предисловіе къ Елецкому синодику.

[3]) Черн. вѣд. 1853 г. № 1.

[4]) Объ Олегѣ Святославичѣ въ лѣт. (Ип. лѣт., стр. 415) сказано: „и положиша и у святого Михаила". Церкви св. Михаила въ Новгородъ-Сѣверскѣ нѣтъ; между тѣмъ по описи монастырскаго имущества въ 1785 г. въ монастырѣ кромѣ главнаго престола было еще два придѣла: Рождества и св. Михаила.

[5]) Ип. лѣт., стр. 237. Въ 1146 г. Изяславъ кіевскій и его союзники Давидовичи „церковь св. Василія всю облупиша".

Въ Остерскомъ городкѣ (Острѣ) былъ каменный храмъ св. Михаила, сожженный Изяславомъ Мстиславичемъ и Давидовичами [1]).

Для вопроса о занятіяхъ жителей Сѣверской земли мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ.

Промыслы и занятія тогда въ большей степени, чѣмъ теперь, опредѣлялись характеромъ мѣстности, климатическими условіями, почвою и т. д.

Область Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей носитъ троякій характеръ: лѣсной, полевой (степной) и болотистый.

Найменьшею производительностью отличалась почва болотистаго Посожья—земля Радимичей, найбольшею—Новгородъ-Сѣверское княжество. Удобное мѣстоположеніе Новгородъ-Сѣверска при р. Деснѣ дѣлало его судовою пристанью.

Князья новгородъ-сѣверскіе отличались большою зажиточностью; на рѣчкѣ Рахнѣ паслись княжескіе табуны въ 3000 кобылъ и 1000 коней [2]); особенно много запасовъ было въ какомъ-то Игоревомъ сельцѣ, гдѣ въ погребахъ было множество вина и меду; желѣза и мѣди было столько, что Давидовичи, которымъ оно досталось, не могли его забрать съ собою; жита было 900 стоговъ. Въ другомъ городѣ Новгородъ-Сѣверскаго княжества—Путивлѣ было взято множество скота, 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина; церковная утварь въ мѣстномъ храмѣ Вознесенія отличалась замѣчательнымъ богатствомъ: покровы были расшиты золотомъ, переплетъ на евангеліи изъ кованнаго золота; одной прислуги княжеской здѣсь было 700 чел. [3]). Курскъ, не смотря на свое окраинное положеніе, отличался повидимому торговою дѣятельностью; въ Патерикѣ Печер. разсказывается, что Ѳеодосій пришелъ изъ Курска въ Кіевъ съ обозомъ купцовъ; такимъ образомъ, зимою, по всей вѣроятности, изъ Курска въ Кіевъ двигались обозы сухимъ путемъ, а весною и лѣтомъ воднымъ по Деснѣ: извѣстно, что Курскъ лежитъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Сейма

---

[1]) Ип. лѣт., стр. 308.

[2]) Ibidem, стр. 235. „И оттуда шедше сташа у Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахнѣ: кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селамъ, пожгоша жита и дворы.“

[3]) Ibidem, стр. 237.

между притокомъ его Тускарью и рѣчкою Куромъ, впадающею въ Тускарь. Необходимо вообще признать, что на благосостояніе всѣхъ трехъ перечисленныхъ городовъ вліяло ихъ положеніе при двухъ важнѣйшихъ рѣкахъ края—Деснѣ и Сейму.

Собственно черниговское княжество представляло изъ себя, исключая южной части, лѣсистую мѣстность. Звѣроловство, такимъ образомъ, должно было играть очень важную роль въ занятіяхъ жителей. Дѣйствительно, въ окрестностяхъ Чернигова водились въ пущахъ въ громадномъ количествѣ дикіе кони, туры, олени, лоси, дикіе кабаны, медвѣди. Обиліе лѣса побуждало жителей выдѣлывать изъ него разные предметы; съ другой стороны это же обиліе лѣса способствовало развитію пчеловодства; если въ Новгородъ-Сѣверской безлѣсной области князья могли имѣть по 500 берковцевъ меду, то на сколько жъ было развито бортничество въ Черниговскомъ полѣсьи? Но за то земледѣліе не играло здѣсь такой роли, какъ въ княжествѣ Новгородъ-Сѣверскомъ: почва въ большинствѣ случаевъ представляла суглинокъ и супесокъ. Князья и здѣсь были очень богаты; на это указываетъ примѣръ Святослава Ярославича, который расчитывалъ привести въ удивленіе своими богатствами нѣмецкихъ пословъ. Любечъ, который называется „пустымъ" городомъ, былъ окруженъ княжескими селами и дворами; не забудемъ, что такія же села находились и подъ самимъ Черниговомъ: Боловосъ, Гюричевъ, Свѣнковичи.

Съ промышленностью тѣсно связанъ вопросъ о монетной системѣ.

Территорія Сѣверской земли доставила намъ нѣсколько замѣчательныхъ нумизматическихъ экземпляровъ: 1) золотую гривну, найденную на полѣ близь Чернигова 2) серебряныя гривны, замѣнявшія крупную монету; наконецъ 3) кладъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, вырытый въ 1852 г. возлѣ Нѣжина.

Уже въ X в. мы видимъ значительную торговлю Руси съ Византіей и восточными странами. Невозможно было совершать такую торговлю посредствомъ одного обмѣна; трудно остановиться и на кожаныхъ деньгахъ, служившихъ будто бы знаками цѣнности и замѣнявшихъ металлическія деньги. Несомнѣнно, что на Руси ходила иностранная монета: мухаммеданская, византійская, англосаксонская и нѣмецкая; доказательствомъ этого служитъ большое количество кладовъ съ такою монетою, находимыхъ въ центральной Россіи вблизи рѣкъ.

„Но монеты столь разной величины, разныхъ пробъ, разнаго происхожденія, съ непонятными надписями, справедливо говоритъ г. Куникъ [1]), могли только изрѣдка и то поодиночкѣ служить мѣриломъ цѣнности, а въ большихъ массахъ могли быть средствомъ для разсчета только *на вѣсъ*". Русскіе, очевидно, должны были заимствовать систему вѣса,—и они ее заимствовали у Византіи: принятъ былъ счетъ византійскими фунтами—литрами; выраженіе „литра" встрѣчается уже въ договорѣ Олега съ Греками [2]). Византійская литра заключала въ себѣ только $^3/_4$ нашего фунта; изъ нея чеканилось 72 золотыхъ монеты, изъ коихъ каждая вѣсила 1 золотникъ; монеты эти были очень распространены въ средніе вѣка и носили названіе солидовъ (Solidus aureus); въ договорѣ Игоря они уже называются златниками или золотниками (русская форма), откуда произошло названіе золотника въ значеніи вѣса. На ряду съ названіемъ „литра" существовало другое „гривна"; это слово г. Куникъ производитъ отъ грива, первоначальное значеніе котораго не сохранилось въ славянскихъ языкахъ, а удержалось только въ санскритскомъ въ значеніи затылка и шеи.

Такимъ образомъ, первоначально является гривна шейная, затѣмъ вѣсовая и, наконецъ, денежная.

Золотая шейная гривна была найдена на полѣ близъ Чернигова, поступила въ Мюнцъ-кабинетъ кіевскаго университета, а оттуда въ Эрмитажъ [3]). На одной сторонѣ ея—изображеніе архангела Михаила, въ правой рукѣ держащаго labarum, а въ лѣвой—земной шаръ, на которомъ какъ бы обведена фигура креста; по обѣимъ сторонамъ фигуры находится *русская* надпись—Михаилъ; кругомъ же фигуры какъ бы лентою идетъ греческая надпись: ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος κύριος Σαβαώθ πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, т. е. святъ, святъ, святъ, Господь—

---

[1]) О русско-визант. монетахъ Ярослава I Владиміровича. Историко-нумизм. изсл. Куника, стр. 7.

[2]) Ип. лѣт., стр. 20.

[3]) Смотри обширное изслѣдованіе о ней на латинскомъ языкѣ—Caroli Morgensternii „Commentatio de numismate Basilii Tschernigoviae nuper effosso". Dorpati.

Саваоѳъ, исполнь небо и земля. На другой сторонѣ медали посрединѣ видимъ человѣческую голову, изъ которой какъ бы выходятъ чешуйчатыя змѣи повернувшіяся другъ къ другу своими головами; съ ними связаны двѣ другія змѣи, головы коихъ придвинуты къ лицу человѣка; внизу подъ лицомъ спуталось еще 6 змѣй; все это занимаетъ пространство большее, чѣмъ кружокъ съ архангеломъ на лицевой сторонѣ Вокругъ фигуры читается древнеславянская надпись: *Господи, помози рабу твоему Василію. Аминь.* Вслѣдъ за второю замѣчается третья надпись, неизвѣстно, греческая или славянская; во всякомъ случаѣ оказывается несомнѣннымъ слово „Δράκων“ и „Ἄρνιο(ν)“; а эти названія наводятъ на мысль, что чудовище, изображенное на оборотной сторонѣ есть сатана, а архангелъ Михаилъ, изображенный на лицевой сторонѣ—его побѣдитель. Источникъ, откуда взятъ сюжетъ для рисунковъ,—апокалипсисъ [1]); поставивши это въ связь съ славянскою надписью—Господи, помози рабу твоему Василію (христіанское имя Владиміра Св.), мы должны будемъ прійти къ заключенію, что въ этой медали прославляется побѣда христіанства надъ идолопоклонствомъ на Руси при Владимірѣ Св. Выбита она могла быть или въ Византіи, или, что еще вѣроятнѣе, въ томъ городѣ, гдѣ Владиміръ принялъ крещеніе, получилъ имя Василія—въ Херсоннесѣ Таврическомъ [2]). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что имя Василія должно быть отнесено ко Владиміру Мономаху, а фигура архангела Михаила—къ великому князю Святополку—Михаилу, но не приводятъ въ пользу своего мнѣнія никакихъ доказательствъ. Наконецъ, Каченовскій усомнился вовсе въ русско-славянскомъ происхожденіи медали и относилъ се къ византійскому императору Василію Македонянину. Но чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить присутствіе на ней русско-славянскихъ буквъ? Какъ она попала въ Черниговъ? Между тѣмъ мы знаемъ, что золотыя и серебряныя, шейныя и ручныя гривны были въ употребленіи на Руси въ домонгольскій періодъ. Въ народныхъ сказкахъ долго сохранилось преданіе объ Александрѣ Поповичѣ „съ золотою гривною“;

---

[1]) Въ 12-й гл. его мы читаемъ: „καὶ ἐγένετο πόλεμος ἐν τῷ οὐρανῷ ὁ Μιχαὴλ καὶ οἱ ἄγγελοι αὐτοῦ, τοῦ πολεμῆσαι μετὰ τοῦ δράκοντος καὶ ὁ δράκων ἐπολέμησε καὶ οἱ ἄγγελοι αὐτοῦ καὶ οὐκ ἴσχυσαν οὔτε τόπος εὑρήϑη αὐτῶν ἔτι ἐν τῷ οὐρανῷ“...

[2]) Не забудемъ, что св. Михаилъ считается патрономъ Кіева и доселѣ изображается въ кіевскомъ гербѣ.

Борисъ, сынъ Владиміра, подарилъ своему любимому отроку золотую гривну; въ 1147 г. Кіевляне, разгнѣвавшись за то, что у нихъ вырвали изъ рукъ Игоря Ольговича, сорвали съ шеи у боярина Михаила крестъ съ цѣпью и золотой гривной. Какъ кіевская Владиміpова гривна попала въ Черниговъ? Она выбита была въ честь событія, имѣвшаго общерусское значеніе—крещенія Руси; Сѣверская земля находилась въ то время въ тѣсной политической связи съ Кіевомъ; религіозное единеніе было еще значительнѣе политическаго.

Отъ оцѣнки шейной гривны на вѣсъ произошла *вѣсовая гривна;* въ Кіевѣ, напримѣръ, подъ именемъ гривны господствовалъ легкій византійскій фунтъ въ 72 зол.; на сѣверѣ, въ Новгородѣ—полный фунтъ въ 96 зол.

Отъ вѣсовой гривны произошла денежная въ смыслѣ монетной единицы; это—серебряный слитокъ опредѣленнаго вѣса и опредѣленной формы. Извѣстны доселѣ были гривны новгородскаго и кіевскаго типовъ. Новгородская гривна вѣситъ обыкновенно немного менѣе половины полнаго фунта въ 96 зол.—отъ 43—49 зол. и имѣетъ продолговатую форму съ желобкомъ посерединѣ; кіевская—вѣситъ около половины легкаго византійскаго фунта—отъ 36—38 зол. и имѣетъ шестиугольную форму.

Теперь мы имѣемъ еще гривны третьяго, доселѣ неизвѣстнаго типа, который можно назвать сѣверянскимъ. Въ 1878 г. въ сел. Горбовѣ, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губ. были найдены серебряные слитки—гривны, представляющія нѣчто среднее между кіевскими и новгородскими: по вѣсу онѣ подходятъ къ новгородскимъ (46—47 зол.), а по формѣ напоминаютъ отчасти кіевскія. Къ сожалѣнію всѣ наличные экземпляры въ нашемъ Мюнцъ-кабинетѣ представляютъ нѣкоторые дефекты: съ обѣихъ сторонъ немного расплюснуты; очевидно, нашедшій хотѣлъ узнать, изъ какого металла онѣ сдѣланы.

Переходъ отъ серебряныхъ слитковъ къ настоящей чеканеной монетѣ былъ уже нетруденъ, тѣмъ болѣе что ходило много иностранной монеты. Свои собственные мастера явились, по всей вѣроятности, довольно рано; еще до Владиміра Св. выдѣлывали идоловъ съ серебряными головами и золотыми усами; одинъ арабскій писатель разсказываетъ о Руссахъ—язычникахъ, что они вырѣзали на деревѣ имя покойника; въ Игоревомъ договорѣ съ Грекамм упоминаются у Русскихъ

печати (послы должны были имѣть золотыя печати, а гости серебряныя); къ мирному договору Святослава были приложены печати. При самомъ Владимірѣ южная Русь была уже достаточно подготовлена къ чекану монеты; съ принятіемъ христіанства, явилась необходимость въ разнаго рода искусствахъ (хотя бы для постройки и украшенія храмовъ).

Но вопросъ о существованіи золотой и серебряной чеканенной монеты до XIV ст. все таки оставался открытымъ. Толчокъ къ его рѣшенію подалъ кладъ, открытый въ Черниговской губ., близь Нѣжина. Въ 1852 г. на полѣ между предмѣстьемъ г. Нѣжина Магерками и хуторомъ Бобрикомъ вырыто въ глиняномъ горшкѣ около 200-хъ серебряныхъ монетъ; значительное количество ихъ разошлось по рукамъ, а остальныя отправлены въ кіевскій Мюнцъ-кабинетъ и разсмотрѣны ученымъ хранителемъ его Волошинскимъ. Волошинскій пришелъ къ заключенію, что найденныя монеты *русскія* и относятся къ *пяти* великимъ князьямъ: Владиміру Св., Ярославу, Святополку Изяславичу, Владиміру Всеволодичу Мономаху и Георгію (можетъ быть, Юрію Владиміровичу Долгорукому), слѣдовательно, обнимаютъ періодъ времени отъ 988—1157 г. По мнѣнію Круга, Рейхеля и Шуберта, монеты эти наоборотъ чеканены не русскими, а южно-славянскими князьями. Въ пользу своего мнѣнія они представили слѣдующіе доводы. Нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, чтобы такъ называемыя Владиміровы и Ярославовы монеты были русскія; ихъ нужно отнести къ тѣмъ южнославянскимъ народамъ, которые находились въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Византіей; они весьма сходны съ монетами южнославянскими, которыя имѣютъ также славянскія надписи; несмотря на то, что исторія южныхъ Славянъ мало разработана, тамъ можно указать на Святославовъ и Владиміровъ-мѣстныхъ владѣтельныхъ князей. Дѣйствительно, всѣ эти монеты представляютъ видоизмѣненіе византійскихъ. Изображеніе князя, Спасителя, святаго, форма и расположеніе надписей, даже самыя славянскія надписи обличаютъ византійскій стиль. Но есть и явныя отличія, какъ по типу, такъ и по величинѣ, вѣсу и качеству отдѣлки; граверами были по всей вѣроятности Болгаре, ибо ни на одномъ экземплярѣ буквы не носятъ вполнѣ византійскаго характера. Нужно при томъ сознаться, что монетное дѣло на Руси послѣ Владиміра и Ярослава (въ XII и XIII вв.) нисколько не подвинулось впередъ: очевидно, иностран-

ные мастера не успѣли приготовить достойныхъ учениковъ изъ Русскихъ. Нѣкоторые приписываютъ такъ называемое „Ярославле серебро" не Ярославу Мудрому, а какому нибудь другому позднѣйшему Ярославу. Но врядъ ли гдѣ нибудь кромѣ Кіева могла чеканиться монета; съ другой стороны ни объ одномъ изъ 20 князей, соименныхъ Ярославу, неизвѣстно, носилъ ли онъ христіанское имя Георгія.

Просвѣщеніе въ Сѣверской землѣ стало распространяться, по всей вѣроятности, раньше чѣмъ въ другихъ княжествахъ; этому, конечно, способствовало близкое сосѣдство съ центромъ древне-русской образованности—Кіевомъ. Христіанство, какъ мы видѣли, утверждалось безъ особенныхъ затрудненій; языческой реакціи не воспослѣдовало; волхвы не поднимались здѣсь ни разу. Только лѣсистая область Вятичей занимаетъ въ этомъ случаѣ исключительное положеніе. Находясь вдали отъ Кіева, Вятичи дольше другихъ славяно-русскихъ вѣтвей удержали свою языческую религію, непріязненнѣе другихъ встрѣтили новую христіанскую; проповѣдникъ Кукша мученической кончиною запечатлѣлъ свою проповѣдь. Но Сѣверяне, повторяемъ, приняли христіанство безъ борьбы. Вѣра и благочестіе нашли себѣ здѣсь благопріятную почву. Свѣтила монашества, основатели знаменитѣйшей Кіево-Печерской обители, были родомъ изъ Сѣверской земли: Антоній—изъ Любеча, Ѳеодосій—изъ Курска. Антоній по преданію на родинѣ выкопалъ себѣ пещеру, въ которой и жилъ: теперь тамъ Антоніевскій Любечскій монастырь. Впослѣдствіи, поссорившись съ В. К. кіевскимъ Изяславомъ, Антоній, по приглашенію черниговскаго Святослава, явился въ Черниговъ и здѣсь на Болдиныхъ горахъ основалъ монастырь Св. Богородицы—нынѣшній Елецкій. Нельзя не видѣть здѣсь стремленія черниговскаго князя къ религіозному обособленію, шедшему рука объ руку съ обособленіемъ политическимъ. Этимъ только и объясняется перенесеніе мощей Игоря, убитаго Кіевлянами, изъ Кіева въ черниговскій Спасскій соборъ. Святославъ, по извѣстію предисловія „Изборника", ему посвященнаго, имѣлъ цѣлую библіотеку. Въ предъувѣдомленіи писца читаемъ: „повелѣ мнѣ прѣмѣну рѣчи створити инако... сбора дѣля многочестныхъ божественныхъ книгъ всѣхъ, ими же и своя клѣти испълнь вѣчьную си память сътвори... написа Іоаннъ діакъ изборьникъ сь великууму князю Святославу" [1]). Приведенныя слова будутъ имѣть

[1]) Изборникъ В. К. Святослава Ярославича 1073 г. Иждивеніемъ члена учредителя общества любителей др. письм. Морозова.

силу доказательства даже въ томъ случаѣ, если мы согласимся съ Шевыревымъ, Горскимъ и Невоструевымъ, что всѣ похвалы за собираніе книгъ относятся къ Симеону Болгарскому, ибо нельзя было оставить въ похвалѣ точнаго указанія, шедшаго въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Библіотека въ то время стоила очень дорого; Святославъ же былъ настолько богатъ, что могъ себѣ дозволить такую роскошь.

По всей вѣроятности Сѣверянину нужно приписать одну проповѣдь [1]), громящую князей за междоусобія и представляющую идеалъ князя въ лицѣ Давида Святославича Черниговскаго. Не даромъ для примѣра проповѣдникъ беретъ черниговскаго князя и при этомъ заявляетъ, что онъ скажетъ притчу „не въ чюже стране бывшу". Въ поганыхъ, которые упоминаются тамъ, нужно видѣть Половцевъ, которыхъ князья призывали другъ противъ друга; во время Монголовъ было бы поздно вспоминать о Давидѣ Святославичѣ Черниговскомъ, умершемъ въ 1123 г. и вышедшемъ изъ народной памяти; при томъ по смыслу всего поученія видно, что земля Русская была тогда свободна. Приведемъ маленькій отрывокъ изъ него. „Слышите князи противящеся и старѣйшей братьѣ и рать воздвижуще и поганыя на свою братью возводяще. Не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмъ судищи, како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятіе власти, но отъятіе живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемьлете отъ поганыхъ на свою братью..... Скажю же притчю о семъ не въ чюже стране бывшю"..... Далѣе говорится о Давидѣ Святославичѣ.

Послѣ трудовъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей (главнымъ образомъ г. Бестужева-Рюмина) никто не сомнѣвается, что наши лѣтописи представляютъ своды. Въ составъ этихъ сводовъ вошли отдѣльныя повѣсти и краткія замѣтки, записанныя въ разныхъ мѣстахъ Русской земли. Такимъ образомъ, и въ первоначальную лѣтопись южно-русскаго извода, и въ Кіевскую вошелъ рядъ замѣтокъ, писанныхъ въ Сѣверской землѣ и представляющихъ отрывки мѣстной Сѣверской лѣтописи. Ограничимся только нѣкоторыми примѣрами. Смерть Мстислава записана въ Черниговѣ и при томъ современникомъ, который точно

[1]) Отрывки изъ нея напечатаны Погодинымъ въ Москвитянинѣ и Изсл., зам. и лек.

указалъ намъ, на какую высоту былъ выведенъ Спасскій соборъ (стоя на конѣ рукою достать). Разсказъ о походѣ на Половцевъ представляетъ вставку въ Кіевской лѣтописи, ибо передъ нимъ стоитъ выраженіе „Изяславъ же бѣжа въ Ляхи", а за нимъ, какъ непосредственное продолженіе „Всеславъ же сѣде въ Кыевѣ". Извѣстіе о занятіи Борисомъ Чернигова въ 1077 г. могло быть записано въ Черниговѣ, судя по точности цифры (сѣлъ 4-го мая, сидѣлъ 8 дней). Это—краткія извѣстія въ первоначальной лѣтописи. Въ Кіевской лѣтописи ихъ еще больше. Въ разсказѣ объ Изяславѣ Мстиславичѣ—цѣлая масса вставокъ, противорѣчащихъ общему тону разсказа, заключающихъ въ себѣ извѣстія, могущія быть записанными только Сѣверяниномъ—приверженцемъ Святослава Ольговича (Давидовичи дѣйствуютъ по дьяволову наученію, Святославъ идетъ на Давидовичей, возря на Бога и на св. Богородицу; Богъ и сила Животворящаго Креста погна я; Изяславъ сице вознесся, смирися, не успѣ бо ничтоже). Мученическая кончина Игоря Ольговича послужила, должно быть, сюжетомъ для его житія, которое вошло въ лѣтописный разсказъ приверженца Изяславова. Сѣверянину принадлежитъ разсказъ о столкновеніи Изяслава Давидовича съ Святославомъ Ольговичемъ и т. д. Приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ существованіи отдѣльныхъ лѣтописныхъ затѣтокъ, а, можетъ быть, и мѣстной Сѣверской лѣтописи.

Наконецъ, по всей вѣроятности Сѣверянину—игумену Даніилу принадлежитъ знаменитое хожденіе въ Царьградъ; по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію можно прійти, принявъ во вниманіе нѣкоторыя мѣста самого „Паломника"; такъ, напримѣръ, рѣку Іорданъ онъ сравниваетъ съ рѣкою Сновью, притокомъ Десны, протекавшей въ Сѣверской землѣ. Воззрѣнія Даніила близко подходятъ къ воззрѣніямъ автора „Слова о полку Игоревѣ"; у того и другого общіе интересы Русской земли стоятъ выше частныхъ областныхъ: одинъ ставитъ „кандило" за всю землю Русскую, другой—на борьбу съ погаными призываетъ также всю землю Русскую, всѣхъ современныхъ князей. За землю Русскую и ея славу—вотъ главная мысль „Слова", непрестанно повторяющееся слово въ его пѣснѣ. Но мысль о единствѣ всей Русской земли представляла въ то время только pium desiderium. Рядомъ съ ней получили широкое развитіе областныя тенденціи. Нельзя согласиться съ г. Барсовымъ, что понятіе о Русской землѣ въ Черниговѣ было не менѣе развито, чѣмъ въ Кіевѣ, что „изображая одинъ

изъ походовъ черниговскаго князя, окончившійся бѣдствіями для всей приднѣпровской Руси, „Слово“ даетъ намъ понять, что черниговскій столъ не былъ такъ обособленъ отъ этой Руси и далеко такъ не чуждался ея общихъ интересовъ, какъ принято представлять это“ [1]). Стоитъ только прослѣдить отношенія сѣверскихъ князей къ Половцамъ— и мы увидимъ, что Святославичи не хотѣли или не умѣли, или не могли возвыситься до идеи единства всей Русской земли. Были, конечно, на это особыя причины; большое вліяніе оказывало здѣсь географическое положеніе ихъ страны на границѣ съ Половцами; сами русскіе князья вызывали очень часто сѣверскихъ на такой образъ дѣйствій; наконецъ, неопредѣленность отношеній къ Половцамъ играла также существенную роль: съ одной стороны мы видимъ борьбу противъ „поганыхъ“, отъ которыхъ стонетъ Кіевъ и Черниговъ, съ другой—пораженіе Игоря оканчивается тѣмъ, что сынъ его Владиміръ женится на дочери *окаяннаго* Кончака.

Идеи Даніила Паломника и автора „Слова“ находилися для себя не особенно благопріятную почву въ тогдашнее время; этимъ то объясняется присутствіе столь значительнаго лирическаго элемента въ „Словѣ“, равно какъ и въ другихъ аналогическихъ произведеніяхъ— письмѣ Мономаха къ Олегу и приведенной нами раньше проповѣди неизвѣстнаго автора.

И замѣчательно, что всѣ эти произведенія написаны или Сѣверянами, или по поводу Сѣверскихъ князей (письмо Мономаха къ Олегу, проповѣдь, „Слово о полку Игоревѣ“, путешествіе игумена Даніила). Очевидно, идеи обособленія пустили очень глубокіе корни въ Черниговѣ и его области [2]).

VII-я ГЛАВА.

Сѣверская земля отъ Татарскаго нашествія до паденія ея самостоятельности (отъ полов. XIII до пол. XIV в.)

Княжеская власть; общины; возвышеніе Брянска; подпаденіе подъ власть Литвы.

Послѣ Батыева нашествія Русь представляла такую картину. Въ однихъ княжествахъ какой нибудь изъ трехъ общественныхъ элемен-

[1]) Крит. зам. об. ист. и худ. знач. „Слова о пол. Иг.“ въ Вѣст. Евр. 1878 г., окт.

[2]) Обращаемъ вниманіе спеціалистовъ на былину объ Иванѣ Годиновичѣ (Пѣсни собр. Кирѣевскимъ, вып. III), въ которой, какъ кажется, глухо отразились дружественныя сношенія сѣверскихъ князей съ Половцами.

товъ (князь, вѣче, дружина) одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ двумя остальными, въ другихъ всѣ эти три элемента находятся почти въ равновѣсіи. Въ Ростово-Суздальской землѣ *князю* удается сломить и вѣче и дружину. Въ Новгородѣ Великомъ *вѣче* является полновластнымъ господиномъ, низводитъ князя на степень кормленника, указываетъ ему путь отъ себя; боярское сословіе здѣсь также не пользуется большими прерогативами. Въ Галичѣ дружина получаетъ преобладающее значеніе; не смотря на всѣ попытки галицкихъ князей сломить дружинный элементъ, это имъ не удается; галицкіе бояре при преемникахъ Даніила получаютъ такое значеніе, что представляютъ какъ бы сеймъ, ограничивающій велико-княжескую власть.

Совершенно иной характеръ носитъ Сѣверская земля: въ ней ни одинъ изъ трехъ указанныхъ элементовъ не получилъ преобладающаго значенія. Князья уже потому не могли усилиться, что ихъ было много, такъ что въ своихъ столкновеніяхъ изъ за волостей они должны были опираться на общину. Такъ въ 1310 г. за Брянское княжество спорилъ Святославъ Глѣбовичъ съ племянникомъ Василіемъ; вѣче поддерживало Святослава, Василій же опирался на помощь Татаръ. Митр. Петръ совѣтовалъ Святославу надѣлить племянника. Но Святославъ, надѣясь на свою силу и на брянскую рать, отвѣтилъ на это: „Брянце мя не пустятъ, хотятъ за меня главы своя сложити“; но Брянцы выдали своего князя „крамолницы суще“, и онъ погибъ въ этой битвѣ [1]). Въ промежутокъ времени отъ 1339—1341 г. между княземъ Глѣбомъ Святославичемъ и Брянскою общиною происходила постоянная борьба, въ теченіи которой былъ убитъ на вѣчѣ князь Глѣбъ. „Того же лѣта (1339 г.) злыя крамольники, сошедшеся вечемъ, Брянцы убиша своего князя Глѣба Святославича“ [2]). Но кромѣ борьбы князей съ вѣчемъ мы видимъ и борьбу князей между собою, что, конечно, также способствовало политическому упадку Сѣверской земли. Доказательствомъ этого можетъ служить интересный эпизодъ о Курскомъ княжествѣ. Разсказъ этотъ помѣщенъ въ Воскр. и Ник. лѣтописяхъ подъ 1283 г. [3]).

---

[1]) Ник. Лѣт., III, стр. 106.

[2]) Ник. Лѣт., III, стр. 172; объ этомъ же событіи разсказываютъ Новг. 4-ая и Твер. Лѣт., но только подъ 1341 г.

[3]) П. С. Р. Л. т. VII подъ 1283 г., стр. 176—178; Ник. Лѣт. III, подъ 1284 г, стр. 76—84.

Въ то время Татаре отдавали дань въ различныхъ русскихъ областяхъ на откупъ баскакамъ—бесерменамъ. Такимъ баскакомъ въ Курскомъ княжествѣ былъ Ахматъ „бесерменинъ злохитръ и велми золъ", какъ говоритъ лѣтопись. Не удивительно, что этимъ сборомъ дани онъ „творяше велику досаду княземъ и всѣмъ людемъ въ Курскомъ княженіи", такъ какъ, взявши откупъ, онъ старался выжать какъ можно болѣе изъ жителей; сверхъ всего этого онъ устроилъ двѣ слободы въ отчинѣ Олега, князя Рыльскаго и Воргольскаго. Въ эти слободы сошлась, благодаря, конечно, всяческимъ льготамъ, большая масса населенія, которая причиняла насилія жителямъ Курской области, такъ что вслѣдствіе этого населеніе возлѣ Курска и Воргола разбѣжалось, и страна совершенно почти опустѣла. Князь Олегъ съ жалобой на Ахмата отправился въ Орду къ царю Телебугѣ вмѣстѣ со своимъ родственникомъ—липецкимъ княземъ Святославомъ. Телебуга, давъ имъ приставовъ, сказалъ: „своихъ людей изъ слободъ выведите въ свою область, а слободы разгоните". Олегъ и Святославъ такъ и сдѣлали: пришли со вспомогательнымъ татарскимъ отрядомъ и велѣли своимъ людямъ пограбить слободы, а своихъ людей отвести назадъ въ свои отчины. Ахматъ въ это время былъ въ Ордѣ у царя Ногая и, услышавъ о разграбленіи своихъ слободъ, взвелъ на Олега клевету, будто бы онъ съ братомъ Святославомъ замышляетъ на него (Ногая) „рать". „У тебя есть средство, говорилъ онъ Ногаю, убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ: пошли къ Олегу сокольниковъ и попроси его пріѣхать къ тебѣ; если онъ пріѣдетъ, значитъ ничего не замышляетъ; если же не пріѣдетъ, то замышляетъ, очевидно, рать". Сокольники послѣ охоты запрашивали Олега къ царю, но онъ не поѣхалъ, хотя былъ правъ передъ Ахматомъ, такъ какъ напалъ на слободу ночью не онъ, а Святославъ; самъ онъ даже протестовалъ противъ этого и впослѣдствіи изъ за этого между нимъ и Святославомъ произошла распря. Царь Ногай разгнѣвался на Олега, велѣлъ его самого схватить, а княжество его опустошить. Прежде всего Татаре подступили къ г. *Ворголу*; князь Олегъ бѣжалъ къ своему царю Телебугѣ, а Святославъ—въ воронежскіе лѣса. Половина татарской рати погналась за князьями, а половина заняла всѣ пути и все княжество Олега и Святослава; тутъ они стояли въ теченіе двадцати дней, воюя по всему княжеству, и взяли однихъ старѣйшихъ бояръ 13 чел., а также множество плѣнныхъ, скота и всякаго добра и свезли все это въ свои прежнія слободы; но за князьями татарскіе

отряды тщетно гонялись по Окѣ: не нагнали ихъ и безуспѣшно воротились назадъ, представивъ только Ахмату взятыхъ бояръ и вообще плѣнныхъ; бояре, по повелѣнію Ахмата, были перебиты, и трупы ихъ повѣшены на деревьяхъ съ отсѣченными головами и правыми руками; „порты" же перебитыхъ бояръ были отданы „переходникомъ", ходящимъ по различнымъ землямъ и собирающимъ милостыню, съ такимъ наказомъ: „ходя по землямъ, говорите: такъ будетъ со всякимъ, кто вздумаетъ вступить въ споръ со своимъ баскакомъ". Для охраны слободъ Ахматъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, самъ же не осмѣлился въ нихъ остаться. На обратномъ пути (въ Орду) Татаре продолжали убійства и грабежи „бѣ же видѣти стыдко и велми страшно руганіе отъ окаанныхъ православному христіанству" говоритъ лѣтописецъ. Русскіе князья не могли оставить этого безнаказанно. Липецкій князь Святославъ подстерегъ двухъ братьевъ Ахматовыхъ, ударилъ на нихъ „разбоемъ" и убилъ 25 изъ 30 русскихъ, сопровождавшихъ ихъ; братья Ахматовы успѣли спастись бѣгствомъ къ Курску; на утро разбѣжались и слободы. Олегъ въ это время, ничего не подозрѣвая, былъ въ Ордѣ; воротившись оттуда и узнавъ о поступкѣ брата, онъ опечалился и послалъ ему сказать: „чему еси затерялъ правду, возложилъ еси имя разбойническое на мя и на себя? Зиму ся еси ночи ударилъ разбоемъ на свободу, а нынѣ на пути разбилъ еси; а вѣси обычай Татарскій, а и въ насъ въ Руси лихо есть разбой чинити; то поиди нынѣ въ Орду и отвѣчай". Святославъ на это отвѣтилъ: „я—судья себѣ въ своемъ дѣлѣ и чувствую себя вполнѣ правымъ, такъ какъ Татаре—наши враги". Олегъ на это возразилъ: „ты цѣловалъ ко мнѣ крестъ „ходити со мною по одной думѣ"; когда же пришла на насъ рать, то ты не бѣжалъ вмѣстѣ со мною къ царю, но остался въ Руси, въ лѣсахъ Воронежскихъ защищаться противъ бусурманина разбоемъ, а не своею правотою, какъ условились; теперь же „затерялъ правду" и свою, и мою и не хочешь идти на „исправу" къ своему царю Ногаю; по этому пусть насъ разсудитъ Богъ"! Немедленно вслѣдъ за этимъ Олегъ отправился въ Орду, воротился съ ордынскимъ войскомъ и, по наказу хана, убилъ Святослава; братъ же Святослава Александръ убилъ въ свою очередь Олега и его двухъ сыновей. Очевидно, что татарское вліяніе выработало два типа князей: осторожнаго Олега, подручника татарскаго, напоминающаго московскихъ князей—собирателей, убивающаго, по приказанію Татаръ, своего брата,

и пылкаго, отважнаго, напоминающаго разбойническаго атамана, Святослава.

Дружинный элементъ никогда не пользовался въ Сѣверской землѣ значительнымъ вліяніемъ и теперь онъ также остается въ тѣни.

Наконецъ, вѣче повидимому и расширяетъ теперь свою автономію, но раздробляясь на множество мелкихъ, почти совершенно независимыхъ другъ отъ друга общинъ, оно не имѣетъ почти никакого политическаго значенія. Та децентрализація, которую мы видѣли и раньше, теперь достигаетъ апогея своего развитія. И прежде нѣкоторые пригороды получали значеніе удѣльныхъ городовъ (напр. Вщижъ); но значеніе двухъ главныхъ центровъ отъ этого не уменьшалось: черниговскій и новгородъ-сѣверскій князья считались великими князьями. Но съ завоеваніемъ Чернигова Монголами и убіеніемъ тамошняго князя Михаила Всеволодича, черниговскія владѣнія распались. Собственно область Черниговская и Новгородъ-Сѣверская, т. е. низовья Десны и Сейма, прежде столь богатыя народонаселеніемъ и усѣянныя множествомъ городовъ, запустѣли и сдѣлались сперва кочевьемъ Монголовъ, а потомъ достались Литвѣ. Русскія лѣтописи съ половины XIII в. совершенно потеряли изъ виду этотъ край: послѣ Михаила онѣ упоминаютъ только объ одномъ черниговскомъ князѣ, Михаиловомъ сынѣ, Романѣ. Жизнь русская, вытѣсненная изъ этого края, отступила къ верховьямъ Сейма, Десны и Оки. Старшій сынъ Михаила—Романъ удалился въ *Брянскъ*, откуда владѣлъ *Черниговомъ* и, можетъ быть, *Новгородъ-Сѣверскомъ;* второй Семенъ занялъ *Глуховъ*, *Новосиль*, *Орловъ*, *Бѣлевъ* и *Воротынскъ*; третій Мстиславъ завладѣлъ *Карачевомъ*, *Козельскомъ*, *Мосальскомъ*, *Звенигородомъ* и, кажется, *Ельцемъ*; четвертый Юрій утвердился въ *Торусѣ* и *Оболенскѣ*. Кромѣ того изъ другихъ родовъ черниговскаго княжескаго дома потомки утвердились въ *Рыльскѣ*, *Курскѣ*, *Воргольскѣ* и *Липецкѣ* [1]).

---

[1]) Родословная книга (№ 1) во Врем. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. кн. X, стр. 68. „А у великого князя Михаила Всеволодича у Кіевскаго и Черниговскаго было пять сыновъ. Болшой сынъ его князь Ростиславъ Михайловичъ при отцѣ своемъ на великомъ княженіи въ великомъ Новѣградѣ, а сѣлъ на великое княженіе въ лѣто 6737, и преставися бездѣтенъ. А другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи,

Обширнѣйшимъ княжествомъ было Брянское. Къ нему причислялись Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ; слѣдовательно, на югѣ его границами, можетъ быть, были Десна и Сеймъ; на востокѣ—опять Десна въ ея верховьяхъ и верховья Угры, гдѣ брянскія владѣнія соприкасались съ карачевскими; на сѣверъ же брянскія владѣнія примыкали къ смоленскимъ, на что указываютъ упоминаемыя въ лѣтописяхъ войны брянскихъ князей со смоленскимъ и даже походы подъ самый Смоленскъ; такъ въ 1286 г. Романъ брянскій осаждалъ Смоленскъ и сжогъ его посады (Ник. Лѣт., III, стр. 85); на западѣ границею брянскихъ владѣній, кажется, былъ Днѣпръ.

На востокъ отъ брянскихъ владѣній лежали земли княжества Карачевскаго. Примыкая на западѣ къ брянскимъ владѣніямъ, карачевскія земли на сѣверѣ сходились со смоленскими и московскими, гдѣ крайнимъ ихъ городомъ былъ Звенигородъ, ибо сынъ перваго карачевскаго князя Мстислава Андріанъ былъ княземъ звенигородскимъ. На востокѣ карачевскія земли граничили съ тарусскими, воро-

---

а убилъ его царь во Ордѣ. А третей сынъ его князь Мстиславъ Карачевскій, и отъ него пошли Мосальскіе и Елецкіе и Звенигородскіе князи. А четвертый сынъ его князь Семенъ Глуховской, и отъ него пошли Новосильскіе и Бѣлевскіе князья, а отъ Новосильскихъ пошли Воротынскіе и Одоевскіе князи. А пятой сынъ князь Юрьи Торуской, и отъ него пошли Мезетцкіе и Борятинскіе и Оболенскіе князи". Отъ этихъ четырехъ сыновей Михаила Всеволодича произошло громадное потомство. Для примѣра приведемъ раздробленіе рода Мстислава Михайловича карачевскаго. „У князя Мстислава Михайловича у Карачевскаго было два сына: князь Титъ да князь Ондреянъ (Ондрей) Звенигородскій; а у князя Тита два сына: князь Святославъ женился у Великаго князя Олгерда, и отъ него пошли Мосалскіе князи, а другой сынъ князь Иванъ Козелской, и отъ него пошли Елецкіе князи и Горчаки князи; а у князя Ондреяна у Звенигородскаго дѣти: князь Ѳедоръ, да князь Иванъ; а у князя Ѳедора одинъ сынъ князь Олександръ; а у князя Александра дѣти: князь Глѣбъ да князь Ѳедоръ Кетелчей бездѣтенъ и т. д. (Род. кн. № 1, стр. 68—69). Въ „Лѣтописцѣ Литвы", изданномъ Даниловичемъ, мы имѣемъ отрывокъ генеалогіи Михаила черниговскаго; тамъ между прочимъ говорится, что князь Юрій Михайловичъ Торусскій раздѣлилъ свою волость между 5 сыновьями: старшему Всеволоду—Торусу, Семену—Канинь, Михаилу—Мышагу, Ивану—Волкону, а Константину—Оболенескъ.

тынскими и бѣлевскими землями, можетъ быть, по теченію верхней Оки и Жиздры; на югѣ же онѣ сходились съ землями новосильскими. Карачевское княжество составляли города: Карачевъ, Козельскъ, Звенигородъ, Мосальскъ, Елецъ и Болховъ, какъ можно судить по родословнымъ тамошнихъ князей [1]). Это княжество недолго оставалось нераздѣльнымъ, ибо сынъ Мстислава карачевскаго Адріанъ уже сдѣлался отдѣльнымъ княземъ звенигородскимъ, а внукъ Иванъ, сынъ Тита, составилъ особое владѣніе въ Козельскѣ и потомъ одинъ правнукъ Ѳедоръ утвердился въ Ельцѣ, а другой Юрій—въ Мосальскѣ [2]).

Владѣнія глуховскія и новосильскія, начинаясь отъ Глухова, шли на востокъ къ Новосилю, что при Зушѣ; здѣсь они сходились съ владѣніями елецкими; потомъ, идя отъ Новосиля на сѣверъ по теченію Оки, они на западѣ граничили съ владѣніями козельскими, гдѣ къ новосельскимъ городамъ принадлежали: Мценскъ, Бѣлевъ, Воротынскъ и Одоевъ; на востокѣ они соприкасались съ владѣніями пронскими и рязанскими [3]). На сѣверъ отъ новосильскихъ владѣній лежали земли торусскія и оболенскія; они съ одной стороны примыкали къ землямъ московскимъ, а съ другихъ сторонъ были окружены: съ востока владѣніями рязанскими, съ юга одоевскими и съ запада воротынскими. Земли торусскія и оболенскія были меньше всѣхъ удѣловъ черниговскихъ; здѣсь были города: *Торуса*, *Оболенскъ*, *Тростна*, *Мезецкъ*, какъ значится по родословнымъ [4]). Торусскіе князья были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскими и держались только ихъ силою.

Владѣнія курскія и рыльскія составляли пограничный край русскихъ земель на сѣверо-востокѣ. Они начинались отъ Рыльска при Сейму и простирались на востокъ вплоть до верховья Воронежа. Здѣсь были города по Сейму: Рыльскъ, Льговъ и Курскъ; по р. Ворголу—Ворголъ и при верховьяхъ Воронежа—Липицы. Каждый изъ этихъ городовъ составлялъ отдѣльное княженіе, которыя впрочемъ подчинены были, кажется, князю Курскому; по крайней мѣрѣ курскій князь въ лѣтописи называется великимъ княземъ. [5]).

---

[1]) Род. кн. № 2., стр. 156.

[2]) Род. кн. № 1, стр. 68—70, № 2, стр. 155—156

[3]) Род. кн. № 1, стр. 70—71.

[4]) Род. кн. № 2, стр. 143; см. также Любецкій синодикъ, помѣщенный въ статьѣ „Черниговъ“ (изъ епар. изв. 1863 г.), стр. 38—48.

[5]) Ник. лѣт., III, стр. 77—81.

Въ связи съ этимъ раздробленіемъ удѣловъ стоитъ ихъ политическая слабость, которая впрочемъ въ значительной степени зависитъ и отъ другихъ случайныхъ причинъ: монгольскаго разоренія и неудачнаго исхода борьбы сѣверскихъ князей за Кіевъ и Галичъ. Въ эпизодѣ объ Олегѣ и Святославѣ курскихъ, мы видѣли, что Татаре, устроивъ слободы, „насиліе и обиду творяху многу въ Курскомъ княженіи, и около Горгала (Воргола) и около Рылска и около Липетцка все пусто сотвориша"; не могло, конечно, развиваться благосостояніе тамъ, гдѣ народъ долженъ былъ бѣгать въ лѣса. Особенно пострадали мѣста по Ворголу и Воронежу; по крайней мѣрѣ изъ путешествія митр. Пимена мы ясно видимъ, что въ XIV в. здѣсь была уже совершенная пустыня, въ которой изрѣдка встрѣчались развалины городовъ; тутъ даже не кочевали Татаре. Борьба за Кіевъ и Галичъ не принесла Ольговичамъ никакихъ существенныхъ результатовъ, а потребовала большой затраты военныхъ силъ, такъ что сѣверскіе князья послѣ этого уже не были въ состояніи дать надлежащаго отпора Татарамъ. Наконецъ, прежніе центры, Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ, имѣвшіе въ свое время большое политическое значеніе, теперь его совершенно утрачиваютъ.

Центръ исторической жизни Сѣверской земли теперь переходитъ на сѣверо-востокъ; какъ бы на смѣну Чернигову и Новгородъ-Сѣверску теперь приходитъ Брянскъ; это видно изъ того, что старшій сынъ Михаила Романъ поселяется въ Брянскѣ и оттуда управляетъ Черниговомъ и, быть можетъ, Новгородъ-Сѣверскомъ. И это совершенно понятно. Образованію прочнаго государственнаго организма на югѣ препятствовало близкое сосѣдство съ татарскою Ордою. Тоже самое, что раньше помѣшало Переяславскому княжеству обособиться и достигнуть такой же независимости, какой достигло Черниговское княжество, теперь довело до нуля значеніе нижняго Подесенья и Посемья: близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты. Княжившій въ третьей четверти XIII в. въ Брянскѣ Романъ Михайловичъ признавался главою въ родѣ Святославичей. Онъ удачно отражалъ нападенія на свою область Мендовга и его преемниковъ. „Послалъ бяшеть Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Бряньского князя.... Онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужьство свое и пріѣха во Брянескъ съ побѣдою и честью великою, и не мня раненъ на

тѣлеси своемь за радость" [1]). Въ 1274 г. Романъ брянскій ходилъ на помощь галицкому князю Льву Даниловичу противъ Тройдена [2]) и игралъ въ этомъ походѣ первенствующую роль; дѣлалъ также попытку овладѣть Смоленскимъ княжествомъ: „князь Романъ Брянской прииде ратию къ Смоленску и посадъ позже, и ко граду приступа, и власти и села повоева, и отъиде восвояси" [3]); наконецъ усилилъ свое значеніе родственными союзами съ могущественными галицко-володимірскими князьями, выдавъ свою дочь за володимірскаго князя—Владиміра Васильковича. Въ Ордѣ на него смотрѣли, какъ на представителя Сѣверской земли [4]). Въ Брянскъ, нужно полагать, была перенесена епископская каѳедра, ибо въ 1377 г. мы находимъ епископа въ Брянскѣ; но, очевидно, онъ долженъ былъ туда переѣхать еще раньше, потому что Черниговъ былъ въ полномъ запустѣніи: не могъ противиться князю кіевскому Ѳедору, приведшему съ собою только 50 душъ воиновъ (П. С. Р. Л. т. III, стр. 76).

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ даже лѣтописи теперь разсказываютъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ событіяхъ Брянскаго княжества, умалчивая совершенно о событіяхъ въ другихъ удѣлахъ Сѣверской земли. Но судя по тѣмъ немногочисленнымъ фактамъ, которые дошли до насъ, можно думать, что возвышеніе Брянска было внѣшнее и не опиралось на внутреннюю его силу. Это видно изъ постоянной борьбы между князьями съ одной стороны и князьями и общиной съ другой. Факты этой борьбы мы привели раньше.

Этой слабостью Сѣверской земли успѣло воспользоваться юное Литовское государство. При Мендовгѣ мы видѣли первую попытку Литвы къ завоеванію сѣверскихъ областей; но она, какъ извѣстно, окончилась ничѣмъ вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ въ самой Литвѣ съ одной стороны и возрожденія политическаго могущества Сѣверской земли при Романѣ съ другой. Не то было въ половинѣ XIV вѣка. Сѣверская земля окончательно ослабѣла, между тѣмъ какъ В. К. Литовское къ этому именно времени значительно усилилось; тамъ въ

1) Ип. лѣт., стр. 569.

2) Ibidem. стр. 575—577.

3) Ник. лѣт., III, стр. 85.

4) Ип. лѣт., стр. 575.

это время княжили Ольгердъ и Кейстутъ—самые даровитые изъ Гедеминовичей, связанные тѣсной дружбой и единствомъ политическихъ замысловъ. Предоставивъ брату защиту литовскихъ границъ отъ крестоносцевъ, Ольгердъ всецѣло посвятилъ себя утвержденію литовскаго владычества на Руси: стремится оказывать вліяніе на Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ, вступаетъ въ борьбу съ великими князьями московскими, поддерживаетъ въ борьбѣ съ ними тверскихъ князей, наконецъ, захватываетъ въ свои руки нѣсколько русскихъ областей: Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Кіевъ, Подолье.

Въ 1355 г. начались въ Брянскѣ смуты, подробности которыхъ не сохранились въ лѣтописи; но изъ неяснаго лѣтописнаго разсказа видно, что Ольгердъ воспользовался ими для подчиненія себѣ Брянска и его пригородовъ. Подъ 1355 г. въ Ник. лѣт. мы читаемъ: „тоеже осени воевалъ Олгердъ Гедиминовичь Брянескъ и Смоленскъ, и у князя Смоленского полонилъ сына“ [1]; далѣе подъ тѣмъже годомъ разсказывается слѣдующее: „того же лѣта князь Василеи прииде изъ Орды отъ Царя съ пожалованиемъ и сяде на княжении во Брянске и мало время пребывъ тамо и преставися. И бысть въ Брянске мятежъ отъ лихихъ людей и замятня велия и опустѣние града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь великій Литовский“ [2].

---

[1]) Ник. лѣт., III, стр. 207.

[2]) Ibidem.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1-й листъ. Карта Сѣверской земли отъ половины XI до половины XIII ст.; нанесены только тѣ города, положеніе которыхъ можно было опредѣлить съ значительною вѣроятностью.

2-й листъ. Рисунокъ Черниговскаго Спасо - Преображенскаго собора, исполненный лѣтомъ 1881 г.

3-й листъ. Золотая шейная гривна, найденная на полѣ близь Чернигова и доставленная въ мюнцъ-кабинетъ кіевскаго университета, а оттуда взятая въ Эрмитажъ; въ Кіевѣ теперь—только гальванопластическій ея снимокъ.

4-й листъ. Первый рисунокъ изображаетъ чару князя Владиміра Давидовича черниговскаго; второй—извѣстный тмутараканскій камень—памятникъ пребыванія Глѣба Святославича въ Тмутаракани; третій—серебряную гривну сѣверянскаго типа; оба конца ея немного расплюснуты, какъ показано на рисункѣ; вѣсъ этихъ гривенъ 46—47 зол.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

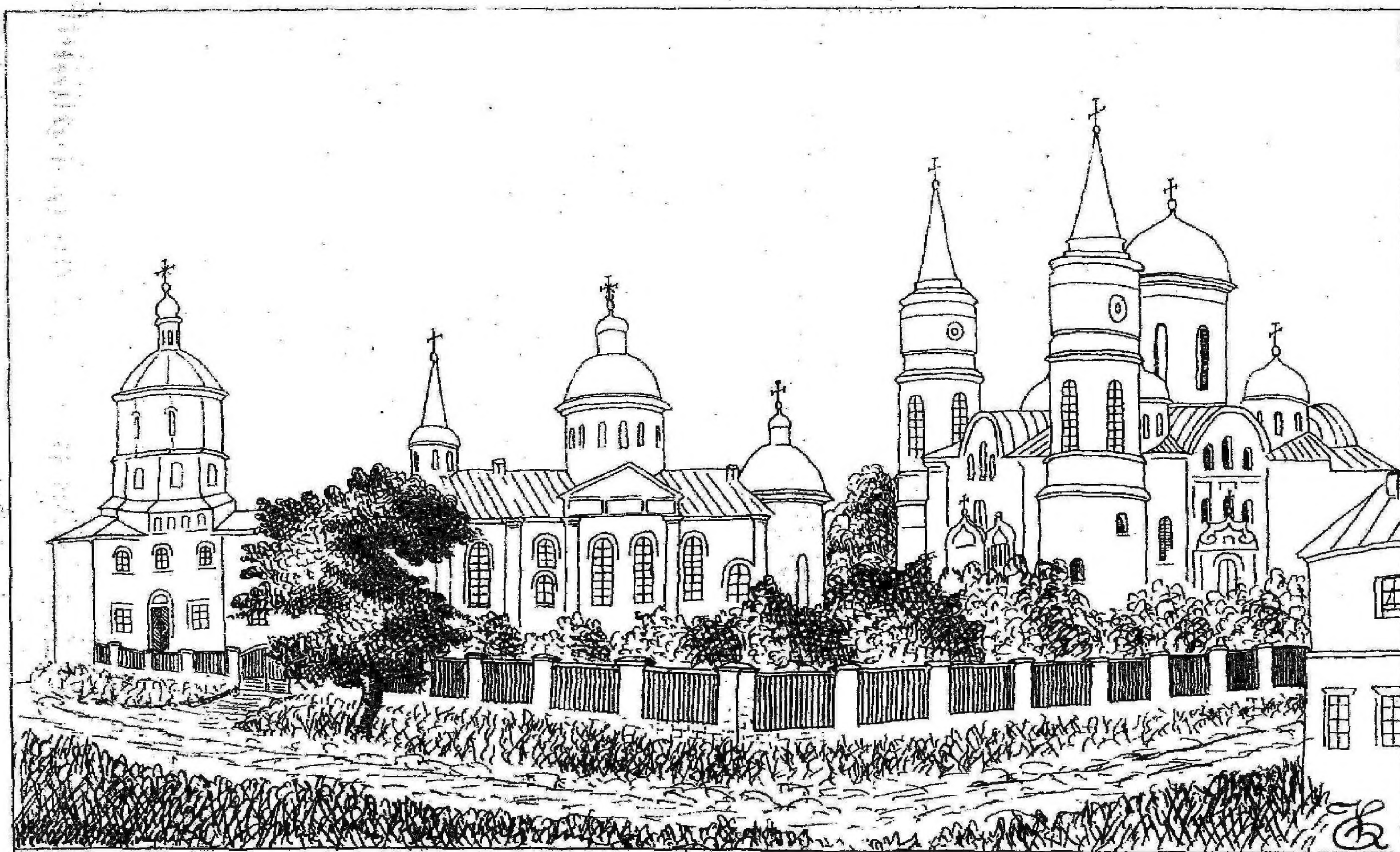
Страница.	Строчка.	Напечатано.	Должно читать.
1	въ эпиграфѣ	Миллера	Іог. Мюллера
3	21	Источники	Главнѣйшіе источники
10	11	населеніи	славянскомъ населеніи
11	33	въ пей главнымъ образомъ обращено	главнымъ образомъ обращаетъ
13	17	чпсто	чисто
14	1	границу	границей
14	1	указываетъ	называетъ
121	1	Всеволодычъ	Всеволодовичъ
121	26	Славянсвія	славянскія
123	2	нетолько	не только
123	13	Царь-Градъ	Царьградъ
123	33	Влад.	Владиміръ
126	14	и *Лубенъ*	*Лубенъ*
127	26	*Поле*	*поле*
130	16	Осетромъ	Остромъ
132	10	Ронескъ	Ропескъ
132	19	отъ него	отъ нея
132	26	*Бѣлувѣжу*	*Бѣловѣжу*
134	1	внрочемъ	впрочемъ
135	24	Камской	камской
140	13	слѣда	основанія
142	8	пѣтъ	нѣтъ
134	18	Всеводичу	Всеволодичу
147	14	*Харабръ*	*Хоробръ*

Страница.	Строчка.	Напечатано.	Должно читать.
147	29	ирямо	прямо
156	1	Глѣблю	Глѣбль
156	11	впаденія	устья
156	29	Сейму	Сеймѣ
157	16	вь	въ
159	9	годомъ 1147	1147 годомъ
159	17	Новгороду-Сѣверску	Новгородъ-Сѣверску
161	5	было достигнуто	произошло
163	17	Крѣчева	Кръчева
163	28	изниде	изиидe
164	1	вьстасть	въстаеть

Сѣверская Земля отъ половины XI до половины XIII столѣтія

Масштабъ $\frac{1}{2,520,000}$ 60 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ

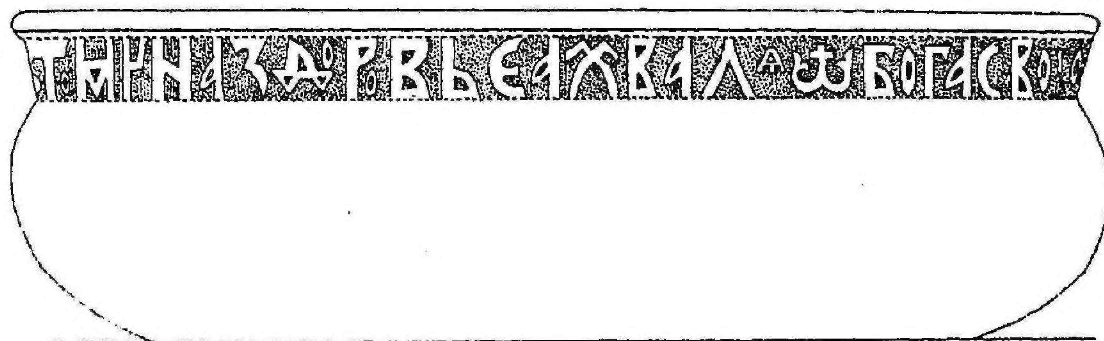

Черниговскій Спасо-Преображенскій Соборъ.

ЧАРА КНЯЗЯ ВОЛОДИМЕРА ДАВИДОВИЧА ЧЕРНИГОВСКАГО

Бокъ Камня

